

40

4052

40

4052

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ ЗАПАДНАГО И РУССКАГО ЭПОСА.

ПОЭМЫ

ЛОМБАРДСКАГО ЦИКЛА.

„Es giebt aber Zustände, die so einfach und natürlich sind, dass sie überall wiederkehren, wie es Gedanken giebt, die sich wie von selbst efinden.“ W. Grimm.

А. КИРПИЧНИКОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

ПОМБАРДЖАТО ЛИННА. ПОМБАРДЖАТО

Städt. Hof-
München

А. КИРПИЧНИКОВА

МОНАХЪ

и въ составъ монумента

1873.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книжка имѣетъ 2 задачи: вопервыхъ, познакомить русскую публику съ нѣсколькими средневѣковыми нѣмецкими поэмами, о которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, не упоминалось въ русской печати; вовторыхъ, приложить къ изслѣдованію этихъ поэмъ сравнительный методъ и показать значеніе русскаго эпоса для объясненія сходныхъ явленій въ словесности западной.

Странно было бы въ наше время доказывать необходимость сравнительнаго изученія предмета; давно всѣ согласились, что фактъ, взятый отдѣльно, безъ фактовъ сходныхъ и параллельныхъ, такъ сказать, оторванный отъ почвы, не можетъ быть объясненъ съ достовѣрностью, а вѣроятныя объясненія, граничащія съ произволомъ, могутъ завести въ такія дебри ложныхъ предположеній, что самый добросовѣстный труженникъ погибнетъ въ нихъ, не достигнувъ истины. При сравненіи, факты, ближайшіе къ изслѣдуемому, должны, безъ сомнѣнія, занимать первое мѣсто; отъ того эпосъ какого-либо изъ европейскихъ народовъ важнѣе для пониманія русскихъ былинъ, нежели эпосы азіатскіе.

Въ отношеніи народной словесности мы русскіе счастливѣй нѣмцевъ и французовъ; наше несчастье — малая и поверхностная цивилизація — послужила намъ въ этомъ отношеніи въ пользу. Древнѣйшая форма народнаго эпоса — короткая пѣснь, имѣющая сюжетомъ одно происшествіе, одинъ подвигъ героя; за исключеніемъ пѣсни о Гильдебрантѣ, нѣмцы не имѣютъ памятниковъ такого рода, и ихъ ученые съ помощію остроумной, но слишкомъ произвольной критики должны возсоздавать по позднѣйшимъ полуискусственнымъ поэмамъ народныя пѣсни; мы получаемъ обильный и прекрасный матеріалъ изъ первыхъ рукъ: нашъ народъ по окраинамъ до сихъ поръ переживаетъ эпиче-

скій періодъ. Но есть своя выгода и у нѣмцевъ: «Мы пользуемся, говоритъ Вильгельмъ Гриммъ, возможностью прослѣдить измѣненіе саги по памятникамъ, отъ первыхъ ея начатковъ до самого конца, почти на пространствѣ тысячи лѣтъ; нѣтъ ни одного народа, который пользовался бы такой выгодой, на такомъ громадномъ протяженіи.» Не національная гордость говорить въ этомъ случаѣ въ знаменитомъ ученомъ; никого нельзя упрекнуть въ презрѣніи къ чужому и въ узко-головомъ германофильствѣ съ меньшимъ основаніемъ, нежели знаменитыхъ братьевъ; дѣйствительно, мы можемъ слѣдить за развитіемъ эпоса по его нѣмецкимъ памятникамъ отъ былины о Гильдебрантѣ до пошлыхъ лубочныхъ изданій. Въ этомъ отношеніи и для насъ нѣмецкій эпосъ имѣетъ особую притягательную силу, такъ какъ съ помощію его данныхъ мы можемъ лучше обсудить и понять свое родное.

Я выбралъ циклъ ломбардскій не потому, чтобы составляющія его поэмы имѣли особенно высокое эстетическое достоинство, хотя онѣ, безъ сомнѣнія, выше многихъ искусственныхъ и полуискусственныхъ произведеній, даже такъ называемой эпохи процвѣтанія; не потому, чтобы онѣ были древнѣе всѣхъ другихъ памятниковъ, хотя онѣ и въ этомъ отношеніи занимаютъ не послѣднее мѣсто, но потому, что во 1-хъ, ихъ литературная жизнь продолжительнѣй и интереснѣе жизни Нибелунговъ и другихъ болѣе знаменитыхъ произведеній, и во 2-хъ, онѣ имѣютъ спеціальное отношеніе къ нашему отечеству и нашей народной словесности: въ текстахъ поэмъ встрѣчаются имя русскихъ, имя Ильи, какъ предполагаютъ, Муромца, а въ литературной сѣверной обработкѣ сцена дѣйствія переносится въ Россію. Хотя послѣ тщательнаго изслѣдованія мнѣ пришлось отказать отъ надежды обобщить эту связь, разнообразіе содержанія, вышеупомянутая продолжительность литературной жизни и нѣкоторыя другія, второстепенныя преимущества удержали меня при ломбардскихъ короляхъ.

Разнообразіе содержанія мнѣ было необходимо для приложенія сравнительнаго метода, которымъ я пользовался. Для болѣе подробнаго знакомства съ нимъ отсылаю читателей къ VIII главѣ; здѣсь передамъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность дѣла. Знакомство съ эпическимъ матеріаломъ среднихъ вѣковъ въ Германіи ведетъ свое начало отъ времени Готтшеда и Бодмера;

а болѣе или менѣе научная критика памятниковъ народной поэзіи отъ знаменитыхъ Prolegomena Вольфа. Литература предмета слишкомъ обширна для того, чтобы въ предисловіи можно попытаться дать о ней понятіе; достаточно указать на результаты. Когда утвердилось понятіе о народномъ эпосѣ, явилась необходимость отыскать основаніе, отыскать корень, изъ котораго выросло такое прекрасное дерево. Явились двѣ школы: мифологическая и историческая; одни въ основу клали древній мифъ, сведенный съ неба на землю; другіе—историческій фактъ, украшенный фантазіей. Когда, по мѣрѣ накопленія матеріала, открывалось все болѣе и болѣе сходства между поэтическими преданіями всѣхъ вѣковъ и народовъ, преимущественно индоевропейскихъ, оказалась необходимость объяснить это сходство, откинувъ, конечно, историческую экзегезу; явились двѣ школы: мифологическая, удержавшая свое значеніе и окрѣпшая, и школа литературнаго заимствованія; мифологическая объясняла сходство тѣмъ богатымъ мифологическимъ матеріаломъ, который вынесенъ предками Европейцевъ изъ арійской прародины; такъ какъ мифъ природы, обыкновенно краткій и общій, обладаетъ огромной растяжимостью, то посредствомъ такого общаго мифа можетъ быть объяснена всякая сказка, всякая былина, всякій эпическій сюжетъ. Теорія литературнаго заимствованія, ходъ идей и сюжетовъ отъ востока на западъ, проще, понятнѣе и смиреннѣе въ своихъ выводахъ, но за то матеріаль ея ограниченъ. Между тѣмъ историческія имена, занесенныя въ лѣтопись, не могутъ потерять своего историческаго значенія, и старая школа, чуть не отъ среднихъ вѣковъ ведущая свое начало, удерживаетъ свою хотя очень суженную, незначительную область.

Всякая теорія имѣетъ свою долю истины; всякая теорія въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ стоитъ на прочномъ основаніи достовѣрности. Мифическія пѣсни древней Эдды; мифы Греціи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ мифологамъ; ихъ выводы объ Аполлонѣ и Дафнѣ, о волосахъ супруги Одина, о молотѣ Тора, о мифическихъ атрибутахъ сказокъ — несокрушимы; съ другой стороны, также несокрушимы выводы Бенфея относительно многихъ данныхъ средневѣковой литературы запада; Соломонъ и Соломонія и много другихъ подобныхъ фактовъ бесспорно принадлежатъ литературной теоріи. Что бы ни говорили мифологи о мифическомъ значеніи пѣсенъ о Дитрихѣ

Бернскомъ, историческое значеніе его имени они отвергнуть не въ состояніи: дѣло произошло на нашихъ глазахъ.

Но не всѣ сходные пункты, число которыхъ накапливается несоразмѣрно вновь открывающемуся матеріалу, такъ какъ каждый новый фактъ даетъ возможность сблизить факты старые, до тѣхъ поръ казавшіеся очень отдаленными, могутъ быть удовлетворительно объяснены какой либо изъ вышепоименованныхъ теорій, а сверхъ того эти теоріи не всегда, даже въ своихъ лучшихъ представителяхъ, свободны отъ натяжекъ; каждая изъ нихъ захватываетъ въ свою власть огромное количество матеріала, отнюдь ей не принадлежащаго, и чѣмъ образованнѣе, чѣмъ умнѣе изслѣдователь, тѣмъ опустошительнѣе его набѣги.

Сходство можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно быть объяснено инымъ путемъ; сами Гриммы признаютъ въ предисловіи къ сказкамъ необходимость положеній столь простыхъ и общихъ, что они независимо другъ отъ друга должны существовать повсемѣстно. Изъ этихъ отношеній возникаютъ сходныя явленія, сходство которыхъ можно уподобить сходству звукоподражательныхъ словъ во всѣхъ языкахъ. Дѣйствительно, какъ крикъ кукушки долженъ отразиться въ языкахъ однимъ и тѣмъ же названіемъ птицы, такъ и извѣстное отношеніе между людьми, необходимо существующее при извѣстной ступени развитія человѣка, должно отразиться въ поэзіи.

Міеу приписываютъ глубокую древность; нынѣ не вѣрятъ въ міеологію, сочиненную жрецами, и для объясненія міеа обращаются къ душѣ первобытнаго человѣка; совершенно справедливо; но и въ первобытномъ состояніи не одна ступень развитія.

Человѣчество въ младенчествѣ тотъ же младенецъ; младенецъ при самомъ рожденіи имѣетъ всѣ пять чувствъ; онъ видитъ и небо, и солнце, и воду задолго прежде, чѣмъ начнетъ называть ихъ. Вотъ онъ начинаетъ лепетать первыя слова; онъ начинаетъ проявлять свою волю, свой умъ, свою душу; куда устремлена его первая любознательность? какія слова заучиваетъ онъ прежде другихъ? въ какой области дѣйствуетъ впервые его воображеніе? Онъ видѣлъ небо, солнце и мѣсяцъ: они должны были поразить его внѣшнія чувства; но его внутренній міръ игнорируетъ ихъ; прежде всего его умственная дѣятельность устремляется на предметы ближайшіе; онъ не спрашиваетъ: от-

чего наступила ночь, и куда дѣвалось солнце? онъ спрашиваетъ, куда дѣвалась его няня? и отчего не даютъ ему сладкаго кушанья? Когда его всѣми силами тащатъ въ этотъ отдаленный міръ, когда ему вѣчно толкуютъ о томъ, что Богъ взялъ его маленькую сестрицу, что Богъ накажетъ за взятое; безъ спросу лакомство, онъ только съ трудомъ обращается къ этимъ отвлеченнымъ предметамъ, и, конечно, добытыя имъ изъ жизни свѣдѣнія переносить на отдаленное, а не наоборотъ.

То же самое должно быть и съ первобытнымъ человѣкомъ: понятіе о бракѣ земли съ небомъ могло явиться только тогда, когда бракъ, въ какой бы то ни было формѣ, давно уже существовалъ на землѣ; божественный женихъ могъ только тогда освобождать невѣсту изъ власти злыхъ демоновъ, когда на землѣ человѣческой женихъ не разъ освобождалъ дѣвушку изъ рукъ враговъ. Эти бытовыя отношенія накладывали свои рамки и на миѳъ, и на дѣйствительныя происшествія. Такимъ образомъ изъ дѣйствительной жизни, условія которой до нѣкоторой степени одинаковы во всѣхъ концахъ міра, выработались такія общія рамки, такія *темы*, въ которыхъ должна вращаться народная поэзія, что бы ни легло въ ея основу: воззрѣніе или фактъ, миѳъ или исторія. Эти темы не могутъ являться въ сухомъ, отвлеченномъ видѣ; онѣ должны отыскать себѣ выраженіе, и это то выраженіе подвергается сильному вліянію общихъ свойствъ поэзіи.

Народная поэзія реальнѣй, чѣмъ поэзія личная или искусственная, но и она поэзія, и потому съ одной стороны есть отраженіе дѣйствительности, а съ другой—полная противоположность ея; еслибы она не имѣла этой другой стороны, тогда она не имѣла бы права на долговременное существованіе и ограничивалась бы выражающимъ боль или пріятное ощущеніе крикомъ животнаго; тогда человѣкъ не былъ бы человѣкомъ, потому что онъ не имѣлъ бы идеальнаго міра. Историческій герой или богъ неба долженъ жениться, но непременно при обстоятельствахъ, дѣйствующихъ на воображеніе. Эти обстоятельства и составляютъ *формулу*, въ которой развивается тема женитьбы. Эти формулы у всѣхъ народовъ сходны, и не только отъ сходства быта, но и потому, что душа у человѣка всегда одна и та же и понятіе о возвышенномъ и низкомъ, о поэтическомъ и непоэтическомъ въ общихъ чертахъ одно и то-

же. Весь многообразный матеріалъ народныхъ эпическихъ преданій можно распредѣлить сравнительно на небольшое количество такихъ формулъ; въ этомъ отношеніи первую серьезную попытку сдѣлалъ Ганъ, издатель албанскихъ и греческихъ сказокъ; ему принадлежитъ честь почина; но Ганъ миѳологъ; эти формулы, по его мнѣнію, принесены изъ арійской прародины; кромѣ недостатка въ основной мысли есть недостатки въ самомъ исполненіи: имена ихъ чисто случайныя, и самыя формулы неполны.

Формулы, необходимо истекающія изъ темы, указываютъ на правленіе, которое должна принять она, но не даютъ ей опредѣленной формы; это одинъ скелетъ безъ мяса и кожи; одѣть плотью скелетъ этотъ должны *эпическіе приемы*, какъ болѣе удобное внѣшнее выраженіе поэтической мысли народа; по одинаковости развитія и психологическихъ началъ и въ приемахъ есть поразительное сходство, но замѣтно и значительное различіе: приемы, какъ нѣчто внѣшнее, много легче поддаются давленію внѣшней жизни, формы которой постепенно разнообразятся.

Эпосъ русскій имѣетъ несомнѣнную важность для эпоса нѣмецкаго, равно какъ и для всякаго другаго европейскаго эпоса, потому что онъ представляетъ первую форму эпоса — форму кантилены, необходимое существованіе которой признаютъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи: Гастонъ Парисъ, Тоблеръ, Штейнталь и пр.; но Штейнталь и другіе считаютъ достойнымъ названія эпоса только форму длинной поэмы: Иліада, Нибелунги и пѣснь о Роландѣ слишкомъ закупили въ свою пользу изслѣдователей; эти поэмы, безъ сомнѣнія, полнѣе и выше въ эстетическомъ отношеніи, нежели отдѣльныя кантилены, но въ нихъ есть элементъ искусственности. Что бы ни говорили изслѣдователи о существованіи эпоса въ идеѣ, все это будутъ прекрасныя фразы, мистицизмъ которыхъ будетъ скрытъ подъ увлекательной формой; былины, безъ сомнѣнія, чисто народный эпосъ и потому въ руки изслѣдователя онъ вкладываютъ анатомическій ножъ, съ помощью котораго онъ можетъ опредѣлить древнѣйшія части въ большихъ поэмахъ. Искусственность послѣднихъ надо понимать условно: при ней онѣ все таки не перестаютъ быть вполне національными; авторъ — составитель, діаскевасть, какъ его привыкли называть въ гомеровскомъ вопросѣ, относится къ

дѣлу вполне свободно; это не докторъ Ленротъ, собиравшій финнскую Калевалу; онъ щади́лъ народныя пѣсни не изъ пiete-та; еслибъ онъ могъ, онъ сочинилъ бы что нибудь свое, но онъ не могъ *сочинять*, онъ могъ только *слагать*, вращаясь въ томъ же кругу идей и представленій; форма, конечно, принадлежала ему. Къ преданію, къ собственнымъ именамъ, къ зерну поэмы онъ относился свободнѣй, нежели старикъ, поющій пѣсни своимъ внукамъ, но не безусловно свободно: и для него пѣснь была былью.

Сличеніе по темамъ и формуламъ можетъ положить границу произволу, нисколько не суживая, а напротивъ расширяя область сличенія; замѣчая сходство, мифологъ или бенфеистъ долженъ или ограничиться ничего незначащимъ словомъ «сравни» или прежде чѣмъ сравнить, онъ долженъ выдумать идею, иногда очень искусственную, чтобъ объяснить это сходство; съ точки зрѣнія общихъ формулъ изслѣдователь не смущается разностью именъ и не долженъ прибѣгать ни къ какимъ натяжкамъ и обобщеніямъ; несходство въ нѣкоторыхъ отдѣльных пунктахъ не стѣсняетъ его. Всего удобнѣй объяснить это на примѣрѣ.

Въ VIII т. Афанасьева подъ № 23 помѣщена сказка: безногій и слѣпой богатыри; содержаніе ея вкратцѣ слѣдующее: грозный царь желаетъ жениться, но нѣтъ для него достойной невѣсты ни въ какой землѣ. Одинъ мужикъ, Никита Колтома вызывается достать ему невѣсту; съ 12 товарищами и съ самимъ грознымъ царемъ отправляется онъ въ царство Елены Прекрасной; по дорогѣ онъ изготавляетъ себѣ богатырскую палицу въ 50 пудовъ, а освобожденный имъ старикъ даритъ ему шапку-невидимку; подѣзжая къ царству Елены Прекрасной, богатыри видятъ ея дворецъ, окруженный желѣзною оградой; разставляють передъ нимъ свои шатры; узнавъ на опытъ страшную силу прицельцевъ, Елена принимаетъ ихъ съ честью во дворецъ, но желаетъ испытать силу своего жениха; сама она необыкновенно сильна и не подчинится человѣку слабѣйшему. 50 человекъ несутъ ея лукъ и каленую стрѣлу; царь, конечно, не въ силахъ выдержать этого испытанія, но Никита Колтома въ шапкѣ-невидимкѣ стрѣляетъ вмѣсто царя, и Елена обманута. Сила ея все еще страшна для ея жениха въ первую брачную ночь; она положила на него свою руку и едва не задушила его. Никита Колтома легъ вмѣсто царя на постель и укротилъ бо-

гатыршу; она стала покорной женою царю. Но на обратномъ пути она узнала, что не мужъ, а Никита сильнѣе ея, возненавидѣла Никиту и сонному приказала отрубить ему ноги и выбросить въ море. Кто удержится отъ искушенія сблизить эту сказку съ Нибелунгами? Могучій помощникъ въ шапкѣ-невидимкѣ, исполняющій за жениха его задачи, укрощающій богатыршу даже на брачной постели, не Зигфридъ ли это? могучая и мстительная Елена — не Брунгильда ли это? сблизить необходимо; но какимъ образомъ? Миѳъ, который Лахманъ нашелъ въ основѣ Нибелунговъ — свѣтлый богъ, попадающій во власть темныхъ боговъ — къ русской сказкѣ не имѣетъ никакого отношенія; къ тому же миѳическое объясненіе основано на собственныхъ именахъ, которыхъ нѣтъ здѣсь; допустимъ для Зигфрида и Брунгильды историческое объясненіе; вспомнимъ франкскихъ королей, вспомнимъ убійство Зигберта; опять объясненіе сходства невозможно; еслибъ вмѣсто сказки имѣли мы рукописную повѣсть, собственные имена которой напоминали бы хоть нѣсколько Зигфрида, Брунгильду и т. д., было бы возможно предположить литературное заимствованіе; теперь такое предположеніе не имѣетъ смысла. Приписать сходство случаю? Но «случай» бессмысленное слово, не могущее имѣть мѣста въ наукѣ.

Собственные имена и бытовые расходящіяся подробности предоставляются на жертву миѳологамъ, историкамъ и литераторамъ; къ этимъ собственнымъ именамъ приурочена тема — добываніе невесты; тема эта развита въ такой формулѣ: невеста богатырша сопротивляется сама жениху; женихъ не въ силахъ побѣдить ея сопротивленія, но у него есть помощникъ, превышающій силою и божественными дарами своего господина; этотъ помощникъ и совершаетъ дѣло. Въ обоихъ случаяхъ тема является въ распространенномъ и продолженномъ видѣ. побѣжденная богатырша, узнавъ объ обманѣ, мститъ помощнику жениха и освобождается отъ власти мужа; за тѣмъ сказанія расходятся. Въ обоихъ случаяхъ являются одни и тѣже эпическіе типы: безличный и безхарактерный женихъ, мстительная богатырша, одинаково добрый и храбрый герой помощникъ. Въ обоихъ случаяхъ формулы украшены эпическими приемами; нѣкоторые изъ нихъ одинаковы; такъ напр. русскій разскащикъ и нѣмецкій поэтъ одинаково выражаютъ силу героини, указывая на множество людей, которые едва могутъ поднять ея оружіе.

При такомъ способѣ объясненія, изслѣдователь Нибелунговъ, очевидно, получить много новыхъ данныхъ для уразумѣнія первоначальнаго вида пѣсенъ о Зигфридѣ и личнаго участія діаскеваста. Еслибы сказка сохранилась въ былинѣ, или цѣломъ рядѣ былинъ, сравненіе было бы еще интереснѣе.

Такого метода держался я, сближая разбираемые мною поэмы со всѣмъ эпическимъ матеріаломъ извѣстнымъ мнѣ. Увлечшись, я, можетъ быть, не былъ свободенъ отъ натяжекъ; но какой сторонникъ миѳологической, исторической или литературной школы можетъ бросить въ меня камень?

Въ сближеніяхъ книга моя не можетъ претендовать на полноту, такъ какъ во 1-хъ, по незнанію восточныхъ языковъ, половина эпическаго матеріала была для меня недоступна, а во 2-хъ, полнота есть условіе, въ данномъ случаѣ не выполнимое: матеріалу такъ много, что разборъ какой нибудь одной формулы можетъ наполнить нѣсколько томовъ, а каждый эпическій приѣмъ дастъ достаточно матеріалу для большой журнальной статьи. Сохраняя мѣсто, такъ какъ мнѣ еще нужно было изложить ¹ и разобрать поэмы, я избѣгалъ сличеній съ Гомеромъ, Нибелунгами, Роландомъ и т. д., которые близко извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ.

¹ Онѣ не настолько извѣстны, чтобы можно было опустить это изложеніе которое при моей задачѣ не могло быть очень краткимъ. Излагая, я заботился прежде всего о вѣрности колорита и потому слагаю съ себя отвѣтственность за слогъ.

При таком способе объяснения, неслучайно, в начале книги, посвященной изучению поэмы, мы находим, что в ней много нового, и что она представляет собой важный шаг вперед в изучении поэмы. Это объясняется тем, что в ней впервые дано полное и подробное описание поэмы, которое до сих пор не было дано. Это объясняется тем, что в ней впервые дано полное и подробное описание поэмы, которое до сих пор не было дано.

Такого метода объяснения, в котором автор не только описывает поэму, но и анализирует ее, мы не находим в других книгах. Это объясняется тем, что в ней впервые дано полное и подробное описание поэмы, которое до сих пор не было дано.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Страница
Предисловіе	I
Король Ротеръ (рукописи и изданія, изложеніе содержанія).	3
Ортнить.	16
Вольфдитрихъ и Сабене	30
Гугдитрихъ и Вольфдитрихъ В.	45
Большой Вольфдитрихъ (Д).	61
Передѣлки и сокращенія	71
Историико-литературный разборъ поэмъ	88
Методъ сравнительнаго изслѣдованія.	147
Сравнительный анализъ поэмъ.	161

Знаменитый Грессе, отецъ всеобщей библиографіи, предлагаетъ такое дѣленіе для многочисленныхъ остатковъ средневѣковаго нѣмецкаго эпоса: всѣ существующія поэмы дѣлитъ онъ на 5 цикловъ.

1) Франко-бургундскій, куда принадлежитъ «роговой Зигфридъ.»

2) Готскій циклъ Дитриха: битвы Дитриха съ дракономъ, Зигенотъ, Выходъ Экке, малый Розовый садъ, дворъ Этцеля, предки Дитриха, бѣгство Дитриха, смерть Альфарта, Равенская битва, Гильдебрантъ.

3) Бургундско-готскій: Вальтарій, Битерольфъ и Дитлибъ, большой Розовый садъ, Нибелунги и Жалоба.

4) Сѣверно-саксонскій: Кудруна.

5) Ломбардскій: Ротеръ, Отнитъ, Гугдитрихъ и Вольфдитрихъ ¹.

Хотя дѣленіе это, вслѣдствіе несоразмѣрныхъ времени успѣховъ науки, не можетъ выдержать критики, названіе ломбардскаго цикла за 4-мя послѣдними поэмами въ болѣе распространенныхъ исторіяхъ литературы остается доселѣ ². Въ основу дѣленія положенъ признакъ чисто внѣшній: мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ эпизодовъ поэмъ—Ломбардія, особенно, ломбардскій *Гарденъ* (Lago di Garda); но при внимательномъ изслѣдованіи между этими 4-мя поэмами оказывается не мало пунктовъ соприкосновенія: общая тема—добываніе невѣсты, общее мѣсто подвиговъ—Константинополь; послѣднія три: Отнитъ, Гугдитрихъ и Вольфдит-

¹ II, III, 40.

² См. Vilmar 11 Aufl. p. 55. Goedeke Grundr. II, § 59 стр. 45 (готско-ломбардскій) и др. Разенкранцъ: Geschichte der deutschen Poesie im MA. 1832—33 p. 102 и 147 раздѣляетъ всѣ саги на нѣмецкую Иліаду (Нибелунги, Дитриха и пр.) и Одиссею къ которой онъ причисляетъ Кудруну, Ротера, Отнита, Гугдитриха и Вольфдитриха.

рихъ, сверхъ того стоятъ въ тѣснѣйшей генеалогической связи. Вольфдитрихъ, сынъ Гугдитриха, мститъ за Отнита и женится на его вдовѣ; наконецъ, всѣ эти 4 поэмы стоятъ совершенно особнякомъ отъ другихъ, гдѣ (кромѣ Кудруны) непременно фигурируютъ или Дитрихъ Бернскій, или Зигфридъ, или оба вмѣстѣ.

Эти 4 поэмы такъ-называемаго ломбардскаго цикла будутъ служить предметомъ моего изслѣдованія. Онѣ по содержанію, происхожденію и формѣ дѣлятся на 2 неравныя группы: 1-ю составляетъ одинъ король Ротеръ, 2-ю — Ортнитъ (Отнитъ), Гугдитрихъ и Вольфдитрихъ.

По укоренившемся обычаю, изслѣдованіе средневѣковаго литературнаго памятника начинается съ литературы предмета, т.-е. съ перечисленія рукописей, которыя рѣдко заходятъ за предѣлы XV вѣка, и изданій, обработанныхъ учеными нашего столѣтія; къ изданіямъ примыкаютъ и изслѣдованія. Каждый памятникъ старинной поэзіи дважды начиналъ свою жизнь: въ предѣлахъ среднихъ вѣковъ онъ переписывался и читался людьми, которые искали въ немъ поэтическаго наслажденія и живой, современной правды; затѣмъ слѣдовалъ по крайней мѣрѣ 300-лѣтній промежутокъ, когда онъ лежалъ заброшеннымъ въ кладовомъ и библіотечномъ хламѣ, и наконецъ въ наше время онъ снова являлся на свѣтъ, но уже какъ предметъ ученой любознательности. Такъ было и съ Нибелунгами, и съ пѣснью о Роландѣ, и съ Словомъ о полку Игоревѣ, и съ Краледворской рукописью.

Такъ было и съ королемъ Ротеромъ. Но не такова судьба Ортнита, Гугдитриха и Вольфдитриха; эти три поэмы, попавъ въ лубочное изданіе, приобрѣли огромную популярность и не прерывали своею литературнаго существованія почти до нашего времени.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Король Ротеръ. Рукописи и изданія; изложеніе содержанія.

Поэма о королѣ Ротерѣ дошла до насъ только въ одной болѣе или менѣе полной рп. и 4-хъ отрывкахъ. Полная рп., обозначаемая обыкновенно буквою Н (Heidelberg), находилась прежде въ Ватиканѣ подъ № 390; рп. пергаментная и сравнительно съ другими древнѣйшая (XII в.); рп. не отличается ни разборчивостью, ни вѣрностью¹; она близка къ оригиналу, но не есть самый оригиналъ; по діалекту ее относятъ къ странѣ примаасской².

Кромѣ нея существуютъ: 1) отрывокъ баденскій изъ Ааргау, напечатанный впервые Граффомъ въ Diutisca (II, 376 — 378), обнимаетъ 52 стиха, по Рюккертову изданію отъ 1.002 — 1.054; 2) 3 отрывка ганноверскіе, найденные Арнсвальдомъ въ Ганноверѣ и напечатанные Гофманомъ въ его Fundgruben (1.216), написанные тщательно и красиво; обнимаютъ 46 стиховъ (отъ 5.179 до конца); 3) недавно найденные 4 мюнхенскіе отрывка, изданные въ запискахъ баварской Академіи 1869 II, 3 (4.062 слѣд., 4.099 слѣд., 4.584 слѣд., 4.621 слѣд.). Отрывки баденскій и мюнхенскій бесполезны для критики текста, но любопытны въ историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ весьма отклоненный текстъ³ ихъ свидѣтельствуешь о самостоятельности переписчиковъ и хотя временной, но довольно сильной популярности нашей поэмы. Мюнхенскіе отрывки (конца XII или начала XIII в.) сравнительно очень близки къ тексту.

Поэма о королѣ Ротерѣ, сколько мнѣ извѣстно, издана 3 раза, и каждое изъ этихъ изданій прекрасно характеризуетъ свое время и издательскую школу, изъ которой оно вышло. 1-ая школа, дѣйствовавшая преимущественно въ 1-ой четверти нашего столѣтія, представителемъ и родоначальникомъ которой былъ знаменитый счастливецъ издатель фонъ-дербъ-Гагенъ, не могла и мечтать о строгомъ редактированіи текста, даже не всегда вѣрно передавала рп., восполняя подъ часъ непонятное мѣсто собственнымъ соображеніемъ; задача состояла не въ

¹ См. Rückert Einl. LXX прим. и ср. текстъ Рюккерта съ Гагеновымъ.

² ibid. LXXXII.

³ См. параллельно напечатанные тексты въ изданіи Массмана D. Ged. des XII Jh. I. 176 и др.

качествѣ, а въ количествѣ; 2-ая, переходная, не имѣя средствъ редактировать съ достовѣрностью, заботилась о вѣрнѣйшей передачѣ существующей рукописи, и 3-ья, современная намъ, заботится о возстановленіи текста первоначальной рукописи; ея текстъ вѣренъ самому себѣ, и ея исправленія основываются большею частію на несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ; рима и діалектъ служатъ ея главными орудіями.

Ротеръ изданъ въ 1808 г. въ 1-мъ томѣ Deutsche Gedichte des Mittelalters v. v. d. Hagen u. Büsching. Berlin; съ него начинается Гагенъ свое собраніе; списокъ съ рп. былъ сдѣланъ въ Ватиканѣ извѣстнымъ романтикомъ Людвигомъ Тикомъ съ разнообразными и многочисленными ошибками. Во 2-ой разъ изданъ Ротеръ извѣстнымъ издателемъ Императорской Хроники (Kaiserchronik) Массманомъ въ Кведлинбургской библіотекѣ, (III т. 2-ая ч.) въ Deutsche Gedichte des zwoelften Jahrhunderts u. des naechtstverwandten Zeit II Th. Quedlinburg u. Leipzig. 1837.

Въ 3-й разъ изданъ онъ въ этомъ году въ 1-мъ томѣ Deutsche Dichtungen des Mittelalters, въ собраніи, которое, судя по предъидущему собранію (Deutsche Classiker des MA.), и по имени главнаго редактора Барча обѣщаетъ соединять общедоступность и дешевизну съ ученой основательностью; издатель Рюккертъ предпослалъ тексту обширное введеніе, гдѣ особенное вниманіе обращаетъ на діалектическія особенности памятника.

Для нагляднаго ознакомленія съ усовершенствованіемъ издательскаго метода, я приведу первые 9 стиховъ по всѣмъ 3-мъ изданіямъ; не надо упускать изъ виду, что число фактовъ не прибавилось; рп. была и остается одна.

Гагенъ.	Массманъ.	Рюккертъ.
Ueber dem westren (Bi) deme westren	Bî deme westren mere	Saz ein kuninc der heiz
mere	mere.	Rôthere.
Sass ein kuninc der her	saz ein kuninc der	in der stat zû Bâre,
Rôther,	heiz rôther.	dâ lebete er zû wâre
In der stat zu Bare,	in der stat zu bare.	mit vil grôzen êrin
Da lebete er furware	da lebete er zv ware.	ime dientin andere hê-
Mit vil grozen erin;	mit vil grozin eren.	rin
Ime dienten andere	ime dietin andere he-	zwêne unde sibinzich
herren,	ren.	kuninge
Zwene unde sibencich	zwene unde sibencich	biderve unde vrumige,
kuninge,	kuninge.	die wâren ime al under-
Biderbe unde wauge	biderve unde v ^r rmige.	(sic), die waren ime al vnder
(sic),	tan.	tân.
Die waren ime al un-	tan.	
dertan.		

Излагая содержаніе, я буду, конечно, руководствоваться текстом Рюккерта; особенно характеристическія мѣста я буду переводить съ того же текста.

«У западнаго моря жилъ король, по имени Ротеръ; онъ жилъ въ городѣ Бари ¹ въ великой чести; ему служили другіе государи; всего 72 ² короля, сильныхъ и мудрыхъ ³, были ему подвластны; онъ былъ величайшій изъ государей, получавшихъ корону въ Римѣ». Все у него было («въ этомъ не солгали книги») ⁴, только не было у него жены. Вотъ стали жаловаться молодые графы: нельзя быть безъ государыни; кому послѣ смерти Ротера достанется римская корона? Но Ротеръ не зналъ достойной себѣ супруги. Тогда посовѣтовались между собой старые дружинники, и графъ Леопольдъ сказалъ: «въ знаменитомъ Константинополѣ живетъ дочь Константина; она лучше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, и по роду приличная для короля супруга, но опасно за нее свататься». По совѣту маркграфа Германа сватовство поручено самому Леопольду, съ которымъ должны отправиться 11 графовъ. Когда все было готово къ ихъ отплытію, Ротеръ приказалъ принести свою арфу и показалъ посламъ 3 мотива (*drî leike*), по которымъ, когда послы будутъ въ гѣрѣ, они могутъ узнать о его присутствіи. Послы явились ко двору Константина въ такихъ богатыхъ костюмахъ, что женщины еще заранѣе пришли въ восторгъ отъ дорогихъ гостей. Королева уговариваетъ мужа принять ихъ поласковѣе и не давать имъ такого отвѣта, какой онъ давалъ другимъ сватамъ. Константинъ выходилъ имъ на встрѣчу. Леопольдъ вос-

¹ др. *Bagium*, современ. *Bagi* въ Апуліи. Во время Карла Великаго Бари принадлежалъ къ герцогству Салернскому.

² Извѣстно, что число 12 съ своими кратными пользуется особою популярностью въ произведеніяхъ человѣческой фантазіи; въ средневѣковомъ нѣмецкомъ эпосѣ особенно распространено $12 \times 6 = 72$. Ср. Орт.: на зубахъ крѣпости Махореля торчатъ 72 головы; Беліанъ въ Оренделѣ царствуетъ надъ 72 королями; Эйгель приготовляетъ Оренделю 72 коробля; шелковый плащъ Лаурина передливается въ 72 цвѣта, по *hürnen Siegfried* 72 народа (45,3) и т. д. Это число не чуждо и русской письменности: „а роду змѣина семьдесятъ два“. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи Ив. Забѣлина I, 70.

³ „Мудрый“ не вполне соотвѣствуетъ нѣмецкому эпитету *vrumig*; fr. объясняетъ Рюккертъ: *mit allen den Eigenschaften ausgerüstet, welche zu dem Begriffe „König“ gehören*.

⁴ *iz ne haben die böche gelogen* ст. 16.

хваляетъ богатства своего государя и, получивъ дозволеніе отъ Константина, излагаетъ ему цѣль своего посольства. Константинъ на отрѣзъ отказывается: «еслибъ я хотѣлъ отдать мою дочь кому нибудь, я послалъ бы ее вашему государю»; но онъ не намѣренъ отдавать свою дочь за-мужъ и потому казнилъ смертію всѣхъ прежнихъ сватовъ. Соблюдая свое слово, онъ не казнить Леопольда и его спутниковъ, но осуждаетъ ихъ на вѣчное заключеніе въ сырой и холодной тюрьмѣ, и приказываетъ осмотрѣть все, что привезли сваты на корабляхъ и сохранять въ цѣлости.

Годъ съ днемъ напрасно ждетъ Ротеръ возвращенія своихъ пословъ. Старые совѣтники просятъ его разузнать, что сдѣлалось съ ними. 3 дня и три ночи сидитъ Ротеръ, задумавшись, на камнѣ ¹ и наконецъ зоветъ къ себѣ Берхтера, графа Меранскаго, отца Леопольда и Эревина (у него прежде было 12 сыновей, но 12-й изъ нихъ Гельфридъ погибъ въ походѣ за Эльбу). Берхтеръ предлагаетъ отправиться сейчасъ же въ походъ; Ротеръ согласенъ, но прежде надо посоветоваться съ другими: поспѣшность можетъ принести вредъ самимъ сыновьямъ Берхтера. Всѣ согласны; только одинъ старый герцогъ былъ противъ похода. Берхтеръ за это такъ ударилъ его кулакомъ, что тотъ 3 дня былъ безъ языка (ст. 568) По совѣту своей дружины, Ротеръ разсылаетъ повсюду вѣстниковъ, чтобъ собирались вассалы къ его двору; онъ не пожалѣетъ для нихъ сокровищъ. Мѣсто собранія назначено въ Римѣ. Онъ посылаетъ и въ отдаленную землю къ великану Асприану. Вассалы собираются; являются и великаны съ страшными палицами и бичами ². На общемъ собраніи вассаловъ Берхтеру предлагаютъ, на время отсутствія Ротера, управленіе землею, но онъ желаетъ самъ отправиться за сыновьями, а царство остается за Амельгеромъ Тенгелинскимъ.

Ротеръ взялъ съ собою 12 герцоговъ, а каждый герцогъ по

¹ „Das Sitzen auf einem Steine im Gegensatz zu dem Sitzen auf dem grünen Grase oder Klee,—Symbol des tiefen Kummers, wie schon das bekannte Walther'sche *ich saz uf einem Steine* zeigt. Rück. Прим. къ ст. 448 Ср. бѣль—горючъ камень и горючія слезы.

² „*Geislen*—Geisel mit Knöpfen eine herkömmliche Waffe der Zwerge, Elbe, überhaupt der demonischen Unholde, die in der Sage u. in den Epen auftreten (Rückert къ ст. 689) ср. чертовъ бичъ въ нѣмецкихъ сказкахъ и бичъ Лаумы въ извѣстной литовской сказкѣ: *Vom Zimmermann, Perkun und dem Teufel* Шлейхера Lit. M ärch. 141—145.

200 рыцарей; чтобы съѣсть на корабли, они отправшись въ Бари; съ ними пошелъ и Аспріанъ съ своими 12 великанами. Въ числѣ послѣднихъ былъ Витольдъ, который былъ такъ свирѣпъ, что его, какъ льва держали на цѣпи и, никому отъ него не было пощады. На корабль захватили золотыхъ дѣлъ мастера и арфу Ротера; уѣзжая, король взялъ клятву съ своихъ спутниковъ, что въ чужой землѣ они будутъ называть его Дитрихомъ. Они подъѣзжаютъ къ Константинополю; люди, стоявшіе на берегу, въ ужасѣ разбѣгаются, и кто-то спѣшитъ донести Константину о страшныхъ гостяхъ. Между тѣмъ Ротеръ и его дружина въ богатыхъ одеждахъ въѣзжаютъ въ городъ; великаны бѣгутъ около нихъ. Совѣтники Константина упрекаютъ его за заключеніе въ тюрьму пословъ Ротеровыхъ. «Можетъ быть, это пріѣхалъ ихъ господинъ, говорятъ они; тогда намъ не устоять противъ него.» Константинъ съ своимъ дворомъ, по случаю праздника, сидитъ въ гиподромѣ ¹. Дитриха и его товарищей торжественно встрѣчаетъ королева и придворные; 2 графа должны были взять налицу Аспріана; но они не смогли ея поднять, и она упала на землю. Дитрихъ становится на колѣни передъ трономъ Константина, объявляетъ ему, что онъ изгнанъ Ротеромъ, которому никто не можетъ противиться (928) и предлагаетъ ему свою службу. Пока Дитрихъ говорилъ это, ноги стоящаго тутъ же Аспріана погрязли въ землю ². Посовѣтовавшись съ своими, Константинъ больше изъ страха, чѣмъ вслѣдствіе искренняго желанія, принимаетъ Дитриха въ свою службу и рассказываетъ, что онъ держитъ въ плѣну пословъ Ротера; Аспріанъ приходитъ въ гнѣвъ при этихъ словахъ и хватается за оружіе. Испуганный Константинъ оправдывается тѣмъ, что его напоили и что онъ самъ не знаетъ, что говорить. 7 ночей работаютъ 12 подводъ, чтобъ перевезти богатство Ротера съ его корабля. Видя страшную силу людей Дитриховыхъ, королева упрекаетъ мужа, зачѣмъ онъ не отдалъ дочь за Ротера, который могъ выгнать такихъ витязей, и насмѣхается надъ его трусостью. Новые вассалы въ числѣ 12 являются на обѣдъ къ императору. Левъ Константина вырываетъ хлѣбъ у слуги ³. Аспріанъ схватилъ льва и

¹ an deme Pöderamis hove ст. 893.

² Asprian der trat in dē erden biz an daz bein (942).

³ ст. 1148; ср. съ 1162, гдѣ хлѣбъ вырванъ у самого Аспріана. Или самъ поэтъ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія объ эпизодѣ, или „Knechte“ подавалъ хлѣбъ Аспріану.

разбилъ его объ стѣну въ куски. Королева, смѣясь, говоритъ мужу: «посмотри, какъ твой придворный поступилъ съ твоей забавой!» Она уговариваетъ мужа отдать дочь за Ротера и выпустить на волю его пословъ; король отказывается. Берхтеръ замѣчаетъ ея сочувствіе, хвалитъ ее Дитриху и уговариваетъ его уйти изъ за стола, такъ какъ всѣ другіе противъ нихъ и шепчутся между собою. Дитрихъ проситъ у Константина позволенія уйти домой; тотъ съ удовольствіемъ соглашается на это. Аспріанъ извиняется, что убилъ его *медвеженка* (1290).

14 дней провелъ Дитрихъ у себя; къ нему приходило множество нуждающихся. Берхтеръ и Аспріанъ ласково принимали всѣхъ, и на всѣхъ былъ готовъ обѣдъ. Приходило много витязей, которые не имѣли коней и платья и потому не смѣли явиться ко двору Константина. Дитрихъ сажалъ ихъ рядомъ съ собою и давалъ рыцарямъ коней, кафтаны и оружіе; приходили и совсѣмъ раздѣтые; Берхтеръ совѣтовалъ не скупиться на одежду: въ этой голи было не мало благородныхъ. Всѣ, облагодѣтельствованные такимъ образомъ Дитрихомъ, дѣлаются его вассалами ¹. Въ Константинополь приходитъ изгнанный войною изъ отечества ² графъ Арнольдъ съ своимъ спутниками и, наученный однимъ купцомъ, является прямо къ Дитриху; Дитрихъ щедро одарилъ его, а графъ пошелъ потомъ ко двору Константина и рассказалъ тамъ, какъ Дитрихъ награждаетъ всѣхъ. Королева еще разъ пожалѣла, что мужъ ея не отдалъ дочери за Ротера, а многіе изъ вассаловъ Константина стали ходить къ Дитриху и пользоваться его подарками.

Когда одаренные рыцари возвратились назадъ и стали рассказывать о Дитрихѣ, на женской половинѣ пошли объ немъ разговоры. Дочь проситъ Константина пригласить его ко двору. Подъ угрозой смерти ³ собираетъ вассаловъ Константинъ. Аспріанъ, въ качествѣ камергера, готовитъ кресла, лавки и столы для Дитриха и его людей. Камергеръ герцога Фридриха вступаетъ съ нимъ въ споръ. «Отойдите вы прочь, огромный *полканъ* ⁴: мы должны занимать мѣста напротивъ». Но Аспріанъ

¹ всего 6 дюжинъ (ses dusint ст. 1389)=72.

² verorloget 1393.

³ *Daz her gerne dar giengē danne man in hiengē* (1576 ; я вижу въ этомъ умышленное указаніе на различіе въ нравахъ дворовъ.

⁴ 1625: *er sprach: nu rûmit, groze bulgân*; приема *hân* не подлежитъ сомнѣнію. Bulgân'а Я. Гриммъ призналъ за русскаго *Полкана* (по объясненію До-

не послушалъ его. Камергеръ, раздраженный грубымъ отвѣтомъ, въ надеждѣ на многочисленность своей свиты, сбросилъ одну скамейку. Аспріанъ далъ ему такую пощечину, что черепъ его разлетѣлся въ дребезги. Люди Фридриха и самъ герцогъ кинулись на Аспріана; поднялся страшный шумъ; Витольдъ заревѣлъ, какъ медвѣдь, разорвалъ свои цѣпи, схватилъ палицу длиной въ 24 локтя и перебилъ множество народу. Аспріанъ насилу уговорилъ его отдать палицу другому великану; но когда Витольдъ увидалъ, что цѣлая толпа устремляется на его господина, онъ началъ дѣйствовать кулакомъ также искусно, какъ прежде палицей. Одинъ жонглеръ¹ побѣждалъ къ Константину и рассказалъ ему о скандалѣ; приходятъ и другіе съ жалобой на неистовство людей Дитриховыхъ, но императоръ, не смѣя судить ихъ, отсылаетъ обиженныхъ къ самому Дитриху. Тотъ обѣщаетъ наказать Витольда, если онъ окажется виноватымъ, но Фридрихъ и др. спѣшатъ взять назадъ свои жалобы. Константинъ снова плачется на свою безпомощность, и королева снова упрекаетъ его, зачѣмъ онъ не отдалъ дочери за Ротера; теперь никто не смѣлъ бы обижать его. Между тѣмъ наступилъ день пира; дочь Константина является съ своей разряженной свитой, а Дитрихъ съ своими людьми. 3 дня продолжалось веселіе; Дитрихъ и его люди щедро наградили жонглеровъ. Но царевнѣ не удалось посмотрѣть на Дитриха: густая толпа любопытныхъ окружала его.

Ей такъ много рассказывали про великолѣпіе его одежды, что желаніе ее усилилось еще болѣе.

Она обѣщаетъ наградить того, кто приведетъ Дитриха въ ея комнату. Герлинда берется за это, отправляется къ Дитриху и передаетъ порученіе. Тотъ сперва не хочетъ вѣрить, потомъ, повѣривъ, не хочетъ исполнить желанія дѣвушки, чтобъ не подать повода къ дурнымъ толкамъ. Прощаясь съ Герлиндой, онъ

бровскаго pol—kon). Едва ли можно допустить такое объясненіе: во 1-хъ народность Полкана болѣе, чѣмъ сомнительна (см. Пышина Очеркъ Нар. Пов. и пр. 247 и Аванасьева Поэт. Возвр. I, 625; въ 2-хъ, если необходимо приписать этому имени иноземное происхожденіе, не вижу, какое преимущество имѣетъ нашъ Полканъ передъ французскимъ Baligan'омъ? въ 3-хъ, въ самомъ mhd. корень blg отнюдь не рѣдкость; ср. *bulge*, большой кожаный мѣшокъ, *erbelgen*, *bilge balc*, *bulgen*—раздуваться и пр.

¹ *Spileman* 1710.

приказываетъ принести башмаки изъ 2-хъ разныхъ паръ: золотой и серебряной (по тайно сдѣланному распоряженію, башмаки на одну ногу), посылаетъ ихъ съ Герлиндой къ царевнѣ и щедро награждаетъ самое посланницу. Замѣтивъ, что башмаки на одну ногу, дѣвушка посылаетъ Герлинду сейчасъ же назадъ за Дитрихомъ. Тотъ посылаетъ съ Герлиндой другіе башмаки и скоро является самъ съ своей свитой. Царевна проситъ Дитриха надѣть ей башмаки. Онъ садится къ ея ногамъ, ставить ея ногу на свое колѣно и спрашиваетъ у ней: нравится ли ей Дитрихъ? Она говоритъ, что Дитрихъ нравится ей больше всѣхъ другихъ людей, но замужъ она желаетъ выдти за Ротера, послы котораго томятся теперь въ тюрьмѣ. «Если ты хочешь быть женой Рожера, я скоро дамъ тебѣ возможность видѣть его; нѣтъ на свѣтѣ человѣка, кто бы больше любилъ меня, чѣмъ онъ; только теперь онъ изгналъ меня.» «Я теперь вижу, говоритъ царевна, что это ложь: онъ не выгонялъ тебя, но послалъ сюда; скажи мнѣ всю правду: я никому не проболтаюсь.» «Я поручаю себя Божьей и твоей милости: твои ноги стоятъ въ лонѣ Ротера.» Дѣвушка въ страхѣ спѣшитъ снять свои ноги; она сомнѣвается, но ей пріятно вѣрить ему. Ротеръ проситъ ее постараться освободить его первыхъ пословъ, и тогда она убѣдится въ правдѣ его словъ. Она обѣщаетъ и съ поцѣлуемъ отпускаетъ своего жениха.

На другой же день по утру царевна одѣлась въ черное платье, взяла посохъ и пальмовую вѣтвь и отправилась къ отцу; она рассказала ему, будто ей снился сонъ, угрожающій ей адомъ; теперь она отправляется замаливать свои грѣхи. Отецъ спрашиваетъ, нѣтъ ли другаго средства умолить Бога? Царевна можетъ замѣнить странствіе подвигомъ милосердія: она одѣнетъ и вымоетъ пословъ, томящихся изъ-за нея въ тюрьмѣ; черезъ три дня они снова могутъ возвратиться на свое мѣсто. Императоръ согласенъ, только кто-нибудь долженъ поручиться за нихъ, что они не убѣгутъ. За обѣдомъ во дворцѣ, гдѣ былъ и Дитрихъ, царевна обходитъ весь столъ, напрасно умоляя другихъ вассаловъ отца, взять пословъ на поруки. Наконецъ съ той же просьбой она обращается къ Дитриху; тотъ конечно, изъявляетъ свое согласіе и съ своими людьми отправляется выпускать плѣнниковъ. Первымъ выходитъ Эревинъ; его

узналъ отецъ и отворотился, чтобы скрыть свои слезы ¹. Пословъ одѣли и посадили за столъ; они все еще не узнають своихъ. Но вотъ Ротеръ взялъ арфу и заигралъ условный мотивъ; кто изъ плѣнниковъ держалъ чашу съ виномъ, тотъ пролилъ вино на столъ; кто рѣзалъ хлѣбъ, у того ножъ выпалъ изъ рукъ. Леопольдъ и Эревинъ вскочили изъ-за стола, подошли къ королю и привѣтствовали его. Тогда царица убѣдилась, что это самъ Ротеръ. Черезъ три дня плѣнники снова возвратились въ тюрьму, которая, по приказанію дочери Константина, была вычищена и снабжена всѣмъ необходимымъ и соединена съ жилищемъ Ротера подземнымъ ходомъ. Черезъ 20 дней хорошаго содержанія послы снова получили прежнюю силу.

Между тѣмъ изъ пустынной Вавилоніи ² поднялись на Константинополь 72 ³ короля, подъ предводительствомъ Имелота. Гонецъ извѣщаетъ объ этомъ Константина; Дитрихъ утѣшаетъ испуганнаго государя; онъ увѣренъ въ побѣдѣ, но проситъ только, чтобы заключенникамъ, посламъ Ротера, дали оружіе и коней. Войско греческое подъ начальствомъ Константина и Дитриха выступаетъ на встрѣчу врагамъ. Ночью Дитрихъ съ своими выѣзжаетъ впередъ, въѣзжаетъ въ средину непріятельскаго войска и овладѣваетъ особой самого Имелота, между тѣмъ, какъ его люди, особенно Витольдъ, убиваютъ язычниковъ. Услыхавъ шумъ въ лагерѣ враговъ, войско Константина вооружается; между тѣмъ отрядъ Дитриха уже покоится сномъ; Константинъ спѣшитъ къ палаткѣ Дитриха, чтобы пробудить его отъ сна, но отъ самого Имелота узнаетъ, что дѣло уже кончено. Дитрихъ на другое утро вызывается извѣстить женщинъ объ одержанной побѣдѣ; пріѣхавъ въ Константинополь, объявляетъ, что Греки разбиты, а Имелотъ спѣшитъ въ городъ; самъ же онъ Дитрихъ намѣренъ бѣжать за море. Императрица и ея дочь просятъ взять ихъ собою; онъ согласенъ, но на корабль беретъ только дочь, а императрицѣ

¹ 2433 her ne torste nicht weinen unde ne stund ime nie sô leide ср. 2475; одинъ изъ немногихъ остатковъ эпическихъ общихъ мѣстъ.

² 2565 von wôrster Babilônje. Ruck.: „Babilon in oder an der Wüste ist das ägyptische Babylon d. h. Kairo“ (?).

³ См. стр. 4.

объявляетъ что онъ солгалъ: Константинъ съ побѣдой возвра- щается въ городъ, а онъ Ротеръ, а не Дитрихъ. Императрица очень довольна такимъ, исходомъ дѣла и призываетъ на него благословеніе св. Эгидія ¹.

Въ отсутствіе Ротера Амелгеръ умеръ, а въ государствѣ начались смуты; наконецъ былъ избранъ правителемъ ² его сынъ Вольфратъ ³; но не всѣ признали его королемъ, и смуты еще не кончились; когда Ротеръ возвратился назадъ, онъ по- ручилъ жену Леопольду, а самъ уѣхалъ внутрь государства, приводить все въ порядокъ. Между тѣмъ Константинъ возвра- тился домой; извѣстіе о замужствѣ дочери повергло его въ страшное огорченіе. Имелотъ воспользовался безпорядкомъ, про- исшедшимъ вслѣдствіе этого, и бѣжалъ изъ плѣна. Одинъ жон- глеръ предложилъ Константину средство возвратить дочь на- задъ, если его награждать, какъ слѣдуетъ ⁴. Константинъ ниче- го не пожалѣетъ ради этого. Приготовляютъ корабль, нагружа- ютъ его разными драгоценностями, и жонглеръ въ видѣ купца (50 воиновъ скрыто въ кораблѣ) отправляется въ Бари: Ротеръ все еще въ отсутствіи. Жонглеръ выходитъ на берегъ и по баснословно дешевой цѣнѣ распродаетъ свои товары, а за про- стой голышъ спрашиваетъ 12 фунтовъ чистѣйшаго золота. Жи- тели смѣются надъ нимъ, но онъ объясняетъ, что камень этотъ имѣетъ совершенно особую силу: находясь въ рукахъ королевы, онъ освѣщаетъ всю землю, исцѣляетъ больныхъ и даже воскрешаетъ еще непогребенныхъ мертвыхъ; но камень дѣйствуетъ только на его корабль. Одинъ барскій рыцарь, у котораго было 2 ребенка, калѣки отъ болѣзни, умоляетъ королеву спасти ихъ. Та соглашается и отправляется на корабль; едва она взошла на бортъ, ея людей и больныхъ выбросили и подняли паруса. Константинъ съ большой радостью и ласкою встрѣчаетъ свою опечаленную дочь, но мать сочувствуетъ горю дочери, а не радости мужа.

Люда Ротера сильно опасаются его гнѣва. Когда онъ воз- вратился черезъ 7 дней, Леопольдъ встрѣтилъ его печальною вѣстію и всю вину взялъ на себя. Ротеръ поцѣловалъ его и не

¹ 2934 *Sante Gilge môze dîn plegin* См. ниже.

² 2951 *kuning* въ смыслѣ вице-короля.

³ Въ рп. Н. есть еще двѣ формы: *Lofhart* и *Wolfhart*.

⁴ 3080: *nu sprich waz du mir biedes*.

только не изъявилъ своего гнѣва, но еще благодарилъ за прежнюю службу. Берхтеръ предлагаетъ походъ противъ Константина; всѣ вассалы изъявляютъ согласіе и отправляются въ свои земли, чтобъ собирать войска; только Аспріанъ и Витольдъ остаются при Ротерѣ. Въ назначанное время войска собираются; баварскія войска Вольфрата лучше всѣхъ. Ротеръ со всею арміею отправляется къ Константинополю. Подѣхавъ къ городу, его люди прячутся въ лѣсу; Ротеръ хочетъ отправляться одинъ, въ видѣ пилигрима, но Вольфратъ уговариваетъ его взять Берхтера и Леопольда и его рогъ, чтобы дать знать въ случаѣ опасности.

На дорогѣ три пилигрима встрѣчаютъ рыцаря, котораго спрашиваетъ Ротеръ, что новаго въ городѣ; рыцарь рассказываетъ ему, какъ король Ротеръ (онъ относится къ нему съ большою симпатіей) добылъ жену и потомъ лишился ея. Онъ прибавляетъ, что, по возвращеніи молодой королевы, къ городу явился Имелотъ съ 7-ю королями и большимъ войскомъ и принудилъ Константина выдать за него дочь. Въ этотъ самый день должна быть свадьба. Пилигримы приходятъ въ королевскій замокъ и залѣзаютъ подъ столъ, за которымъ сидитъ Константинъ съ Базилистіумомъ, сыномъ Имелота, и его печальной невѣстой. Константинъ утѣшаетъ свою дочь тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ, будто соколъ изъ Рима увезъ ее за море. Язычники угрожаютъ отсутствующему Ротеру и поносятъ его, а царица его защищаетъ. Ротеръ изъ подъ стола подаетъ ей перстень съ своимъ именемъ; повеселѣла невѣста. Ея веселость и кольцо заставляютъ язычниковъ думать, что въ залѣ скрывается Ротеръ; дворецъ хотятъ обыскивать. Берхтеръ, въ надеждѣ на Божью помощь, совѣтуетъ Ротеру выдти изъ подъ стола. Базилистіумъ предлагаетъ Ротеру самому выбрать себѣ смерть; тотъ желаетъ быть повѣшеннымъ около лѣсу, гдѣ скрывается его войско; короли въ его честь должны быть его палачами. Ротера связали и приготовили къ смерти. Женщины горько оплакиваютъ его.

Всѣ константинопольскіе рыцари жалѣютъ Ротера, который былъ такъ щедръ къ нимъ. Графъ Арнольдъ, которому Ротеръ подарилъ когда-то 12 марокъ, теперь могучій и богатый баронъ, проситъ своихъ людей помочь ему освободить изъ рукъ язычниковъ Ротера, которому покровительствуетъ св. Іоаннъ Крести-

тель ¹. Ротера сопровождаютъ на висѣлицу всѣ языческіе короли и множество язычниковъ ². Арнольдъ обѣщаетъ своимъ царство небесное и нападаетъ на язычниковъ; когда онъ прорубился черезъ ихъ ряды до Ротера, Леопольдъ затрубилъ въ свой рогъ. Являются 12 великановъ, а вскорѣ и Вольфратъ съ остальнымъ войскомъ. 7 королей, въ томъ числѣ и Имелотъ, бѣжали; множество язычниковъ было перебито, а Базилистіумъ повѣшенъ. Кто-то далъ знать объ этомъ въ Константинополь. Между тѣмъ герои совѣтуются, какъ поступить съ городомъ и императоромъ. Великанъ Гримме совѣтуетъ сжечь городъ; на это согласенъ и Витольдъ. Но Аспріанъ объясняетъ, что тамъ погребены 7 апостоловъ и св. Елена, нашедшая крестъ. Витольдъ горько раскаивается въ своемъ рѣшеніи: онъ сильно боится Спасителя и св. Михаила. Итакъ и городъ и императора рѣшено оставить въ покоѣ.

Константинъ боится Ротера и раскаивается предъ женой въ томъ, что укралъ у него свою дочь; жена смѣется надъ нимъ и упрекаетъ его за дружбу съ языческими королями. Константинъ съ женою и дочерью и съ придворными дамами выходитъ на встрѣчу Ротеру. Когда вассалы послѣдняго увидали Константина, Аспріанъ приходитъ въ гнѣвъ, но Берхтеръ уговариваетъ его не дѣлать напріятностей императору. Константина принимаютъ съ почетомъ, только Витольдъ не можетъ успокоиться. Императрица вручаетъ Ротеру свою дочь и благодаритъ за спасеніе мужа. Константинъ награждаетъ Арнольда греческимъ королевствомъ (4721). Ротеръ уѣзжаетъ съ женой и вассалами; въ тотъ самый день, какъ они подѣзжали къ итальянскому берегу королева родила Пипина (4765), который впоследствии женился на Бертѣ и имѣлъ сына Карла. Ротеръ наградилъ великановъ и остальныхъ дружинниковъ подчиненными ему землями.

¹ Mass. 4068 по Н.:

Dar denke scante *ylie*n an,

Unde sanctus iohannes der toufere. Рюккертъ на основаніи Мюнх. отрывка:

4076: dar denke sancte Iôhanes an,

Der heillge toufêre.

Объ отношеніи св. Іоанна къ Ротеру см. ниже.

² Въ томъ числѣ: wol zênzic dúsint Valwin (4097); Рюккертъ: bei den By-santinern *Kumanen*, bei den Slaven *Polovzi*.

«Здѣсь поэтъ ¹ поетъ намъ пѣснь, которая будетъ пріятна всѣмъ благочестивымъ.» Вассалы разъѣзжаются отъ Ротера, и 24 года онъ живетъ счастливо съ женою. Пипинъ выросъ; ко дню его посвященія въ рыцари, въ Ахенъ съѣзжаются всѣ старые друженники Ротера; три дня продолжается праздникъ съ турниромъ; вассалы приносятъ присягу Пипину, какъ будущему императору; по окончаніи празднествъ пріѣзжаетъ къ Ротеру Берхтеръ, сѣдой, какъ снѣгъ; онъ уговариваетъ императора позаботиться о душѣ и пойти въ монастырь. Королева одобряетъ этотъ планъ (*пропускъ*); потомъ она сама отказывается отъ міра. Послѣ Пипина царствовалъ могучій Карлъ.

«Здѣсь кончается книга; сложите руки и молитесь всѣ Бога, даровавшаго намъ жизнь, чтобы онъ былъ милостивъ къ поэту и вамъ.....»

¹ 4859: *tichter*; въ рп. *richter*; см. прим. Рюкк.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ортнитъ. Рукописи и изданія. Содержаніе.

Разборъ рпп. Ротера, какъ мы видѣли, по недостатку матеріала не представляетъ никакихъ данныхъ ни для историко-литературнаго разбора этой поэмы, ни для уясненія исторіи развитія эпоса вообще. Совершенно въ иномъ отношеніи стоятъ поэмы объ Ортнитѣ и Вольфдитрихѣ: ихъ рпп. заслуживаютъ подробнаго и тщательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ во 1-хъ, съ ними тѣсно связаны многочисленныя *редакціи* поэмъ, до того тѣсно, что говоря о послѣднихъ, нельзя миновать первыхъ; во 2-хъ онѣ указываютъ мѣстами съ достаточной вѣроятностью на первоначальный текстъ поэмы, а черезъ него и на народную пѣсню; въ 3-хъ при долгой литературной жизни этихъ поэмъ, онѣ даютъ намъ возможность опредѣлить, какая редакція забывалась, какая вновь перерабатывалась, а особенности этой редакціи и способъ переработки представляютъ данныя для характеристики вѣка и его литературныхъ пріемовъ. Имѣя въ виду эти 3 обстоятельства, я счелъ нужнымъ, несмотря на строго-научный методъ новѣйшихъ издателей, лично пересмотрѣть покрайней мѣрѣ болѣе важныя рпп., такъ какъ во 1-хъ и на солнцѣ есть пятна, а тѣмъ болѣе они возможны въ дважды изданномъ текстѣ, и во 2-хъ самый внѣшній видъ ркп., о которомъ даже facsimile не даютъ опредѣленно вѣрнаго понятія, почеркъ и обстановка поэмы т. е. другія статьи, находящіяся въ той же рп., не лишены интереса для изслѣдователя.

Всѣ рпп. Ортнита, Гугдитриха и Вольфдитриха распадаются на слѣдующіе разряды: 1) рпп. заключающія Ортнита, не соединеннаго съ другими поэмами; 2) заключающія Вольфдитриха и Сабене (такъ называемаго Вольфдитриха А); 3) заключающія Гугдитриха и Вольфдитриха съ присоединеніемъ смерти Ортнита; 4) заключающія большаго Вольфдитриха (т. н. Вольфдитриха Д). Для Ортнита мы имѣемъ 2 полныя рпп. и отрывки 3-ей.

1. Рп. вѣнской придворной библіотеки подъ № 2.779 (въ изд. Енике ошибочно 2.279), прежде Виндгагенская, одинъ изъ лучшихъ кодексовъ для средневѣковой нѣмецкой поэзіи, какія мнѣ только случилось ви-

дѣтъ. Рп. въ листъ, писана на пергаментѣ б. ч. ок. 1358 г., какъ это видно изъ надписи на 1-мъ листѣ: *nach christi gepurd drewczchen hundred iar dar nach in dem acht und fimfzigesten iar hat mein fraw die Tursinn ir opher angehaben ze weichnachten mit zwelif wienner phennig und daz hat si alle iar gemert mit driu phennige*. Рп. писана въ 3 столбца, ок. 60 линеекъ въ каждомъ, б. ч. очень старательно; начальные буквы раскрашены. Въ ней minimum 3 почерка, сообразно которымъ измѣняется и характеръ украшенія инициаловъ. Содержаніе рп.:

1. На 1-мъ листѣ молитва и вышеприведенная надпись однимъ почеркомъ (А).

2. На оборотѣ 2 легенды о св. Маріи; вписаны, очевидно, много позднѣе, вѣроятно, въ концѣ XV в.; для начальной буквы оставлено мѣсто, но она не нарисована (В).

3. *Kaiserchronik* до борьбы Конрада съ Фридрихомъ¹ 2^a—46^a; 3-й почеркъ С.

4. *Hie hebet sich an daz buch daz da haiset der ritter mit dem leven* (до 68^a) извѣстнаго поэта эпохи Гогенштауфеновъ Гартмана ф. Ауге. Рука очень близка къ предыдущей; раскрашенные инициалы имѣютъ совершенно тотъ же характеръ, не раскрашенные — нѣсколько иной; чернила другія; видно болѣе старательности, особенно въ началѣ; очертаніе буквъ имѣетъ болѣе сходства, нежели характеръ почерка; надо предположить или 2 руки одной школы (учителя и ученика), или одного писца, но большой промежутокъ времени. Назовемъ этотъ почеркъ — С².

5. *Hie hebet sich de bûch von der haidenen*; почеркъ С².

6. Отъ 71^b — 85^a. *Hie hebet sich an de Bûch daz da haisset kaiser Ortnit. Es wart ein Buch funden ze Suderz in der Stat daz het geschri* красными чернилами²; далѣе черными въ стихахъ:

*Ez wart ein Puech funden
Ze Zuderz in der stat
Daz het geschrift wunder
Dar an lach manich plat
Die heiden durch ir erge
Die heten daz begraben* и. т. д.

¹ О ея отношеніи къ текстамъ см. Massmann *Kaiserchr.* III, 16 и слѣдд.

² Если бы требовалось доказательство, что рп. есть списокъ, а не оригиналъ, то подобная ошибка и повтореніе представила бы несомнѣнное и несокрушимое. Разница въ правописаніи *buoch* и *Puech*, *ez* и *es* объясняется, я думаю тѣмъ, что въ заглавномъ шрифтѣ писецъ копировалъ, а въ текстѣ писалъ по цѣлой строчкѣ и невольно измѣнялъ орфографію по своему диалекту: любопытное указаніе на разное отечество рп. и оригинала.

Писано безъ перерывовъ одной и той же рукой С² съ одинаковой тщательностью; вотъ обращеніе орфографіи:

*Iz wuhse in Lamparten
Ein gewaltich kunich reich
Dem waz bei den zeiten
Dehain chunich geleich
Uber ellen lant ze walhen
Daz bezaichent daz
Die weil und daz er lebte
Daz er gewaltichleichen saz
Si in vesten alle furhten
Den chunich und auch sein her
Den lant het er betwungen
Von birge untz an daz mer
Den zins si im musten pringen
Die pei im sazzen da и т. д.*

Въ текстѣ герой почти всегда называется *Ortneit*.

7. Отъ 85^b — 91^a снова является почеркъ В; въ украшеніи заглавныхъ буквъ видно неудачное подражаніе С². Въ этихъ листахъ вписано: 1) *von den sibem släfern*¹; 2) *daz ist von dem heiligen chreuz wie daz funden wart*; 3) *Ein pispel des strickes*² о кающемся и пустынникѣ; 4) *dto* о господинѣ и слугѣ; 5) *von einem ritter* (изъ легенды о Маріи); 6) *daz ist von einem maler dto*; 7) *daz ist von den tiefelen*.

8. 91^a тѣмъ же почеркомъ С², но мельче и свѣтлыми чернилами (другая тетрадка): *Dietreiches ruch von pern* — бѣгство Дитриха къ Гуннамъ.

9. До 130 л. безъ начала тѣмъ же почеркомъ С² *Ravennaschlacht*³.

10. 131 а. до конца „*hie hebet sich an der werde Artus*“ — циклическая поэма Генриха Тюрингенскаго, извѣстная подъ именемъ „*aller âventiure krone*“ или короче „*krone*.“ Она писана почеркомъ А, которымъ сдѣлана надпись на первомъ листѣ. Орфографія также австрійская. Въ концѣ рп. очевидно вырвано нѣсколько тетрадей.

Если мои соображенія относительно почерковъ вѣрны⁴, то изъ вы-

¹ XIII в. изд. Караяномъ 1839 г. Heidelb.

² Очевидная ошибка вм. Strickers.

³ О ней подробнѣй см. Deutsches Heldenbuch E. Martin. II, XXXIV и слѣдд.

⁴ Не довѣряя своей слишкомъ незначительной опытности, я постоянно обращался за совѣтами къ извѣстному германисту Іосифу Гаупту, кустосу въ вѣнской библіотекѣ.

шеприведеннаго состава рп. можно вывести слѣдующее, не безынтересное для хода литературныхъ идей вообще, заключеніе.

4 почерка указываютъ на участвовавшія въ составѣ рп. 4 литературныя направленія, которыя стоятъ другъ къ другу, какъ извѣстно, въ послѣдовательности времени.

1. Поэзія Гогенштауфеновъ (Гартманъ); сюда же и Kaiserchronik.

2. Поэзія, народная по сюжетамъ и искусственная по формѣ (Ортнитъ, Бѣгство Дитриха и Равенская битва).

3. Циклическая поэзія изъ романовъ Круглаго Стола (2-ая половина XIV в.); переписчикъ такихъ поэмъ показываетъ одинаковую склонность къ связыванію: онъ переплетаетъ разнохарактерныя тетради.

4. Поэзія XV в. Духовный или благочестиво настроенный грамотникъ не истребляетъ тетрадей съ свѣтской поэзіей, но собираетъ все, что попадаетъ ему подъ руки; самъ же вписываетъ на всѣхъ свободныхъ листкахъ церковныя легенды и биспели Штрикера.

2-ая рп., сохранившая полного Ортнита, представляетъ еще болѣе общаго интереса: это знаменитый Амбразовскій кодексъ¹, написанный Гансомъ Ридомъ для императора Максимилиана; въ настоящее время онъ служитъ украшеніемъ рукописнаго отдѣла амбразовскаго собранія въ Вѣнѣ, гдѣ я и пользовался имъ прошедшей зимой. Такъ какъ эту рп. описывали многіе (вслѣдствіе того, что Kudrun и Biterolf u. Dietlieb находятся въ ней одной), то я не буду касаться ея состава тѣмъ болѣе, что она писана однимъ почеркомъ; укажу только на то, что 3 отдѣла заключенныхъ въ ней поэтическихъ произведеній подходятъ къ предъидущей рп. и къ 3-мъ періодамъ развитія нѣмецкой литературы—рыцарскому, національному и городскому. Ортнитъ помѣщенъ, конечно, во 2-мъ отдѣлѣ, вслѣдъ за Битерольфомъ съ листа 196. *Kunig Ottnides Puech hebt sich an. Вотъ образецъ орфографіи: As war ein puch funden ze Suders in der stat. das het schrift wunder. daran lag manig plat. die haidn durch ir erge. die hetten das begraben. Nu sol wir von dem pueche. guet kurtzweyle haben. Wer in freuden welle vnd in kurtzweile wesen. daz las im von dem pueche singen oder lesen. Von einem kunigreiche. das hat Lamparten namen. das endarff vor allen kronen. sich des namen nicht einschamen. As wuchs in Lamparten ein gewaltiger kunig reich. dem was bey den zeiten dhain kunig geleich* и т. д.

За Ортнитомъ безъ перерыва съ листа 205 слѣдуетъ Вольфдитрихъ и Сабене (Вольфдитрихъ А) съ такимъ заглавіемъ: *Das ist Wolffdietrichs puech wie er geporn ward. Und die frauen nam ze weibe die Otnides war. Auf Kunstenobl ze kriechen ein gewaltiger kunig sass. an dem tugent noch ere noch mannheite nie vergass. sein maister und*

¹ О немъ см. Heldenbuch v. d. Hagen I, XII и слѣдд. Deutsches Heldenbuch v. E. Martin I Th. предисловіе и Pfeiff. Germania IX, 381—384.

sein schepfer der in da werden liess. an im geprast nicht mere. wan das er ein hayden hiess. Многочисленные миниатюры¹ обыкновенно не имѣютъ никакой или самую внѣшнюю связь съ текстомъ; но при Вольфдитрихѣ на листѣ 212 противъ авантюра: „*Wie im sein swert brach auf dem wurm und trug jn in den perg*“ изображенъ змѣрь съ птичьей мордой, покрытый чешуею и на его спинѣ ломающійся мечъ съ красной рукояткой.

За первой рп. утвердилось названіе W, за 2-ой A.

Отрывки самостоятельнаго Ортнита (такъ наз. ред. C) сохранились въ раскиданной по всей Германіи, когда-то великолѣпной пергаментной рп., по опредѣленію Яффе, не позднѣй самаго начала XIV в.; она заключала въ себѣ Виргиналя², Ортнита и Вольфдитриха совершенно особой редакціи (см. ниже). 1-ый кусокъ ея изданъ Фридрихомъ Кристофомъ еще въ 1746 г. (его *Villaticum Leipz.* р. 232); другой отрывокъ нашелъ фонъ-деръ-Гагенъ и, что касается Ортнита и Вольфдитриха, издалъ въ *Heldenbuch* 1855 I, 155—166; 3-ій—Шёнemannъ нашелъ въ Вольфенбюттелѣ и 4-й, изданный только въ прошедшемъ году³, Бетманнъ—тамъ же.

Текстъ Ортнита не представляетъ никакихъ серьезныхъ отмѣнъ.

Полный текстъ Ортнита⁴ изданъ до сихъ поръ 3 раза: Эттмюллеромъ въ 1838 г.: *Künec Ortnides merwart unde töt. Zürich*; въ основу положена рп. W; изданіе снабжено примѣчаніями; въ настоящее время и текстъ и примѣчанія устарѣли. Во 2-ой разъ издалъ Ортнита ф. д. Гагенъ въ 1-мъ т. своей *Heldenbuch* на основаніи рпп. W и A (отъ 1 — 151); изданіе, какъ вообще всѣ работы Гагена, не отличается чистотою отдѣлки. Безусловно на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій стоитъ 3-ье изданіе, сдѣланное Амелунгомъ въ 1871 въ III т. *Deutsches Heldenbuch*, на основаніи предварительныхъ работъ извѣстнаго наслѣдника Лахмана, берлинскаго профессора К. Мюлленгофа; тѣмъ же Амелунгомъ и тамъ же изданъ Вольфдитрихъ A. Изданіе снабжено обширнымъ критическимъ и историко-литературнымъ введеніемъ. Въ основу текста, конечно, положены W и A; но издатель мѣстами пользуется многочисленными рпп., гдѣ Ортнитъ и Вольфдитрихъ A спаяны вмѣстѣ (о нихъ см. ниже).

¹ Заслуживающія по своей замысловатости и художественному совершенству особеннаго вниманія специалистовъ.

² О его отрывкахъ въ этой рп. см. Zupitza *Deutsches Heldenbuch* V Th. 1870 р. VII—IX.

³ Изд. и разобранъ Енике въ *Jahresbericht über die städtische höhere Bürgerschule. Berlin.* 1871.

⁴ О дрезденскомъ сокращеніи, изд. Гагеномъ и Бюшингомъ въ 1820 г. и объ изд. Моне см. ниже.

«Въ городѣ Судерсѣ нашли книгу, чудесно написанную; въ ней было много листовъ; язычники по своей злобѣ закопали ее въ землю; изъ нея-то и позабавимся мы.»

Въ королевствѣ Лампартскомъ живетъ могучій король Ортнитъ, имѣющій силу 12 человекъ¹; ему повинуются Бернъ, Брисенъ² и Гарда; онъ покорилъ Римъ, и Латеранъ³. Дружинники совѣтуютъ ему жениться, чтобъ была королева въ Лампартенѣ. Онъ спрашиваетъ, на кого они укажутъ ему; 5 дней сидѣли они и ничего не выдумали, такъ какъ всѣ королевскія дочери ниже его родомъ: отцы ихъ его подданные.

Дядя Ортнита и вѣрнѣйшій его помощникъ Иліасъ von Riuzen⁴ указываетъ на достойную для него супругу: это дочь сирійскаго короля Махорея⁵; по красотѣ нѣтъ ей равной на свѣтѣ. Ортнитъ сейчасъ же рѣшаетъ отправляться за нею. Напрасно говоритъ ему Иліасъ, что король, отецъ ея, рубить головы всѣмъ, кто прѣзжаетъ свататься (уже 72 головы торчатъ на зубцахъ его крѣпости), такъ какъ онъ самъ намѣренъ жениться на дочери, когда умретъ ея мать; послѣднее обстоятельство только сильнѣй возбуждаетъ Ортнита. Видя невозможность отговорить племянника, Иліасъ первый предлагаетъ ему свою помощь: 5000⁶ всадниковъ; за нимъ и всѣ другіе. Къ маю и войска и корабли должны быть готовы, а пока дружинники разъѣзжаются по домамъ.

II. Напрасно мать уговариваетъ Ортнита отложить свое намѣреніе: «еслибъ у меня было тысяча матерей, и изъ-за тѣхъ я не остался бы (71,4),» отвѣчаетъ тотъ. Между тѣмъ онъ приказываетъ принести себѣ вооруженіе: онъ намѣренъ отправить

¹ Ср. Kudrun 106, 1. Ouch het der wilde Hagene krefte zwelf men.

² Удерживаю правописание W Brisen; A Breysen, др. Prussen и Brussen. Hag. Breissen; Amel. Brissen. По Ettmüll. стр. 106 чтеніе Brissen вѣрнѣе; Brissen = Brixen = Бремйя. „Правописание Brussen (Bruzen) указываетъ на Абруццо? (Pulle = Apulien въ Alpharts Tod.)“

³ Kaiserchr. Mass. II, 606 Rôme unde Lâterân wurden im bēde undertân.

⁴ W—Reuzzen; A—Reuzen; Hag. Reuschen; Ettm. и Am. Riuzen.

⁵ W Marchorel; др. Nachorel, Zacherel, acharel, nachael, nachaol. Hag. и Ettm. Marchorel.

⁶ Hag., слѣдуя AW: ich wil dir (fueren) tausent ritter. Ettm. и Amel. 5000, на основаніи 46, 2. 297 и 311, 4. Впрочемъ авторъ могъ забыть число, а наклонность позднихъ переписчиковъ къ увеличенію чиселъ говорить за первоначальное число 1000.

ся искать приключеній¹. Мать даетъ ему кольцо съ приказаніемъ ни въ какомъ случаѣ не выпускать его изъ рукъ, и описываетъ ему мѣсто, гдѣ онъ найдетъ съ помощію кольца приключеніе. Послѣ долгаго путешествія Ортнитъ доѣзжаетъ наконецъ до большой липы, видитъ спящаго роскошно одѣтаго малютку и хочетъ взять его съ собою; но малютка этотъ—могучій карликъ Альберихъ; онъ такъ сильно ударилъ въ грудь Ортнита, что тотъ едва устоялъ на ногахъ; начинается борьба, въ которой побѣда, однакожъ, остается на сторонѣ Ортнита; онъ хочетъ убить карлика, но тотъ предлагаетъ ему панцырь, выкованный его собственными руками (113,2), щитъ, мечъ Розу и шлемъ. «Все это не спасетъ твоей головы, говоритъ Ортнитъ, если ты не поможешь мнѣ добыть невѣсту.» Альберихъ обѣщается. На честное королевское слово Ортнитъ даетъ своему противнику свободу, но тотъ не доволенъ еще этимъ: онъ упрашиваетъ Ортнита дать ему на время кольцо. Сперва тотъ рѣшительно отказывается и долго не поддается ни на просьбы, ни на насмѣшки («ты боишься матери: она накажетъ тебя», говоритъ ему Альберихъ), но упорство и хитрость карлика преобладаютъ, и Ортнитъ, такъ недавно сомнѣвавшійся давать ему свободу, по увлеченію молодости отдаетъ завѣтное кольцо. Карликъ дѣлается невидимъ. «Гдѣ ты?» спрашиваетъ Ортнитъ. «Ты меня видѣлъ только благодаря этому камню, и еслибъ ты удержалъ его, я вѣчно служилъ бы тебѣ; теперь отправляйся, куда хочешь: ты не получишь назадъ кольца.» Ортнитъ надѣется на его королевскую честь. «Слушайся впередъ отца съ матерью; они тебѣ дурнаго не посовѣтуютъ; а кольцо мнѣ самому очень нужно.» Вдоволь насмѣявшись надъ нимъ, Альберихъ начинаетъ бросать въ него камнями. Опечаленный Ортнитъ собирается уѣзжать, тогда его останавливаетъ Альберихъ и, взявши съ него слово, что онъ не разсердится, что бы не услыхалъ о своей матери, возвращаетъ ему кольцо. «Твои родители не имѣли дѣ-

¹ Хотя строфы 73—75 (*Dô sprach der Lamparte „mir ist ein troum bekant; vil lieber kameraere, nu brinc mir mîn sturmgevant.“ Dô sprach mit klagen den Worten daz minnicliche wîp* и т. д.) Находится во всѣхъ рпп., кромѣ древнѣйшей W, я считаю ихъ за позднѣйшую интерполяцію, такъ какъ:

1. эпосъ или не упоминаетъ о снѣ, или рассказываетъ его содержаніе.
2. *klagende Worte* королевы противорѣчатъ тому, что она считаетъ помощь отца полезной и необходимой для Ортнита.

тей, и земля должна была остаться безъ владѣтеля. Мнѣ жалко было ихъ, и я, войдя однажды въ комнату ¹ твоей матери, когда она сидѣла одна на постели и плакала, силою, несмотря на сопротивленіе, заставилъ ее отдаться мнѣ (да проститъ мнѣ это Богъ). Если ты не выразишь гнѣва противъ матери, я вѣчно буду служить тебѣ.» Въ началѣ разсказа Ортнитъ хватался за мечъ и готовъ былъ нарушить свое слово, но потомъ успокоился: «Сдѣланнаго не передѣлаешь.» Онъ весело принимаетъ подарки, надѣваетъ новое вооруженіе и жалѣетъ только о томъ, что ему не на комъ испытать новаго меча. Между тѣмъ въ Гардѣ думаютъ, что король убитъ. Когда Ортнитъ подѣхалъ къ воротамъ и потребовалъ, чтобъ ему отворили ихъ, рыцарь, охранявшій ихъ, не узналъ своего господина и спросилъ его: кто онъ такой? «Я язычникъ, убійца вашего короля,» отвѣчалъ Ортнитъ. Рыцарь выѣзжаетъ изъ воротъ, чтобы погибнуть или отомстить за господина; послѣ короткой схватки, гдѣ выгода была на сторонѣ Ортнита, онъ объявляетъ свое имя, и утѣшаетъ раненаго часоваго тѣмъ, что теперь онъ твердо убѣдился въ его вѣрности.

III. Прошелъ годъ, и вассалы Ортнита собрались въ Гарду съ войскомъ. Въ Сициліи войско садится на корабли и отѣзжаетъ къ Сиріи. Недалеко отъ берега, Ортнитъ вспомнилъ про Альбериха и сталъ горевать, что его нѣтъ съ нимъ, но Альберихъ уже здѣсь, «Отецъ и государь! кто принесъ тебя сюда?» спрашиваетъ Ортнитъ. «Ты часто забываешь про меня, а я тебя всегда помню!» «Съ кѣмъ говоришь ты?» спрашиваетъ Ортнита Иліасъ. Посовѣтовавшись съ отцемъ, Ортнитъ даетъ Иліасу кольцо, и тотъ видитъ Альбериха. «Откуда ты, дитя?» спрашиваетъ Иліасъ. «Какъ ни малъ я, а живу на свѣтѣ болѣе 400 лѣтъ,» отвѣчаетъ тотъ. Альберихъ приказываетъ Ортниту назваться купцемъ и требуетъ себѣ провожатаго къ берегу. «Но я не знаю языка стороны,» отвѣчаетъ Ортнитъ. Альберихъ даетъ ему камешекъ; положивши его въ ротъ, можно говорить на

¹ Стр. 172, 3. Ettm., находя противорѣчіе между этимъ стихомъ съ предыдущимъ „*daz was in grünem walde*“ (168,2), говоритъ: *wahrscheinlich sind 2 Sagen hier vereinigt* (стр. 108). Но А и др. читаютъ вм. *walde* — *maien* — *во время зеленого мая*, и противорѣчіе исчезаетъ; двухъ сагъ даже и безъ исправленнаго чтенія предполагать нѣтъ основанія.

всѣхъ языкахъ. Ортнитъ не вѣрить, что простой камень можетъ имѣть такую силу. «Богъ изъ камня и изъ земли дѣлаетъ все, что хочетъ; для него нѣтъ невозможнаго (247, 2 и 3)» отвѣчаетъ Альберихъ. Обманутые чиновники язычниковъ (constabel и richtege) сами доставляютъ на берегъ къ городу Судерсу Ортнита съ его свитой: войско еще осталось на корабляхъ. По мнѣнію Альбериха, не слѣдуетъ начинать войны, не попытавшись предварительно мирнымъ путемъ пріобрѣсти красавицу. Альберихъ отправляется съ предложеніемъ Ортнита въ Монтебургъ, королевскій замокъ. По утру на стѣну выходитъ языческій король, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. «Гдѣ хозяинъ дома?» спрашиваетъ его невидимый Альберихъ. «Я хозяинъ дома, отвѣчаетъ тотъ; но кто это невидимый говоритъ со мной? не чертъ ли ты?» Альберихъ объявляетъ цѣль своего прибытія. Сватовство Ортнита приводитъ язычника въ неописанную ярость; она тѣмъ ужаснѣе, что онъ не можетъ отомстить виновнику ея. Слуги, напрасно тыкающіе копьями въ воздухъ, не могутъ ничего сдѣлать Альбериху, который спрятался за спиной короля. Получивши окончательно отрицательный отвѣтъ, Альберихъ даетъ королю пощечину и уходитъ.

IV. Ночью, по возвращеніи къ Судерсу, Альберихъ воруетъ барки и переправляетъ на нихъ все войско. Поутру Иліасъ уѣзжаетъ впередъ со знаменемъ въ рукѣ (на знамени гербъ Ортнита—красный левъ на золотомъ полѣ)², и битва начинается. Язычники дѣйствуютъ такъ храбро, что Иліасъ сбить съ коня; только Ортнитъ спасаетъ его. Иліасъ хочетъ отмстить за свой позоръ и за убитыхъ товарищей и начинаетъ страшно свирѣпствовать противъ враговъ. 1000 человекъ заклиняютъ его христіанскимъ Богомъ помиловать ихъ. «Очень охотно; я только наложу на васъ эпитемью: кого я ударю теперь, тотъ долженъ поститься до страшнаго суда (328).» Альберихъ уговариваетъ его не свирѣпствовать безъ нужды, но Иліасъ не унимается. Альберихъ требуетъ, чтобы Ортнитъ удержалъ своего дядю; тотъ едва не поссорился съ Иліасомъ. Битва кончена въ пользу христіанъ; но Ортнитъ потерялъ 9000 человекъ.

V. Язычники сдали городъ Судерсъ, и Ортнитъ собирается

¹ *Er segente sich*, прибавляетъ наивный авторъ.

² О гербѣ см. ниже.

въ походъ къ Монтебуру; Альберихъ ѣдетъ впереди войска съ знаменемъ въ рукахъ, такъ какъ онъ одинъ знаетъ дорогу. Воины въ удивленіи спрашиваютъ: кто это невидимый везетъ знамя?» «Это ангелъ Божій отвѣчаютъ имъ Ортнитъ и Иліасъ; сражайтесь же лучше» (357 и слѣд.). Альберихъ приказываетъ имъ расположиться около города; Иліасъ вбиваетъ въ землю знамя почти около самой стѣны, такъ что стрѣлы язычниковъ много вредятъ осаждающимъ. Но Альберихъ взбирается на стѣну, ломаетъ всѣ луки и сбрасываетъ ихъ въ ровъ; христіане могутъ спать до утра спокойно. Пораженные этимъ чудомъ, язычники кричатъ, чтобы король выдалъ свою дочь; къ нимъ присоединяетъ свои просьбы и королева; но ударъ по лицу и угроза—награда ей за добрый совѣтъ. Махорель намѣренъ на другой день сдѣлать вылазку; у него еще 40000 войска. Невидимо присутствующій при совѣтѣ Альберихъ до того злитъ своими насмѣшками короля, что тотъ рветъ на себѣ волосы.

На другой день, когда за стѣною уже началось сраженіе, красавица — дочь Махореля съ матерью отправляется въ храмъ, чтобы умолять своихъ идоловъ. Альберихъ даетъ ей знать о своемъ присутствіи, схвативъ ее за руки. «Кто ты?» спрашиваетъ королева. «Я—вѣстникъ съ неба, пришедшій сказать тебѣ, что ты должна выдти замужъ за короля Ортнита». Та отказывается, ссылаясь на своихъ боговъ; Альберихъ убѣждаетъ ее повѣрить въ истиннаго Бога; «иначе онъ сдѣлаетъ тебя безобразною» (398). Показывая ей на битву, очевидно склоняющуюся на сторону христіанъ, онъ говоритъ, что въ случаѣ ея несогласія отецъ ея непременно погибнетъ; мать уговариваетъ ее послушаться невидимаго совѣтника. Дѣвушка требуетъ, чтобы Альберихъ доказалъ ей, что онъ сильнѣе ея боговъ; тотъ хватаетъ ихъ изображенія ¹, разбиваетъ ихъ о городскую стѣну и кидаетъ въ ровъ; потомъ показываетъ ей сражающагося Ортнита, и та наконецъ посылаетъ ему свое кольцо; «только король долженъ оставить жизнь моему отцу.» Альберихъ спѣшитъ съ кольцомъ къ Ортниту ², и тотъ, несмотря на неудовольствіе

¹ 407, 3 *sarke*, какъ и 340, 4; *sarc* отъ *sarcophagus-tumba* (Beneke 2, II, 56) гов. про гроба свв.; потомъ по наивности переносится на идоловъ (*ibid. schrein für eines götzenbild, auch wohl das götzenbild selbst*).

² 415, 3 *waz mir min frouwe enbiete, diu edele künigin?* спрашиваетъ Ортнитъ.

Иліаса, велитъ прекратить битву; христіане отведены въ поле, а Ортнитъ и Альберихъ тихонько возвращаются къ стѣнѣ города. Королева и ея дочь, окруженные своими дамами, сидятъ за работой; между ними появляется Альберихъ и тихо шепчетъ королевнѣ, что ей пришло время исполнить свое обѣщаніе. «Но какъ мнѣ выдти отсюда?» также шепотомъ спрашиваетъ та: мать боится помогать ей, чтобы не пострадать послѣ отъ отца. По совѣту Альбериха, королевна громко просится у матери въ храмъ; мать даетъ ей позволеніе идти одной. Между тѣмъ Ортнитъ заснулъ на лошади отъ утомленія; Альберихъ будитъ его ударомъ кулака, передаетъ ему королевну, позволяетъ цѣловать ее, но запрещаетъ спать съ ней, пока она не сдѣлается христіанкой. Самъ Альберихъ возвращается назадъ, подымаетъ изъ рва идолъ Магомета и возвращаетъ его въ городъ; невидимо стоя около него, онъ объявляетъ язычникамъ какъ бы отъ лица ихъ бога, что только благодаря молитвамъ королевны, которую теперь всѣ должны оставить въ покоѣ, онъ возвратился на свое мѣсто. Съ радостнымъ извѣстіемъ наивный язычникъ спѣшитъ къ Махорелю, но тотъ понимаетъ мошенничество и съ криками ярости приказываетъ готовиться къ погонѣ. Ортнитъ видитъ издали приближающихся язычниковъ, а между тѣмъ лошадь его утомлена, и онъ не можетъ убѣжать отъ нихъ. Невѣста совѣтуетъ ему бросить ее на произволъ судьбы, а самому спастись отъ гнѣва ея отца. «Я прежде умру, чѣмъ сдѣлаю это,» говоритъ Ортнитъ. Альберихъ переводитъ ихъ черезъ ручей, а самъ убѣгаетъ за войскомъ. Язычники настигли бѣглецовъ; Ортнитъ долго защищаетъ переправу, но число убитыхъ имъ такъ велико, что изъ ихъ труповъ образовался мостъ, черезъ который, какъ по суху, переходятъ слѣдующіе, а Ортнитъ между тѣмъ отмахалъ себѣ руку. Онъ готовъ сдаться, если Махорель сохранитъ ему жизнь. «Ты умрешь за похищеніе моей дочери,» говоритъ тотъ. «Но вѣдь она еще не была моею женою,» говоритъ Ортнитъ. «Все равно; никто не спасетъ тебя.» «Въ такомъ случаѣ я буду защищаться, пока въ силахъ.» Вдругъ онъ слышитъ стукъ копытъ: то Иліасъ, призванный Альберихомъ, спѣшитъ къ нему на выручку. Утомленный Ортнитъ передаетъ ему свой мечъ Розу, а самъ ложится отдыхать, положивъ голову на колѣни невѣсты. Язычники все еще одолеваятъ; но когда къ Иліасу присоединился отдохнувшій Ортнитъ, они, нако-

нецъ, обращаются въ бѣгство; Ортнитъ и Иліасъ преслѣдуютъ ихъ. «Теперь уже не жить твоему отцу, говоритъ дѣвушка Альберихъ; онъ самъ заслужилъ смерть.» Между тѣмъ Ортнитъ возвращается съ битвы; «встань и поцѣлуй меня,» говоритъ онъ своей будущей женѣ. «Я этого не сдѣлаю, говоритъ та: если ты не скажешь мнѣ прежде подъ честнымъ словомъ, убилъ ты моего отца или нѣтъ?»¹ «Нѣтъ, ты можешь быть спокойна, но еслибъ онъ не ускользнулъ отъ меня, ему не быть бы въ живыхъ.» Ортнитъ съ остатками своего войска возвращается къ Судерсу, а оттуда въ отечество и празднуетъ свадьбу съ своей, теперь окрещенной невѣстой.

VI. Король Махорель тоскуетъ и злится; онъ заперся одинъ во дворцѣ, и никто не смѣетъ говорить съ нимъ и входить къ нему. Ко двору является одинъ изъ его охотниковъ и смѣло входить къ самому королю, такъ какъ онъ нашелъ средство погубить Ортнита. Въ гнѣздѣ страшнаго змѣя, съ которымъ не могли бы сладить и 100 человѣкъ, онъ нашелъ 2 огромныхъ яйца; ихъ можно отнести въ землю Ортнита; изъ яицъ вылупятся вослѣдствіи змѣи, которые надѣлаютъ много вреда его странѣ; онъ по своей храбрости выдетъ сражаться противъ нихъ и погибнетъ. Планъ очень понравился королю; онъ даетъ охотнику письмо къ дочери и подарки для нея и для зятя, и тотъ отправляется въ Гарду. Молодая королева очень рада тому, что отецъ пересталъ на нее гнѣваться и охотно принимаетъ подарки; въ 4-хъ большихъ ящикахъ золото и драгоценные камни, «а что въ 5-мъ, говоритъ охотникъ: то еще не выросло». Онъ обѣщаль вывести авраамовскую жабу², которая принесетъ камень еще не виданной на землѣ красоты, и прекраснаго слона; только ему надо воспитать этихъ животныхъ въ горахъ. Ортнитъ изъясняетъ свое удовольствіе и приказываетъ своимъ приставамъ давать охотнику все, что онъ будетъ спрашивать; змѣи вылупляются и каждый день сѣдаютъ по быку. «Лучше бы государь, говорятъ Ортнитовы чиновники, оставилъ этого

¹ 477,3 daz getuon ich nimmer, du welst mir erste sagen, künec, uf dine triuwe hâst du minen vater erslagen.

² 510. 4 abrachemschiu krote; по объясненію Моне: eine krote aus dem paradiese; см. Beneke III, 5. O krötenstein см. Museum für altdeutsche Literatur u. Kunst II, 91. По объясненію Іосифа Гаупта (Die dakische Königs u. Tempelburg. Wien 1870 p. 29 = avarheimische kröte (?).

слона; а то онъ скоро поглотить всю нашу землю». Ихъ опасенія сбываются; змѣеныши вырастаютъ, охотникъ перестаетъ ихъ кормить, и они производятъ страшное опустошеніе, такъ что люди не смѣютъ засѣвать своихъ полей. Смѣлые рыцари выѣзжали противъ чудовищъ, но напрасно: они всѣ погибали. Въ церквахъ раздаются жалобы священниковъ (523, 1); Ортнитъ однажды ночью въ слухъ выражаетъ свои мысли о томъ, что никто не справится безъ него съ змѣями, а ему грозитъ опасность оставить жену свою вдовою.

VII. Жена слышала его разсужденія и умоляетъ его не рисковать жизнью; но Ортнитъ непреклоненъ; онъ очень неохотно оставляетъ ее; онъ даже плачетъ,¹ но долгъ для него выше любви. На прощаньи онъ беретъ у нея кольцо. «Кто принесетъ тебѣ его назадъ, тотъ, значить, видѣлъ меня мертвымъ. Кто принесетъ тебѣ мой мечъ Розу, мое вооруженіе и языки змѣй, тотъ отмстилъ за мою смерть, и никого другаго не должна ты любить; но кто принесетъ однѣ головы безъ языковъ, тому ты не должна вѣрить». Вооружившись и взявши съ собой маленькую собачку, которая постоянно спала на его постели, онъ отправляется въ путь. Жена со слезами смотритъ на его отъѣздъ; вдругъ видитъ она: онъ возвращается; сердце ея забилося радостно; но Ортнитъ возвратился только за тѣмъ, чтобы взять кольцо Альбериха. Подъ большой липой находитъ онъ карлика. «Ты стремишься къ своей гибели», говоритъ онъ, узнавъ о цѣли путешествія Ортнита; но и отецъ не можетъ отговорить его. «По крайней мѣрѣ ты не засыпай; иначе змѣй унесетъ тебя; а пока отдай мнѣ мое кольцо; принесетъ тебя Богъ назадъ, ты снова получишь его». Ортнитъ кинулъ ему кольцо и поѣхалъ дальше. Два дня скитался онъ напрасно, отыскивая змѣя; наконецъ, отъ страшнаго утомленія и голода заснулъ въ полѣ (564, 4). Змѣй приползъ; собачка напрасно лаяла, стараясь пробудить Ортнита; онъ былъ такъ утомленъ, что не проснулся, и змѣй захватилъ его въ пасть²; онъ хотѣлъ было захватить и собаку, которая провожала его лаемъ до самаго гнѣзда, но та счастливо увернулась; голодные змѣеныши черезъ кольчугу высосали тѣло Ортнита.

¹ 543, 4. Si weinden beidin sére, daz wazzer über ir brüste floz.

² Буквально: проглотилъ (verslant 572, 1), но это будетъ противорѣчить последующему.

VIII. Собака прибѣжала домой, королева не смѣла никому высказывать своихъ подозрѣній, но подумала про себя: «господинъ мой убитъ». Люди Ортнита, напрасно ожидавшіе его возвращенія, начали подозрѣвать королеву въ убійствѣ мужа. Та была вынуждена рассказать, куда поѣхалъ король. Между тѣмъ собака нѣсколько разъ съ лаемъ выбѣгала изъ замка, какъ бы приглашая слѣдовать за собой. Одинъ рыцарь пошелъ за ней и дошелъ до кровавыхъ слѣдовъ и до змѣиной пещеры, но не рѣшился спуститься туда. Теперь всѣ узнали, что Ортнитъ убитъ; мать его умерла съ горя. Прошло три года. Народъ требуетъ, чтобъ молодая королева выбрала себѣ новаго мужа, Она отказывается; она выйдетъ только за того, кто побѣдитъ, змѣя; но Лампартцамъ нуженъ государь: чтобы скорѣе заставить королеву исполнить ихъ волю, они отняли у нея ключъ отъ сокровищницы и давали ей самое скудное содержаніе; только одинъ добрый маркграфъ съ женой жалѣли ее, приглашали ее уѣхать съ ними и посылали ей подарки. Маркграфъ даже обѣщалъ рискнуть своею жизнью, но только тогда, когда подрастетъ его маленькій сынъ. «Такъ бѣдная женщина должна была жить въ великой скорби. Будущаго мужа, мстителя за Ортнита, надо было долго ждать: онъ не былъ еще рожденъ. Убійца змѣя долженъ былъ вырасти въ скорбяхъ; я расскажу вамъ объ его родѣ и отцѣ;—это былъ прадѣдъ Дитриха Бернскаго; эту пѣсню хорошо послушать; она сейчасъ начинается» (596, 597).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вольфдитрихъ и Сабене. Рукописи и изданія. Содержаніе.

Вольфдитрихъ и Сабене, или такъ называемый Вольфдитрихъ А, сохранился только въ одной вышеописанной Амбразовской рп., да и тамъ онъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ, на битвѣ Вольфдитриха съ змѣемъ. Всѣ другія редакціи, списки которыхъ весьма многочисленны, совсѣмъ иначе рассказываютъ о первыхъ годахъ жизни героя. Это обстоятельство могло бы заставить насъ заподозрить Вольфдитриха А въ отсутствіи народной основы, но содержаніе и отчасти существованіе рукописи съ сокращеніемъ Ортнита и Вольфдитриха А противорѣчатъ этому. На основаніи какой рукописи сдѣлано это сокращеніе и какой характеръ оно носитъ, будетъ сказано ниже; теперь же я ограничусь указаніемъ на внѣшнія особенности этой рукописи. Она находится въ Дрезденѣ подъ № 103 и заключаетъ въ себѣ слѣдующія поэмы: 1) Ортнитъ 2) Вольфдитрихъ А 3) Экке 4) Розовый садъ 5) Meerwunder ¹ 6) Зигенотъ 7) Дворъ Этцеля (der Wunderer) 8) герцога Эрнста 9) Лауринъ 10) Дитрихъ и его товарищи 11) Гильдебрандтъ. Подъ Лауриномъ находится подпись: *sub anno dei 1472 Jar P. M. K. v. d. r. Laudetur sancta trinitas deo dicamus gratias. Noch christ gepurt 1472 Jar ist es geschrieben werden von mir Kasper von der roen purdich von munerstat in franken. in festum pasce das ist der osterliche Zait.* Послѣ 3-ей статьи стоятъ буквы *k. v. d. r.* Аделунгъ младшій ² нашелъ въ этомъ сборникѣ два почерка: по его словамъ только №№ 5, 10 и 11 написаны рукой кого-то другаго, а всѣ остальные нумера принадлежатъ Каспару ф. д. Рёну, франконцу родомъ. Изъ сравненія поэмъ съ другими списками оказывается, что Каспаръ не былъ простымъ переписчикомъ: онъ передѣлывалъ старыя поэмы, сокращая ихъ, хотя и ему онѣ попадались часто въ сокращенномъ видѣ. Такъ

¹ Мало извѣстная поэма о королевѣ, которая родитъ отъ морскаго чудовища получеловѣка; онъ нападалъ на людей, пока его не убили.

² Fortgesetz. Nachrichten XXVIII.

Dietrich und seine Gesellen, имѣющая въ изданіи Штарка по Гейдельбергской рп. 1.097 ¹, имѣла въ оригиналѣ Каспара 408 строфъ, а онъ сократилъ ихъ на 130, выкидывая, какъ онъ выражался „unnütze worte.“ На основаніи этого положенія о двухъ почеркахъ и судили Каспара. Вильгельмъ Гриммъ говоритъ, что „самый посредственный мейстерзингеръ XV в. ближе къ лучшимъ поэмамъ XIII в., чѣмъ Каспаръ къ своимъ источникамъ ².“ Гёдеке полагаетъ, что Каспаръ работалъ не для бенкель-зенгеровъ, такъ какъ въ концѣ Вольфдитриха напр. онъ говоритъ:

*Wolfdietrich in altem dichte
hat siebenn hundert lied;
Manck unnütz wort vernichte,
oft gmelt man als aus schid:
drew hundert drei und dreissigk
lied hat er hie behend,
dass man auf einem sitzen diek
müg hörn an fanck vnd ent.*

Рп. въ настоящемъ видѣ очень измазана, но судя по бумагѣ, почерку и широкимъ полямъ, она была написана для какого-нибудь высокопоставленнаго лица; надпись указываетъ, что она находилась во владѣніи Бальтазара Мекленбургскаго (1442 — 1507), бывшаго ректоромъ Роштокскаго Университета.

Теперь всѣ соображенія относительно Каспара потеряли всякое значеніе, такъ какъ Царкне ³ доказалъ, что рп. написана, вѣроятно, тремя почерками; почерку Каспара принадлежатъ: Экке, Зигенотъ, Лауринъ, Розовый садъ, дворъ Этцеля и герцогъ Эрнстъ, и всѣ эти поэмы остались сокращенными весьма мало (кроме Эрнста, вписаннаго послѣ, какъ предполагаетъ Царнке). Служащіе предметомъ изслѣдованія Ортнитъ и Вольфдитрихъ несомнѣнно писаны кѣмъ-то другимъ, и на него-то должны падать всѣ обвиненія, до сихъ поръ падавшія на Каспара, такъ какъ онъ нелѣпо и безвкусно сократилъ Ортнита съ 587 строфъ ⁴ на 297, и Вольфдитриха и Сабене съ 700 на 333 mit naseweisem Uebermute, какъ выражается Царнке; №№ 5, 10 и 11, можетъ быть, принадлежатъ тому же почерку, можетъ быть другому, очень на него похожему.

¹ по Вѣнской рп. № 866 она является уже сокращенною въ отрывкахъ XIII и XIV вв. (см. Gervinus II, 288).

² HS. 372.

³ Germ. I, 53 и слѣд.

⁴ на 10 строфъ меньше, чѣмъ у Амгелунга.

По Дрезденской рп. Вольфдитрихъ А изданъ Гагеномъ и Бюшингомъ въ 1820 г.¹; по рп. А тѣмъ же Гагеномъ 1855 г.²; по той же рп. съ исправленнымъ критически текстомъ Амелунгомъ рядомъ съ Ортнитомъ; тамъ же по Дрезденской рп. приведено затерянное окончаніе поэмы³.

I. «Въ Константинополѣ греческомъ жилъ могучій король. Господь не отказалъ ему ни въ добродѣтели, ни въ чести, ни въ мужествѣ; у него былъ только одинъ недостатокъ: онъ былъ язычникъ. Ему повиновалась, кромѣ Греціи, еще лѣсистая Булгарія; до самой гуннской марки распространилъ онъ свою власть, ему повиновались безусловно всѣ греческія государства. Онъ жилъ въ Константинополѣ и назывался господинъ Гугдитрихъ». Онъ былъ женатъ на гуннской принцессѣ, которая родила ему 3-хъ сыновей; они всѣ назывались Дитрихами. Когда еще 3-й не родился на свѣтъ, король Гугдитрихъ съ своимъ вѣрнымъ Берхтунгомъ Меранскимъ отправился въ походъ противъ короля Датскаго Фруоте⁴, своего племянника, а правителемъ земли и защитникомъ беременной королевы онъ оставилъ графа Сабене. Тотъ плѣнился красотой королевы и сталъ уговаривать ее отдаться ему. Королева отвергла его исканія и погрозила пожаловаться мужу, когда тотъ возвратится. Сабене удалось убѣдить ее, что его предложеніе не было серьезно: онъ только хотѣлъ испытать ея добродѣтель. Когда время родовъ стало приближаться, королева ночью услышала голосъ, приказывавшій ей окрестить въ христіанскую вѣру сына, котораго она скоро родить; для этого она сама должна будетъ отнести его къ одному пустыннику. Королева исполнила это повелѣніе, хотя ей было страшно, когда младенца крестили. Послѣ совершенія таинства священникъ надѣлъ на мальчика шелковую сорочку, которую мать должна была хранить до его совершеннолѣтія, и тогда эта сорочка защититъ тѣло ея сына во всѣхъ битвахъ. Пустынникъ предсказалъ ребенку большія опасности, но вмѣстѣ съ тѣмъ великую силу (онъ проживетъ 50 лѣтъ и каждый годъ сила его будетъ увеличиваться на силу одного человѣка), ве-

¹ Deutsche Gedichte der MA. II, 26.

² Heldenbuch 73.

³ стрр. 81 и 153.

⁴ Онъ попалъ сюда изъ поэмъ сѣвернаго цикла, можетъ быть, изъ самой Кудруны. О немъ см. Kudrun von Bartsch. 220,4; 1467 и слѣд. О его мнѣніи см. въ изданіяхъ Кудруны Плөніэса и Мюлленгофа.

ликую славу и завоеваніе руки прекрасной королевы съ ея царствомъ.

II. Когда отецъ его черезъ 3½ года возвратился изъ похода, онъ сперва былъ обрадованъ рожденіемъ такого здороваго и красиваго ребенка; младенца посадили за столъ и, чтобъ онъ не бѣгалъ, дали ему въ руки кусокъ хлѣба; собака хотѣла выхватить у него кусокъ: онъ схватилъ ее и расшибъ объ стѣну. Такая сила въ 3-хъ лѣтнемъ ребенкѣ всѣхъ повергла въ неопи- санное удивленіе; многіе сдуру ¹ говорили: «государь! прика- жи его убить; это сынъ злаго черта». Сабене воспользовался чужой выдумкой, и когда король самъ выразилъ подозрѣніе на счетъ законности ребенка, Сабене разсказалъ, будто королева однажды ночью помянула имя злаго духа и оттого родился ре- бенокъ. Король радъ, что жена его невинна, но ребенокъ дол- женъ погибнуть. Сабене совѣтуетъ убійство его поручить вѣр- ному Берхтунгу. Тотъ сперва упорно отказывается отъ такого низкаго дѣла; но король грозитъ отнять жизнь у его собствен- ныхъ дѣтей, и Берхтунгъ, спасая свою семью, долженъ согла- ситься.

III. Берхтунгъ, по условію, заключенному предварительно съ королемъ, ночью приходитъ къ дверямъ его спальни, гдѣ между тѣмъ происходитъ домашняя сцена такого рода: король допра- шиваетъ жену, откуда она взяла ребенка? Та, конечно, не мо- жетъ сознаться въ небываломъ преступленіи. «Я не дамъ ему на- слѣдства, говоритъ король: пусть онъ живетъ разбоемъ». «Онъ добудетъ себѣ царство и королеву», отвѣчаетъ жена. «Тѣмъ лучше для меня: онъ можетъ, слѣдовательно, безъ ущерба предо- ставить братьямъ свою треть». Королева засыпаетъ. Король, убѣдившись въ этомъ, тихо встаетъ съ постели и беретъ на руки младенца, держа наготовѣ ножъ; «если ты закричишь, проклятый ребенокъ, говоритъ онъ: тебѣ не жить больше». Но ребенокъ спитъ, и король спокойно можетъ передать его Берх- тунгу. Тотъ, пользуясь остаткомъ ночи, уѣзжаетъ изъ замка, никѣмъ не замѣченный, и ѣдетъ все дальше и дальше, избѣгая жилыхъ мѣстъ. Ребенокъ проснулся; ему холодно на утреннемъ воздухѣ, «мама! покрой меня», говоритъ онъ, все еще вообра- жая себя въ своей кроваткѣ. Оглядѣвшись, онъ удивляется, но

¹ diu wort, als man dâ sprichet, diu gar unnütze sint 40, 3.

не пугается и не плачетъ. Берхтунгу пора исполнить приказаніе короля; онъ вынимаетъ свой мечъ, осматриваетъ клинокъ... но рука у него не поднимается. «Что это сдѣлалось со мной? удивляется онъ: отъ руки моей пало 100 человѣкъ; откуда у меня такая слабость?» Онъ везетъ ребенка дальше: онъ хочетъ устроить такъ, чтобы ребенокъ погибъ самъ безъ помощи его руки; для этого онъ сажаетъ его къ берегу потока, среди котораго растутъ прекрасныя розы: ребенокъ, думаетъ онъ, непременно потянется за ними и погибнетъ; самъ же Берхтунгъ для наблюденія прячется въ сосѣдній лѣсъ. Надежды его не исполнились: ребенокъ спокойно остается сидѣть на лугу. Между тѣмъ настала ночь: къ источнику приходитъ огромное стадо волковъ, но ни одинъ изъ нихъ не трогаетъ ребенка, хотя, тотъ, привлеченный искрами ихъ блестящихъ глазъ, хватается ихъ прямо за морды. «Если ребенокъ не погибъ теперь, думаетъ Берхтунгъ: это произошло отъ благости божьей; еслибъ онъ былъ чертовъ сынъ, волки непременно съѣли бы его». Но онъ хочетъ еще испытать одно средство: онъ втыкаетъ въ землю крестъ, сдѣланный имъ изъ дерева ¹. «Если ты чертовъ сынъ, думаетъ Берхтунгъ, то крестъ сломается въ твоихъ рукахъ». Ребенокъ хватается крестъ, долго держитъ его, но крестъ остается цѣлъ (109). Берхтунгъ, теперь окончательно убѣжденный въ томъ, что ребенокъ не имѣетъ ничего общаго съ чертомъ, цѣлуетъ его и беретъ снова на сѣдло. «Теперь, говоритъ онъ, я готовъ подвергнуться изъ за тебя изгнанію и рискнуть своимъ семействомъ. Это добрый знакъ, что тебя не тронули волки; ты будешь великимъ королемъ, даже противъ воли твоего отца, и ты долженъ впередъ называться Волчьимъ Дитрихомъ» (Wolf hêr Dietrich). Берхтунгъ отвозитъ его къ одному охотнику, который постоянно живетъ вдали отъ жидыхъ мѣстъ, и поручаетъ ему и женѣ его воспитаніе младенца, а самъ уѣзжаетъ домой.

IV. Королева, не найдя поутру своего ребенка, страшно расплакалась и объявила, что, пока она не узнаетъ, кто погубилъ ея сына, она не будетъ раздѣлять ложа короля. Тотъ въ испу-

¹ упомянувъ въ началѣ, что Гугдитрихъ язычникъ, авторъ забылъ объ этомъ обстоятельстве; съ этихъ поръ весь дворъ Гугдитриха представляется христіанскимъ.

гѣ зоветь на совѣтъ Сабене. «Ты долженъ, говорить графъ, обвинить Берхтунга, который дѣйствительно убилъ твоего ребенка». «Но я насилу могъ уговорить его», отвѣчаетъ болѣе правдивый король. «А если онъ дѣйствительно любитъ королевское семейство, онъ долженъ былъ поглотить исполненіемъ приказанія; повѣрь мнѣ: онъ не успокоится, пока не отниметъ у тебя всей твоей земли». Слабоумный и эгоистичный король вѣрить всему, но открыто овладѣть особой герцога онъ труситъ; за послѣднимъ посланы гонцы звать его съ дѣтьми «на честь велику». Берхтунгъ, не подозрѣвая ничего дурнаго, пріѣзжаетъ съ своей молодежью, которая надѣется получить при этомъ рыцарскія шпоры. Король ласково принимаетъ его, но потомъ, во время пира, вынужденная угрозами мужа, королева обвиняетъ Берхтунга, и того хватаютъ вмѣстѣ со всѣми его спутниками. «Вотъ и Берхтунгъ страдаетъ за своего господина, а въ Гардѣ еще все живетъ бѣдная королева»¹.

IV. Четыре мѣсяца сидитъ въ тюрьмѣ Берхтунгъ; королева заботится о немъ и о его спутникахъ. Между тѣмъ надъ нимъ назначенъ судъ; король является въ качествѣ обвинителя, а на свое предсѣдательское мѣсто сажаетъ невѣрнаго Сабене. Берхтунга выводятъ изъ тюрьмы; королева кланяется ему, но онъ не отвѣчаетъ ей. «Ты не хочешь мнѣ поклониться?» спрашиваетъ его тихо королева. «Мнѣ никого теперь не нужно», отвѣчаетъ Берхтунгъ: даже и вы мнѣ измѣнили». «Я сдѣлала это противъ своей воли, и ты долженъ простить меня; скажи мнѣ одно слово: живо ли мое дитя?» Онъ кивнулъ ей слегка головою. «Если ты его сберегъ, я упаду къ твоимъ ногамъ», и она хотѣла опуститься на землю. Смѣясь сказалъ старый: «я вамъ не позволю этого дѣлать; я ручаюсь вамъ, что ребенокъ живъ; чѣмъ-то вы меня наградите за это?» (174—177) Королева обняла и поцѣловала его «больше тысячъ разъ» и сказала: «такъ, честное слово, ребенокъ здоровъ?» «Плачьте, о чемъ хотите другомъ, отвѣчаетъ Берхтунгъ: только не о ребенкѣ; я оставилъ его живымъ и здоровымъ; но вы никому не должны

¹ Вотъ любопытно сходныя окончанія авантюровъ, I. 33.3 daz (разсказъ о крещеніи) sol des wurmes vîndes êrste âventiure sîn: noch lebete ûf Garte in sorgen diu arme künigin. II, 58.3. daz ist diu ander sorge, daz erleit daz kindelîn; nôch lebete ûf Garte in jâmer diu arme künigin III, 120.4. nu ist ûz der dritten sorgen der Wolf Dietrich. IV, 162. alrêrst het Berhtung sorge durch den lieben hêrren sîn, und lebete noch ûf Garte diu arme künigin.

говорить объ этомъ; за сохраненіе его жизни я получилъ свою награду: я спокойно спалъ въ моей тюрьмѣ. Возьмите это письмо ¹. Съ связанными руками вѣрный Берхтунгъ стоитъ передъ трономъ, гдѣ возсѣдаетъ Сабене; король и королева обвиняютъ Берхтунга въ убійствѣ ихъ ребенка. Сабене спрашиваетъ Берхтунга, признаетъ ли онъ себя виноватымъ. Берхтунгъ требуетъ себѣ защитника, «который служилъ бы для него щитомъ своими словами» (184,1). Но никто не смѣетъ говорить за него; всѣ, сочувствующіе ему, тихо шепчутъ: намъ не приказано (король еще прежде распорядился, чтобъ никто не смѣлъ являться въ собраніе вооруженнымъ). Вдругъ является смѣлый Бальтрамъ Булгарскій; за нимъ слѣдуютъ 100 рыцарей въ полномъ вооруженіи; непріятно это было королю. «Ты ужъ осужденъ?» спрашиваетъ онъ Берхтунга. «Нѣтъ, но я стою здѣсь связанъ, какъ человѣкъ, которому никто не хочетъ помочь». Бальтрамъ гнѣвно разсѣкъ его веревки; «вѣчный стыдъ и позоръ благороднымъ князьямъ, сказалъ онъ: что они отдають такимъ образомъ на погибель добраго князя; что съ нимъ дѣлають сегодня, то съ ними сдѣлають завтра ². Бальтрамъ требуетъ божьяго суда для Берхтунга и берется быть защитникомъ его невинности. Король тихо спрашиваетъ Сабене: «ты будешь съ нимъ сражаться?» «Нѣтъ, государь, отвѣчаетъ тотъ: ребенокъ вашъ, и вы должны требовать удовлетворенія за него». Съ гнѣвомъ сказалъ король: «хорошъ совѣтъ! Да вѣдь я приказалъ убить ребенка; я не могу поэтому сражаться противъ него ³. Струсившій Сабене говоритъ королю, что Берхтунга надо объявить невиннымъ. Король громко беретъ вину на себя: «но что бы я ни дѣлалъ теперь, говоритъ онъ: ребенокъ уже погибъ!» Теперь только, послѣ откровеннаго признанія короля,

¹ 178,4: nu nemet hin diesen brief. Это письмо, признакъ поздняго сложенія поэмы, играетъ въ ней не послѣднюю роль.

² 190. Dô rief von Bulgerie der küene Baltram: nû haent des edele fürsten immer laster unde scham, daz si verderben lâzen einen fürsten guot. Unde tuot man im daz hiute, daz man in morgen tuot. Въ нѣмецкомъ эпосѣ мнѣ, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не попадалась яснѣе и энергичнѣе выраженная феодальная тенденція.

³ 196, 3 и 4. король не потому отказывается отъ поединка, что сражаться съ подданнымъ унижительно для него, что особа его всегда священна, и не изъ трусости (отвѣтственнымъ за его дурные поступки поэтъ дѣлаетъ Сабене), а изъ уваженія къ правдѣ божьяго суда.

Берхтунгъ согласенъ оправдываться; онъ говоритъ королевѣ, чтобъ она приказала прочесть данное ей письмо. Королева передаетъ письмо капеллану, но ни капелланъ, ни другіе священники, посмотрѣвъ на его содержаніе, не рѣшаются читать его. Королева грозитъ одному отнять у него его мѣсто, и тотъ передаетъ содержаніе письма; тамъ рассказано, какъ король укралъ ребенка и передалъ его Берхтунгу, какъ у послѣдняго не хватило духу убить его, какъ онъ посадилъ ребенка около ручья, какъ къ нему приходили волки и т. д. Тогда сказалъ король Берхтунгу: «я несправедливо велѣлъ схватить тебя; я самъ виноватъ противъ моего милаго сына; отмсти за себя, какъ ты хочешь; мнѣ велѣлъ такъ поступить Сабене; я никогда уже не возвращу ему своей милости». (215,4). «Теперь Берхтунгъ освободился изъ своей великой печали».

VI. Королева требуетъ, чтобы Берхтунгъ непременно казнилъ Сабене: «онъ тебѣ готовилъ всевозможныя казни, говоритъ она: онъ рылъ тебѣ яму; пусть теперь самъ попадаетъ туда». Сабене ведутъ на казнь; за красоту многіе плакали о немъ ¹. Сабене припоминаетъ Берхтунгу, что они вмѣстѣ воспитывались, и умоляетъ его о помилованіи; тотъ сжалился наконецъ надъ нимъ и оставилъ ему жизнь, но Сабене долженъ покинуть государство Гугдитриха; онъ ушелъ къ Гуннамъ. Берхтунгъ уѣхалъ къ себѣ домой и вскорѣ возвратился съ своими сыновьями и Вольфдитрихомъ, уже успѣвшимъ вырасти. Отецъ хотѣлъ обнять сына, но тотъ не узналъ и такъ толкнулъ его, что Гугдитрихъ отлетѣлъ въ сторону (237). Воспитаніе Вольфдитриха поручено Берхтунгу, который такъ много претерпѣлъ за него. Король все же отказывается наградить его наравнѣ съ прочими братьями: его прежняя клятва связываетъ его.

VII. Берхтунгъ у себя воспиталъ юнаго героя, какъ своего собственнаго сына; ему часто приходилось бить воспитанника за грубость, такъ какъ онъ имѣлъ привычку надъ всѣми пробовать свою силу. Гугдитрихъ умеръ, оставивъ Берхтунга регентелемъ своего царства. Сабене проситъ у королевы позволенія воротиться назадъ, и та, несмотря на предостереженіе Берхтунга, соглашается, «такъ какъ женщинъ легко обойти» ².

¹ 218. 1. niuwan (въ рп. nun) durch sine sch oene beweinte in manic man.

² Это мѣсто особенно изобилуетъ нравственными разсужденіями автора, любопытными для характеристики ходячей морали той эпохи: 255. 2.. si alle

Дурныя слѣдствія этой слабости оказались сейчасъ же: прежде всего Сабене постарался удалить отъ правленія Берхтунга; потомъ сталъ внушать старшимъ Дитрихамъ, что мать была невѣрна ихъ отцу и родила ему незаконнаго ребенка, а теперь хочетъ погубить законныхъ. Принцы повѣрили ему и приказали матери оставить замокъ. Ей некуда было обратиться, кромѣ того же Берхтунга, удаленнаго изъ дворца по причинѣ ея же слабости. Когда Берхтунгу докладываютъ о ея приближеніи, онъ говоритъ Вольфдитриху: «ну впередъ! ты долженъ встрѣтить свою мать (250)». «Но моя мать здѣсь; она уже цѣлый годъ не выходила изъ замка», отвѣчаетъ тотъ (онъ считалъ своею матерью жену Берхтунга). Герцогъ встрѣчаетъ королеву упреками: «да наградить Богъ вашего сына за то, что онъ васъ выгналъ! Вы не послушали моего совѣта; зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? у вашихъ дѣтей и у Сабене больше, чѣмъ у меня». Но скоро лаской онъ изгналъ впечатлѣніе суроваго пріема. Сынъ встрѣчаетъ ее, какъ чужую; однако подозрѣніе, что Берхтунгъ не отецъ ему, уже закралось въ его душу. Однажды¹ поутру онъ подавалъ Берхтунгу платье (такъ пріучилъ тотъ его); когда Берхтунгъ, одѣвшись, хотѣлъ уйти, онъ остановилъ его: «скажите же мнѣ, наконецъ кто я?» Старикъ отвѣчаетъ со смѣхомъ: «ты мой любимый сынъ». «Молчите! нынче вы мой отецъ, а вчера имъ не были!?» Онъ еще разъ серьезно переспрашиваетъ. «Спроси у той дамы, которая вчера пріѣхала», говоритъ Берхтунгъ. Вольфдитрихъ, грубо захвативъ мечъ Берхтунга, спѣшитъ за матерью въ церковь; та не отказалась отвѣчать на его вопросы и въ заключеніе отдала ему знаменитое письмо, изъ котораго онъ подробно узналъ о своемъ происхожденіи; тогда онъ упалъ на шею своей матери, бросилъ отнятый имъ мечъ и побѣжалъ къ Берхтунгу; найдя его, онъ поцѣловалъ его руки и упалъ къ его ногамъ. «Да наградить тебя Богъ, мой учитель и господинъ за то, что ты для меня сдѣлалъ; я узналъ теперь, кто я такой; у меня несправедливо отняли мое наслѣдство, и Богу извѣстно, что Сабене поплатится

müezen sterben, si sîn übel oder guot, arme betelaere und edele künege rich. 258.2 owê daz man die frouwen sô lichte überkumt! 264. Swer die argen diebe und ungetriuwen spart, die verkêrent sich vil selten, daz solt ich wol hân bewart:

¹ 292, 1. *eines males* — неумѣстно по смыслу, противорѣчитъ 294,4 и еще больше 296,3.

за свой безчестный совѣтъ; я уже выросъ и долженъ получить свою часть, но я не успокоюсь, пока не добуду цѣлаго королевства». «Вотъ когда Вольфдитрихъ стремится къ опасности».

VIII. Мать и Берхтунгъ уговариваютъ Вольфдитриха щадить жизнь своихъ братьевъ. «Вѣдь я также сынъ своего отца, и мечъ мой не дотронется до нихъ», отвѣчаетъ тотъ. Берхтунгъ даетъ ему 16 своихъ сыновей, 16.000 войска и отцовскій мечъ, его единственное наслѣдіе. Вольфдитрихъ вторгается въ землю своего отца и производитъ страшное опустошеніе. Короли и Сабене выступаютъ противъ него съ 30.000-нымъ войскомъ; происходитъ злая битва; войско братьевъ разбито; но Вольфдитрихъ не могъ настичь Сабене, который успѣвалъ собирать новое ополченіе, а между тѣмъ въ битвѣ пали 6 сыновей Берхтунга и все его войско; онъ объявляетъ, что сражаться долѣе нельзя: надо возвратиться въ замокъ и оставаться тамъ. Узнавъ о смерти 6-ти своихъ товарищей, Вольфдитрихъ приходитъ въ страшное отчаяніе; онъ требуетъ смерти отъ руки ихъ отца, такъ какъ онъ, Вольфдитрихъ, виновенъ въ ихъ гибели, и Берхтунгъ съ трудомъ удерживаетъ его отъ самоубійства. «Вотъ когда я въ горѣ, сказалъ Вольфдитрихъ».

IX. Онъ возвращается въ Лиліенпортъ, въ сопровожденіи 11-ти своихъ вассаловъ; по дорогѣ они замѣтили костеръ, разложенный воинами Сабене; они напали на нихъ, часть перебили, часть разогнали и овладѣли ихъ лошадьми. Они подходятъ къ Лиліенпорту; жена Берхтунга со стѣны сочла только 10 сыновей. «Гдѣ же наше войско?» спрашиваетъ она. «У насъ нѣтъ больше войска, отвѣчаетъ ей мужъ, но не падай духомъ: еще живъ Вольфдитрихъ». «Гдѣ же мои дѣти?» «Я хорошо знаю, гдѣ они: они убиты; но я тебя сброшу со стѣны, если ты будешь вспоминать объ нихъ. Ты должна утѣшить нашего господина, который черезъ чуръ сокрушается;» и жена послушалась его и забыла о дѣтяхъ¹. На пятое утро Берхтунгъ проснулся отъ громкаго крика стражи: враги со всѣхъ сторонъ окружили его замокъ: онъ указалъ на нихъ своему господину. «Теперь-то я въ горѣ, сказалъ Вольфдитрихъ».

X. Но осажденные не упали духомъ окончательно: Вольфди-

¹ Sus folgete im diu frouwe, der kinde si vergaz (391, 1); выше этого проявленія вассальной вѣрности нельзя придумать.

трихъ и его вассалы дѣйствовали храбро и побили уже не мало враговъ. Какъ-то назначили перемиріе, и Сабене вызвалъ на переговоры Берхтунга: онъ обѣщалъ ему милость королей, если тотъ выдастъ Вольфдитриха: «иначе и ты и вся твоя семья будете повѣшены на стѣнѣ». Вѣрность Берхтунга не поколебалась, и цѣлые 4 года выдерживалъ онъ осаду. Вольфдитриху, наконецъ, наскучило сидѣть взаперти; у него есть и основаніе: онъ хочетъ искать помощи противъ своихъ братьевъ. Берхтунгъ сперва пробуетъ отговорить его, но напрасно. Тогда онъ объявляетъ имъ, что помощь онъ можетъ получить развѣ только у Ортнита, въ королевствѣ Лампартскомъ. Вольфдитрихъ рѣшается отправиться туда. Берхтунгъ выдаетъ ему полное вооруженіе его отца, а мать вручаетъ ему крестильную сорочку; Вольфдитрихъ думаетъ, что она очень мала для него, но когда онъ надѣлъ ее, она оказалась даже широка (433, 4). Берхтунгъ боится, что, увлекшись женщинами, Вольфдитрихъ забудетъ про своихъ осажденныхъ товарищей, но тотъ даетъ на своемъ мечѣ клятву, что не будетъ спать ни съ одной женщиной, пока не освободитъ своего воспитателя и его дѣтей. Ему приводятъ его коня Сокола; всѣ плачутъ, провожая своего молодого господина. Онъ уѣзжаетъ. «Вотъ хочетъ испытать горе Вольфдитрихъ¹».

XI. Съ помощью обмана и насилія онъ проѣхалъ чрезъ непріятельскій станъ и направилъ свой путь къ Лампарту; четыре дня онъ ѣхалъ, не ѣвши и не кормя лошадь; на пятый она такъ устала, что онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ и даже нести на себѣ сѣдло; онъ идетъ, спотыкаясь, падая и погоняя передъ собою лошадь; вдругъ онъ слышитъ въ сторонѣ какой-то рѣзкій звукъ². «Я думаю, что это адскій шумъ, разсуждаетъ Вольфдитрихъ, но мнѣ некого спросить; нечего дѣлать: надо отправляться самому». Онъ желалъ бы встрѣтиться съ чертомъ; но вмѣсто спуска въ адъ, онъ выходитъ на морской берегъ, покрытый прекрасными цвѣтами. «Слава Богу! говоритъ Вольфдитрихъ: онъ послалъ кормъ моей лошади, а мнѣ будетъ пріятнѣе умереть здѣсь, чѣмъ на голой землѣ». Онъ ложится и засыпаетъ; изъ моря выходитъ безобразная морская женщина,

¹ Амеунгъ совершенно основательно перенесъ 446 строфу, заключающуюся обычнымъ указаніемъ на „Sorge“ изъ XI авантюра въ конецъ X.

² 461. 3. *da er hörte er ein stimme, din vil liute erschall; stimme* въ значеніи звука ср. Бенеке 2, II, 639.

вся покрытая какъ бы корой и обмотанная морскою травой; глаза ея лежали въ глубокихъ впадинахъ; зубы были ужасно длинны. Она утащила у спящаго мечъ и сама спряталась въ дупло (475, 4). Вольфдитрихъ проснулся, не нашелъ своего меча и горько сталъ жаловаться на свою несчастную судьбу; потомъ взялъ письмо, находившееся при немъ и громко сталъ читать его. *Королева* изъ дупла спрашиваетъ его: «кто позволилъ тебѣ отдыхать здѣсь?» Дитрихъ оправдывается незнаніемъ. Королева обѣщаетъ ему свою помощь, если онъ возьметъ ее за себя замужъ. Вольфдитрихъ отказывается: «Я никогда не обниму мать злаго черта; ты не должна сердиться на мой быстрый отказъ: я отказался отъ всѣхъ женщинъ; но еслибъ я могъ взять всѣхъ за себя замужъ, то на тебѣ бы все-таки же я не женился; иначе чертъ непременно явится на сватьбу» (489 — 491). Она громко засмѣялась, поднялась выше, сбросила свою кору и явилась красивѣйшею женщиной въ мірѣ, такъ что Вольфдитрихъ забылъ изъ-за нея и голодъ, и жажду; однако онъ все же отказывается отъ нея: онъ долженъ прежде освободить своихъ вассаловъ. Она требуетъ, чтобы въ такомъ случаѣ, онъ далъ ей одного изъ своихъ братьевъ, на что онъ съ удовольствіемъ соглашается. Красавица дала ему корень, который сразу насыщалъ человѣка и дѣлалъ его сильнымъ и бодрымъ. Простившись съ ней и подкрѣпивъ тѣмъ же корнемъ силы своего коня, Вольфдитрихъ уѣзжаетъ далѣе. «Вотъ освободился отъ горя Вольфдитрихъ».

XII. Вольфдитрихъ ѣдетъ по указанному королевою пути и наѣзжаетъ на 50 разбойниковъ, которые уже давно опустошали страну; замѣтивъ его издали, они начинаютъ дѣлать его вооруженіе. Вольфдитрихъ напалъ на нихъ, перебилъ ихъ, отбилъ захваченную ими дѣвушку, поручилъ ее одному крестьянину, а самъ поѣхалъ далѣе. «Вотъ освободился изъ одного горя Вольфдитрихъ».

XIII Къ стѣнѣ Гарды подъѣзжаетъ Вольфдитрихъ въ темную ночь; королева Либгарда оплакиваетъ, гуляя по стѣнѣ съ одной дѣвушкой, Ортнита. Дѣвушка утѣшаетъ ее надеждою на будущее. «Кѣмъ могу я замѣнить моего милаго господина? на свѣтѣ нѣтъ такой доблести! онъ говорилъ, что есть только одинъ, похожій на него: онъ изъ Сальнеке и называется Вольфдитрихъ¹»

¹ 532, 3 и 4. Er jach, daz in der welte indert waere sîn gelîch, wan einer von Salnecke, heizt Wolf hêr Dietrich.

Вольфдитрихъ уговариваетъ ее меньше печалиться; она увидала его, такъ какъ стала заниматься заря; приняла его за Ортнита и стала горько жаловаться на свое положеніе. Вольфдитрихъ объясняетъ ей ея ошибку и проситъ рассказать ему, какъ погибъ Ортнитъ. Узнавъ объ этомъ, онъ рѣшается отомстить змѣю. «Я не посовѣтую этого, говоритъ Либгарда: мой Ортнитъ имѣлъ силу 12-ти человѣкъ, и его утащилъ одинъ изъ змѣй въ пещеру». Но Вольфдитрихъ не боится; рѣшеніе его непоколебимо. Либгарда проситъ его объявить свое имя. «Я тогда вамъ скажу его, когда отмщу змѣю». Онъ уѣзжаетъ, напутствуемый ея благословеніями. «Вотъ одно приключеніе Вольфдитриха ¹».

XIV. Онъ отправляется по Эчу въ Тріенту. Народъ встрѣчаетъ его, какъ своего будущаго избавителя, и предлагаетъ ему заранѣе награду, но онъ отказывается: по Божьей волѣ предпринялъ онъ это путешествіе (559, 4). По дорогѣ къ змѣиной пещерѣ видитъ онъ тѣло убитаго рыцаря, слышитъ неподалеку женскіе вопли и находитъ жену убитаго, графиню, съ новорожденнымъ ребенкомъ. Она рассказываетъ ему, что мужъ ея погибъ отъ змѣя, а она скрылась сюда отъ людей. Вольфдитрихъ предлагаетъ ей свою помощь «я буду вашей бабкой», говоритъ онъ 570, 4) и уходитъ за водой. Облегчивши ея страданія, онъ относитъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ къ одному крестьянину, приказываетъ при крещеніи назвать ребенка Гугдитрихомъ ², а самъ уѣзжаетъ искать змѣя. «Ну теперь въ горѣ Вольфдитрихъ».

XV. ³ Застигнутый на пути ночью, Вольфдитрихъ ложится спать на щитъ. Настаетъ утро; змѣй выползаетъ изъ своей пещеры и приближается къ Вольфдитриху. Карликъ напрасно пытается разбудить героя; тогда добрый конь Вольфдитриха съ большимъ трудомъ и собственною опасностью отгоняетъ змѣя, который разорвалъ его шкуру своими когтями. Вольфдитрихъ, пробужденный ударомъ копыта по краю щита, понялъ, какой

¹ 555, 1. Wolfdietrichs âventiure ist aber einiu dâ.

² 575, 4 nenn ez nâch minem vater Hugdieterich.

³ Въ А послѣ 572 новая надпись: Abentheur. Wie Er des todten Ritters frawen zu einem Reuter brachte vnd ims emphalch wie das kinde. Такъ и Гагенъ, копировавшій рп., но Амелунгъ слилъ XIV и XV авантюры вмѣстѣ, руководствуясь краткостью послѣдняго (7 строфъ) и единствомъ содержанія.

опасности онъ подвергался, благодарить коня и отправляется за змѣемъ. «Теперь хочеть испытать горе Вольфдитрихъ.»

XVI. Онъ отправляется къ пещерѣ и старается насмѣшками вызвать змѣя, но того нѣтъ дома; онъ идетъ въ лѣсъ и находитъ, что драконъ сражается съ львомъ. Вольфдитрихъ считаетъ себя обязаннымъ помочь льву, такъ какъ на щитѣ его изображенъ красный левъ¹; его копье сломалось, онъ соскакиваетъ съ коня и мечемъ хочеть убить змѣя, но и мечъ его разбился на три части. Вольфдитрихъ обращается съ молитвою къ Христу, чтобы онъ далъ ему возможность спасти 11 вассаловъ. «Вотъ теперь въ первый разъ въ большомъ горѣ Вольфдитрихъ.»

Здѣсь прерывается единственный текстъ Вольфдитриха А; дрезденская рп., сокращеніе той же редакціи, рассказываетъ весьма сжато слѣдующее.

Змѣй захватилъ безоружнаго Вольфдитриха и утащилъ его въ свою пещеру; тамъ нашелъ онъ кольчугу и мечъ Ортнита, убилъ змѣя и его дѣтенышей и похоронилъ кости короля Лампартскаго. Карликъ напоилъ и накормилъ его и рассказалъ ему объ язычникѣ Сарацинѣ², который умѣетъ хорошо бросать ножъ. Вольфдитрихъ пріѣхалъ къ замку Сарацина, украшенному головами убитыхъ имъ христіанъ. Язычникъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ свитой въ 500 человѣкъ и предложилъ ему свою дочь въ наложницы. Дѣвушка, которой понравился молодой герой, не назвавшій своего имени, рассказала ему, что побѣдить ея отца можетъ одинъ только Вольфдитрихъ Сальнексій.

Вечеромъ язычникъ хотѣлъ дать Вольфдитриху сонный напитокъ, но дѣвушка вылила его на землю. На постели Вольфдитрихъ отдѣлилъ себя отъ дѣвушки обнаженнымъ мечемъ и соблюлъ такимъ образомъ чистоту. На другой день въ поединкѣ онъ убилъ язычника. Далѣе слѣдуютъ подробнѣй описанныя въ другихъ редакціяхъ волшебныя хитрости дочери язычника, которая хотѣла во что бы то ни стало удержать Вольфдитриха. Освободившись отъ нея, герой попадаетъ къ 12 добрымъ волшебницамъ, которыя услаждаютъ его, чѣмъ только могутъ, желая удержать у себя. Вольфдитрихъ уѣзжаетъ отъ нихъ и

¹ Противорѣчіе строфамъ 425 и 426, гдѣ Вольфдитрихъ говоритъ, что у него нѣтъ герба.

² 252. 8 vnd his auch Saretzin.

попадаетъ къ 24 волшебницамъ; отъ нихъ онъ прїѣзжаетъ къ Гардѣ. Тамъ между тѣмъ совершается брачное пиршество: нѣкто Фордекъ нашелъ головы драконовъ (языки изъ нихъ Вольфдитрихъ вырѣзалъ еще прежде) и выдалъ себя за ихъ побѣдителя. Королева должна сдѣлаться его женой. Переодѣтый Вольфдитрихъ даетъ себя узнать по кольцу Ортнита, которое онъ бросаетъ въ кубокъ. Такъ какъ головы оказались безъ языковъ, обманъ открылся, и обманщикъ былъ обезглавленъ. Съ строфы 308 рассказъ дѣлается еще сжатѣе и конспективнѣе, потому ли, что дрезденскій писецъ спѣшилъ къ концу или потому, что его оригиналъ съ этого пункта былъ сокращеннѣе—сказать трудно. Вольфдитрихъ, женившись, приходитъ въ Константнополь, оплакиваетъ уже мертваго Пунтунга ¹, который изъ гроба приказываетъ ему щадить братьевъ, и возвращается назадъ. Между тѣмъ карликъ похитилъ его жену; съ помощью Альбериха Вольфдитрихъ добываетъ ее назадъ и убиваетъ 20.000 карликовъ, потомъ отмщаетъ за Пунтунга и освобождаетъ его сыновей; черезъ 12 лѣтъ онъ уходитъ въ монастырь Тишцунгъ ². Ночью по приказанью аббатта, онъ выносить искусь: черти поднимаютъ его на воздухъ, бросаютъ его на землю, являются въ видѣ его отца, матери и даже жены, которая приглашаетъ его разделить ея ложе. Герой умеръ въ ту же ночь, искупивши страданіемъ грѣхи своей молодости. Когда умерла королева, то три тѣла, ея и ея двухъ мужей, были положены въ одинъ гробъ.

¹ Такъ здѣсь измѣнено имя Берхтунга.

² Tischzung.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гугдитрихъ и Вольфдитрихъ В.; рукописи, изданія и содержаніе.

Нѣтъ ни одной рп., гдѣ бы исторія сватовства Гугдитриха существовала отдѣльно; было ли это необходимое соединеніе 2-хъ сагъ, или произошло оно вслѣдствіе произвола основнаго литературнаго текста, объ этомъ будетъ сказано ниже; въ рпп. же необходимо разсматривать эти 2 поэмы, какъ нѣчто цѣлое.

Число рпп. больше, нежели въ прежнихъ поэмахъ и разночтенія ихъ важнѣе; лучшей изъ нихъ В я пользовался въ оригиналѣ. Это бумажная рп. вѣнской придворной библіотеки подъ № 2.947¹, in 4° (у Гагена по ошибкѣ сказано in folio). Составъ ея также не лишенъ своеобразнаго интереса. Она начинается съ нашей поэмы, которая занимаетъ въ ней 48 листовъ; до 46^a она идетъ безъ перерывовъ (1—515, 2); потомъ переписчикъ пропустилъ нѣсколько страницъ оригинала (можетъ быть, вырванныхъ), что указываетъ съ одной стороны на его внѣшнее и небрежное отношеніе къ дѣлу; съ другой на невозможность самостоятельныхъ измѣненій; съ 46^b до 48 идутъ строфы отъ 537—542, 3; затѣмъ конецъ оборванъ. Поэма писана прозой; заглавныя буквы выведены киноварью; ею же отдѣлены невѣрно и невнимательно одна отъ другой строфы. Вотъ образецъ орфографіи.

Sein vater was gehaissen der künig antzius ain künig in kriechen lande | Daz buch sagt uns alsus Der het auf seine hoff ertzogn Daz ist war ainen altn hertzogen Der lebt vil manig jar Daz was hertzog perechtung geporn von meran. До листа 13^a одинъ почеркъ, наклоненный въ лѣвую сторону; съ этихъ поръ до 48 другой почеркъ, болѣе разборчивый и красивый. Съ листа 49:

Hie hebt an die gulden schmitt ain gut mer! это goldene Schmiede—лирико-дидактическая поэма о Дѣвѣ Маріи, изданная В. Гриммомъ въ 1840 г. Писано новымъ 3-имъ почеркомъ стихами до листа 67 включительно. Затѣмъ 4 листа оставлены пустыми, а потомъ тѣмъ же почеркомъ, который кончалъ Вольфдитриха, написано:

¹ Описаніе у Hoffman v. Fallersleben N XXXVIII стр. 101; а также въ Mus. für altdutsche Literatur u. Kunst. I, 676.

Es wär Auch der welt so enwicht Und müsset an trost beleyben Hiet man nit trost von weyben Daran gedenkh ain ydleich man Und vach das aller ersten an Daz in getragn hab ain weib и т. д.

Отъ 73^b—77^b новый рассказъ:

Sich füget ains tags also das ich In hohen mut frawet gen der Wunnliclichem zeyt Daz laub daz grasz so reichn gezt Aller lust zü steüre und aller creature и т. д. тѣмъ же почеркомъ.

Очевидно, что это писцы другого времени и другого характера: они относятся къ дѣлу безъ всякаго внутренняго интереса и готовы списывать, что попало. Рпп. XV в. большею частію таковы. Это обстоятельство, не лишенное исторически-литературнаго значенія, чрезвычайно важно для критики текста: хотя рпп., писанныя такими переписчиками, сравнительно хуже и безтолковѣе, но онѣ вѣрнѣе традиціи.

2-ая рп. Н, единственно полная, находится въ берлинской библіотекѣ Ms. Germ. 4° 761, принадлежитъ также XV вѣку¹. Текстъ ея, какъ мы увидимъ ниже, существенно расходится съ В; несамостоятельность писца В и нѣкоторыя внутреннія причины, по большей части, подкрѣпляютъ чтеніе В; тогда Н или ея оригиналу слѣдуетъ приписать самостоятельность измѣненій.

3-ья рп., позднѣе предыдущихъ, К находится въ Гейдельбергѣ подъ № 109 in 4^o². Съ 3-ьяго листа начинается наша поэма съ такимъ заглавіемъ: *das ist die history von Wolffdietrich geschriben durch simpertus kröll weber vnd burger zü augspurg* до листа 76-го. Въ концѣ: *amen aliquem non habemus panem. Explicit Wolffdietriches leben wie as im ergangen ist, von dem anfang biss an das endt, geschriben durch mich simpertus kröll weber und burger, anno domini 15. 16.*

Гугдитрихъ вмѣстѣ съ Вольфдитрихомъ В изданъ 3 раза: по рп. В (слѣд. безъ конца) издалъ ихъ Фроманнъ въ 1844 г. въ IV т. журнала Гаупта 401—462, не внося конъектуръ и поправокъ. Въ 1855 г. Гагенъ, ошибочно принявъ за лучший списокъ свою рп. Н, издалъ ихъ въ I т. Heldenbuch отъ 169—278. Въ 3-ей части Deutsches Heldenbuch 1871 г. редакцію поэмъ, по бумагамъ Мюлленхофа, взялъ на себя учитель берлинской Bürgerschule Оскаръ Енике.

«Въ Константинополѣ жилъ могучій, доблестный молодой король, по имени Гугдитрихъ. Еще съ ранней юности умѣлъ онъ жить, давать и дарить ради Бога и ради чести³». Когда отецъ

¹ Ея описаніе см. у Ф. Ваккернагеля Bibliographie zur Geschichte des deutschen Kirchenliedes im XVI Jahrh. 1855, 31—34.

² См. ея описаніе у Гагена Heldenbuch 1855 I, XXV—VI.

³ Стереотипное начало: 1. Er wuohs in Konstenopel ein jünger künic rich gewaltet und biderbe, der hiez Hugditrich, uf von kindes jugent kund der helt wol leben, durch got und durch ère beidin lihen unde geben.

его Анціусъ почувствовалъ себя слабымъ, онъ призвалъ герцога Берхтунга Меранскаго и поручилъ ему надзоръ за своимъ малолѣтнимъ сыномъ. Скоро послѣ того онъ умеръ. Берхтунгъ взялъ молодаго короля къ себѣ и воспитывалъ его до 12 года. Тогда Гугдитрихъ пожелалъ жениться, чтобы не умереть безъ наслѣдниковъ; но Берхтунгъ не знаетъ женщины, достойной быть его женой: одна хороша, да низкаго происхожденія, другая достаточно благородна, да не красива¹. Гугдитрихъ собираетъ своихъ вассаловъ, но тѣ отказываются подавать совѣтъ: только одинъ Берхтунгъ можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ наконецъ указываетъ на Гильдебургу, дочь Либгарды и Вальгунта, короля Сальнекскаго, но она сидитъ заключенная въ башнѣ: отецъ ея поклялся, что при жизни своей онъ ни за что не отдастъ ее замужъ, хотя бы за нее посватался самъ императоръ. Какже добратся до нея? король вмѣстѣ съ Берхтунгомъ придумываютъ слѣдующую хитрость. Гугдитрихъ цѣлый годъ у самой искусной мастерицы учится вышивать, затѣмъ переодевается дѣвушкой и съ большой свитой отправляется въ Сальнеке. Король Вальгунтъ, увидавъ передъ городомъ раскинутыя палатки, посылаетъ одного рыцаря узнать, кто прибылъ въ его земли. «Я сестра Гугдитриха Константинопольскаго, отвѣчаетъ король: братъ выгналъ меня за то, что я не соглашалась выйти замужъ за некрещенаго язычника; я пришла просить милости у добродѣтельнаго короля, чтобъ онъ позволилъ мнѣ жить у него, пока братъ отложитъ свой гнѣвъ». Вальгунтъ спѣшитъ гостямъ навстрѣчу; Гугдитрихъ преклоняетъ передъ нимъ колѣна. «Если вы изъ Константинополя, благородная королева, то я не достоинъ вашего колѣнопреклоненія²». Мнимая королева отпускаетъ домой своихъ провожатыхъ и остается одна при дворѣ Вальгунта. Ея чудесное искусство вышиванія скоро обратило на себя вниманіе королевы, а когда она вышила золотомъ прекрасное головное покрывало (hûbe) для короля, гдѣ изобразила точно живыми разныхъ птицъ и звѣрей³,

¹ 12. Hât sie ez an dem lîbe, so ist si ein dienest wip; hât sie ez an dem adel, si ist ungeschafft ir lîb.

² 50. Sît ir von Kunstenopel ein edel kunigin, sô sult ir iuwer kniewen vor mir lâzen sîn. muotet swes ir wellet, des sult ir sîn gewert, daz ir, frouwe, vor mir kniewet, des bin ich nicht wert.

³ Животный романскій стиль. Замѣчательно одно изъ изображеній: 62, 3, mitten inn der lewe wilde und ouch der lintwurm.

король обѣщаетъ исполнить всякое ея желаніе; она ловитъ короля на словѣ и проситъ позволенія видѣть Гильдебургу. Король собираетъ своихъ вассаловъ, а королева ихъ женъ, и Гильдебурга спускается съ своей башни. Гостя, по ея приглашенію, садится съ ней рядомъ; онѣ пьютъ и ѣдятъ, а заботливая Либгарда шепчетъ дочери на ухо: «учись у подруги держать себя» (77). Гильдебурга проситъ отца, чтобъ онъ позволилъ Гильдегундѣ (такъ называлъ себя Гугдитрихъ) пожить съ ней вмѣстѣ въ башнѣ, чтобъ она могла выучиться вышивать также хорошо. Король согласенъ на это; онъ даже готовъ награждать за это гостью хорошимъ приданымъ, если та пожелаетъ выйти замужъ. Вотъ Гугдитрихъ вмѣстѣ съ прекрасной Гильдебургой запертъ въ башнѣ. Восемь недѣль не давалъ онъ своей подругѣ замѣтить, что онъ не дѣвушка, но наконецъ страсти заговорили въ немъ; онъ сказалъ, кто онъ такой, успокоилъ страхъ Гильдебурги, обѣщавши взять ее замужъ, и цѣль его была достигнута. Шесть мѣсяцевъ и шесть недѣль пробыли они вмѣстѣ, и королева зачала ребенка. Однажды ихъ посетила Либгарда; Гильдебурга проситъ у ней позволенія погулять по стѣнѣ¹. Мать даетъ свое согласіе и сама отправляется вмѣстѣ съ ними; во время ихъ прогулки вдали показывается Берхтунгъ со своей свитой. «Это братъ прислалъ за мной», съ радостью говоритъ мнимая королева. Оставшись одинъ на одинъ съ Гильдебургой, Гугдитрихъ прощается съ ней, прося ее окрестить ребенка, когда онъ родится, и назвать его Дитрихомъ, если это будетъ мальчикъ; затѣмъ она должна извѣстить его, когда онъ можетъ пріѣхать за ней. По ея просьбѣ онъ отправляется самъ къ стражу башни, который долженъ быть крестнымъ отцемъ ребенка: «я скажу тебѣ удивительную вещь, и если ты съумѣешь промолчать о ней, ты получишь мою любовь и благодарность». «Дорогая госпожа моя, отвѣчаетъ тотъ: я не раскрою рта». «Ты долженъ заботиться о молодой королевѣ, и когда она родитъ ребенка, ты долженъ окрестить его, не говоря объ этомъ никому». «Что за вздоръ говорите вы мнѣ? развѣ могъ кто-нибудь пока я сторожу здѣсь, придти сюда, чтобы королева могла забеременѣть? если подобныя рѣчи дойдутъ до

¹ 97. 3 daz du uns ein wile liezest an die zinnen gân, ob wir icht âventiure âf der heide möchten han.

короля Вальгунта, онъ сейчасъ же прикажетъ меня повѣсить». Гугдитрихъ объясняетъ, кто онъ такой, и обѣщаетъ наградить его, когда онъ прибудетъ въ его землю вмѣстѣ съ королевной. Получивъ кольцо отъ невѣсты и богатые подарки отъ короля, Гугдитрихъ уѣзжаетъ домой; но не можетъ онъ развеселиться въ Константинополѣ, скучая по своей прекрасной подругѣ. Между тѣмъ Гильдебурга родила сына съ краснымъ крестомъ между плечъ. Стражъ и служанка окрестили его и назвали Дитрихомъ. Вдругъ Либгардъ вздумалось навѣстить свою дочь. Что дѣлать съ ребенкомъ? Стражъ даетъ совѣтъ спустить его на время посѣщенія королевы на веревкѣ въ кустарникъ, росшій подъ окномъ. Совѣтъ его одобренъ, и ребенокъ благополучно достигъ земли. Королеву поразила необыкновенная блѣдность дочери; та объяснила ее нездоровьемъ, и мать оставалась у ней до самаго вечера. До ночи ребенокъ спокойно лежалъ въ кустахъ, а ночью пришелъ волкъ, схватилъ его и утащилъ въ свое логовище, на пищу дѣтенышамъ; но тѣ были еще слѣпы, и младенецъ оставался невредимымъ. Послѣ удаленія королевы, стражъ пришелъ взять ребенка и къ своему ужасу не нашелъ его; но онъ не рѣшился сказать объ этомъ матери, а напротивъ, увѣрилъ ее, что все обстоитъ благополучно, и ребенокъ въ безопасности. На другой день король Вальгунтъ отправился на охоту; ему попались два старые волка, которыхъ онъ преслѣдовалъ до самой норы, находившейся въ горѣ. Нору разрыли и волковъ прикололи; одинъ изъ охотниковъ спустился въ самое гнѣздо, чтобы забрать дѣтенышей. Ребенокъ заплакалъ, и охотникъ принесъ его къ своему королю; младенецъ былъ такъ хорошъ, что король рѣшился взять его къ себѣ и съ большимъ торжествомъ окрестилъ его во второй разъ. Воспріемниками были графъ Вюльфинъ, маркграфиня Галиційская и рыцарь Іоргенъ, а король далъ ему имя Дитриха съ прибавкою *Вольфъ*, отъ волчьей пещеры. Либгарда пришла къ дочери и рассказала ей про найденнаго младенца; у той явилось подозрѣніе, не ея ли сынъ это. Послѣ удаленія матери, она призвала стража и заклинала его сказать ей правду; тотъ признался, наконецъ, что ребенокъ пропалъ, неизвѣстно куда. Гильдебурга въ страшномъ безпокойствѣ умоляетъ мать принести къ ней найденнаго младенца. Королева исполнила ея просьбу; по красному кресту Гильдебурга узнала своего сына. Подъ вліяніемъ радости она

разсказала матери все дѣло и просила у ней совѣта, какъ бы поскорѣй отправиться въ Грецію. Мать рада, что дочь нашла себѣ господина по душѣ и обѣщается помочь ей. Ночью въ постели она спрашиваетъ своего мужа: «король Вальгунтъ, мой любезный господинъ! какъ надо дѣлать съ тѣмъ, чего уже нельзя передѣлать и чему никто въ мірѣ не можетъ противустоять?» (197, 198) «Надо это оставить такъ, какъ оно есть». Королева беретъ съ него слово, что онъ въ такихъ случаяхъ не будетъ пытаться передѣлывать, и рассказываетъ ему происшествіе, случившееся съ ихъ дочерью; на другой день король допрашиваетъ стража, дѣйствительно ли такъ было дѣло, и соглашается, наконецъ, примириться съ своей судьбою. По совѣту Гильдебурги, послами къ Гугдитриху отправляются крестные отцы ребенка: Вюльфинъ и Іоргенъ; Гугдитрихъ съ почетомъ принимаетъ ихъ, собираетъ большую свиту и отправляется къ тестю. «Здравствуйте господинъ и госпожа, говоритъ ему тотъ при встрѣчѣ: какъ ловко вы провели меня! по вашей краскѣ я вижу, что стражъ не солгалъ мнѣ» ¹. Гугдитрихъ видитъ ребенка и даритъ кормилицѣ свой богато вышитый золотомъ плащъ. Скоро и королева Либгарда съ дочерью выходитъ къ нему навстрѣчу: «пара блестящихъ глазъ и алый ротикъ хорошо поздоровались съ Гугдитрихомъ». Вальгунтъ задаетъ великолѣпный пиръ, а потомъ провожаетъ Гугдитриха въ Грецію, гдѣ тотъ отплачиваетъ ему за гостепріимство. Окончивъ празднество и наградивъ всѣхъ, кто помогалъ Гильдебургѣ, Гугдитрихъ зажилъ спокойно съ женой въ Константинополѣ, и жили они такъ 8 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ прижили они еще двухъ сыновей: Боуге и Вахсмута. Скоро послѣ этого умерла королева ².

¹ 235. 3 got wilkomen, hêrre und frouwe! wie habt ir mich betrogen! ich sihez an iuwer farwe, der wahter hat niht gelogen.

² К и Н, слѣд. и Гагенъ, читаютъ въ этой строфѣ (по Гагену 259, по Енике 258) *verschiet der künig gut*, но такъ какъ про королеву далѣе ничего не говорится, а король оказывается живымъ черезъ строфу, гдѣ онъ дѣлитъ свои земли между сыновьями (Вахсмуту—Ипперъ, Боуге—Блибортъ), то Енике отдалъ предпочтеніе чтенію В: *darnach in kurtzen zeijtten verschiet die frouwe guot. Amen. (259. 4)*; за этой строфой слѣдуетъ переходная:

Dâ lâzen wir belîben diesen künic rîch и т. д. На основаніи *Amen* предъидущей строфы Гагенъ начинаетъ съ нея новую главу, а Енике, вѣроятно, по аналогіи съ *Ortnit* 596 и 7 и др. оставляетъ ее въ прежней. *Amen*, конечно, принадлежитъ переписчику.

Различіе въ сюжетѣ кончается, и съ этихъ поръ Вольфдитрихъ В передаетъ тоже самое, что и А, только въ иномъ пересказѣ. Различіе исходитъ не только изъ внутреннихъ причинъ и случая, но и изъ той внѣшней причины, что рожденіе Вольфдитриха рассказывается въ обѣихъ поэмахъ различно.

Вольфдитрихъ, которому отецъ, умирая, отказалъ Константинополь, воспитывается у Берхтунга, который научаетъ его кидать ножъ; его братья Вахсмуть и Боуге живутъ во дворцѣ. Когда Гугдитрихъ умеръ, младшіе сыновья, основываясь на томъ, что Вольфдитрихъ родился до законнаго брака, не хотятъ давать ему наслѣдства. Берхтунгъ съ воспитанникомъ и съ войскомъ, которое онъ прячетъ близъ города, является къ братьямъ для переговоровъ; тѣ предлагаютъ ему перейти на ихъ сторону и не защищать незаконнорожденнаго. Когда Берхтунгъ не соглашается, дружина королей нападаетъ на нихъ; Берхтунгъ трубитъ въ рогъ, и его сыновья спѣшатъ къ нему на выручку; но битва кончилась не въ ихъ пользу: ихъ войско побито, и 6 сыновей Берхтунга пали; самъ Вольфдитрихъ, лишившись сознанія отъ сильнаго удара, едва не погибъ въ битвѣ. Вольфдитрихъ съ 11 вассалами входитъ въ лѣсъ, спасаясь отъ братьевъ. Передъ ночью происходитъ споръ о томъ, кто долженъ сторожить остальныхъ. Вольфдитрихъ желаетъ взять эту обязанность на себя. Берхтунгъ вначалѣ не соглашается на это: до молодаго героя давно уже добирается дикая женщина, которая желаетъ быть его женой; теперь она можетъ напасть на него; но Вольфдитрихъ настоялъ на своемъ. Дикая Эльза (die ruhe Else) дѣйствительно явилась «на всѣхъ четырехъ, точно медвѣдь» (308, 3), и предложила ему свою любовь; тотъ, конечно, отказался; она зачаровала его и вырвала изъ рукъ его мечъ. Очнувшись, Вольфдитрихъ испугался, что товарищи пристыдятъ его, найдя безъ оружія и пошелъ искать Эльзу. За 12 миль онъ настигъ ее; она снова повторила свое предложеніе, и Вольфдитрихъ снова отказался. Тогда Эльза напустила на него сонъ, обрѣзала ему два локона (318, 1) и черезъ то лишила его разсудка. Вольфдитрихъ остался въ лѣсу и сталъ дикимъ человѣкомъ. Берхтунгъ, видя, что господинъ его не возвращается, понялъ, что онъ, должно быть, попалъ въ руки Эльзы, приказалъ сыновьямъ своимъ возвратиться въ Грецію и служить братьямъ Вольфдитриха, но только до возвращенія ихъ

настоящего господина, а самъ отправился въ Трою, гдѣ царствуетъ Эльза, но отъ нея не узналъ ничего о судьбѣ Вольфдитриха. Черезъ полгода Богъ послалъ къ Эльзѣ своего ангела съ приказаніемъ отпустить молодого героя. Эльза отыскала его и снова спросила, согласенъ ли онъ любить ее. Вольфдитрихъ отвѣчалъ, что при шерсти, покрывающей ея тѣло, это невозможно. Тогда Эльза повела его къ молодящему источнику, который на половину холоденъ, на половину тепелъ. «Тамъ она окрестилась; прежде она называлась дикая Эльза, а теперь стала госпожей Зигеминной, первой красавицей во всѣхъ земляхъ ¹».

Теперь Вольфдитрихъ находитъ, что онъ слишкомъ некрасивъ для нея, но въ томъ же источникѣ онъ снова находитъ красоту свою. Вольфдитрихъ празднуетъ свадьбу и на время забываетъ про своихъ вассаловъ. Однажды ночью онъ говоритъ своей женѣ, что ему нужно идти въ Гарду, чтобы выдержать поединокъ съ Ортнитомъ, который когда-то присылалъ къ нему своихъ графовъ требовать дани; Вольфдитрихъ обѣщалъ сразиться съ нимъ, когда вырастетъ. Жена соглашается наконецъ отпустить его и снабжаетъ его шелковой сорочкой, гдѣ защиты мощи святаго Панкратія ². Вольфдитрихъ приходитъ къ стѣнамъ Гарды и засыпаетъ подъ липою ³; Ортнитъ видитъ его со стѣны, гдѣ онъ стоитъ вмѣстѣ съ Либгардой, и грозитъ убить его. Либгарда защищаетъ незнакомца; мужъ начинаетъ подозрѣвать, не слишкомъ ли дорогъ ей неизвѣстный смѣльчакъ; онъ хочетъ сразиться съ нимъ одинъ на одинъ; вооружается и сходитъ въ долину; ударомъ въ грудь прерываетъ онъ сонъ Вольфдитриха. «Вы могли бы быть поучтивѣе», сердито замѣчаетъ проснувшійся; Ортнитъ объявляетъ, зачѣмъ онъ

¹ 336. Si fuorte in in dem lande, den fürsten lobesam,
für einen berc, dâ westes einen juncbrunnen stân:
der was einhalb kalt und anderhalbe warm:
dârin spranc diu frouwe, si bat sich got bewar.

337. Dô wart si getoufet; ê was si rûch Else genant:
nu hiez si frou Sigminne, diu schoenste übr alliu lant.

² 343. 3. Sant Pangrâzien heiltuom darinne versigelt was. (Cp. Parz. 269, 2. Trist. 15672.)

³ 351. Umb dieselben linden was ez alsô getân
daz nieman durch kurzwîle getorst dar under gân.

пришелъ; Вольфдитрихъ говоритъ: «если вы порядочный человекъ, вы должны помочь мнѣ вооружиться». Ортнитъ исполняетъ его просьбу и спрашиваетъ его объ имени; Вольфдитрихъ отказывается отвѣчать. Битва начинается; сперва Вольфдитрихъ падаетъ отъ удара Ортнита, но поднимается и наноситъ своему противнику такой ударъ, что тотъ безъ чувствъ падаетъ на землю; на мѣсто битвы появляется жена Ортнита и посылаетъ Вольфдитриха за водой, чтобъ привести въ чувство мужа; тотъ послушно отправляется. Ортнитъ приходитъ въ себя и, узнавъ, что Вольфдитрихъ и жена его не находятся ни въ какихъ сношеніяхъ, предлагаетъ первому свою дружбу, и они вмѣстѣ возвращаются въ замокъ ¹. Полгода остается здѣсь Вольфдитрихъ, и императрица начинаетъ заглядываться на него. Замѣтивъ это, Ортнитъ напоминаетъ своему другу о его землѣ и о покинутой имъ женѣ, и тотъ возвращается домой. Черезъ 12 недѣль Вольфдитрихъ вмѣстѣ съ женой отправляется на охоту. Старый рыцарь Дразіанъ, давно желавшій овладѣть Зигеминной, увлекаетъ Вольфдитриха въ глубину лѣса золоторогимъ оленемъ, похищаетъ въ это время его жену и запираетъ ее въ свой замокъ, гдѣ она томится цѣлые полгода. Вольфдитрихъ въ каличьемъ платьѣ пускается на поиски жены; онъ заходитъ къ Ортниту, который не узналъ его и спросилъ; не слыхалъ ли онъ чего нибудь о Вольфдитрихѣ. Но женскій глазъ не такъ легко обмануть: Либгарда узнала Вольфдитриха, ночью разспросила его о причинѣ переодѣванья и сообщила обо всемъ мужу. Не смотря на отказъ Вольфдитрифа, Ортнитъ увязался за нимъ въ походъ, но Вольфдитрихъ покинулъ его на одномъ ночлегѣ и ушелъ впередъ одинъ, не желая отрывать Ортнита отъ его семейства. Случайно онъ пришелъ къ той самой скалѣ ²,

¹ Весь эпизодъ послѣ окончанія поединка въ рп. Н, а слѣдовательно и у Гагена, представляетъ совершенно особую редакцію; когда Вольфдитрихъ является съ водой, императрица говоритъ ему: „herre Wolfdietrich, ich rit euch umb ein gab, der zult ir gewern mich.“ Тотъ обѣщаетъ не отказать ей, если это не будетъ противно его чести. Императрица говоритъ, что двумъ героямъ, изъ которыхъ одинъ король, другой императоръ, не слѣдуетъ губить другъ друга. Съ такими же словами обращается она потомъ къ мужу; потомъ за руки сводитъ ихъ и заставляетъ дать другъ другу клятву въ вѣрности. Послѣ этого Вольфдитрихъ только 4 недѣли пробылъ здѣсь и по собственному побужденію отправился домой.

² 425. vor dem selben steine.

гдѣ заключена его жена, и заснулъ подѣ липой около стѣны. Жена увидала его изъ окна, но не узнала; она говоритъ Дразіану: «приведите ко мнѣ этого пилигримма, и тогда я согласусь раздѣлить ваше ложе». Пилигриммъ призванъ въ замокъ и посаженъ у огня; когда *карлики* все приготовили къ ужину, явилась королева; она спросила пилигримма, не слыжалъ ли онъ чего нибудь про Вольфдитриха; тотъ объявилъ, что Вольфдитрихъ скоро женится; Зигеминна заплакала. «Ты опечалилъ мою жену, говоритъ ему старый Дразіанъ: за это ты заплатишь мнѣ жизнью». Зигеминна уговорила Дразіана успокоиться. Когда хозяева замка встали, чтобы отправляться спать, Вольфдитрихъ вынимаетъ изъ подѣ платья мечъ. Дразіанъ предлагаетъ ему правильный поединокъ; приносятъ 2 кольчуги, и Вольфдитрихъ выбираетъ старую, по видимому негодную (446); начинается поединокъ; сперва упалъ Вольфдитрихъ, но онъ обратился къ Богу съ молитвой за своихъ 11 вассаловъ и убилъ наконецъ Дразіана; служившіе ему карлики разбѣжались по угламъ; Вольфдитрихъ, уходя съ Зигеминной, сжегъ замокъ вмѣстѣ съ ними. На дорогѣ къ Гардѣ онъ находитъ Ортнита, который весь почернѣлъ; оказалось, что онъ въ это время не оставался празднымъ, а воевалъ съ великаномъ; битва происходила на горѣ; населявшіе ее карлики и дикіе люди, слуги Дразіана, жгли подѣ нею всякій горючій матеріалъ и окурили его дымомъ. Прогостивъ 14 дней въ Гардѣ, Вольфдитрихъ и жена его возвращаются домой. Черезъ $\frac{1}{2}$ года Зигеминна умерла.

Со строфы 473—530 идетъ извѣстный намъ рассказъ о смерти Ортнита отъ дракона съ добавленіями и перемѣнами: авторъ выпустилъ драматическую сцену прощанія съ женой и съ отцемъ, но прибавилъ великана Гелле и жену его Рунце, стражей змѣиныхъ, которыхъ Ортнитъ долженъ былъ побѣдить сначала. Потомъ король освободилъ слона изъ драконовыхъ когтей и заснулъ подѣ очарованною липою; во время сна его, слонъ, курьезно замѣняющій здѣсь маленькую собачку¹, пытается пробудить героя и бьется за него, но Ортнитъ все же погибаетъ.

Между тѣмъ Вольфдитрихъ, послѣ смерти жены, отправился въ св. землю², чтобы помолиться за душу покойной. На воз-

¹ Собачка (*brache*) не пропала и здѣсь, но потеряла всякое значеніе; см. 529, 3.

² *Daz kriuze er an sich nam.* 531, 3.

вратномъ пути въ Фалькенизе нашелъ онъ замокъ ¹, гдѣ жилъ страшный великанъ, погубившій уже не мало народу; онъ убивалъ тѣхъ, кто заѣзжалъ къ нему, предлагая пробовать искусство въ метаніи ножа; зубцы его замка были украшены головами 500 рыцарей.

Язычникъ и его красавица дочь видятъ со стѣны подъѣзжающаго Вольфдитриха; дочь проситъ отца выѣхать ему на встрѣчу ²; тотъ охотно соглашается и ласково встрѣчаетъ его, только требуетъ, чтобъ Вольфдитрихъ поклонился Магомету (545). «Я не знаю такого, отвѣчаетъ Вольфдитрихъ: я буду сегодня пить твое вино и ѣсть твой хлѣбъ, но во имя того, кто претерпѣлъ смерть на крестѣ». Дочь владѣльца замка спрашиваетъ Вольфдитриха объ имени: «Я называюсь король Пильгеринъ изъ Трои ³». Красавица очень довольна, что онъ не Вольфдитрихъ изъ Греціи, который долженъ побѣдить ея отца. Язычникъ вызываетъ гостя на состязаніе, но тотъ понравился его дочери, и она заступилась за него. Тогда отецъ предлагаетъ ее Вольфдитриху въ замужство (эту ночь онъ долженъ непременно спать съ ней) и въ приданое свою землю. Язычникъ передъ сномъ приноситъ сонный напитокъ, но дочь выливаетъ его на землю. Отецъ ушелъ, и дѣвушка обнажила передъ Вольфдитрихомъ свое прекрасное тѣло. Но Вольфдитрихъ не хочетъ жить съ ней, пока она не приметъ христіанства. Дѣвушка проситъ дать ей понятіе объ этой религіи и о христіанскомъ Богѣ: «Слушай: его родила на этотъ свѣтъ чистая дѣва, по имени Марія, родомъ іудейка; ангелъ возвѣстилъ ей, что она родитъ намъ Спасителя ⁴». Язычница считаетъ все это обманомъ. Вольфдитрихъ, видя бесполезность своихъ усилій и опасаясь искушенія, положилъ обнаженный мечъ между собою и дѣвушкой; всѣ ея усилія возбудить въ немъ страсть остались безплодны. На

¹ Этотъ эпизодъ, слишкомъ краткій и неосмысленный въ Вольфдитрихѣ А (по дрезденской рп.), я здѣсь излагаю подробно.

² 542. 3. Si sprach: „vater hêrre, ich wil dich wizzen lân“, на словѣ wizen прерывается рп. В.

³ 551. 4. Ich bin genant von Troyen der künig Pilgerin.

⁴ 573. Sich, den hât ein reiniu maget an dise welt getragen. Diu ist geheizen Marjâ, daz wil ich dir sagen. und was auch ein jüdinne, daz sage ich dir für wâr. Ir kunte ein engel daz si in uns zeinem heile gebar. Любопытное мѣсто для культа Маріи.

другое утро дочь жалуется отцу на нелюбезность Вольфдитриха, и язычникъ вызываетъ его на смертный бой на такихъ условіяхъ: каждый изъ противниковъ получаетъ по 3 ножа и по стулу. Сперва язычникъ будетъ бросать ножи въ Вольфдитриха; тогда тотъ будетъ стоять на стулѣ, имѣя право увертываться, какъ угодно, только не становиться на землю; если Вольфдитрихъ послѣ 3-ьяго удара останется въ живыхъ, онъ можетъ бросить свои 3 ножа. Увидѣвъ, какъ искусно увертывается Вольфдитрихъ отъ ударовъ, язычникъ спрашиваетъ его: «кто выучилъ тебя этому прыжку? На всемъ свѣтѣ его знаетъ только герцогъ Берхтунгъ; скажи, не Вольфдитрихъ ли ты? Въ такомъ случаѣ я все уступлю тебѣ». Вольфдитрихъ отпирается. Язычникъ жалуется, что Магометъ его покинулъ. «Твой Магометъ — дьяволъ, и онъ не поможетъ тебѣ¹», говоритъ его противникъ. Видя отца въ опасности, дочь обращается съ молитвою къ Магомету; «онъ заснулъ²», остричь надъ нею Вольфдитрихъ. 3-ьимъ ударомъ онъ убилъ язычника; подданные послѣдняго бросились на него, чтобъ отмстить за смерть господина, но 50 изъ нихъ полегли на мѣстѣ, остальные разбѣжались; увидавъ изъ этого, что «великъ Богъ христіанскій» (632, 3), они просятъ Вольфдитриха крестить ихъ. «Здѣсь нѣтъ священника и капеллана», замѣчаетъ Вольфдитрихъ, но тѣ уже явились, неизвѣстно откуда, и окрестили 400 язычниковъ, которыхъ побѣдитель выучилъ вѣрѣ и Ave Maria³. Вольфдитрихъ собирается ѣхать; но вокругъ всего замка явилась рѣка; онъ беретъ съ собою дочь язычника на сѣдло и отправляется по мосту; когда онъ доѣхалъ до середины, мостъ съ обѣихъ сторонъ оказался сломаннымъ, а язычница превратилась въ сороку и улетѣла. Она готова вывести Вольфдитриха изъ затруднительнаго положенія, если онъ поклонится Магомету. Вольфдитрихъ отказался и бросился съ моста; очарованіе исчезло, и Вольфдитрихъ оказался на прекрасномъ лугу. Но она не оставила

¹ 609, 1. wänd er ein tiuvel ist.... Общее представленіе языческихъ боговъ въ видѣ христіанскихъ чертей.

² 625. 4. Iuwer got Machmet, waen er entslafen ist.

³ 637. 3 и 4. Er lerte si den glouben, der getriuwe Wolddietrich und daz âve Marjâ, daz geloubet sicherlich; no H: und das pater noster.

его въ покоѣ и приготовила ему новыя опасности: на Вольфдитриха нападаютъ 12 чертей; онъ перебилъ ихъ, а ихъ стало 24, потомъ 72 и т. д. «Но Богъ помогъ ему одолѣть ихъ»; также одолѣлъ онъ и стальную гору и горящій лѣсъ.

Далѣе слѣдуетъ уже извѣстное намъ изъ редакціи А побоище съ змѣемъ; многіе вставочные эпизоды опущены; за то эпизодъ о львѣ является въ очень распространенномъ и, такъ сказать, удвоенномъ видѣ. Когда сломался мечъ Вольфдитриха, змѣй захватилъ и его, и льва и отнесъ ихъ къ своимъ дѣтенямъ. Левъ съѣденъ, но Вольфдитриха защитили мощи св. Панкратія, вшитыя Зигеминной. Онъ очнулся во время отсутствія большаго змѣя, нашелъ Ортнитовъ мечъ Розу и, испытавъ его крѣпость ударомъ о камень, перебилъ сперва змѣенышей, а потомъ убилъ и самого большаго змѣя. Утомленный битвою, онъ засыпаетъ; дикій человѣкъ уноситъ у него мечъ, но потомъ возвращаетъ его и даже предлагаетъ свой кровь для отдыха. Продолжая свой путь, Вольфдитрихъ находитъ льва въ жестокомъ бою съ змѣемъ *сарпандомъ* и убиваетъ послѣдняго. Между тѣмъ въ Гардѣ Либгарда напрасно ожидаетъ возвращенія Ортнита¹. Придя въ отчаяніе, она обращается къ образу св. Марцеллина², которому она поручила мужа и упрекаетъ его. Святой является къ ней самъ и объявляетъ, что мужъ ея погибъ, такъ какъ не послушался ея совѣта. Тогда она приказываетъ принести портреты, свой и мужа, на одной доскѣ; обращаясь къ веселой картинѣ, она говоритъ: «стыдись смѣяться: велико мое горе, я потеряла своего мужа». Она бьетъ портреты; не найдя утѣшенія въ молитвѣ, она уходитъ на стѣну и тамъ громко начинаетъ жаловаться на свое горе. Вольфдитрихъ слышитъ ея плачь и проситъ ея, во имя Ортнита, вылѣчить его больнаго льва; та вмѣстѣ съ служанкой поднимаетъ животное на стѣну и вноситъ въ свою комнату. На другой вечеръ снова королева выходитъ на стѣну и снова подъ стѣною является Вольфдитрихъ; онъ схватываетъ огромный камень и бросаетъ его вверхъ, потомъ объявляетъ Либгардѣ, что она должна перестать плакать: Ортнитъ отомщенъ, и змѣи убиты. Слова эти

¹ Поэтъ забылъ, что въ строфѣ 529 онъ уже далъ ей знать о его смерти.

² По Н: st. Amasian.

слышалъ графъ Вальдунгъ изъ Битерне; на другой день, когда Вольфдитрихъ снова уѣхалъ въ лѣсъ, графъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ лежали убитые драконы, и отрубилъ ихъ трупамъ головы (языки еще прежде вырѣзалъ Вольфдитрихъ); сопровождавшіе его 500 рыцарей должны были подтвердить, что онъ—побѣдитель драконовъ; двое изъ нихъ несогласны; одинъ находитъ Вольфдитриха и рассказываетъ ему, какъ графъ хочетъ воспользоваться его подвигомъ. Вольфдитрихъ спрашиваетъ графа, дѣйствительно ли онъ намѣренъ утверждать такую ложь? Графъ вмѣсто отвѣта, нападаетъ на него съ своими людьми, но Вольфдитрихъ перебилъ 50 человекъ, и самъ графъ едва спасся; однако онъ явился въ Гарду, предъявилъ головы и объявилъ, что Либгарда должна быть его женою. Во время сватъбы является Вольфдитрихъ въ видѣ странника и садится около двери. Невѣста высылаетъ ему кубокъ вина, въ который онъ бросаетъ Ортнитовъ перстень; Либгарда призываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ эту вещь? Вольфдитрихъ называетъ себя и объявляетъ, что онъ, а не графъ побѣдилъ змѣевъ, въ доказательство чего показываетъ языки змѣевъ («когда же головы бываютъ безъ языковъ?») (780, 4). Во дворцѣ начинается битва; вылѣченный левъ Вольфдитриха является помогать своему господину. Либгарда отдана Вольфдитриху; на другой день онъ требуетъ, чтобъ 12 человекъ свидѣтелей¹ отправились съ нимъ къ пещерѣ, гдѣ живутъ змѣи; всѣ отказываются. Змѣй, оставшійся въ живыхъ, приходитъ и похищаетъ королеву; Вольфдитрихъ отбиваетъ ее. Когда Либгарда оплакала Ортнита, Вольфдитрихъ заснулъ, положивъ голову на колѣни жены; приходитъ карликъ Биллунгъ² и похищаетъ королеву. Повторяется та же исторія, что съ Дразіаномъ, только замокъ карлика украшенъ болѣе въ рыцарскомъ духѣ. Послѣ смерти похитителя является другой карликъ благодарить Вольфдитриха: вся эта земля и замокъ принадлежали прежде ему, но были несправедливо отняты у него Биллунгомъ. Онъ показываетъ Вольфдитриху чудеса замка—волшебную липу, изъ которой выходятъ богато-одѣтыя прислужницы, а въ липѣ кедръ, заключающій вино; онъ даритъ Вольфдитриху ящикъ, изъ котораго можно

¹ Въ Н нелѣпая замѣна: вм. ziuge — zwerge.

² 800. 3. Billunc hiez daz twerc. Ср. Grimms Mythol. 847.

добыть до 500 вооруженныхъ воиновъ, и рогъ, на звукъ котораго явится онъ самъ.

По дорогѣ домой Вольфдитрихъ помогаетъ родильницѣ, только здѣсь она не графиня, а дикая женщина, и исходъ иной: возвращаясь съ водой, онъ находитъ ее мертвою. Прошелъ годъ; нѣсколько дней Вольфдитрихъ ходитъ печальный и задумчивый. Жена спрашиваетъ, что такое съ нимъ. Его печалитъ судьба его 11-ти вассаловъ, которыхъ онъ не видалъ ужъ въ продолженіи 30 лѣтъ. Жена предлагаетъ ему 11.000 вмѣсто ихъ, но онъ не возьметъ и всѣхъ царствъ земныхъ: онъ долженъ непременно отправиться. Жена объявляетъ, что она беременна; онъ приказываетъ ей, если родится мальчикъ, назвать его Гугдитрихомъ, а если дѣвочка, то какъ ей угодно¹. На двухъ корабляхъ отправляется онъ въ Константинополь; оставляетъ людей въ лѣсу, а самъ ночью подходит къ городской стѣнѣ; ее стерегутъ его вассалы, 10 сыновей Берхтунга (старикъ уже умеръ), скованные по двое. Вольфдитрихъ, стоя внизу, слышитъ, какъ они жалуются на свою горькую участь, но не столько о себѣ беспокоятся они, сколько о своемъ господинѣ Вольфдитрихѣ, котораго они не видали ужъ 32 года. «Что вы дадите тому, говоритъ Вольфдитрихъ: кто покажетъ вамъ вашего господина живымъ?» «Еслибъ мы имѣли что-нибудь, мы отдали бы все». Они рассказываютъ страннику, какъ съ ними обращаются теперь; на двухъ выдаютъ имъ только половинку хлѣба и глотокъ воды. Вольфдитрихъ говоритъ: «я, бѣдный странникъ, прошу у васъ четверть хлѣба во имя того, кого вы любите больше всѣхъ людей». «На поминъ души отца и матери мы не дали бы, но для Вольфдитриха возьми», и они бросаютъ ему то, что онъ проситъ. Тогда Вольфдитрихъ называетъ себя. Сыновья Берхтунга обращаются съ молитвою къ Христу, чтобъ онъ разрѣшилъ ихъ оковы, и по ихъ молитвѣ желѣзо спадаетъ съ ихъ рукъ. Когда они прыгнули со стѣны и поздоровались съ нимъ, онъ спрашиваетъ о своемъ учителѣ Берхтунгѣ. Они говорятъ ему, какъ онъ умеръ съ горя, видя дѣтей своихъ въ такомъ несчастномъ положеніи. Вольфдитрихъ идетъ къ его могилѣ, и по его молитвѣ мертвецъ заговорилъ съ нимъ: душа его спа-

¹ По Н. Amelgart.

сена; тоже ожидаетъ и Вольфдитриха, котораго онъ просить заботиться о своихъ сыновьяхъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ распространилась вѣсть о появленіи Вольфдитриха и объ освобожденіи его вассаловъ; отрядъ въ 1.000 человекъ нападаетъ на Вольфдитриха, но онъ, даже не прибѣгая къ рогу и къ своему войску, съ помощію 10 вассаловъ, побѣждаетъ его. Когда же выступаетъ другое, большее войско, гдѣ находятся его братья, онъ трубитъ въ рогъ, и на звукъ его является карликъ съ отрядомъ въ 2.000 человекъ; братья побѣждены и взяты въ плѣнъ. Одинъ изъ сыновей Берхтунга предлагаетъ разрушить Константинополь и перебить людей: много зла надѣлали имъ Константинопольцы во время ихъ рабства. «Нѣтъ, говоритъ Вольфдитрихъ: городъ, гдѣ были 7 апостоловъ, не долженъ быть разрушенъ; только тѣ изъ жителей будутъ казнены, кто не согласится принять христіанства» (926, 927). 10 вассаловъ получили назадъ свои земли и въ награду все константинопольское царство.

Вольфдитрихъ возвратился домой.

«И жилъ добродѣтельный мужъ въ Гардѣ съ своей прекрасной супругой до самой смерти¹»:

¹ 932. Do beleip er da ze Garten, der tugenthafte man, bi siner schoenen vrouwen unz er sin ende nam.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вольфдитрихъ Д или большой Вольфдитрихъ; рукописи и изданія, содержаніе.

Всѣхъ рпп. большого Вольфдитриха считается 8, всѣ очень позднія, XV в., и всѣ бумажныя.

1) А¹, (по Енике е) Гейдельбергская рп. №. 373 in fol. безъ раздѣленія строфъ; 1—25а она содержитъ Ортнита, отъ 25в—131а Вольфдитрихъ съ надписью: *Disz büch ist wol bekant Vnd seit von Wolf Dieterichen wsz Kriechen lant*; изъ начала столѣтія, какъ предполагаетъ Гольцманъ.

2) В, (по Енике f) изъ Öрингена, in fol., содержитъ 1—29 Ортнита, 30—189 Вольфдитриха; безъ строфъ и безъ заглавія; написана тремя различными почерками; по предположенію Öхсле старше 1434 г., по Гольцману моложе.

3) С, (по Енике g) изъ придворной библіотеки zu Donaueschingen, fol., съ годомъ 1452; 1—25 листа (безъ начала) Ортнитъ, 26—148а Вольфдитрихъ; написана, за исключеніемъ 70 листа, однимъ почеркомъ, очень небрежно.

Эти 3 рпп. составляютъ по Гольцману 1-й классъ, такъ какъ онѣ существенно отличаются отъ слѣдующихъ; Енике существенными эти отличія не считаетъ.

4) а, Гейдельбергская рп. № 365 fol. малый; имѣетъ любопытную надпись: *poeta in laudem Lamparti regis*; Ортнитъ 1—36а, Вольфдитрихъ 36а—186в, безъ раздѣленія на стихи, но съ дѣленіемъ на строфы. Авантюры имѣютъ инициалы и надписи киноварью. Ею пользовался Моне для своего изданія Ортнита.

5) в, изъ библіотеки города Франкфурта, fol.; Ортнитъ 1—40, Вольфдитрихъ 40—226; послѣ 59 и 200 недостаетъ по одному листу; безъ раздѣленія стиховъ, строфъ и авантюровъ.

¹ Придерживаюсь нумераціи единственнаго издателя Гольцмана. Подъ именемъ Енике я разумѣю обоихъ издателей Deutsches Heldenbuch.

6) с, изъ библіотеки Страсбургской семинаріи, fol.; содержитъ 1—12 предисловіе къ *Heldenbuch*, 13—52 Ортнита, 53—201 Вольфдитриха, далѣе Розовый садъ, Зигенота, Лаурина и Амиса; писана, вѣроятно, однимъ почеркомъ, но въ разное время около 1450; въ срединѣ (л. 279) писецъ называетъ себя „diebolt von hanowe der goltsmider.“

7) d, изъ Страсбургской Іоаннитской библіотеки № 1381; fol., писана въ 1476 г. Единственная рп. гдѣ Ортнить стоитъ сзади Вольфдитриха, отдѣленный отъ него другими поэмами: 1—110в Вольфдитрихъ безъ перваго листа, 111а—133в Розовый садъ, 134а—172а Салманъ и Морольфъ, 173—195в. Ортнить.

8) У, вѣнская рп. *Piaristencollegium zu st. Thekla*; за первымъ выходомъ Дитриха и Антеланомъ слѣдуетъ Ортнить до 23 и Вольфдитрихъ, за которымъ слѣдуютъ Нибелунги ¹. Ортнить имѣетъ такую надпись: *Das ist die hystoria des edlen kaiser ortneitz ausz lamparten und seiner frawen Libegart*. Вольфдитрихъ обозначенъ такъ: *Das ist die historia wolffditreichs aus krichenlant wie er ortneis weip erfacht*.

Кромѣ того существуютъ еще отрывокъ въ 24 строфы, очень близкій къ А въ Вернигероде ².

Большой Вольфдитрихъ изданъ вполнѣ только одинъ разъ Гольцманомъ ³ съ обширнымъ введеніемъ критическимъ и историколитературнымъ. На текстъ его изданія и на его историколитературныя соображенія сильно нападаетъ Енике, что отчасти происходитъ вслѣдствіе личныхъ соображеній: Енике жаркій сторонникъ Мюлленгофа, по бумагамъ и системѣ котораго онъ работаетъ, а Мюлленгофъ ученикъ Лахмана и слѣд. соперникъ Гольцмана по дѣлу о Нибелунгахъ.

Неоконченный Ортнить, составляющій введеніе къ Вольфдитриху Д, изданъ Моне ⁴ по рп. а. По рп. В Ёхсле въ 1834 г. издалъ Гугдитриха, чтобы заинтересовать публику ко всей поэмѣ. По той же рп. другой меньшій отрывокъ безъ всякой критики издалъ Шёнхутъ въ Архивѣ Гуттенберга.

При первомъ чтеніи, такъ называемой большой Вольфдитрихъ представляется распространенной и переработанной въ одномъ

¹ въ рпп. Нибелунговъ эта обозначается черезъ К; для Вольфдитриха рп. представляетъ собою не столько списокъ, сколько передѣлку, не имѣющую никакого значенія (Гольцманъ XXX).

² Найденъ и изданъ Якобомъ; см. *Die ehemalige Büchersammlung Ludwig's Grafen zu Stolberg. Wernigerode 1868*.

³ Heidelberg 1865.

⁴ Berlin 1821. Въ Вѣнѣ я не могъ найти этого изданія, но люди, имѣвшіе его въ рукахъ, какъ Шереръ и Енике, говорятъ, что я потерялъ немного.

⁵ *Hugdetrichs Brautfahrt und Hochzeit. Öhringen u. Stuttgart*.

стиль вторичной редакціей, съ которой первая половина Вольфдитриха В представляет одинъ списокъ. Единство и большая послѣдовательность, также какъ и многочисленныя, очевидно позднѣйшія вставки указываютъ на значительную самостоятельность автора; ясность и обстоятельность изложенія—на внѣшній талантъ. Вставленные имъ эпизоды, судя по многочисленности рпп., очень нравились современной публикѣ; но и мы не можемъ отказать имъ въ поэтическомъ достоинствѣ; мѣстами они дополняютъ пробѣлы второй половины Вольфдитриха В, но чаще представляютъ неорганическіе наросты, являющіеся 1) вслѣдствіе страсти къ распространенію, 2) вслѣдствіе стремленія къ циклизированію, 3) вслѣдствіе интереса къ рыцарской жизни и крестовымъ походамъ. Я ограничусь перечисленіемъ незнакомыхъ читателямъ эпизодовъ, останавливаясь подробнѣе только на тѣхъ, которые, вѣроятно, взяты авторомъ изъ древнѣйшей редакціи; для знакомства съ рыцарскими добавленіями, приведу въ подробномъ изложеніи одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ—объ Ами.

1. Олфанъ Вавилонскій нападаетъ на царство Гугдитриха; молодой Вольфдитрихъ, возвращающійся домой съ 11 вассалами, рѣшаетъ судьбу битвы въ пользу отца 271—302.

2 ¹. Ортнитъ хвалится, что всѣхъ побѣдилъ; герцогъ Гертартъ указываетъ ему на короля греческаго, который остается свободнымъ. 12 графовъ и во главѣ ихъ Германъ посланы въ Грецію. Гугдитрихъ призываетъ дѣтей на совѣтъ; младшіе думаютъ, что надо защищаться, но отецъ боится за ихъ жизнь и изъявляетъ готовность исполнить требованіе Ортнита. Вольфдитрихъ въ гнѣвѣ возстаетъ противъ отца и объявляетъ посламъ, что онъ скоро самъ явится къ Ортниту и будетъ драться съ нимъ; послы въ страхѣ удаляются.

3. Берхтунгъ живетъ у языческаго короля, который научаетъ его кидать ножъ.

4 ². Пока Вольфдитрихъ, войско котораго истреблено братьями, находился въ лѣсу, 12 великановъ Беламунта, брата Олфанова, (398) унесли его спутниковъ и посадили въ тюрьму; потомъ

¹ Aventure wie Otnit sante zu Hugdietrichen daz er im sollte zinsen sine Land.

² Aventure wie Woldietriche sin diener wurden gefangen ob dem brunnen.

они напали и на самого Вольфдитриха, но тотъ перебилъ ихъ; съ помощію совѣтовъ карлика, которому Гугдитрихъ оказалъ какое-то благодареніе и который за то указываетъ теперь Вольфдитриху средство размягчить непроницаемую кольчугу Беламунта и приносить Вольфдитриху сильную воду, онъ побѣждаетъ и самого Беламунта; потомъ приходитъ къ его замку, убиваетъ привратника и другихъ великановъ, вытягиваетъ на ремняхъ изъ подземной тюрьмы своихъ вассаловъ и пируетъ въ замкѣ.

Дѣйствія Эльзы здѣсь мотивированы проклятіемъ мачихи; снять это проклятіе и возвратить ей ея красоту могъ только лучший на свѣтѣ герой ¹.

Поединокъ съ Ортнитомъ, мотивированный прежде сдѣланнымъ вызовомъ, сходенъ съ Вольфдитрихомъ В и ближе къ рп. В, чѣмъ къ Н. ².

Авантюръ съ Дразіаномъ (здѣсь *Тресіаномъ*) значительно распространенъ въ стилѣ рыцарскихъ романовъ и мѣстами чрезвычайно удачно: лѣсникъ рассказываетъ Вольфдитриху, что онъ видѣлъ, какъ великанъ влекъ черезъ лѣсъ горько плачущую женщину (сцена очень извѣстная въ рыцарскихъ книгахъ). Замѣтивъ странника изъ окна, Зигеминна посылаетъ свою дѣвушку Фромуть узнать, кто онъ такой. Узнавъ Вольфдитриха, Зигеминна, уже увѣренная въ своемъ близкомъ спасеніи, даетъ Тресіану обѣщаніе жить съ нимъ. На вопросъ жены, не слыхалъ ли онъ чего нибудь о Вольфдитрихѣ, Вольфдитрихъ говоритъ, что онъ слышалъ, будто у одного князя старой Трои уведена жена; это (а не извѣстіе о женитьбѣ) приводитъ великана въ такое бѣшенство, что онъ вызываетъ Вольфдитриха на поединокъ. Послѣ битвы съ Тресіаномъ, Вольфдитрихъ долженъ еще биться съ его сестрою, великаншею Берилле (722); она побѣждаетъ его, связываетъ и собирается вѣшать, но дождь, размягчившій его веревки, даетъ ему возможность освободиться, а

¹ Von einer stiefmutter ich verfluchet bin,
daz wissest, tegen guter, bisz daz die sinne sin
an mich wendet der beste, der inder welt hat daz leben;
daz bistu, lieber herre, viltu mir diu hulde geben.

Этой строфы нѣтъ въ а, b, c и d.

² Ср. Енике 377 и слѣдд. Гагенъ 380 и слѣдд.

карликъ Arfels даетъ ему шапку невидимку (Nebelkarpe) и указываетъ, гдѣ найти мечъ. Берилле побѣждена; карликъ и лѣсникъ награждены; Вольфдитрихъ возвращается назадъ съ женой и Фромуть. Смерть Ортнита рассказана также, какъ въ ред. В; только великанъ называется Velle вм. Helle. Между смертью Ортнита и Беліаномъ находятся 6 эпизодовъ разной величины.

1. 12 некрещеныхъ разбойниковъ, завидя Вольфдитриха, начинаютъ дѣлать между собою его оружіе (834—864); Вольфдитрихъ перебилъ ихъ всѣхъ; теперь всѣ вы получили поровну (nun sind ir alle zu gleichem teile kumen), съ кровавой проніей замѣчаетъ онъ;—эпизодъ, извѣстный намъ изъ ред. А, изъ XII авантюра.

2. Вольфдитрихъ отдыхаетъ передъ новыми подвигами.

3. Вольфдитрихъ убиваетъ великана людоѣда, который изжарилъ и съѣлъ его кормчаго.

4. Происшествія на морѣ: мальчикъ ведетъ корабли Вольфдитриха; на нихъ нападаютъ 70 разбойниковъ съ греческимъ огнемъ; щитъ Вольфдитриха едва не сгорѣлъ; но Вольфдитрихъ побѣдилъ ихъ и перебилъ всѣхъ, кромѣ одного Гере, который былъ окрещенъ подъ именемъ Вернера.

5. Вольфдитрихъ въ Акрѣ защищаетъ нѣмецкій орденъ.

6. Вольфдитрихъ освобождаетъ Іерусалимъ отъ Мерціана, при чемъ погибаетъ Вернеръ, и самъ Вольфдитрихъ попадаетъ на время въ руки враговъ¹.

Приключенія Вольфдитриха у язычника Беліана и его дочери—Марпали здѣсь изложены несравненно полнѣе и толковѣе, чѣмъ въ В; они занимаютъ почти 250 строфъ (1059—1301). Дѣйствіе происходитъ въ странѣ *wilden Russen*. Здѣсь является новая личность—Грамабетъ, привратникъ великана, помогающій Вольфдитриху и получающій въ концѣ эпизода замокъ Беліана. Сцена съ дочерью язычника несравненно живѣе и художественнѣе, но древній приѣмъ—обнаженный мечъ—утраченъ.

Въ отношеніи волшебства пренебреженной дѣвушки авторъ экономнѣе.

Между отъѣздомъ Вольфдитриха отъ Беліана и его прибытіемъ въ Гарду вставлено 6 эпизодовъ.

¹ Всѣ эти 6 эпизодовъ (изъ нихъ послѣдній вмѣщаетъ въ себѣ множество происшествій) занимаютъ не болѣе 200 строфъ; тогда какъ въ другихъ мѣстахъ редакціи рассказъ отличается обстоятельностью.

1. Вольфдитрихъ побѣждаетъ 500 Сарацинъ.

2. Карликъ спасаетъ его отъ потопленія и потомъ объявляетъ ему, что они находятся около замка его братьевъ, гдѣ томятся въ неволѣ его вѣрные вассалы. Вольфдитрихъ не рѣшается сражаться безъ людей, но все же не хочетъ оставить безъ утѣшенія своихъ вѣрныхъ слугъ и, проскакавъ мимо замка, даетъ имъ знать, что онъ живъ: сыновья Берхтунга узнали стукъ копытъ его коня.

3. Вольфдитрихъ побѣждаетъ Бальдемара, который требуетъ съ него руки или ноги.

4. Онъ ласково принятъ королемъ Марсильяномъ и его семействомъ.

5. Онъ задержанъ по дорогѣ у лѣсной женщины.

6. Приключенія въ Терфисѣ,

Простившись съ доброю Роме—такъ называлась лѣсная женщина,—Вольфдитрихъ на 5 утро пріѣхалъ въ Терфисъ (1443, 4), куда въ это время съѣхалось много витязей изъ Милана и Ломбардіи: красавица Ами, дочь владѣтеля ¹ многихъ замковъ и земель Вернера, повѣсила на шелковой ниткѣ кольцо; кто упадетъ въ него копьемъ, получитъ славу и поцѣлуй красавицы. 800 ² рыцарей, желавшихъ испытать свое искусство, окружали ея тронъ; лучший между ними былъ Германъ, графъ Тосканскій. Вдали показывается вооруженный Вольфдитрихъ; его замѣтила Ами. «Отецъ, говоритъ она: будь моимъ вѣстникомъ къ страннику; скажи ему, что здѣсь никто не сдѣлаетъ ему зла; онъ, кажется, думаетъ, что готовятся напасть на него». Вернеръ исполняетъ желаніе дочери. Вольфдитрихъ, дѣйствительно предполагавшій въ собравшихся рыцаряхъ дурныя намѣренія, бросается на него съ копьемъ, но Вернеръ уклонился и объяснилъ ему, что не для нападенія на странника, а для поцѣлуя красавицы собрались эти рыцари. «И я могу надѣяться на ту же награду?» «Если вы заслужите ее, вы получите 3 поцѣлуя», говоритъ ему Вернеръ. Вольфдитрихъ присоединяется къ другимъ рыцарямъ. Ему, какъ гостю, предлагаютъ первому испытать свое искусство; онъ отказывается, прочимъ опытъ не удался; графъ уговариваетъ его испытать свои силы. «14 дней безъ

¹ *burger* Grimm Wörterb. II, 537—житель замка, владѣтель замка.

² по *w* (т. е. а, b, c) 500.

корму и поила везла меня моя лошадь: какая же сила может быть теперь у нея? Хозяинъ предлагаетъ ему своего коня, но когда Вольфдитрихъ положилъ руку на сѣдло ему, конь палъ на кукорочь. Вольфдитрихъ проситъ корму для своей лошади; Вернеръ готовъ дать, сколько угодно. «Нѣтъ, я испытаю, правду ли мнѣ сказалъ мой воспитатель: онъ увѣрялъ, что послѣ четырнадцатидневной ѣзды конь мой не ослабѣетъ». Онъ крѣпко подтянулъ подпруги, вскочилъ безъ стремени на сѣдло и сорвалъ кольцо. Ами спѣшитъ къ нему навстрѣчу. «Вы овладѣли моимъ золотомъ и за то должны быть моимъ плѣнникомъ», говоритъ ему красавица. «Вашъ плѣнъ я охотно снесу, но если бы меня захватили 60 рыцарей, то я переранилъ бы всѣхъ ихъ». Графъ Тосканскій предлагаетъ ему состязаніе на копьяхъ; закладъ долженъ быть въ 1,000 марокъ. «Я не могу поставить ни одной марки, отвѣчаетъ Вольфдитрихъ, но если вамъ угодно биться изъ-за копья и латъ, я охотно принимаю вашъ вызовъ». «Если вы такъ бѣдны, говоритъ графъ, вамъ слѣдуетъ держаться вдали отъ общества владѣтелей; едва ли съ моимъ слугой вы можете состязаться съ честью». Красавица Ами предлагаетъ въ залогъ самое себя. Если Вольфдитрихъ будетъ побѣжденъ, и отецъ не выкупитъ ее, она будетъ принадлежать графу; она только требуетъ, чтобъ Вольфдитриху и его коню дали 14 дней отдыха. Эти дни Вольфдитрихъ проводитъ у Вернера; въ воскресенье, черезъ 12 дней ему даютъ пиръ, а въ среду является графъ съ 500 рыцарей и вызываетъ Вольфдитриха. Ами беретъ съ графа клятву, что въ случаѣ побѣды Вольфдитриха, графскіе рыцари не сдѣлаютъ ему зла. Она сама вооружаетъ героя и надѣваетъ на него кольчугу Ортнита ¹. Графъ проситъ перваго удара; Вольфдитрихъ соглашается. Графъ имѣлъ силу 8 человѣкъ (1495, 4), но все же далеко не могъ равняться съ Вольфдитрихомъ: тотъ усидѣлъ на сѣдлѣ, а графъ упалъ на землю отъ силы собственного удара. Графъ предлагаетъ заплатить закладъ, но Вольфдитриху хочется показать свою силу ²: на 8 сажень отлетѣлъ несчастный. Ами смѣется надъ нимъ; «проигравшій, говоритъ благородный графъ, всегда подвергается насмѣшкамъ». Рыцари графа бросаются на

¹ des alten Otnides sie vor gewesen was 1490, 3.

² 1504, 2. waz ich volbringen kan.

Вольфдитриха, но 60 изъ нихъ гибнутъ отъ его ударовъ; между тѣмъ къ нему на помощь подоспѣлъ Вернеръ и отбилъ остальныхъ. Вольфдитрихъ съ почетомъ возвращается во дворецъ. Красавица Ами говоритъ отцу: «дай мнѣ въ мужья этого достойнаго человѣка». «Еще мы не знаемъ, кто онъ такой: я дамъ тебѣ въ мужья того, кто имѣетъ земли и замки». «Но я люблю его ¹; у насъ довольно серебра и золота; доблесть его мнѣ извѣстна: дай намъ вмѣстѣ замковъ и земель». Отецъ наконецъ соглашается сдѣлать за нее предложеніе Вольфдитриху; «вѣдь ты еще не знаешь, захочетъ ли онъ соединить съ тобою свою жизнь» (1517, 4). Вольфдитрихъ объявляетъ, что пока ему нѣтъ времени думать о любовныхъ дѣлахъ: онъ долженъ ѣхать къ своему товарищу Ортниту, котораго онъ давно не видалъ. Вернеръ объявляетъ ему о смерти императора. Вольфдитрихъ, въ большомъ горѣ; «если императрица осталась вдовою, то я съ помощію Божіею перебѣю змѣевъ и возьму ее за себя замужъ». Вернеръ приноситъ эту печальную вѣсть своей дочери. «Ну дай ему Богъ счастья!» говоритъ красавица. Она приходитъ къ Вольфдитриху и спрашиваетъ, къ кому ей теперь обратиться? «У меня есть въ одной землѣ 11 вассаловъ; 7 изъ нихъ графы и 4 герцога; изъ нихъ лучшаго дамъ я вамъ въ мужья». Вернеръ провожаетъ Вольфдитриха до Гарды.

Сцена перваго свиданія съ Либгардою много толковѣе и художественнѣе, чѣмъ въ ред. В. Пословицы вставлены вполнѣ у мѣста ². За тѣмъ слѣдуетъ извѣстное намъ изъ XV авантюра Вольфдитриха А происшествіе съ убитымъ рыцаремъ, рассказанное съ большей полнотою; женщина стыдится услугъ Вольфдитриха, потому что она совсѣмъ раздѣта; конецъ иной: Вольфдитрихъ, возвращаясь съ водой, находитъ женщину и ребенка мертвыми. Бой съ змѣемъ распространенъ не эпизодами, а длинными рѣчами Вольфдитриха (1688 и слѣд.); онъ говоритъ о томъ, какъ Богъ спасъ Ноя, Даниїла ³ и Іону ⁴. Изъ змѣинаго побоища спаслась одна старая змѣя и одинъ змѣенышъ, «его черезъ 80 лѣтъ убилъ Дитрихъ Бернскій» (1678, 4). Изъ трупа

¹ so bin ich dessen holt.

² 1573. 1 и 2. Nu hand wir frowen langes har und darzu kurzen mut; waz wir hinaht versprechen, wie gerne wir ez morne tun.

³ do nerte er Danielen, der vor den lewen lag, zwar der war sieben.

⁴ nerte er ouch Jonasen... do genas der tegen rich.

Ортнита ангель объявляет Вольфдитриху, что онъ можетъ взять его вооруженіе, которое оказывается очень тяжелымъ и для Вольфдитриха. Роль Вальдунга изъ Битерны играетъ графъ Гервартъ; явленіе въ видѣ странника и эффектная развязка здѣсь выпущены. Въ ссору съ графомъ вставлены 2 новыя лица: Гартманъ и Германъ (узнавшій Вольфдитриха въ Терфисѣ), помогающіе герою. Вольфдитрихъ не хочетъ явиться къ императрицѣ, такъ какъ еще не всѣ змѣи перебиты имъ. «Съ плачемъ сказала благородная императрица: въ лѣсу много медвѣдей и кабановъ; если онъ изъ за нихъ останется тамъ, мнѣ долго придется ждать его» (1761). Происшествіе съ больнымъ львомъ и битва во дворцѣ изложены нѣсколько иначе, чѣмъ въ В. Вольфдитрихъ тайкомъ проникаетъ въ комнаты императрицы; бургграфъ съ своими людьми врывается за нимъ, такъ какъ Вольфдитриха, вслѣдствіе надѣтой на немъ кольчуги Ортнита, считаютъ за убійцу послѣдняго. Оставшаяся въ живыхъ змѣя не уноситъ королевы, но внушаетъ такой страхъ свидѣтелямъ, что тѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Похищенія королевы Бильдунгомъ здѣсь также нѣтъ. Походъ Вольфдитриха для освобожденія вассаловъ облеченъ въ совершенно незнакомыя намъ формы. Замѣтивъ, что мужъ скучаетъ, Либгарда спрашиваетъ его о причинѣ. Вольфдитрихъ наконецъ рассказываетъ ей о своихъ одиннадцати вассалахъ. «За 10 изъ нихъ я дамъ вамъ 30,000, а за одиннадцатаго пойду сама», говоритъ королева; «30 такихъ, какъ вы, я не взялъ бы за 11 моихъ вассаловъ». Разгнѣванная Либгарда собираетъ 3000 воиновъ и объявляетъ имъ, какъ жестоко разобидѣлъ ее мужъ: для него слуга дороже жены. Молодые люди жестоко возмущены этимъ, но одинъ старый рыцарь требуетъ, ut audiatur et altera pars. Вольфдитрихъ рассказываетъ собранію, что для него сдѣлалъ Берхтунгъ, его учитель. Тогда только узнаетъ Либгарда, кто ея мужъ, и умоляетъ его о прощеніи; тотъ сдается на ея просьбы только ради покойнаго Ортнита.

Когда Вольфдитрихъ съ своими людьми прибылъ къ стѣнамъ Константинополя, по совѣту уже извѣстнаго намъ Германа, войска располагаются въ лѣсу; къ стѣнѣ отправляется Вольфдитрихъ въ сопровожденіи 12 спутниковъ. Сцена передъ стѣной ясная и представляетъ больше внутренняго единства. Въ ней есть одна новая черта: Берхтунгъ умеръ съ горя оттого, что въ праздничный день дѣти его не имѣли другаго платья, кро-

мѣ своихъ кожаныхъ кафтановъ. 7 апостоловъ также заставля-
ютъ пощадить Константинополь. Дитрихъ изъ гроба требуетъ,
чтобы за его душу Вольфдитрихъ отслужилъ 70 обѣденъ. Плѣн-
ныхъ братьевъ Вольфдитрихъ отводитъ къ своей женѣ, которая
выпрашиваетъ для нихъ прощеніе. Скоро самъ побѣдитель воз-
вратился въ Италію, короновался въ Римѣ императорскою коро-
ною (2.064), пріѣхалъ въ Гарду, и тамъ пошли праздники за
праздниками, послѣ которыхъ всѣмъ помощникамъ и друзьямъ
своимъ герой роздалъ награды. Красавица Ами отдана замужъ за
Геребранта, сына Берхтунгова, отъ котораго она родила потомъ
3-хъ сыновей: Гильдебрандта, Нере и Ильзана и дочь Мергарту;
отъ послѣдней пошли Вульфинги. Вольфдитрихъ жилъ еще 20
лѣтъ съ женою, и она родила ему сына Гугдитриха, котораго
онъ отдалъ на воспитаніе Геребранту. Когда умерла импера-
трица, Вольфдитрихъ пошелъ замаливать свои грѣхи въ мона-
стырь Тичаль «на краю христіанской земли», принадлежавшій къ
ордену св. Іоргена. Онъ преобразовалъ монастырскіе обычаи: тре-
бовалъ, чтобы пищу дѣлили поровну между всѣми, а господъ, кото-
рые были недовольны такимъ дѣленіемъ, онъ вѣшалъ за бороды.
Языческій король Тарсіасъ прислалъ въ монастырь требованіе,
чтобъ монахи подчинились ему; Вольфдитрихъ, конечно, отказалъ и
сталъ готовиться къ отпору; онъ призвалъ своего сына, кото-
рый явился съ своими друзьями и войскомъ; Тарсіасъ съ языч-
никами обложилъ монастырь. Начинается битва, въ которой
Вольфдитрихъ начальствуетъ надъ своими монахами; «буквы,
которыя прописываетъ онъ намъ, жалуются язычники, тяжело-
ваты; онъ жестокій проповѣдникъ» (2.201). Побѣжденный Тар-
сіасъ дѣлается христіаниномъ. Послѣ битвы Гугдитрихъ и Гиль-
дебрандтъ награждены рыцарскими шпорами; при этомъ случаѣ
Гильдебрантъ получаетъ гербъ: 3-хъ волковъ на золотомъ полѣ.
Послѣ этого Вольфдитрихъ жилъ въ строгомъ покаяніи, но
онъ былъ недоволенъ имъ; онъ просилъ монаховъ, чтобъ они
назначили ему такой подвигъ, посредствомъ котораго онъ въ
одну ночь могъ бы замолить свои грѣхи. Въ церковь поставили
гробъ (bace), и въ немъ Вольфдитрихъ просидѣлъ ночь; души
всѣхъ убитыхъ имъ собрались: онъ долженъ былъ сражать-
ся съ ними. За эту ночь посѣдѣли волосы на головѣ его, но
все же онъ дожилъ до утра и жилъ еще 16 лѣтъ. «Ангелы
при концѣ отвели его душу къ Господу Богу; да будетъ такъ
и со всѣми нами».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отрывки и передѣлки; Вольфдитрихъ С. Дрезденская рп. Старопечатная Heldenbuch. Яковъ Айеръ. Didrik af Berns Saga.

Кромѣ трехъ изложенныхъ мною средневѣковыхъ редакцій Вольфдитриха, до насъ дошли отрывки одной чрезвычайно любопытной для критики поэмы рп., заключавшей въ себѣ между прочимъ Ортнита и любопытную, отличающуюся отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ редакцію, такъ называемаго Вольфдитриха С.

Рп. съ внѣшней стороны очень подходитъ къ Виндгагенской; она писана на пергаменѣ въ 2 столбца, по 44 строки въ каждомъ, съ большими разрисованными буквами; почеркъ и друг. внѣшнія отличія заставляютъ отнести ее къ концу XIII или началу XIV в.¹ До 1855 г. были извѣстны 4 отрывка, изрѣзанные переплетчикомъ; 1-й отрывокъ Киндерлинга сдѣлался извѣстнымъ еще въ 1798 г.²; онъ изданъ Доце-номъ³, потомъ Гагеномъ въ 1855 и заключаетъ въ себѣ около 23 строфъ Ортнита, сходныхъ по содержанію съ извѣстнымъ намъ текстомъ и отличныхъ только по внѣшней формѣ (3-ье лице замѣняется первымъ и т. д.). 2-ой отрывокъ изъ 3-хъ изрѣзанныхъ листовъ вымѣнялъ Гагенъ у Эберта (тотъ добылъ ихъ въ Вольфенбюттелѣ); одинъ изъ нихъ заключаетъ нѣсколько строфъ того же Ортнита (см. Hagen I, 155—157), а 2 другіе—2 отрывка изъ Вольфдитриха. Послѣ Мейзебаха остался еще 1 двойной листъ⁴, также заключающій Ортнита. Всѣ эти отрывки (кромѣ перваго) въ первый разъ напечатаны у Гагена 1855 г. Недавно Бетманъ въ Вольфенбюттелѣ нашелъ очень большой отрывокъ (52½ строфы), близко подходящій по содержанію къ D. Его издалъ въ 1-й разъ, по списку вѣнскаго профессора В. Шерера, съ прибавленіемъ сво-

¹ v. d. Hagen Heldenbuch I, XXIV.

² Koch: Deutsche Lit. Gesch. Bd. II, 99.

³ Miscellaneen 1807. Bd. I, 86.

⁴ См. Germania X, 186.

его мнѣнія о большомъ Вольфдитрихѣ, Енике въ Jahresbericht über die städtliche höhere Bürgerschule 1871, Berlin, подъ названіемъ „Beiträge zur Kritik des grossen Wolddietrich.“

Отрывки этого Вольфдитриха по древности рп. и по оригинальности текста я приведу въ подстрочномъ переводѣ.

II. Онъ отправился за звѣрями въ темную пещеру, но славный витязь не зналъ, куда они пошли; и такъ онъ въ печали удалился изъ лѣсу. Между тѣмъ королева лежала на стѣнѣ до самаго вечера,.... славный король сталъ спрашивать о своей прекрасной супругѣ и о своемъ ребенкѣ; ему сказали объ этомъ, и горько было королю это слышать, и благородная свита горевала объ этомъ; красавицу принесли съ зубцевъ стѣны; благородный король Тришнель крѣпко прижалъ руками къ своему тѣлу прекрасную супругу, но королева лежала передъ нимъ какъ мертвая. Въ замкѣ Аѳинскомъ — горе..... оттого я, красавица¹, вѣчно буду печальна! Могучій и благородный государь обрадовался когда прекрасная Дитлинда (Dietlint) начала говорить. Онъ сказалъ: „лучше одно горе, чѣмъ нѣсколько.“ Князья быстро унесли оттуда королеву во дворецъ; властители, свободные и вассалы упали къ ея ногамъ; ее утѣшали многіе рыцари, государыни и достойныя любви женщины и дѣвы. Но оставимъ въ этомъ мѣстѣ добрую книгу и послушаемъ интересную повѣсть о томъ, что сдѣлалось съ Берхтунгомъ; достойный и благородный рыцарь отъ Грековъ ушелъ къ дикимъ Руцамъ², такъ какъ онъ умѣлъ метать....³ въ цѣль и еще далеко прыгать, пока этотъ достойный человекъ не приобрѣлъ удивительной тѣлесной силы. Могучій Гриппіанъ былъ къ нему по этому ласковъ, давалъ ему коней и платья, серебро и золото. До седьмага года оставался тамъ витязь, пока не пришла добрая вѣсть изъ царства греческаго. Будьте внимательны, добрые люди! оставимъ Берхтунга, славнаго витязя у короля Гриппіана и скажемъ, что въ лѣсу съ молодымъ..... случилось, которымъ завладѣли волки въ полѣ; здѣсь кормили его всякою дичью. Дитлинда, его мать, каждый день ходила (на) стѣну; (она) жаловалась на свое горе..... благословеніе Божье..... (недостаетъ 8 строкъ). Король удалился изъ лѣсу; мальчикъ шелъ за нимъ, слѣдуя его зову; король очень снѣшилъ; молодой витязь слѣдовалъ за нимъ, пока увидалъ прекрасный замокъ Аѳинскій. Когда онъ увидалъ замокъ, блистающій такъ прекрасно передъ нимъ, разумно сказалъ онъ: „ахъ великій Боже не-

¹ *Schoene frouwe*. Сомнительно, есть ли это обращеніе или приложеніе; на основаніи послѣдующаго надо принять послѣднее.

² Riuzen.

³ По рп. здѣсь пропускъ въ 8 строкъ, слѣдовательно въ этомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, говорилось о томъ, какъ онъ научилъ тому же и королевскаго сына, къ которому относятся слова: *der werde man*.

бесный! чья эта земля?“ онъ не зналъ, что она принадлежитъ его отцу. Одинъ ¹ смѣлый и сильный рыцарь выѣхалъ въ поле съ соколами и съ собаками; онъ замѣтилъ мальчика; тотъ подошелъ такъ близко, что его можно было разсмотрѣть. Сначала рыцарю понравилась его походка; благородный видъ..... такъ славный. Чѣмъ внимательнѣе смотритъ на него рыцарь.

III. Отрывокъ, найденный Бетманомъ, въ первой строфѣ (D 262) разнится отъ Гольцмановскаго Вольфдитриха D только въ двухъ послѣднихъ строкахъ. Гольцманъ читаетъ:

262. 3. Do er so vil des tugende an sich gewan, daz sie im für die anderen waren undertan.

Енике читаетъ:

Do er für sine bruder sô grôze manheit gewan. er kund sich wol gelieben gên frouwen unde man. И такъ въ большомъ Вольфдитрихѣ неприянные отношенія къ братьямъ только намѣчаются; здѣсь же указывается ихъ причина: популярность героя. Слѣдующія 11 строфъ идутъ безъ всякой перемѣны; въ строфѣ 12-й Atenis Вольфенбюттельскаго отрывка въ разныхъ рш. редакціи D, которая не знаетъ Вольфдитриха Аѣинскаго, измѣнено въ *atius* (f), *atnis* (é), *altius* (a) и *attis* (c) и къ Аѣинамъ присоединенъ Константинополь ².

Въ строфѣ 17-й ³ битва происходитъ передъ Константинополемъ ⁴, что совершенно противорѣчитъ строфѣ 12-й, 4. До конца авантюра съ Олфаномъ, D буквально сходно съ С. Въ заключительной строфѣ (41; D 301) мать Вольфдитриха, согласно съ прежнимъ, называется Дитлиндою, но съ середины этой строфы авторъ D, закончивъ этотъ авантюръ, начинаетъ новый: какъ Ортнитъ посылаетъ пословъ къ Гугдитриху, между тѣмъ какъ С рассказываетъ слѣдующее: „Вольфдитрихъ не оставался тамъ долѣе; скоро пришелъ онъ къ своей матери и сказалъ: вы должны отпустить меня: онъ хотѣлъ отправиться за приключеніями. Когда добродѣтельная королева узнала о его желаніи, она сказала: „дитя мое! на кого же ты покидаешь меня?“ Богу небесному, моя милая матушка, поручаю я твою честь; Христосъ небесный будетъ о тебѣ всегда заботиться; благослови же меня.“ Онъ простился съ матерью и оставилъ ее; потомъ пошелъ къ своему учителю Берхтунгу: „Отпусти мнѣ въ товарищи своихъ 11 сыновей.“ „Что это вы задумали, дорогой господинъ мой? вамъ еще долго слѣдуетъ жить у насъ въ

¹ Слѣдовательно не отецъ.

² Er besaz in zu Atnis und zu Kunstenopel kreftiglich.

³ D 278.

⁴ Vor der stat ze Kunstenopel der herte strit geschach; а въ 12, 4 читаемъ:

er besaz in ze Aténis daz wizzet sicherlich.

Греціи.“ Мудро ему отвѣчаетъ витязь Вольфдитрихъ: „Я, Берхтунгъ, уже долго лежалъ безъ дѣла. Если ты не дашь мнѣ своихъ дѣтей, горько мнѣ будетъ. Я скажу тебѣ, мой учитель, я думалъ: будь у тебя 1.000 сыновей, ты отдалъ бы ихъ мнѣ.“ На это крѣтко отвѣтилъ ему Берхтунгъ, могучій витязь..... „меня и моихъ сыновей вы всегда должны съ полною увѣренностью считать своей собственностью и вести насъ, куда угодно: мы ваши подданные!“ „Да наградить тебя отецъ небесный! сказалъ онъ своему учителю, за то, что ты такъ рѣшительно соглашаешься на мою покорную просьбу; за это я вѣчно останусь твоимъ другомъ.“ Согласіе Берхтунга его сильно обрадовало; онъ сейчасъ отъ него пошелъ къ 11-ти рыцарямъ и объявилъ имъ о своемъ желаніи; онъ усердно просилъ ихъ и говорилъ имъ: „товарищи, дорогіе мои витязи! вы мнѣ поможете, когда мы найдемъ приключеніе?“ Они сказали ему ихъ общее намѣреніе: „что бы вы не приказали намъ и что бы не задумали, все мы вѣрно исполнимъ для васъ.“ Смѣлому Вольфдитриху пріятны были эти рѣчи. Онъ тотчасъ пошелъ къ своему отцу, славному королю.....

Дрезденская выше упомянутая рп. (см. Вольфдитрихъ А, рпп. и изданія) представляетъ намъ сокращеніе извѣстныхъ намъ текстовъ Ортнита и Вольфдитриха А. Сокращая, писецъ (названія автора онъ не заслуживаетъ) исключалъ, конечно, то, что съ точки зрѣнія его эпохи не представляло интересу и къ тому-же позволялъ себѣ дѣлать измѣненія. По его словамъ, лежавшій передъ нимъ текстъ Ортнита, котораго онъ называетъ *ortnei*¹ имѣлъ 587 строфъ, слѣдовательно 10 строфами меньше, чѣмъ текстъ W и A. Онъ начинается такъ;

Man fand ein puch besunder
zu suders in der stat.
dar an geschriben wunder,
des puchs was manig plat,
das heten die heiden verporgen,
in ir gewalt vergrabn
das wir abent und morgen
da von zu singen habn.

Перечисленіе владѣній Ортнита опущено; собственные имена измѣнены, вслѣдствіе невнимательности къ тексту; такъ *Helmnot von Tuscan* обратился въ *Helmschrot'a*, а въ строфѣ 159 *Helmport* и *Tuscan* являются, какъ 2 различныя лица; отецъ невѣсты называется *Zachel gerorn zu Montamur*; а *Zachareis* Сицилійскій, имѣющій по древнему тексту столицу въ Мессинѣ, обращается въ *Zachaeis* и въ стр. 31 говорить: *mein lant fest an das mere geheissen Orian*—имя совершен-

¹ Deutsche Gedichte des Mittelalters v. Hagen u. Büsching II, 26: Der new 297. der alt 587 lied.

но бессмысленное—хотя въ стр. 36 его столица также оказывается въ Мессинѣ. Мать не пробуетъ отговорить сына отъ сватовства, и грубыя слова (еслибъ у меня было 1000 матерей и пр.) опущены; напротивъ того, сынъ, обращаясь къ ней называетъ ее: *zart frow und liebe mütter*. Давая кольцо, мать прямо указываетъ, откуда она получила его.

43. Si sprach: ich wil dir geben,
das dir deyn vater lies,

Послѣ чего слова *war umb hat ir so liebe den rinck* (46) оказываются бессмысленными. Насмѣшки Альбериха надъ пунктуальностью Ортнита при исполненіи приказаній матери пропущены. Разказы о сраженіяхъ особенно терпятъ сокращенія. Послѣдній сонъ Ортнита мотивированъ любопытнымъ волшебствомъ; онъ

278. west nicht das tzaubern der linden
schliff gantzen tage drei,
wen tet die lind bedecken.

Въ строфѣ 294 писецъ начинаетъ извѣстную намъ изъ Вольфдитриха В сцену съ портретомъ, но не заканчиваетъ ее ничѣмъ. Вдова знаетъ (296), что Вольфдитрихъ, герой Константинопольскій, долженъ освободить ее. Заканчиваетъ писецъ такъ:

297. Und wie ir (королевѣ) wurde ein mane,
das hört ir itzünt nicht,
davon wir itzünt lane;
hie hat ein ent das ticht.
got sent uns seinen fride!
Wolfdittrich hört hie drauff:
Zwei hundert sibn neüntzig lide,
in so vil hör ich auf.

Въ Вольфдитрихѣ А географическія имена также перепутаны; вм. Греціи и Болгаріи является *Krichen und Denmarke*. Имя Берхтунга измѣнено въ Пунтунга, вопреки всякимъ лингвистическимъ законамъ. При крещеніи младенца прибавлено чудо:

8. Er (пустынникъ) sach im wasser scheinen
manig kertzen licht:
sie was ein heideneyne,
mocht der licht gesechen nicht.

Король приказываетъ Сабену убить ребенка, прежде нежели услышалъ его вымышленный разказъ о чертѣ, который будто бы принесъ ему сына (19). Хотя авантюры слиты вмѣстѣ, слѣды стараго раздѣле-

нія остаются въ указаніи на королеву Лампартскую, напрасно ожидающую избавителя (26), что противорѣчитъ сокращенію времени, сдѣланному въ Ортнитѣ, гдѣ королева только три года оставалась безъ мужа (296). Увидѣвъ обнаженный мечъ Пунтунга, ребенокъ тянется къ нему, и это возбуждаетъ жалость невольнаго убійцы (34). Волки *стерегутъ* ребенка (40). Королева не хочетъ вѣрить, что ея братъ ¹ (Пунтунгъ здѣсь смѣшанъ съ Потелунгомъ) совершилъ такое злое дѣло. Разговоръ королевы съ Пунтунгомъ происходитъ не передъ судомъ, а предварительно въ тюрьмѣ. Придя къ нему, она *падаетъ* ему въ ноги ², не ограничиваясь однимъ намѣреніемъ, какъ въ оригиналѣ; Бальтрамъ, вмѣсто защитника феодальныхъ интересовъ, является представителемъ придворнаго мѣстничества ³. Съ капеллановъ снято обвиненіе въ трусости: ихъ представитель не боится прочесть письмо; Пунтунгу придана жестокая черта: онъ показываетъ Сабене висѣлицу, колесо и костеръ и спрашиваетъ его, что ему больше нравится ⁴. Опущено грубое столкновеніе отца съ сыномъ и проявленіе грубой физической силы въ молодомъ Вольфдитрихѣ. Писецъ забылъ, что воспитаніе его поручено Пунтунгу: королева, поссорившись съ дѣтьми, „взяла Вольфдитриха за руку и удалилась съ нимъ,“ ⁵ вслѣдствіе чего вопросъ Вольфдитриха, сохраненный здѣсь: это ли моя мать? является лишеннымъ всякаго смысла. Нравственное пробужденіе Вольфдитриха, интереснѣйшій психологическій моментъ, пропущенъ вѣроятно потому, что не понятъ. Опустошеніе греческихъ земель оправдано или по крайней мѣрѣ объяснено тѣмъ, что большинство Грековъ были язычники ⁶. Во время битвы, вопреки всякой поэтической правдѣ, прибавлены лишние всякаго интересу разговоры Вольфдитриха съ Сабеномъ. Королевская скорбь героя, готоваго „отдать Грецію и Данію“ за убитыхъ дѣтей Берхтунга (134, 4) плохо вяжется съ его желаніемъ лишить себя жизни (135), но перепищику очевидно понравилась эта сантиментальная черта. Объ Ортнитѣ, который только одинъ можетъ помочь осажденнымъ, Пунтунгъ сообщаетъ гораздо болѣе подробностей; онъ даже знаетъ про опустошеніе, сдѣланное змѣями 156, 4 (sic); оттого такъ трудно проѣхать къ Ортниту. Въ рассказѣ о путешествіи Вольфдитриха прибавлены черти и морскія чудовища, выгоняемые героемъ

¹ Puntung, mein liber pruder 56. 1.

² Zu fus sie im do ville 65. 5.

³ 72. 2. her kungk, ist daz die letzt das ir in disser sache den falschen sabin setzt? der an Potlunges hoffe nie kein ampt gewan; ist weder edel noch grosse.

⁴ welchen dot wilt han 82. 4.

⁵ 92. 2. nam Wolffdieterich pei der hande und kert sich von in ab.

⁶ 119. ir aller was nit Kristen dreissigk taussent oder mer.

(176—177). Неловкія подражательныя черты извѣстнаго намъ Вольфдитриха А, какъ то: чтеніе *curriculi vitae* въ присутствіи дикой женщины, двоякая причина отказа, просьбы о братѣ и пр. остались неприкосновенными; только дикая женщина подробнѣй рассказываетъ о своихъ подводныхъ богатствахъ (194 и 195). Вставочный эпизодъ о разбойникахъ удержанъ; главный подвигъ героя—борьба съ змѣемъ за королеву — не потерпѣлъ существенныхъ измѣненій; только опущены мѣстныя указанія на Эчъ и Тріентъ.

Одинъ изъ текстовъ большаго Вольфдитриха въ соединеніи съ Ортнитомъ былъ изданъ для печати, обработанъ или списанъ съ неизвѣстнаго намъ списка въ 1477 г. и много разъ перепечатывался потомъ (сохранились экземпляры 6 изданій) подъ именемъ *helden buoch*; наши поэмы тамъ носятъ названіе Вольфдитриха; съ нимъ соединены чисто внѣшнимъ образомъ Розовый садъ и король Лауринъ. Въ 1867 г. исправленный по изданіямъ и спискамъ текстъ *helden buoch* изданъ Адальбертомъ Келлеромъ¹ съ приложеніемъ прозаическаго добавленія, первоначально помѣщеннаго сзади книги, въ которомъ излагается содержаніе другихъ поэмъ въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали въ 1/2 XV столѣтія.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе измѣненныя собственныя имена: Иліасъ называется *Eligas*, тееъ Ортнита *Rachaol*, а его королевство *Surgenlant*. Сравнительно съ общимъ текстомъ Ортнита, нѣкоторые эпизоды изложены подробнѣе; такъ особенно много прибавлено къ разсказу о возвращеніи Ортнита домой: строфъ 114 соответствуетъ цѣлый разсказъ, озаглавленный: *Hie fuort keiser Otnit die künigin hinweg zuo schiff über mör mit seinen dienern*, въ которомъ Ортнитъ между прочимъ разъясняетъ своей женѣ сущность христіанской религіи. Строфъ 116 также соответствуетъ цѣлый авантюръ: *Hie spilet Elberich auff der harpfen for der edelen künigin ir zuo lieb*.

Вольфдитрихъ также потерпѣлъ перемѣны; напр. молодой герой награждаетъ пословъ Ортнита, которые приходятъ къ его отцу требовать дани (стр. 192). Вводятся новыя подробности въ разсказъ о томъ, какъ Берхтунгъ учитъ Вольфдитриха кидать ножъ; учителемъ самого Берхтунга оказывается „*attenuus*“, отецъ Белигана. Части поэмы потруднѣе, напр. разговоръ между Берхтунгомъ и братьями Вольфди-

¹Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. B. LXXXVII. Первое литературное свѣдѣніе о ней и первые отрывки обнародованы въ 1807 г., въ *Musenalmanach* hsg. v. Leo Freiherrn v. Seckendorf Rgsb. Стрр. 13—37 2 отрывка: *die Linde zu Garten* и 2 *Otnits rächer*. Подписано L. U. вѣроятно, Ludwig Uhland. Изъ старопечатныхъ изданій извѣстны: кромѣ перваго: 1491 Augsb. 1509 Hagenau, 1545 s. l., 1560 Fkf. a. M. 1579 *ibid.*, 1590 *ibid.*

триха, остаются безъ всякой перемѣны. Съ 289, 31 ходъ разсказа измѣняется длиннымъ, несоразмѣрно съ Вольфдитрихомъ D, эпизодомъ о смерти Ортнита: сообщаются такія подробности, которыхъ нѣтъ въ общемъ текстѣ и которыя только отчасти извѣстны намъ изъ текстовъ W и A. Отѣхавъ отъ дому, Ортнитъ вспоминаетъ, что онъ оставилъ кольцо и возвращается за нимъ; наставленія женѣ и встрѣча съ Альберихомъ разсказаны также близко къ старому тексту. За тѣмъ начинаются отступленія. Ортнитъ засыпаетъ подъ липою, очарованный какою-то дикою женщиною (295, 13); ¹ эта женщина потомъ спасаетъ его изъ хобота дракона, и Ортнитъ цѣлый годъ проводитъ у нея, пользуясь всѣми удовольствіями, между тѣмъ какъ дома его оплакиваютъ, потому что его собака прибѣжала одна; весь этотъ годъ императрица должна зарабатывать хлѣбъ себѣ своими руками. Наконецъ Богъ посылаетъ къ волшебницѣ ангела съ приказаніемъ отпустить Ортнита; онъ возвращается домой; слѣдуетъ пиръ и всеобщая радость; Эльберихъ возвращаетъ ему кольцо. Мать Ортнита умираетъ естественною смертію, и Эльберихъ, котораго удерживала привязанность къ ней, оставляетъ императорскій дворъ; уѣзжаетъ также Элигасъ. Императоръ проводитъ дома 11 лѣтъ (303).

Далѣе поэтъ принимается снова за Вольфдитриха D, вставляя совершенно неумѣстно въ 303-ю строфу вступленіе, и по этому тексту разсказываетъ смерть Ортнита, будто онъ ничего не говорилъ о немъ прежде. Происшествіе въ замкѣ Белигана украшено нѣсколькими новыми безвкусными подробностями ²; Вольфдитрихъ между прочимъ креститъ язычниковъ водою, которую онъ чудеснымъ образомъ произвелъ изъ камня. Удвоеніе чертей испорчено: авторъ сбился въ числѣ. Остальные эпизоды разсказаны безъ существенныхъ перемѣнъ по большому Вольфдитриху.

Литературная жизнь разбираемыхъ поэмъ не заканчивается средними вѣками; она переходитъ за предѣлы новаго времени, гдѣ, конечно, вмѣсто безымянныхъ, такъ сказать, стадныхъ поэтовъ и писцевъ мы встрѣчаемся съ личностью автора.

Въ одно время съ Шекспиромъ жилъ и работалъ между прочимъ и надъ драматическимъ искусствомъ въ Нюренбергѣ нѣмецкій поэтъ Яковъ Айреръ (Jacob Ayrer) ³. Онъ родился, какъ предполагаютъ около, 1560 г.

¹ которая однакоже trüg gar reiche kleit.

² Глава 379: hie fieret der heide Belligan Wolffdietrichen zu eim abgot, vnd spricht es sey der dot, de schlug Wolfdietrich den abgot nieder zu der erden.

³ См. объ немъ Karl Schmitt: Jacob Ayrer Marb. 1851. Объ отношеніи его къ Шекспиру: Shakspeare in Germany in the XVj and XVjj centuries by Albert Cohen.

Прожившись въ Нюренбергѣ, онъ поѣхалъ въ Бамбергъ и жилъ тамъ, пока не принялъ евангелической религіи, что заставило его воротиться въ Нюренбергъ. Послѣдніе годы жизни онъ былъ императорскимъ нотаріусомъ и умеръ въ 1605 г. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ его сыномъ, который также назывался Яковъ, былъ докторомъ права и написалъ распространенный во многихъ изданіяхъ *Processus Juris Luciferi contra Christum*. Айреръ-отецъ написалъ, живя въ Бамбергѣ, ренованную хронику этого города и множество драмъ всякаго рода, которыя были изданы въ первый разъ около 1610 г. Въ послѣдствіи времени Тикъ перепечаталъ пять изъ нихъ въ своемъ Нѣмецкомъ Театрѣ. Недавно всѣ извѣстные 69 нумеровъ напечатаны съ предисловіемъ, небольшими примѣчаніями и указателемъ Адальбертомъ Келлеромъ въ библіотекѣ Штутгартскаго общества (томы LXXVI—LXXX). Между этими драмами 1 комедія и 2 трагедіи подъ №№ 12, 13 и 14 представляютъ любопытныя передѣлки занимающихъ насъ сюжетовъ въ драматической формѣ.

(12) Comedi, erster theil, vom huegditerichen vnd seinem sohn Wolffdieterichen, könig in Griechenland, wie es inen beden ergangen, mit 22 Personen, hat 6 Actus.

(13) Tragedi, andrer theil, von dem keiser Ottnit, was es biss an sein endt erstritten vnd ausgericht, *auff das getreulichst der histori* nach in 6 Actus gebracht, mit 35 Personen.

(14) Tragedi, dritter theil, von Wolffdieterichen, dem könig aus griechenland, was er nach dem tod keiser Ottnits erlitten, wie er die keiserin bekommen hat und endlich gestorben sey, mit 46 Personen, vnd hat 7 Actus.

Эти драмы очень растянуты (занимаютъ почти 260 стр. въ Штутгартскомъ изданіи) и въ художественномъ отношеніи не представляютъ ни малѣйшаго интереса; только по сюжетамъ, никакъ не по внутреннему достоинству поэтическихъ произведеній, можно изучать параллельно Айрера и Шекспира¹; нѣмецкій драматургъ не можетъ даже быть поставленъ рядомъ съ авторами французскихъ мистерій времени ихъ процвѣтанія, такъ какъ онъ имѣетъ всѣ ихъ недостатки и не имѣетъ ни одного достоинства. Только за языкъ находятъ возможность похвалить его нѣмецкіе критики. Его остроты и серьезные разговоры показываютъ человека не глупаго, но лишеннаго всякаго драматическаго таланта; его діалогъ даже ниже діалога Ганса Сакса. Вотъ напр. какъ умѣетъ онъ выражать трагическіе моменты:

¹ И тотъ и другой одинаково разнообразны по источникамъ: Ливій, Боккаччо и народныя саги одинаково служили обоимъ.

Вольфдитрихъ, изгнанный братьями, въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни и изъявляетъ свое намѣреніе въ такихъ выраженіяхъ:

Meine Brüder alle beide han
An mir fürwar gar übel than,
Dass sie mir meine Leut erschlagen,
Mich theten auss mein Reich verjagen.
Dasselb will ich an mir selbst rechnen
Vnd mich mit meinem schwert erstechen.

Самый бездарный стихоплетъ, составитель Heldenbuch не способенъ оказать такого отсутствія всякаго поэтическаго чутія. Правда, передъ стихоплетомъ лежала старая рукопись, но и Айреръ не выдумывалъ же изъ головы. Зато въ историко-литературномъ отношеніи драмы его представляютъ большой интересъ. Во первыхъ, уже самый выборъ сюжетовъ изъ цикла народныхъ, въ то время лубочныхъ изданій, указываетъ съ необыкновенною ясностью на особенности Нюрнбергской школы, которая съ такимъ трудомъ, такъ медленно впоследствии подчинялась преобразованію¹; во вторыхъ отмѣны, дѣлаемыя Айреромъ, любопытны, какъ по отношенію народнаго эпоса къ драмѣ и для исторіи драмы въ Германіи, такъ особенно для исторіи сюжетовъ, разбираемыхъ мной. Отмѣны Айрера 3-хъ родовъ: во 1-хъ, чисто произвольныя, на которыя нельзя отыскать, не дѣлая натяжки, никакихъ основаній. Сюда принадлежатъ выдуманныя Айреромъ имена, которыя онъ даетъ безымяннымъ лицамъ (напр. стражъ въ Сальнеке названъ Антони) и имена, измѣненныя безъ всякаго основанія; такъ жена Ортнита названа Розилла, совѣтники Ортнита названы Ehrnholt, Melchrudt, Theomalt и пр. Ничѣмъ, кромѣ произвола и довольно нелѣпаго, не могу я объяснить себѣ того, что не столько отецъ невесты Ортнита Солиманъ, сколько она сама упирается противъ христіанства Ортнита; Солиманъ же, побѣжденный въ бою, уговариваетъ ее не губить своимъ упорствомъ все семейство (что ему не мѣшаетъ потомъ безъ всякаго основанія напасть на Ортнита, когда тотъ уѣзжаетъ съ невестой; вообще о выдержкѣ характеровъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи). Во 2-хъ, отмѣны зависятъ: а) отъ драматической формы и б) отъ измѣнившагося духа времени. По требованію формы напр. пропущено нѣсколько мелкихъ эпизодовъ (Олфанъ и др.); для сокращенія числа лицъ дѣйствуютъ только два сына Берхтунга; жену Вольфдитриха вмѣсто Дразіана похищаетъ

¹ Конечно, явленіе это не исключительное; въ 1557 г. Гансъ Саксъ сочинилъ трагедію „роговой Зифридь.“ Во второй половинѣ XVII в. разыгрывались сцены изъ народной поэзіи въ кукольномъ театрѣ. (См. цитату изъ Преторія у Уланда I, 355.)

тотъ же Велласъ, который привезъ дракона въ землю Ортнита; исключены тѣ эпизоды, которые затруднительно или невозможно представить на сценѣ; напр. слонъ, левъ и собака при боѣ съ змѣею и пр. Изъ особенностей средневѣковой народной драмы вытекаетъ распространение сценъ, гдѣ дѣйствуютъ лица низшаго сословія: какъ въ нѣмецкихъ и французскихъ мистеріяхъ и *чудесахъ* римскіе солдаты, купцы, слуги и пр. своими спорами вносятъ живительный, большею частью сатирическій элементъ въ мертвую форму церковнаго преданія, такъ и здѣсь старая Леонора обучающая Гугдитриха вышиванью, Moritz der Kohler, къ которому заходятъ Ортнитъ и Вольфдитрихъ передъ походомъ за женой послѣдняго, и жена его Фауста (стр. 1082) даютъ возможность Айреру отойти отъ эпической серьезности и натянутой важности переродившагося рыцарства.

Поддаваясь требованіямъ духа времени, Айреръ внесъ перемѣны такого рода: король Сальнеке не желаетъ отдавать свою дочь замужъ, такъ какъ *das ehelich Leben ist allmahl vermisch mit Essig und Gall*; изъ всего представленія выводится нравоученіе; такъ между прочимъ послѣ № 12 рекомендуется отцамъ не мѣшать молодымъ людямъ вступать въ бракъ. Выброшено нѣсколько первоначальныхъ чертъ, вѣроятно, грубыхъ, по мнѣнію Айрера и его современниковъ: драка невидимаго Эльбериха съ языческимъ королемъ и пр. Внесено много сценъ, занимательныхъ для тогдашней публики: заклинаніе Магмлой злаго духа, который бранится съ ней и пр. Черты истинно рыцарскія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, напр. взаимное великодушіе Ортнита и Вольфдитриха во время поединка, опущены: авторъ не понималъ ихъ достоинства. Измѣнены невѣроятности: Гугдитрихъ, отправляясь за невестой, имѣетъ не 12, а 16 лѣтъ отъ роду; средневѣковая наивность пропала; чтеніе классическихъ образцовъ уничтожило вѣру въ слишкомъ большія чудеса.

Такъ какъ драмы Айрера представляютъ собой единичное явленіе, то я считаю болѣе удобнымъ здѣсь же покончить съ ихъ историко-литературной критикой.

Вопросъ о томъ, какіе источники имѣлъ подъ руками Айреръ едва ли можетъ быть рѣшенъ положительно; всего вѣроятнѣе было бы предположить, что онъ имѣлъ печатный экземпляръ *Heldenbuch*, которая пользовалась такою популярностью въ продолженіи XV и XVI столѣтій; произвольныя перемѣны не могли бы смутить насъ, тѣмъ болѣе, что слова пролога Ehrnholt сходятся съ *Heldenbuch*.

Айреръ: 934, 12. ist beschriben wol von den Alfen

Vor langen Jahrn zu Eychstatt funden

Jnn s. Walburgen kloster vnden и т. д.

Heldenbuch передъ разсказомъ о Гугдитрихѣ говорить:

126 Es wird sich ein büch funden

das sag ich üch fürwar
im closter zû tagmunden
da lage es gar maniges iar
in eren man es hete
darnach ward es gesandt
dem bischof zû eystete
dem ward das bûch bekant.

Но этому предположенію противорѣчатъ слѣдующія обстоятельства: 1) порядокъ измѣненъ: Ортнитъ вставленъ между Гугъ—и Вольфдитрихомъ, что могло быть, конечно, и произволомъ. 2) Берхтунгъ Меранскій является здѣсь раздѣленнымъ на 2 лица, *Berching* и *Emeron*, которыя оба служатъ совѣтниками молодому королю. Это, очевидно не умышленная перемѣна, а невѣрно прочтенный оригиналь; слѣдовательно не печатная книга, а неразборчивая рукопись служила источникомъ Айреру; неразборчивостью ея могутъ быть объяснены измѣненія собственныхъ именъ; такъ братья Вольфдитриха называются *Vogenus* и *Wassemuth*; сыновья Берхтунга: *Heerbrand* и *Hagio* и т. д. Но *Heldenbuch* распространялась не въ однихъ печатныхъ экземплярахъ; съ нея, конечно, дѣлались и многочисленные списки, такъ что это обстоятельство при всеобщей порчѣ собственныхъ именъ не могло бы послужить доказательствомъ. Есть еще третье болѣе вѣское и значительное: то, что прибавлено въ *Heldenbuch* противъ общаго текста Ортнита, соединеннаго съ Вольфдитрихомъ, не вошло въ драмы Айрера. Послѣ побѣды надъ великаномъ Ортнитъ возвращается домой, но подробностей о его пребываніи здѣсь никакихъ не рассказано, и дикая женщина не спасаетъ его. И такъ ближе всего изложеніе Айрера подходитъ къ большому Вольфдитриху съ общимъ текстомъ Ортнита; многія добавки этого текста противъ А и В остались, напр. Фраумуть и сестра Дразіана; другія, какъ Олфанъ, отпали. Что же касается до вступленія, то въ *Heldenbuch* оно попало изъ большаго Вольфдитриха, гдѣ, по редакціи Енике, встрѣчается въ такомъ видѣ:

Hie müget ir gerne hoeren singen unde sagen
von klouger âventiure, sô müezet ir gedagen.
ez wart ein buoch funden, daz sage ich iu für wâr,
ze Tagemunt in dem kloster. dâ lac ez manic jâr.
Sît wart ez gesendet ûf in Beier lant,
dem bischove von Eischstet wart daz buoch bekant.
er kurzte im drabe die wile wol sibenzehen jâr:
da vant er âventiure, daz sage ich iu für wâr.
(Jahresber. 23).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло исключительно съ произведеніями нѣмецкаго духа, съ положительными рукописными фактами и имѣли достаточно времени, чтобы забыть о королѣ Ротерѣ, который стоялъ со всѣмъ особнякомъ отъ многочисленныхъ передѣлокъ и редакцій Ортнита

и Вольфдитриха; до сихъ поръ наши поэмы не имѣли никакого отношенія къ Россіи; теперь должны мы обратиться къ далекому сѣверу и къ области предположеній и догадокъ, которыя, при недостаткѣ приготовительныхъ работъ являются слишкомъ шаткими и произвольными; при первомъ же шагѣ встрѣчаемся съ королемъ Ротеромъ, хотя и подъ другимъ именемъ, и наше отечество вдругъ получаетъ роль и роль, чрезвычайно видную.

Въ Стокгольмской королевской библіотекѣ, въ отдѣлѣ норвежско-исландскомъ, подъ № 4 находится пергаментная рп. in 4°, писанная красивыми и разборчивыми почерками конца XIII столѣтія¹; другой позднѣйшей рукой (вѣроятно, начала XIV в.) на ней сдѣлана надпись *Didrik sagha af Bern*. Рп. (М) заключала въ себѣ первоначально 162 листа, но еще въ 1636 г., когда ее въ первый разъ стали списывать, 31 листъ былъ вырванъ². Эта рп. заключаетъ въ себѣ изложеніе нѣмецкихъ сагъ о Дитрихѣ Бернскомъ, національномъ нѣмецкомъ героѣ, съ присоединеніемъ многихъ другихъ, связанныхъ съ Дитрихомъ или внутреннимъ или внѣшнимъ образомъ.

Кромѣ этой, относительно первоначальной рп., сохранились 2 позднѣйшія: А, рп. Копенгагенская (Арна-Магнеанская), списана около половины XVII в. священникомъ Эрлендесономъ въ Исландіи съ старой пергаментной, и В, другая рп. того же собранія, также бумажная и также поздняя; въ отношеніи орфографіи она стоитъ много ниже А, слѣд. представляетъ списокъ съ списка; но она интересна потому, что текстъ ея много ближе къ пергаментному списку XIII в.³.

Кромѣ этихъ 3-хъ рп. Дидриксаги, существуетъ еще ея переводъ или, правильнѣе сказать, передѣлка старошведская, сдѣланная, вѣроятно, во второй половинѣ XV в. Передѣлыватель называетъ себя переводчикомъ, но онъ, имѣя предъ глазами М,⁴ сокращалъ ее, многое выкидывалъ, измѣнялъ порядокъ и даже вносилъ многое изъ нѣмецкихъ и сѣверныхъ преданій⁵.

Подлинникъ не критически былъ изданъ въ первый разъ въ Стокгольмѣ въ 1715 г. Перингскіöldомъ; въ 1814 г. съ этого изданія былъ сдѣланъ фонъ-деръ Гагеномъ переводъ, также некритическій и мѣстами невѣрный. Въ *Sagabibliothek* П. Э. Мюллера (1816—1818) издано подробное изложеніе содержанія съ изслѣдованіемъ и исправленіями изд. 1715 г. Въ 1823 г. знаменитый Рафнъ изданъ датскій переводъ рп. А. Нѣмецкіе ученые тяготились отсутствіемъ хорошаго изданія столь важнаго для нѣмецкой старины памятника, и Лиліенкорнъ въ Килѣ го-

¹ См. снимокъ въ изданіи Унгера.

² См. Rassman; *Die deutsche Heldensage*. II Vorrede XXIX и слѣд.

³ См. Rassman l. c. XXXI и Unger: *Didrik af Berns saga*, Fortale XXI

⁴ См. Unger l. c. V—XI.

⁵ Rass. XXXIII и слѣд.

товилъ текстъ, но ему помѣшала Шлезвигъ—Голштинская война. Въ 1853 г. появилось наконецъ вполне соответствующее современнымъ требованіямъ изданіе: *Saga Didriks konungs af Bern. Udgivet af C. R. Unger. Christiania.* Въ 1863 г. Рассманъ во 2-мъ т. своихъ „*deutscher Heldensagen*“ по изданію Унгера перевелъ и разобралъ ее и сличилъ съ нѣмецкими сказаніями и поэмами. Я пользовался текстомъ Унгера и переводомъ Рассмана.

Когда и гдѣ составлена эта любопытная Сага? и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ нѣмецкой средневѣковой поэзіи? На первые 2 вопроса я не могу дать самостоятельнаго отвѣта.

П. Э. Мюллеръ, введенный въ заблужденіе плохимъ изданіемъ и позднѣйшимъ спискомъ, отнесъ ее ¹ къ концу XIV в. В. Гриммъ ², на основаніи содержанія излагаемыхъ поэмъ и отсутствія позднѣйшихъ, напр. Лаурина, Зигенота и пр., отнесъ ее къ концу XIII в; Унгеръ и за нимъ Рассманъ, на основаніи того, что М относится къ концу XIII и представляетъ списокъ 2-хъ различныхъ рип., относятъ ее къ серединѣ XIII в. Что касается до мѣста ея происхожденія, то всѣ прежніе изслѣдователи, и Рассманъ изъ новыхъ приписываютъ ее Исландцу; національная гордость (болѣе, чѣмъ филологическія основанія, думаю я) заставляютъ Унгера считать ее авторомъ Норвежца.

Объ ея отношеніи къ нѣмецкимъ поэмамъ можно получить понятіе по прологу и изложенію содержанія поэмъ, разбираемыхъ нами. „Эта сага составлена по сказаніямъ нѣмецкихъ мужей, говоритъ авторъ: отчасти по ихъ пѣснямъ“ ³ Въ прологѣ авторъ показываетъ весьма основательное для того времени знаніе географіи и въ своихъ разсужденіяхъ нѣкоторое знаніе сѣверной исторіи, весьма значительное развитіе и слѣдовательно неспособность къ объективному созерцанію пародныхъ сказаній. Тутъ же онъ старается опредѣлить время возникновенія саги—временемъ смерти императора Константина Великаго ⁴ Съ главы 21 ⁵ начинается изложеніе нашихъ поэмъ. *Villeinus*, могучій сѣверный король, отправляется въ *Pulinaland*. Тамъ противъ него выступаетъ король Гертнидъ ⁶, „который въ это время царствовалъ надъ Россіей ⁷, и большая часть Греціи, и Венгрія и *austriki* были под-

¹ l. c. 2. 288.

² D. Heldensage 175.

³ Pr. 2. *þessi saga er samansett eptir sogn þydeska manna, en sumt af þeirra kvaedum.*

⁴ *ibid.* *þessi saga hefir gor verit i þann tíma er Constantinus konungs hinn mikli var andadr.*

⁵ Unger стр. 27.

⁶ Hertnid, (вар) Hernit.

⁷ *er i þann tíma stirdy Ruzcilandi.*

властны ему и его брату Гирдиру ¹.“ Вилькинъ остался побѣдителемъ надъ Ruzcinamenn, „завоевалъ многіе большіе города: Smalenzkiv и Pallteskiv и прежде чѣмъ прекратилъ (походъ), пошелъ онъ въ Holmgard, столицу надъ городами короля Гертнита ².“ Вилькинъ умеръ, оставивъ свое царство сыну Нордіану. Гертнитъ пошелъ на него войною (гл. 24), побѣдилъ его и присоединилъ къ своему царству всю Villcinaland. „Онъ имѣлъ 2-хъ сыновей отъ своей супруги; старшій назывался Озангтриксъ, а младшій Владиміръ; 3 сына имѣлъ онъ отъ своей наложницы; онъ назывался Иліасъ.“ ³ Озангтрикса посадилъ онъ надъ Villcinaland, Иліасу далъ онъ ярство въ Греціи, а сыну своему Владиміру далъ онъ титулъ королевскій и сдѣлалъ его королемъ надъ всей Ruzciland и Pulinaland и всей восточной половиной своего царства ⁴. Между тѣмъ у изгнаннаго Нордіана а Seolandi рождаются 4 сына: Aedgaeir, Auentrof, Vidolfr и Aspilian. Аспилианъ сдѣлался царемъ, а Видольфъ посаженъ, вслѣдствіе своей необычайной ярости и силы, на цѣпь (гл. 27). „Милиасъ былъ король надъ Hunaland; въ это время былъ онъ самый богатый и гордый изъ всѣхъ королей. Онъ имѣлъ одну дочь, которая называлась Одою; она была прекраснѣйшею изъ всѣхъ женщинъ“ (гл. 29). Озангтриксъ посылаетъ просить ея руки 6 вельможъ; въ письмѣ онъ угрожаетъ войною, въ случаѣ отказа. Милиасъ приказалъ схватить пословъ (гл. 30). Въ это время пришли къ королю Озангтриксу, въ землю Вилькиновъ 2 молодые князя: Гертнитъ и Гирдиръ, сыновья его брата Иліаса, ярла въ Греціи. (Гл. 31). Озангтриксъ собираетъ совѣтъ и предлагаетъ отправиться съ войскомъ; одинъ совѣтникъ думаетъ, что лучше послать предварительно почетное посольство. Посылается Гертнитъ и съ нимъ 11 рыцарей. Онъ является во время пира и предлагаетъ подарки, также получаетъ отрицательный отвѣтъ и также посаженъ въ темницу (Гл. 33). Озангтриксъ собираетъ войско изъ 10.000 рыцарей и 3.000 пѣхоты; „съ нимъ былъ король Аспилианъ и его братъ Ауентродъ, и Этгейръ и, сильный Видольфъ.“ (Гл. 34). Озангтриксъ принялъ имя Тидрека (Nom. Tidrecr). Онъ является, какъ бывшій вассалъ Озангтрикса, изгнанный своимъ государемъ. Ода уговариваетъ отца принять его къ себѣ на службу; съ тою же просьбою Тидрекъ 3 раза падаетъ къ ногамъ короля; отъ этого униженія Ви-

¹ Hirdir.

² oc vinnar þar mangar stórar borgir Smalenzkiv (вар. Smalentium) oc Pallteskiv oc ádr letti ridr hann inn i Holmgard er hofudstadr er firir borgum Hertnit konungs. Въ староншведской передѣлкѣ Villcinus завоевываетъ Smalizku, Kiu ok Palltaeskiu.

³ Hann á 2 syni við sinni konu. heitir enn aellri Osangtrix en enn yngri Valldimar. enn pridia son á hann við frillu sinni. sa haitir Ilias.

⁴ yvir allt Ruzciland oc Pulinaland oc allar austrhalfvr rikiss sins. Ung. 33.

дольфъ начинаетъ волноваться; король грозитъ выгнать силою неотвязнаго просителя. Тогда Аспиланъ пришелъ въ ярость: онъ такъ ударилъ короля по уху, что тотъ безъ чувствъ упалъ на землю. Видольфъ сорвался съ цѣпи и сталъ громко кричать, называя Гертнита по имени; плѣнные вырвались изъ тюрьмы и помогли своимъ. (Гл. 35 и 36). Вилькинцы овладѣли Одой; Тидрекъ собирается везти ее къ Озангтриксу. „Вы можете теперь дѣлать со мной все, что хотите,“ отвѣчаетъ та. „Тогда взялъ начальникъ башмакъ, скованный изъ звучнаго¹ серебра и посадилъ къ себѣ на колѣни королевскую дочь; потомъ надѣлъ онъ башмакъ на ея ногу, и тотъ не былъ ни великъ, ни малъ, но былъ таковъ, какъ будто для этого былъ сдѣланъ. Тогда онъ снялъ башмакъ и надѣлъ другой, который былъ скованъ изъ краснаго золота и надѣлъ его ей на ту же ногу и хотѣлъ видѣть, впору ли онъ ей, и онъ былъ на половину лучше, чѣмъ прежній; теперь погладила королевская дочь свою лядвію и сказала, смотря вверхъ: Боже небесный! когда ты будешь ко мнѣ настолько милостивъ, что я переживу день, когда буду въ состояніи такъ вскинуть свою ногу на тронъ короля Озангтрикса². „Этотъ день уже насталъ,“ со смѣхомъ отвѣчаетъ Озангтриксъ.“ (Гл. 37). Впослѣдствіи король Озангтриксъ и Миліасъ помирились съ условіемъ, что послѣ смерти Миліаса Озангтриксъ наслѣдуетъ его царство. Озангтриксъ имѣлъ дочь Эрку, которую увелъ у него подобнымъ же образомъ король Гуналанда Аттила. Этотъ Аттила воевалъ два раза съ Владиміромъ, братомъ Озангтрикса, царствовавшимъ въ Гольмгардѣ, и отнялъ у него городъ *Palteskia* (вар. *Palltica*).

Гл. 416 и слѣд. Тидрекъ на своемъ конѣ Бланкѣ любилъ охотиться въ пустыняхъ. „Гертнитъ, король въ Бергарѣ³, былъ величайшій герой; жена его была Изольда.“ Онъ также одинъ выѣзжалъ на охоту. Однажды услыхалъ онъ о страшномъ драконѣ, который дѣлаетъ много зла людямъ и задумалъ истребить его. Онъ ѣхалъ по лѣсу цѣлый день и цѣлую ночь и на другой день встрѣтилъ змѣя. „Король Гертнитъ ѣхалъ противъ дракона больше съ жаромъ и дерзостью, чѣмъ съ разсудкомъ, потому что этотъ драконъ былъ такъ силенъ, что какъ только они сошлись, драконъ схватилъ его своими когтями и улетѣлъ съ нимъ въ глубокую долину.“ Онъ бросилъ трупъ короля своимъ дѣтенышамъ на сѣденіе, а кости и оружіе выбросилъ потомъ изъ пещеры.

¹ Af brendu silfri. Вар. hvitu—бѣлый.

² Es maega sua stryku (вар. styrkia—укрѣпить) minn fot i hasaeti Osangtrix konongs. Въ старонорвежской передѣлкѣ дѣло яснѣе и проще. Озангтриксъ беретъ Оду на колѣни и цѣлуетъ ее. „Дай Богъ, говоритъ она, чтобъ король Озангтриксъ держалъ меня когда-нибудь также на рукахъ.“ Окончаніе тоже.

³ Вар. Babilon.

О смерти Гертнита услышали потомъ разбойники, собрались въ числѣ 3.000 и задумали овладѣть его замкомъ и имуществомъ.

Тидрекъ на охотѣ узналъ объ нихъ. Онъ поѣхалъ за разбойниками и услышалъ въ сторонѣ шумъ битвы; своротилъ въ сторону и увидалъ слѣдъ дракона. „Онъ ѣхалъ по слѣду, пока увидалъ дракона и льва въ жестокой битвѣ.“ Онъ рѣшился помочь льву, такъ какъ имѣлъ льва у себя на щитѣ, и ударилъ дракона мечемъ, но мечъ вылетѣлъ изъ его рукъ. Онъ вскричалъ: „Святый Боже! помоги мнѣ и защити меня, такъ какъ никто не въ силахъ помочь мнѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ я въ тебя вѣрю съ правдою¹, это первая просьба, съ которой я къ тебѣ обращаюсь; освободи меня, Господи Боже! не освободишь ты меня, не быть мнѣ свободнымъ.“ Тидрекъ вырвалъ дерево съ корнемъ, но змѣй схвативъ въ пасть льва, обвилъ Тидрека своимъ хвостомъ, полетѣлъ къ логовищу и бросилъ льва дѣтенышамъ. Драконы наѣлись, и старый драконъ распустилъ свой хвостъ. Тидрекъ сдѣлался свободнымъ, но въ логовищѣ было такъ темно, что онъ ничего не могъ видѣть; онъ ощупью нашелъ мечъ, ударилъ въ камень такъ, что искры освѣтили всю пещеру, увидалъ спящихъ драконовъ и перебилъ ихъ всѣхъ (гл. 418).

Освѣщая путь искрами, Тидрекъ собралъ полное вооруженіе. Разсмотрѣвъ его, онъ догадался, что оно принадлежало королю Гертниту; въ лѣсу нашелъ онъ лошадь, сѣдло которой было окровавлено (гл. 419). Тидрекъ пріѣхалъ къ замку Гертнита. Изольда приняла его по вооруженію за мужа и выслала къ нему навстрѣчу своихъ людей, Тидрекъ съ ихъ помощью разбилъ войска разбойниковъ (гл. 420). По окончаніи битвы ошибка объяснилась. Тидрекъ полюбилъ Изольду, женился на ней и съ ней вмѣстѣ отправился въ Римъ² (гл. 422).

Въ заключеніе считаю не лишнимъ упомянуть объ датской пѣснѣ „Король Дидерикъ и левъ³“, близкой по сюжету къ изложенной сагѣ. Дитрикъ находитъ дракона въ битвѣ съ львомъ, помогаетъ 2-му, такъ какъ *красный* левъ изображенъ на щитѣ его, теряетъ мечъ, попадаетъ въ пещеру, гдѣ находитъ оружіе погибшаго Зигфрида, и убиваетъ змѣя. Левъ служитъ ему потомъ всю жизнь.

¹ Med rettn.

² Til Romaburg.

³ См. W. Grimm, altdänische Heldenlieder 13. Rassm. 667.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Историко-литературный разбор поэмъ.

Какъ бы крѣпко соединенными не представлялись изслѣдователю составныя части народнаго эпоса, онъ долженъ помнить, что онѣ начинаютъ свое существованіе отдѣльно другъ отъ друга и самостоятельно. Подробно о законѣ соединенія (циклизованія) ихъ я буду говорить ниже; теперь же считаю нужнымъ упомянуть о немъ, чтобы оправдать отдѣльный разборъ каждый изъ 4 поэмъ нашего цикла. Начинаю съ короля Ротера. Во всякой отдѣльной поэмѣ подобнаго рода изслѣдователь долженъ необходимо добиваться рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) имѣетъ ли поэма историческую канву и если имѣетъ, то въ какой степени? 2) есть ли въ ней мифологическій элементъ и въ чемъ онъ проявилъ себя? 3) когда составилаь поэма? 4) гдѣ она составилаь? 5) каково ея историко-литературное положеніе? 6) кто былъ ея авторомъ? Этими вопросами исчерпывается понятіе о внѣшнемъ анализѣ.

При разборѣ такъ называемаго историческаго эпоса, къ какой бы школѣ не принадлежалъ изслѣдователь, онъ не можетъ игнорировать фактовъ и собственнымъ именъ, къ которымъ, по мнѣнію однихъ, привязаны элементы мифическій и бытовой, и которые, по мнѣнію другихъ, применили къ готовому мифу или доставшемуся путемъ литературнаго наслѣдства сюжету.

Такимъ фактомъ въ первой поэмѣ прежде всего оказывается имя главнаго героя—*Ротера*. Оно встрѣчается въ поэмѣ¹ въ разнообразныхъ формахъ: *röther* (ст. 2 и др.), *Rüther* (13 и пр.), *rother* (185, 670, 742 и пр.), *rothere* (2.221, 2.932 и др.); род. пад. *rotheris* (51 и др.), *rotheres* (3.076, 4.189 и др.), дат. пад. *rotheren* (4.762); въ стихѣ 818 им. пад. имѣетъ форму *rochtere*; баденскій и ганноверскій отрывки строго выдерживаютъ форму *Rüther*. Изъ всего этого разнообразія формъ (за исключеніемъ описки *rochtere*) правильной можетъ считаться двухсложная *Ruother* (e), которая могла обратиться и въ *Rüther*,

¹ См. неисправленный текстъ Массмана.

и въ *Róther*. 1-ая часть имени въ древне-верхне-нѣмецкомъ является въ формѣ *hruod*, которое воспроизводитъ, съ усиленіемъ гласной, буква въ букву греч. *κράτος*; 2-ая часть *here* есть нѣмецкое *Heer*—войско¹; все имя, вмѣстѣ взятое, означаетъ „предводитель побѣднаго войска“ (слав. Славой?). Это имя встрѣчается въ исторіи только одинъ разъ въ формѣ *Rothari*; его носилъ 17-й лонгобардскій король (род. 614; царств. 636—650), у Павла Діакона *Rothari*, у Фредегара *Chrotharius* или *Crotharius*.

Наши свѣдѣнія о королѣ Ротари довольно ограничены. Онъ происходилъ изъ рода Ародовъ и былъ герцогомъ Брешии; взошелъ на престолъ послѣ смерти Аріовальда², женившись на вдовѣ послѣдняго Гундебергѣ. Въ то время лонгобардская исторія какъ-то затихла, вращаясь въ однихъ и тѣхъ же формахъ: скучныхъ схваткахъ аріанства съ католичествомъ; Ротари далъ ей новый толчекъ. Хотя Павелъ Діаконъ, не смотря на его аріанство, и называетъ его человекомъ, ходившимъ „путями правды“ (гл. 43), онъ былъ, кажется, слишкомъ энергиченъ для такой задачи. При самомъ началѣ правленія онъ перебилъ многихъ князей, которые казались ему слишкомъ опасными³, а жену свою долго держалъ почти въ заключеніи. Вскорѣ затѣмъ онъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, началъ войну противъ экзархата и напалъ на Лигурию⁴; онъ завоевалъ всѣ города, начиная отъ Луны (СЗ. отъ Лукки), до границъ франкскихъ. Походъ его ознаменовывался разрушеніемъ, подобно походамъ первыхъ лонгобардскихъ королей. „Равенцы и Римляне“ не хотѣли молча глядѣть на опустошенія, и въ провинціи Эмилии на рѣкѣ Скультеннѣ (нынѣшняя Панаро) встрѣтили его съ войскомъ. Битва была жестокая; со стороны Римлянъ, по словамъ Павла Діакона, пало до 8.000 человекъ. Этой битвой война кончается; вѣроятно былъ заключенъ новый договоръ между Лонгобардами и экзархатомъ, на основаніи котораго владѣнія Лонгобардовъ расширились и закруглились. Кромѣ этого важнаго похода, послѣ котораго Лонгобарды снова успокоились надолго, король Ротари пользуется извѣстностью за важный актъ въ исторіи развитія Лонгобардскаго племени, за изданіе законовъ, въ которыхъ странно смѣшивается положеніе стараго германскаго права съ новыми монархическими принципами, внесенными христіанствомъ⁵.

¹ См. Рюккертъ Einl. XLIII; его соображенія относительно *Про* и Рюдигера я считаю натяжкой.

² Paulus Diaconus IV, 43 и слѣд. Fredegar Chronic. 70 и слѣд.

³ Multos nobilium Longobardorum, quos sibi senserat contumaces, interfecit.

⁴ Paulus Diaconus IV, 46.

⁵ Судьбы Италіи П. Кудрявцева стр. 195 и слѣд.

Вотъ и все, что мы знаемъ про историческаго Ротарія; здѣсь нѣтъ ни слова про походъ на Константинополь и ни слова про увозъ не-вѣсты и про вторичное добываніе ея мечемъ и хитростью. Напротивъ, историческіе факты являются въ противорѣчій съ поэмой. Ротари аріанинъ, уже по одному этому, повидимому, неспособный сдѣлаться героемъ христіанства, кончающимъ жизнь въ монастырѣ. Его отношенія къ женѣ, вдовѣ предшественника, слишкомъ прозаичны, даже враждебны. Съ Каролингами нѣтъ и не могло быть никакой родственной связи. Однако все же мы убѣждены въ тождественности Ротари и Ротера. Вотъ основанія.

Противорѣчіями въ частныхъ фактахъ смущаться нечего: поэма даже въ самомъ первоначальномъ видѣ своемъ составила много столѣтій спустя, когда объ аріанствѣ не было и помину. Личность несчастной Гундеберги давно забылась, а король Ротари, живя столько столѣтій въ преданіи, потерялъ свои характеристическія черты, объединенный въ стереотипной формѣ героя народной саги; онъ пересталъ быть самимъ собой, чтобъ сдѣлаться представителемъ своего народа. Что же заставило нѣмецкій народъ выбрать его изъ длиннаго ряда лонгобардскихъ королей, между которыми были и Альбоинъ и Деиздерій? что же заставило нѣмецкій народъ помнить какого бы то ни было изъ королей Лонгобардскихъ, племени давно забытаго?

У народа есть инстинктъ, замѣняющій временами развитіе современныхъ историковъ; этотъ инстинктъ заставляетъ его запоминать такіа имена, отдавать предпочтеніе такимъ героямъ, въ судьбахъ которыхъ, повидимому, меньше поэзіи, если только эти имена принадлежатъ людямъ, стоящимъ на грани переворота отъ одного порядка вещей къ другому. Кто не согласится, что напр. въ русской исторіи имя Святослава окружено болѣе густымъ ореоломъ поэзіи, нежели имя князя Владиміра, сперва женолюбца, потомъ миролюбиваго христіанина? Конечно, ни актъ утвержденія христіанства въ нашей полуязыческой народной поэзіи сдѣлалъ Владиміра центромъ круга героическихъ сказаній; если на это существуетъ причина, она должна заключаться въ историческомъ значеніи княженія Владиміра, въ томъ, что это княженіе стоитъ на грани Руси складывающейся къ Руси сложившейся. То же самое заставило Германское племя выбрать между всѣми лонгобардскими королями Ротера. Почему-жъ народъ не забылъ про лонгобардское погибшее племя? На это намъ даетъ отвѣтъ и исторія и наша поэма. Послѣ Готовъ, въ Италіи Лонгобарды являются представителями германскаго элемента. Ихъ неуживчивость, грубость, упорство дѣлаютъ ихъ представителями, хотя нѣсколько односторонними, всего германства; въ борьбѣ вѣчно памятной и жестокой германства съ Римомъ они составляютъ передовой отрядъ, смѣнившій Готовъ; даже историческая часть нашей поэмы напоминаетъ намъ о погибшихъ герояхъ „о ихъ разнообраз-

ныхъ битвахъ и связяхъ съ Византійскимъ императоромъ, въ то время какъ тѣ играли первую роль на сценѣ всемірной исторіи, а римскій епископъ еще не закрѣпилъ въ Римѣ своего могущества¹.”

При внимательномъ, можетъ быть, нѣсколько натянутомъ, изслѣдованіи окажется, что Ротерь и Ротари имѣютъ больше общаго, нежели это видно съ перваго взгляда. Подобно Ротари, герой поэмы долженъ былъ укрощать своихъ возмущившихся вассаловъ; въ его жизни женщина играла также очень видную роль; онъ также съ войскомъ явился во владѣнія Византійцевъ, и также счастливо для него окончился этотъ походъ. Есть еще одинъ мелкій фактъ, указывающій на специальное, детальное сходство героя поэмы и исторіи. Напомню стихъ 4.076, гдѣ Іоаннъ Креститель является покровителемъ короля Ротера. Подъ 652 г. IV, 48 Павелъ Діаконъ рассказываетъ слѣдующее: „Когда Ротари процарствовалъ 16 лѣтъ и 4 мѣсяца, онъ умеръ, оставивъ царство Лонгобардовъ своему сыну Родуальду. Тѣло Ротари было помѣщено около церкви Іоанна Крестителя; спустя нѣкоторое время, нѣкто, воспламененный безчестнымъ желаніемъ, открылъ ночью его гробъ и взялъ кое-что изъ драгоценностей, находившихся на трупѣ. Ему явился во снѣ св. Іоаннъ, крѣпко устрашалъ его словомъ и говорилъ ему: „какъ ты осмѣлился коснуться трупа этого человѣка? если онъ и не принадлежалъ къ правой вѣрѣ, все же онъ поручилъ себя мнѣ. Такъ какъ ты дерзнулъ на такое дѣло, то съ этихъ поръ не войдешь ты въ мой храмъ.“ Такъ и случилось. Какъ только этотъ человѣкъ хотѣлъ войти въ церковь, ему казалось, будто его хваталъ за горло сильный кулачный боецъ, и онъ тотчасъ падалъ на землю.“ Если въ жизни самаго Ротари мы не знаемъ ничего ни о какомъ похищеніи невѣсты, то въ 47 главѣ Павелъ Діаконъ рассказываетъ, что въ его время въ Беневентѣ былъ герцогъ Гримуальдъ „который родилъ съ плѣнной, но благородной дѣвушкой Итой сына Ромуальда и двухъ дочерей.“

Покончивъ съ фактами, вошедшими въ основу поэмы, обращаемся къ тѣмъ, которые приурочены въ сагѣ въ послѣдствіи. Столица Ротера Bāge есть безъ сомнѣнія итальянскій городъ Бари, который въ то время составлялъ часть лонгобардскаго герцогства Беневента². О Meilān, Rōme и проч. говорить считаю излишнимъ.

Въ поэмѣ Ротерь является въ связи съ герцогами баварскими; хотя это обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, объясняется главнымъ образомъ мѣстомъ сложенія поэмы, но самое мѣсто указываетъ на то, что Баварія имѣла особыя причины *воспитывать* сагу о лонгобардскомъ королѣ. Лонгобарды поддерживали непрерывныя сношенія съ своими

¹ Uhland I, 104.

² Muratori Antiquit It. I, 69.

ближайшими германскими соседями. Известна сага о сватовствѣ лонгобардскаго короля Аутари за баварскую принцессу Теоделинду.

Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашей поэмы называется Berchter von Meran. Въ то время, когда наша поэма приняла подлежащую обсужденію литературную форму, нынѣшній городъ Меранъ, известное мѣсто лѣченія чахоточныхъ въ Тиролѣ, еще не существовалъ. По словамъ Уланда, подъ именемъ Мерана въ средніе вѣка подразумевали Далмацію „и, какъ кажется, вообще берега Адриатическаго залива, гдѣ на границѣ Истріи лежитъ городъ Марано (Мирано и Марано являются также около Венеціи)“;¹ „этотъ весь берегъ принадлежалъ къ царству Остѣ-Готовъ“;² Рюккертъ о Меранѣ выражается такимъ образомъ: „Имя Мерана придавали землямъ у восточнаго берега Адриатическаго моря съ неточнымъ опредѣленіемъ границъ; эти земли соотвѣтствуютъ нынѣшней Истріи, Далмаціи, Венгерской береговой линіи, отчасти Кроаціи и Босніи. Съ неточностью границъ соединялась неопредѣленность владѣльческихъ правъ на эти земли: не говоря о предыдущемъ, въ XII столѣтіи.... Венеціанцы, Венгры и Греки спорили изъ за нихъ, и нѣмецкая имперія со временъ Карла Великаго заявляла свои права, которыя отъ времени до времени переходили въ дѣйствительность, но безъ серьезныхъ послѣдствій. Этими притязаніямъ одолжены титуломъ герцога Меранскаго различные герцогскіе роды Баваріи, напр. Дахаузскіе графы, а когда въ 1180 г. ихъ родъ вымеръ, ихъ наслѣдники графы Андексскіе. Всѣ такія притязанія при всей своей неопредѣленности и туманности помимо тѣхъ, кто владѣлъ ими, были хранимы народнымъ преданіемъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ видѣ они сильнѣе возбуждали фантазію. Поэтому нечего удивляться, что титулъ герцоговъ Меранскихъ, такъ рѣдко встрѣчающійся въ немногочисленныхъ грамотахъ этого времени, не только въ нашемъ Ротерѣ, но и въ Гугъ—и Вольфдитрихѣ употребляется такъ часто и энергично“³.

Я съ своей стороны имѣю прибавить, что имя Мерана съ обѣими гласными долгими встрѣчается въ Kaiserchronik, какъ титулъ дѣда Дитриха; „былъ въ Меранѣ князь и назывался старый Дитрихъ“⁴. Произошла ли такая генеалогія изъ саги или изъ нашихъ поэмъ, сказать трудно; вѣроятнѣй послѣднее. Что касается до имени Berchter⁵,

¹ Uhland I. 98 Ср. Hormayers Werke 3. 208.

² Manso 321—325.

³ Рюккертъ I. с. XLVII.

⁴ Kaiserchr. Mass. 1385, 8—9 ein vürste was do ze Mēran geheizen was er der alde Dieterich (дѣдъ Дитриха).

⁵ Очевидно изъ *beraht-her* отъ готск. *bairhts*, древневерхненѣм *peraht clarus*. См. Först. I, 236 „Zur Häufigkeit unseres Stammes wirkte wahrscheinlich die Rücksicht auf die Göttin *Perahta* mit.“

трудно приискать ему историческое оправдание. Единственный человекъ этого имени, который состоялъ въ сношеніяхъ съ предполагаемыми историческими Дитрихами: Теодерихомъ и Теодѣбертомъ (о нихъ см. ниже) есть несчастный Bertharius von Thüringen. Подъ 493 г. у Видукинда встрѣчается братъ Арнульфа Berhtoldus, который по словамъ саксонскаго лѣтописца сражался съ Венграми и прославился, одержавъ надъ ними побѣду ¹. Что Berchter von Meran Ротера и Berchtung von Meran Вольфдитриха стоятъ въ самой тѣсной связи, считаю излишнимъ доказывать; окончаніе *ung*, какъ извѣстно, равняется нашему *ичъ*, но изъ этого отнюдь нельзя, при свободѣ обращенія народа и пѣвцевъ съ собственными именами, заключать о томъ, что Берхтунгъ есть наследникъ Берхтера. Обѣ фигуры, вѣроятно, самостоятельно образовались изъ имени народнаго героя; на единство ихъ происхожденія указываетъ до нельзя сходная роль, которую они играютъ въ нашихъ поэмахъ. Въ формѣ Berchtung этотъ герой является въ Битерольфѣ (ст. 4759), какъ помощникъ Дитлейба при дворѣ Этцеля и противникъ Гунтера. Впрочемъ этому нельзя придавать большаго значенія, такъ какъ Битерольфъ—поэма чисто вымышленная, и рядомъ съ Берхтунгомъ въ ней дѣйствуетъ Herdegen, герой, обязанный своимъ происхожденіемъ ошибкѣ писца!

Въ связи съ баварскими герцогами въ Ротерѣ являются два героя von Tengelingen (Amelgêr и Wolfrât); Tengelingen, безъ сомнѣнія, есть Deuklingen въ странѣ верхняго Леха, недалеко отъ Диссена, гдѣ жили графы Андексскіе, съ 1180 года получившіе титулъ герцоговъ Меранскихъ ². Локализациа возмутителя Гадемара Диссенскаго (Hademâr von Diezen 2950) не представляетъ никакихъ затрудненій. Всѣ эти имена, вмѣстѣ взятая, вполне гармонируютъ съ тѣмъ особеннымъ блескомъ, которымъ окружаетъ авторъ баварскія войска, въ ст. 3584 и слѣдд.

Изъ фактовъ, внесенныхъ послѣдующей эпохой и мѣстомъ происхожденія одной изъ посредствующихъ редакцій, можно указать на чествованіе св. Егидія (ст. 2934), любимаго святаго нижнерейнскихъ странъ; къ той же мѣстности относится и Гертруда Нивельская (Gêtrûd von Nivelle) 3486. Сюда же относится и генеалогія Карла Великаго (ст. 4765 и слѣдд.), которая, конечно, должна была интересоваться преимущественно нѣмцевъ, изстари покорныхъ ему. Ст. 4076 упоминаетъ о походѣ то походѣ за Elve; Elve нельзя объяснить иначе какъ Elbe—

¹ II, 34. illis diebus Berhtoldus, frater, Arnulfi procurabat Bojoariam, pugnansque contra Ungarios victorque existens triumpho celebri factus est clarus.

² графъ Бертольдъ получилъ этотъ титулъ герцога отъ Фридриха Барбароссы (Aventini Annales Bojorum LVI. c. 7.).

Эльба. Рюккертъ дѣлаетъ предположеніе, вполне возможное, что это былъ крестовый походъ противъ Славянъ, возбужденный въ 1147 г. проповѣдями Бернарда Клервосскаго, гдѣ войско нѣмецкое потеряло много людей; важнѣй, чѣмъ въ прибавленныхъ собственныхъ именахъ, которыя должно приписать скорѣй одному изъ редакторовъ, чѣмъ поэту, вліяніе исторіи выразилось въ изображеніи жизни, современной составителю поэмы.

Ротеръ является, какъ нѣмецкій императоръ, въ Римѣ, какъ представитель нѣмецкой силы, сдѣлавшей Италію мѣстомъ своихъ подвиговъ, при чемъ родина доставляла вѣрныхъ слугъ и изрѣдка враговъ, способныхъ отвлечь героя на время; онъ представитель европейскихъ государей въ ту эпоху, когда неудержимое стремленіе тянуло ихъ на востокъ, а по дорогѣ туда большой стоянкой представлялся Константинополь. О значеніи крестовыхъ походовъ и проявленія въ нихъ нѣмецкаго wanderlust'a было писано слишкомъ много; не мало писали и о томъ вліяніи, которое оказали эти походы на національную литературу нѣмцевъ; помимо всѣхъ прочихъ фактовъ, разбираемыхъ нами поэмы представляютъ достаточно данныхъ; во всѣхъ ихъ, гдѣ бы ни начиналось дѣйствіе, его сцена вскорѣ переносится на востокъ. Еще Вилькенъ¹ обратилъ вниманіе на чрезвычайно близкую связь между королемъ Ротеромъ и пребываніемъ крестоносцевъ перваго похода въ Константинополь. По его мнѣнію, въ лицѣ Константина поэтъ изображаетъ заведомо Алексѣя Комнена (1081—1118) съ его важностью и трусостью, гордостью и низостью, съ его вѣчнымъ колебаніемъ между противоположными рѣшеніями. Трусливымъ Византійцамъ гордые, вспыльчивые, полудикіе бароны должны были представляться чѣмъ то въ родѣ великановъ Аспріана съ братією. Есть даже сходство въ мелкой подробности: Аспріанъ убилъ Константинова льва; въ 1101 году крестоносцы, безъ всякой серьезной причины, убили ручнаго любимого льва императора Алексѣя². Объ этомъ фактѣ зналъ и поэтъ Ротера, вѣроятно, бывший лично въ Константинополь. Въ замѣненномъ имени Вилькенъ видитъ иронію: императоръ Алексѣй образцемъ для себя ставилъ Константина Великаго, основателя города.

Всѣ эти положенія въ настоящее время представляются слишкомъ шаткими. Чтобы узнать названіе ипподрома, также какъ и Вавилонію, послѣ многихъ крестоносцевъ, успѣвшихъ побывать въ новомъ Римѣ, не было необходимости лично участвовать въ походѣ. Одинъ изъ любимыхъ пріемовъ для выраженія внѣшней силы въ нѣмецкой поэзіи есть разбиваніе животнаго объ стѣну, чему можетъ служить дока-

¹ Fr. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen u. abendländischen Berichten. Lpz. 7 Bd. 1807—32. Beilage II, стр. 17.

² leonem domitum qui erat gratissimus in palatio imperatoris ib. II, 123.

зательствомъ Вольфдитрихъ В. Имя Константина въ глазахъ нѣмецкаго поэта было чуть не нарицательнымъ именемъ всѣхъ византійскихъ императоровъ, подобно тому, какъ имя Карла Великаго у Славянъ. Представлять себя самого и своихъ товарищей въ видѣ полудикихъ великановъ поэтъ не могъ. Но все же фактъ знакомства съ востокомъ и тяготѣнія къ нему во время крестовыхъ походовъ остается во всей своей силѣ. И Константинополь получилъ тогда всеобщую извѣстность, и вопросъ о томъ, какъ поступить съ нимъ въ случаѣ завоеванія (фантазія обогнала фактъ): разрушить ли за подлость Византійцевъ или почтить его святыню, долженъ былъ представляться умамъ современниковъ.

Считаю неумѣстнымъ распространяться о томъ, насколько въ средневѣковой поэмѣ, изъ чего бы ни была она переработана, изъ мифологической или племенной саги, изъ житія ли святаго, или изъ классической поэмы, отражались быть и нравы эпохи, насколько выше силъ автора было удержатъ что нибудь похожее на колоритъ времени, и насколько обстановка поэмы важна для опредѣленія времени ея еозданія. Король Ротеръ получилъ искусственно литературную форму въ ту эпоху, когда средневѣковая жизнь находилась въ полномъ цвѣтѣ, когда броженіе, неурядица и варварство кончалось, а галантерія еще не исказила лучшихъ сторонъ ея. Героемъ въ жизни и въ поэмѣ является подъ другимъ названіемъ конунгъ и его вассалы; отношенія ихъ облагородились и уяснились. Вассалы самостоятельные и гордые по нравственному долгу, не по физическому принужденію, готовы всѣмъ пожертвовать для своего свободно избраннаго господина; съ любимымъ королемъ нѣтъ для нихъ опасности, нѣтъ бѣдности и несчастія. Попадутся ли они въ плѣнъ — король ничего не пожалѣетъ, чтобы освободить ихъ; только смерть безвозвратно разлучитъ ихъ съ королемъ; но и тогда имъ остается утѣшеніе: королевскія слезы падутъ на ихъ могилу. Бѣдности они не знаютъ, такъ какъ рука королевская не оскудѣетъ; „сребромъ и златомъ не налѣзу дружины...“; „milding“ на сѣверѣ поэтическое выраженіе, замѣняющее слово „король.“ Охотно одѣляетъ онъ всѣхъ золотомъ и серебромъ. Передъ походомъ, не вѣшая и не считая, приносятъ ему въ щитахъ серебро и золото, и онъ все до конца раздаетъ его вассаламъ. Если походъ удастся, онъ одѣляетъ всѣхъ не одними сокровищами, но и владѣніями¹. Таково идеальное, но сходное часто съ дѣйствительностью положеніе героев средних вѣковъ; такимъ является оно какъ въ королѣ Ротерѣ, такъ и во множествѣ другихъ средневѣковыхъ поэмъ: въ Вольфдитрихѣ, Ортнитѣ, Гудрунѣ и проч. Въ мою задачу не входитъ подбирать факты для оправданія такого воззрѣнія: безъ жизненной основы оно не могло существо-

¹ Uhland I, 232.

вать и въ поэмѣ. Не всегда вассалы живутъ въ мирѣ другъ съ другомъ и съ королемъ; стремленіе *сѣсть выше другаго*, въ буквальный и метафорическомъ смыслѣ, ведетъ къ кровавымъ ссорамъ; этимъ мотивомъ обуславливается въ нашей поэмѣ и бой Асприана съ людьми герцога Фридриха, и возстаніе Гадемара Диссенскаго.

Духовные интересы, проникавшіе въ то время общество, конечно, должны были отразиться въ поэмѣ: дочь Константина намѣрена отправиться ко свв. мѣстамъ, во избѣжаніе страшной кары, обѣщанной ей во снѣ. Вѣра въ чудесную силу камней, то вѣчно свѣтящихся, то дающихъ всякія необыкновенныя способности, то излѣчивающихъ отъ всѣхъ недуговъ, вѣра, дошедшая даже до Изборника Святославова, отразилась въ нашей поэмѣ въ камнѣ, будто бы привезеннымъ жонглеромъ.

Въ заключеніе историческаго анализа поэмы обращаюсь къ имени и происхожденію главнаго дѣйствующаго лица. Нѣтъ сомнѣній, что въ *Vilkinasaga* рассказывается о томъ же героѣ. Не сходство въ сюжетѣ: добываніе невесты съ помощію вѣрныхъ дружинниковъ силою и обманомъ, но мелкія, случайныя подробности: имя Дитриха, Асприана, Видольфа, происшествіе съ башмаками, хотя и запутанное въ сагѣ, служить здѣсь несокрушимымъ доказательствомъ. Въ какомъ отношеніи между собою эти 2 пересказа?

Этотъ вопросъ для русскаго изслѣдователя имѣетъ особенное, специальное значеніе, такъ какъ Озантриксъ, замѣняющій въ сагѣ Ротера, есть сынъ русскаго князя Гертнита, братъ Владиміра и Иліаса; Гертнитъ и Гирдиръ, отправляющіеся послами къ Миліасу, королю Гуннін, сыновья Иліаса; имена Смоленска, Полоцка не представляютъ никакихъ сомнѣній; имя Хольмгарда слѣдуетъ приписать Новгороду. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ нѣмецкихъ изслѣдователей уклоняться отъ разрѣшенія вопроса, въ ожиданіи того времени, когда русская исторія будетъ лучше знакома имъ, или пока русскіе войдутъ въ ряды европейскихъ ученыхъ. Русскіе же ученые, сколько мнѣ извѣстно, не пытались съ достовѣрностью разрѣшить этихъ вопросовъ. Съ именемъ *русскихъ* (*Riuzen*) мы не разъ встрѣтимся въ нѣмецкомъ средне-вѣковомъ эпосѣ: *Hertnit* и *Hartung von Riuzen* фигурируютъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Розоваго сада; Ортнитъ, къ которому мы обратимся послѣ Ротера, нѣмецкая форма Гертнита, также стоитъ въ близкой связи съ *Riuzen*. Предоставляю сторонникамъ норманской теоріи принять этотъ фактъ къ соображенію при изслѣдованіи отношенія сѣверной Руси къ Скандинавіи; о русскихъ въ Ортнитѣ и о Гертнитѣ я буду говорить ниже; а для прочихъ фактовъ, о которыхъ рассказываетъ *Vilkinasaga* укажу на соображенія Мюлленгофа, который при всемъ желаніи связать ихъ съ нѣмецкой праисторіей могъ сдѣлать очень немного: вполне убѣдительно доказавъ, что Вилькинъ (*Wilzce*,

цем Starcatherus duellio superavit Saxo VI. 281 p.) есть эпическій представитель извѣстнаго славянскаго народа Велетабовъ или, какъ они назывались позднѣе, Лютичей (о нихъ см. Лаврентьевскую лѣтопись 1872 г. изд. археогр. комиссіи 5 и 12); онъ долженъ согласиться, что сага о немъ лишена всякаго эпическаго развитія, и имя его принадлежитъ уже поэпической эпохѣ. Древнѣе Озангтриксъ, могучій король славянскій, но и его связь съ Гертнитомъ Новгородскимъ и война Велетабовъ съ Россіею присочинены для связи, вслѣдствіе появленія Вилькина; къмъ? Мюлленгофъ не объясняетъ. Я считаю это за личную выдумку автора Тидрексаги; къ этой статьѣ намъ еще придется возвратиться. ¹ Ея авторъ книжникъ ², какъ видно изъ предисловія; его стремленіе сочетать книжную ученость съ поэтическими преданіями имѣетъ на сѣверѣ много параллельныхъ явленій. Отъ такихъ книжниковъ даже меньше можно требовать исторической правды, чѣмъ отъ народной пѣсни; въ послѣдней хоть колоритъ остается вѣренъ; для измѣненій можно подыскать основанія, законы; неправда историческая является поэтической правдой. У книжника же дѣйствуетъ произволъ и соображенія полуграмотнаго человѣка; онъ слышалъ какое-нибудь имя, и впутываетъ его, куда попало, чтобъ только замазать прорѣхи. Русскаго въ рассказѣ Vilkinasaga, по моему мнѣнію, кромѣ имени, ничего нѣтъ; авторъ слышалъ имя народа, городовъ, одного князя и, желая удалить сцену дѣйствія, чтобы обратить поэзію въ фактъ, напихалъ имена въ сочиненное имъ предисловіе къ пѣснѣ. Совсѣмъ иное отношеніе скандинавской саги къ нѣмецкой поэмѣ; для послѣдней она имѣетъ неоспоримое значеніе; ея авторъ, очевидно, пользовался пѣснью или сказаніемъ, которыя съ нашей поэмой имѣютъ общее основаніе; ихъ различіе указываетъ, что пѣсня или сказаніе, лежащее въ основѣ короля Ротера, имѣло 2 редакціи, сравненіе которыхъ обусловливаетъ весь ходъ изслѣдованія о поэмѣ.

Прежде всего вниманіе привлекаетъ иное имя героя. Имя Озангтрикса встрѣчается въ нѣмецкомъ эпосѣ только одинъ разъ въ формѣ Oserich(e). Въ Битерольфѣ ст. 1962: Хельхе, жена Атилы, называется „des kunig Oseriches kint“ ³. Имя въ этой формѣ Рассманъ ⁴ объясняетъ предположительно, какъ glanzreich. Рюккертъ ⁵ въ формахъ: Juliana, Nardian, Asplian или Aspilian, наконецъ Osangtrix или Osantrix видитъ вліяніе латинскаго текста, но не можетъ крѣпко стоять на своемъ

¹ (Haupts Zeitschrift XII 339—342 zur deutschen Heldensage). О Велетахъ см. Šafařík slovanske starozitnosti 1837 стр. 871 и слѣдд.

² Ср. Lange Untersuchungen 285, 286.

³ Deutsche Gedichte des MA II.

⁴ II, 177 слѣдд.

⁵ Einl. XXVI.

предположеніи, такъ какъ оно ведетъ къ обличенію во лжи предисловія Вилькинасаги, а слѣдовательно и къ отрицанію значенія его редакціи. Съ точки зрѣнія мифологической экзегезы Рюккертъ представляется вполне возможнымъ одновременное существованіе двухъ редакцій народнаго сказанія: нижненѣмецкой или саксонской, съ которой мы знакомимся изъ скандинавскаго изложенія, и верхненѣмецкой въ нашей поэмѣ. Не раздѣляя его общей точки зрѣнія, считаемъ невозможнымъ согласиться съ нимъ и въ этой частности. Если сказаніе приурочено къ двумъ различнымъ именамъ или къ двумъ эпитетамъ бога, какъ онъ силится доказать, хотя и чувствуетъ слабость своихъ положеній, почему же оно сходится въ именахъ второстепенныхъ лицъ и въ мелкихъ подробностяхъ? Допустимъ, что Аспиліанъ и Видольфъ также боги, имена которыхъ случайно не измѣнились, но какъ же объяснить сходство въ подробностяхъ относительно матеріала башмака, имени Дитриха и другихъ подробностей, для которыхъ нельзя отыскать мнѣйческаго объясненія? И такъ связь существуетъ не только родовая, но и видовая; объясненія возможно два: или первый авторъ поэмы самовольно замѣнилъ имя Озериха и др. и приурочилъ общегерманскую пѣснь къ югу; или составитель сѣверной саги замѣнилъ малознакомыя ему имена болѣе знакомыми. Я считаю второе предположеніе болѣе возможнымъ, такъ какъ: 1) въ естественномъ ростѣ національной поэзіи такая замѣна была бы явленіемъ безпримѣрнымъ, 2) мы имѣемъ нѣкоторые основанія считать Ротари болѣе извѣстнымъ лицомъ, чѣмъ какого-то Озериха, 3) авторъ Вилькинасаги обличилъ себя уже на нашихъ глазахъ игрою въ русскія имена; обличить еще и не одинъ разъ¹.

Какъ бы то ни было, изъ Vilkinasaga оказывается несомнѣннымъ, что сюжетъ поэмы былъ распространенъ и на сѣверѣ Германіи, что тамъ существовала другая редакція, гдѣ пѣсня или сказаніе заканчивалась добываніемъ жены, что въ первой части, въ именахъ и въ подробностяхъ, она сходилась съ нашей поэмой. Такъ Аспріанъ, Витольдъ, ложное имя Дитриха и исторія съ башмакомъ встрѣчаются и здѣсь, и тамъ.

¹ Мнѣйскій элементъ, конечно, есть во всякой средневѣковой поэмѣ, и здѣсь онъ проявляется въ видѣ великановъ, которые представлены со многими атрибутами мнѣйскихъ великановъ (см. Riesen въ J. Grimms Mythologie); дружба между великанами и человѣкомъ въ позднѣйшую эпоху вещь очень обыкновенная; Видольфъ имѣетъ даже въ имени общій великанамъ суффиксъ *olt* (ср. Fasolt, Memerolt). Страшное проявленіе силы неудержимой, элементарной ведетъ къ цѣлямъ. „Кузнецами они не бываютъ, и кованье оружія предоставляется исключительно карликамъ; только въ Ротерѣ Аспріанъ куетъ башмаки, и Ваде посылаетъ своего сына Валинта учиться кузнечному мастерству сперва у Мимира, потомъ у карликовъ“ (Myth. 514).

Асприанъ встрѣчается еще въ „Розовомъ Садѣ“, какъ сторонник Гибиха; по ред. D онъ такъ длиненъ и великъ, что не знаетъ на свѣтѣ себѣ равнаго; по D^b длина его отъ пояса 8 сажень; у него 2 меча и т. д.¹ И такъ имя Асприана—великана, существа сверхъестественнаго, помощника жениха, есть національное нѣмецкое достояніе. Мы не можемъ найти подобныхъ указаній для Витольда, но должны предположить возможность ихъ. Его вражда къ св. городу Константинополю и страхъ передъ св. Михаиломъ (ст. 4445) указываютъ на переходъ изъ мифологіи въ демонологію. Что касается до имени Дитриха, то я не считаю возможнымъ отыскивать для него основаній, а думаю просто сослаться на всеобщую распространенность его въ племени Готскомъ и въ другихъ племенахъ нѣмецкихъ въ эпоху переселенія народовъ². Что же касается до происшествія съ башмакомъ, Рюккертъ исполнѣ правдоподобно объясняетъ его брачнымъ обычаемъ.

Перехожу къ объясненію времени и мѣста созданія поэмы³. Крайніе предѣлы времени указываютъ съ вѣроятностью свидѣтельства, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на степень распространенности поэмы съ ея именами. Для короля Ротера число такихъ свидѣтельствъ не велико. Марнеръ во 2-ой половинѣ XIII в. говоритъ:

singe ich den liuten mîniu liet,

sô wil der erste daz,

wie Dietrich von Bern schiet

der ander, *wâ kûnc Ruoter saz*⁴.

30—40 лѣтъ спустя, Гугъ Тримбергскій говоритъ въ „Renner“:

alsô sint bekant turch tiusche lant

Erec, Jwân unt Tristrant,

kûnc Rûther und her Parzivâl; и тамъ же:

der zwefte wil *Rûthern* besunder

der drizehende kûnec Alexanders wunder.

Ко 2-ой половинѣ XIII в. принадлежитъ еще свидѣтельство объ Асприанѣ: ob sî worden waere ein man, noch küener was, dan Aspriân. Von dem übelen weibe v. Moriz Haupt Leipz. 1871. ст. 155.

¹ Ср. Grimm Rosengarten XII.

² Теодорихъ дѣйствовалъ и въ Каталаунской битвѣ; Теодорихъ, сынъ Триарія (Mascoy I, 457), былъ современникомъ Теодориха Великаго и т. д.

³ Часть данныхъ получается изъ предыдущаго изслѣдованія. Другую часть заимствую изъ Рюккерта, такъ какъ, по моему мнѣнію, онъ исчерпалъ все возможное; я же рпп. не видалъ и отъ самостоятельныхъ, новыхъ положеній отказываюсь.

⁴ W. Grimm Hs 163.

Въ концѣ XIII в. Рейнфридъ Брауншвейгскій говоритъ:

jâ mochte mit keinen dingen
sich diesen hie gelichen
swaz man hie von den rîchen
hôch erbornen Rûther
sach riesen vûeren über mer ¹.

Рп. Н, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, носить на себѣ, по словамъ изслѣдователей ², неоспоримые слѣды 2-ой половины XII в. и представляетъ изъ себя списокъ. Мюнхенскіе отрывки принадлежатъ къ концу того же столѣтія. Слѣдовательно поэма должна быть старше 2-ой половины XII в.; въ то же время, если предположеніе Рюккерта относительно похода за Эльбу справедливо, и если эти строки не внесены переписчикомъ, она должна быть составлена послѣ 1147 г. Сличенія внутреннія и внѣшнія съ Kaiserchronik, Александромъ и герцогомъ Эрнстомъ ³ доказываютъ, что наша поэма принадлежитъ къ той переродной эпохѣ (до 1180 г.), когда вмѣстѣ съ внесеніемъ французскихъ нравовъ и галантнаго рыцарства исчезли и древнія формы поэзіи, исчезли всякіе слѣды аллитераціи и пр. ⁴.

Что касается до мѣста составленія поэмы, то языкъ указываетъ на прирейнскую страну, на сѣверъ отъ устьевъ Мозеля, какъ опредѣляетъ Рюккертъ, можетъ быть, съ излишнею точностью. Какже объяснить при этомъ особенное тяготѣніе къ Баваріи? по мнѣнію Рюккерта, надъ поэмою трудился прирейнскій пѣвецъ въ Баваріи ⁵. Онъ часто обращается къ какой то книгѣ или пѣснѣ, на основаніи чего Рюккертъ полагаетъ, что у него былъ источникъ, древнѣйшая поэма, также написанная на прирейнскомъ нарѣчій ⁶, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, діалектъ оригинала долженъ былъ бы выказаться хотя въ нѣсколькихъ формахъ. Баварскія прибавленія ⁷ Рюккертъ относитъ къ новой редакціи (къ которой можно, безъ сомнѣнія, отнести и походы за Эльбу, послѣ чего 1147 годъ не будетъ смущать насъ и позволить продолжить срокъ составленія поэмъ чуть не до перваго крестоваго похода. „Tihtere (такъ измѣняетъ, по моему мнѣнію, совер-

¹ Ibid. 176.

² Rückert Einl. LVI.

³ Ibid LVIII.

⁴ Ibid LVII.

⁵ Ibid LXI.

⁶ Ibid LXIV.

⁷ Признаки прирейнскаго діалекта, сравнительно съ mhd: e вм. i, o вм. u, ô вм. uo, ei вм. ie, v вм. b, k, вм. ch, t вм. z, t вм. d и пр.

шенно основательно Рюккертъ путавшаго все дѣло Rihtere) ¹ не былъ жонглеромъ по профессіи, какъ эго ясно видно изъ той незавидной роли, которую онъ заставляетъ разыгрывать жонглера. Относится ли это къ автору оригинала, за неимѣніемъ фактовъ сказать трудно. Если поэтъ не былъ жонглеромъ, то вполне возможно предположеніе романтика Тика, который считалъ его клерикомъ.

Историколитературное положеніе поэмы отчасти опредѣлено выше. Любопытно изслѣдовать ея отношенія къ двумъ поэмамъ, съ которыми паходятъ въ ней связь заимствованія: къ Соломону и Морольфу и Вольфдитриху. Въ этомъ случаѣ нельзя согласиться съ Рюккертомъ, который, подобно многимъ другимъ издателямъ, чувствуетъ особенную слабость къ *своей* поэмѣ и склонность приписать ей черезчуръ обширное вліяніе и первенство. Рюккертъ видитъ въ Соломонѣ и Морольфѣ (прежде 1180 г.) несомнѣнное литературное вліяніе Ротера. По его мнѣнію, Морольфъ есть грубая передѣлка Ротера, Фараонъ—Константина. Сцена совѣта съ дружиной, переодѣванье Морольфа, его игра на арфѣ, рогъ, которымъ онъ призываетъ на помощь войско—все это заимствовано изъ Ротера ². Совершенно противоположнаго взгляда на этотъ предметъ держится русскій ученый г. Веселовскій, въ глазахъ котораго Соломонъ и Морольфъ есть самостоятельное измѣненіе апокрифа, перешедшаго съ востока ³. „Эта обработка (Соломонъ и Морольфъ 1-й редакціи) отвѣчаетъ тому настроенію средневѣковой фантазіи, которая любила рассказы объ умыканіи красавиць ⁴ и т. п.“ Въ формулѣ совѣта и пр. онъ сближаетъ поэму съ русскими былинами. По моему мнѣнію, о литературномъ заимствованіи изъ Ротера здѣсь невозможно и мыслить; напротивъ того, Соломонъ и Морольфъ представляютъ любопытную отмѣну отъ формулы Ротера; въ одномъ случаѣ самъ герой добываетъ свою жену, въ другомъ его помощникъ; въ одномъ случаѣ жена добровольно ушла отъ мужа, въ другомъ ее увезли насильно; что касается до приемовъ совѣта съ дружиной, рога и пр., то я надѣюсь во 2-й части моего изслѣдованія доказать ихъ поразительную общность. Съ точки зрѣнія г. Веселовскаго скорѣе слѣдовало бы допустить обратное заимствование.

Въ Вольфдитрихѣ А. Рюккертъ также усматриваетъ общее съ Роте-

¹ *ibid.* LVIII.

² *ibid.* X.

³ О Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 301.

⁴ *ibid.* 294. Любопытно для сравненія съ результатами г. Веселовскаго взгляды Моне: *Quellen u. Forschungen zur Geschichte der deutschen Literatur u. Sprache* Bd. I, Abh. I Achen u. Leipzig 1830 стр. 240—248: онъ считаетъ Соломона за искаженіе древне-франконскаго *Saleman*, Морольфа за нидерландскаго *Meerelfen*.

ромъ, въ особенности же въ продолженіи „грубѣйшаго Фауста XV столѣтія“¹.“ Переодѣваніе, кольцо, монастырь Рюккертъ готовъ объяснить литературною связью, хотя самъ называетъ это мотивами. Но несомнѣнное заимствование онъ находитъ въ Вольфдитрихѣ В: совѣтъ съ дружиной считаетъ онъ искаженіемъ того же совѣта въ Ротерѣ; переодѣваніе Гугдитриха — искаженіемъ и позднѣйшимъ осложненіемъ принятія чужаго имени (не сочтеть ли онъ и Ахиллеса въ женскомъ платьѣ такимъ же неудачнымъ подражаніемъ короля Ротера?), основную идею — освобожденіе дружины, Берхтунга Меранскаго, угрозы Константинополю и другіе факты, которые *объясняетъ* въ случаѣ надобности представить Рюккертъ, считаетъ онъ неоспоримыми доказательствами заимствования. Я желалъ бы знать другіе факты; этихъ же для меня недостаточно: Берхтеръ или Берхтунгъ могъ существовать въ сагѣ. Отношеніе къ Константинополю *должно* было быть одинаково; совѣтъ, переодѣванье, монастырь, освобожденіе дружины и пр.—все это одинаковые мотивы, элементы или формулы народной поэзіи, о которыхъ будетъ говорено ниже.

Обращаюсь къ послѣднему вопросу: кто былъ авторомъ поэмы? При разборѣ національной поэмы отвѣтить на этотъ вопросъ однимъ именемъ невозможно. Рѣдко можно сдѣлать указаніе на имя того, кто придалъ ей послѣднюю форму; но въ данномъ случаѣ, также какъ и во множествѣ другихъ подобныхъ, нельзя даже сдѣлать и предположенія. Въ сложеніи поэмы участвовали слѣдующія силы: 1) цѣлый народъ, создавшій основу 2) пѣвцы народные, безграмотные, обработывавшіе ее въ формѣ былинь (кантиленъ), которыя, удаляясь отъ своего источника и слѣдуя законамъ наслоенія и естественнаго роста, увеличивались въ объемѣ (на этой ступени пѣсня всегда остается вполне народною т. е. свободною отъ всякихъ личныхъ прибавокъ). 3) послѣдовательный рядъ поэтовъ грамотныхъ, отчасти распространявшихъ поэму въ кругѣ тѣхъ же общенародныхъ представленій, отчасти измѣнявшихъ ее согласно субъективнымъ взглядамъ и имъ знакомымъ фактамъ. Такимъ образомъ, объединяя цѣлый рядъ въ одномъ лицѣ, можно поставить себѣ слѣдующій вопросъ: въ какомъ отношеніи дѣятельность поэта стоитъ къ народному творчеству, т. е. что поэтъ взялъ отъ народа и что прибавилъ онъ самъ? Въ этомъ мѣстѣ я считаю нужнымъ только выдѣлить личные прибавки и перечислить мотивы народные; доказательства же отношу во вторую часть изслѣдованія. Начнемъ съ зерна поэмы. По мнѣнію мнѣологической школы, къ которой принадлежитъ и Рюккертъ, въ основѣ 1-й части поэмы (2-я является позднѣйшей прибавкой) лежитъ мифъ: битва бога лѣтнаго солнца съ силой зимы, которая держитъ въ плѣну прекрасную

¹ „des gröbsten Faust des XV Jahrh.“ XII.

богиню земли. Тотъ же мифъ окажется въ основѣ длиннаго ряда поэмъ, сагъ и безчисленнаго множества сказокъ; его необыкновенная общность указываетъ на слабость теорій, въ примѣненіи къ этому случаю. Исторической основы для содержанія поэмы, не смотря на всѣ старанія, найти нельзя; но есть ли серьезная необходимость подыскивать ту или другую основу, объ этомъ рѣчь впереди. Какъ бы то ни было, изъ неопредѣленнаго пока зерна черезъ посредство народной саги, былинь народныхъ пѣвцевъ явилось литературное произведение, съ которымъ мы теперь имѣемъ дѣло; въ немъ фигурируютъ слѣдующіе типы: молодой герой—женихъ, его старый совѣтникъ, могучіе помощники при добываніи невѣсты, отецъ невѣсты, враждебный герою, мать, къ нему расположенная, невѣста, жаждущая его любви, и подставной женихъ со стороны отца. Прибавки специально баварскія, отраженія современныхъ событій, какъ Константинополь, походъ за Эльбу, генеалогію Карловинговъ и проч. надо выдѣлить прежде всего; затѣмъ выдѣляются формы жизни, среднихъ вѣковъ: вполне развившееся къ XII столѣтію понятіе о римско—германскомъ королѣ, средне-вѣковая роскошь, отношенія вассаловъ землевладѣльцевъ къ сюзерену и пр. Изъ остова, лишеннаго такимъ образомъ личныхъ, специально временныхъ и мѣстныхъ особенностей можно отдѣлить то, что принадлежитъ исключительно нѣмецкому народу отъ того, что принадлежитъ всякому народу, стоящему на той же ступени развитія. Къ 1му отдѣлу будутъ относиться: старинныя и распространенныя имена, напр. Ротеръ, Берхтеръ, Асприанъ, Видольтъ и въ особенности Дитрихъ; эпизодъ съ башмакомъ и проч. подробности юридическаго быта. За исключеніемъ всего этого останутся двѣ общія темы: 1) добываніе невѣсты и 2) возвращеніе жены.

Добывать невѣсту можетъ или самъ герой личною силою (формула древнѣйшая), или съ помощію могучихъ союзниковъ, или его дружинники могутъ дѣйствовать безъ него (формулы позднѣйшія). Въ данномъ случаѣ соединены 2 и 3 формулы. Трудность добыванія обусловливается или самой невѣстой или лицомъ, во власти котораго находится она; въ данномъ случаѣ—2 формула. Герой или долженъ непосредственно добыть невѣсту, побѣдивъ того, кто препятствуетъ, или побѣдить врага, желающаго пріобрѣсть ее въ свою власть, или исполнить трудную задачу. Въ данномъ случаѣ столкнулись недоразвѣтныя 2 формулы: 1 и 2. Побѣда пріобрѣтается или силою или хитростью; въ данномъ случаѣ соединено и то, и другое. Побѣжденная сила или истребляется героемъ или продолжаетъ свое существованіе. Во 2-мъ случаѣ или дѣло кончается примиреніемъ, или герой долженъ вынести вторую борьбу за пріобрѣтенную невѣсту. 2 формула въ королѣ Ротерѣ даетъ поводъ къ развитію 2-й темы. 2-я тема только случайно присоединена къ первой, т. е. она могла быть и не быть, что ясно доказываетъ

ся существованіемъ сѣверной самостоятельной редакціи. Жену или невѣсту героя похищаютъ или съ ея воли или противъ воли, хитростію или силою. Въ первомъ случаѣ дѣло должно кончиться наказаніемъ похитителя и похищенной; во 2-мъ только наказаніемъ похитителя; въ королѣ Ротерѣ 2-ой случай; похищеніе совершается хитростію. Герой отправляется или самъ за похищенной или посылаетъ помощника (Морольфъ); въ Ротерѣ 1-ая формула. Герой является или послѣ вынужденной измѣны жены (формула сказочная, древнѣйшая) или въ самый критическій моментъ (Ротеръ), или открыто, или тайно (Ротеръ), или сразу беретъ перевѣсъ надъ враждебною стороною, или предварительно поддается ей (Ротеръ); въ послѣднемъ случаѣ въ моментъ крайней опасности является ему помощь (Ротеръ).

Этимъ общенароднымъ, безцвѣтнымъ и, такъ сказать, отвлеченнымъ формуламъ придаютъ краски и жизнь условія, среди которыхъ живетъ народъ (бытовой колоритъ) и народные *эпические приемы* (поэтический колоритъ). Нѣкоторые приемы принадлежатъ преимущественно одному народу, одной эпохѣ и одной формѣ народныхъ произведеній; другіе же общи всей народной поэзіи. Изъ такихъ приемовъ въ Ротерѣ встрѣчаются: совѣтъ съ дружиной о невѣстѣ, выраженіе силы Аспріана (палица, левъ и ноги, ушедшія въ землю), арфа Ротера, обманъ сонъ невѣсты, вѣщій сонъ ея отца, выборъ висѣлицы, рогъ, кольцо, обманная тюрьма, переодѣванье купцемъ и пилигримомъ, увозъ на корабль, голь кабацкая, стоящая за героя, выраженіе богатства людей Ротеровыхъ и др. Какой изъ этихъ приемовъ принадлежитъ къ специальнымъ, какой къ общимъ, можетъ рѣшить только сравненіе; оно же прослѣдитъ видоизмѣненія основныхъ формулъ.

Ортнитъ имѣетъ двѣ редакціи: 1) Ортнитъ отдѣльно отъ Вольфдитриха, сохранившійся въ 2-хъ рпп. А и W, и 2) общій текстъ, обрывающій рассказъ на битвѣ съ змѣемъ. Этотъ общій текстъ представляется въ 2-хъ видахъ: а) рп. С отъ 1300 г., сохранившаяся только въ незначительныхъ отрывкахъ и б) 7 рпп. XVв. По мнѣнію Амелунга (слѣд. и Мюлленгофа), общій текстъ есть переработка AW, составленная съ цѣлію служить вступленіемъ къ Вольфдитриху Аѳинскому (т.-е. С; см. выше). Когда Вольфдитрихъ С соединился съ Вольфдитрихомъ В (Сальнекскимъ; о возможности такого соединенія см. ниже), чтобы образовать большаго Вольфдитриха (D), тоже введеніе изъ укороченнаго Ортнита осталось и при немъ.

Сверхъ того есть еще извѣстное намъ сокращеніе въ дрезденской рп. № 103, оригиналъ которой Амелунгъ считаетъ за особую редакцію, близкую къ источнику общаго текста ¹, такъ какъ число строфъ въ

¹ Einleit. XVI.

ней (587) разнится отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Печатной Heldenbuch Амелунгъ придаетъ мало значенія; напротивъ того, Гольцманъ ¹ предполагаетъ, что ея составитель подъ руками имѣлъ два разные текста,—одинъ изъ нихъ намъ неизвѣстенъ—которые онъ пытался связать; мнѣнiе его не выдерживаетъ критики, такъ какъ всѣ прибавки имѣютъ видъ позднѣйшихъ интерполяцій. Гольцманъ расходится съ Амелунгомъ и въ опредѣленіи значенія С. Въ его глазахъ это есть одна изъ редакцій общаго текста, близкая къ 2-мъ только рпп. а и с. Вопросъ о С, даже безъ отношенія къ Вольфдитриху, очень важенъ, такъ какъ въ случаѣ несправедливости Амелунга вся его схема распадается, и общій текстъ является древнѣе самой древней рп., такъ что трудно будетъ найти основанія для доказательства первобытности текста АW; необходимо пересмотрѣть еще разъ этотъ вопросъ. Къ несчастію изданіямъ Гагена безусловно довѣрять нельзя, а Амелунгъ приводитъ не всѣ разнорѣчія. Такъ напр. Амелунгъ не указываетъ на любопытное разнорѣчіе 173,2, гдѣ С читаетъ *schuldig* (Альберихъ считаетъ себя виноватымъ передъ матерью Ортнита; почему? можетъ быть, по воспоминанію о старой роли похитителя, которую онъ игралъ здѣсь, также какъ Лауринъ, весьма похожій на него, въ поэмѣ того же имени), вмѣсто общаго всѣмъ *gwaltic* (W *gewaltlich*); а въ строфѣ 187,2 Амелунгъ читаетъ въ *Caе strides*, чего у Гагена найти нельзя. Обозначая подобно Амелунгу, общій текстъ δ, постараюсь, насколько возможно, подвести итоги. 164,4 Cδ; *ibid C vor mime vater*; всѣ другія für mīnen vater; 173,1 Cδ; 177,1 A *alsam*, also δ, *alz* C; 178,3 CA; 188,2 C особо; 188,4 Cδ; 208,4 Cc; 213, 3 C и δ близки; 214,3 Cδ; 215.1 CδA; 221,1 C и δ близки; 222,3 Cδ; 225,1 C *von ruszen elias*; 279,3 Cac; 306,4 Cδ; 310,1 Cδ; 317,3 Cac; 318,3 Cc; 320,2 Cace; C 20,3 Caе. Изъ приведенныхъ сличеній видно, что только желаніе противорѣчить Мюлленгофу и предилекція къ издаваемому тексту могли довести Гольцмана до такого неосновательнаго заключенія; сходство Cac очень рѣдко и совершенно случайно. И такъ заключеніе Амелунга надо считать справедливымъ.

Для изученія основы поэмы, особенно интересны ея пересказы, не имѣющіе общаго съ разбираемымъ текстомъ. Такой пересказъ для Ортнита мы имѣемъ въ Dietrichs Flucht ². Субъективность поэмы и время ея составленія въ данномъ случаѣ не уменьшаютъ ея значенія. Изложеніе Ортнита начинается со стиха 2095: “я хочу сказать другую повѣсть, какъ по княжески жилъ Ортнитъ (Otnît).” Сорокъ лѣтъ онъ побѣждаетъ всѣхъ враговъ; наконецъ ему приходитъ на мысль жениться. Созванные на совѣтъ дружинники указываютъ ему на Либгар-

¹ Einl. X.

² Лучшее изд. въ Deutsches Heldenbuch. II p. 57 и слѣдд.

ду, дочь короля Годіана (Gôdiân), который до сихъ поръ *давалъ мать* всѣмъ женихамъ. Съ дружиной Ортнитъ отправляется къ Galamê; происходитъ открытая война; несмотря на поражение, Годіанъ упорствуетъ; наконецъ соглашается, и Ортнитъ уѣзжаетъ съ молодой супругой. Посланный отцемъ ein wilder man приносить въ царство Ортнита 4-хъ драконовъ.

2235. *nû ist in wol kunt getân*
wie Otnit der küene man
nâch dem wurme in den wald reit.

Слѣдовательно, пѣснь о томъ, какъ Ортнитъ сражался съ змѣемъ, пользовалась особенною популярностью. Либгарда по смерти мужа оплакиваетъ его. Тогда отъ Грековъ въ римскую землю приходитъ Wolf her Dietrich и, убивая змѣевъ, освобождаетъ королеву.

И такъ пѣснь объ Ортнитѣ уже соединенная съ пѣснью о Вольфдитрихѣ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ обходилась безъ Альбериха. Въ исторіи Италіи, куда насъ отсылаетъ поэма, напрасно станемъ мы искать имени Ортнита. По нѣмецкой поэзіи также трудно составить себѣ понятіе объ немъ, какъ объ историческомъ лицѣ; любопытно то обстоятельство, что онъ не въ одной этой поэмѣ оказывается связаннымъ съ Русскими. Гертнитъ саги о Тидрикѣ (Wilkinsasaga) есть несомнѣнно одно и тоже лице съ Ортнитомъ нѣмецкой поэмы, что видно изъ шведской передѣлки, гдѣ одно имя замѣнено другимъ ¹. Въ поименованной сагѣ онъ выступаетъ на сцену дѣйствія 3 раза; первый и третій разсказъ, имѣющій несомнѣнную связь съ нашей поэмой, изложены выше; въ первомъ случаѣ (гл. 21) Гертнитъ, король Россіи, отецъ Озантрикса и Иліаса, дѣдъ Гертнита младшаго, который играетъ роль въ исторіи сватовства Озантрикса и при дворѣ дѣда. Во второмъ случаѣ (гл. 349—355) дѣйствуетъ младшій Гертнитъ, король Wilkinaland; онъ воюетъ съ Изунгомъ и его сыновьями, съ помощью своей жены вѣщей Остакіи, которая превращается въ дракона и истребляетъ его враговъ.

Въ третьемъ случаѣ дѣйствуетъ Гертнитъ король Бергары, какъ предполагаютъ, не имѣющій ничего общаго съ предыдущимъ ². По нѣкоторымъ рпп. въ Rosengarten дѣйствуетъ Гартнитъ von Riuzen (5890) и съ нимъ вмѣстѣ Dieterich von Kriechen. Имя русскихъ не разъ еще встрѣчается въ нѣмецкой поэзіи; поминается какой-то Riuzensturm, который заставляетъ вспоминать о страшномъ буреподобномъ всеистребляющемъ въ битвѣ Иліасѣ ³. (Подъ именемъ Riuzen Ecko von Rep-

¹ Rassman II, 161 и Haupts Zeitschr. XII, 349.

² Въ извѣстномъ разсказѣ Саксона Грамматика объ убійствѣ Эрманриха дѣйствуетъ Hertnidus.

³ W. Grimm HS 161 и 171.

как подразумевает Дакію¹). Всѣ подобные намеки заставляютъ историческое начало саги искать на сѣверѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

Берлинскій профессор Мюлленхофъ въ 1860 г. въ XII т. журнала Гаупта, въ статью zur deutschen Heldensaga сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что возможно при настоящихъ средствахъ и въ то же время попытался найти миѣическое основаніе для интересующихъ насъ поэмъ. Исходя изъ извѣстнаго мѣста 1-ой Новгородской лѣтописи о *поганомъ зломъ Дедриктѣ*, который, по его мнѣнію, вклеенъ въ рассказъ о взятіи Константинополя Латинами—русскимъ передѣльвателемъ, онъ указываетъ на несомнѣнно близкое знакомство сѣверныхъ нѣмцевъ съ Россіею и черезъ торговыя сношенія хочетъ добратъ до миѣико-поэтическихъ. Объяснивъ съ значительною натяжкою Ostrogard Адама Бременскаго Новгородомъ, онъ черезъ Koenugardr сближаетъ Кіевъ съ Гуннскою землею, но рѣшается, однако, свалить на мать городовъ русскихъ Миліаса и Этцеля. Въ Новгородѣ „въ первой половинѣ XII в., если не раньше, была локализована Hartungensaga.“

Извѣстенъ намекъ на культъ наганарвальскихъ братьевъ, которыхъ сравнивали Римляне съ Касторомъ и Поллуксомъ, у Тацита (Germ c. 43), надъ этимъ культомъ начальствовали sacerdos muliebri ornatu. Во время Маркоманнской войны Наганарвалы, вмѣстѣ съ др., засѣли въ сѣверной Венгріи; Діонъ называетъ ихъ Ἀστίγγοι, при триумфѣ Марка Аврелія они называются Вандалами. Имя Astingi или правильнѣе Haddingi есть имя Вандальскаго королевскаго рода гот. Hazdiggôs, сѣверн. Haddingjar, что обозначаетъ людей съ женскими волосами, muliebri ornatu. Такъ какъ уже въ VIII и IX вв. Славяне (Венды) замѣнили исчезнувшихъ Вандаловъ, то миѣ о Газдингахъ т. е. Гартунгахъ² локализовался именно въ ихъ странѣ. Принимая на вѣру, что весь матеріалъ составителю Тидрексаги данъ народнымъ преданіемъ, М. полагаетъ, что 3 Гертнита саги произошли изъ одного, вслѣдствіе желанія придать хронологическій порядокъ сагамъ. У Гертнита новгородскаго (какъ старшаго, такъ и младшаго), какъ было сказано выше, есть братъ Hirdhir, по нижненѣмецки Herder, по древнесакс. Hardheri. Братъ втораго Гертнита называется Osdht, но имя это, очевидно, вымышлено для искусственнаго различенія. Оба брата рано являются въ связи съ Πιας af Greka. Af Greka, по его мнѣнію, есть тоже самое, что von Riuzen³. Этотъ Иліасъ есть одно лицо съ ярломъ Ирономъ,

¹ Er (Domitiānus) betwanc auch Daciam, daz nû heizet Riuzen. Ему слѣдуетъ Генрихъ von München: Domitiānus der wigant bûte von êrste Riuzenlant (Massm. Kaiserchronik III, 745).

² Myth. 317.

³ Это основываетъ Мюлленгофъ (Zeitsch. X, 165) на нѣсколькихъ мѣстахъ въ Адамѣ Бременскомъ, гдѣ имя Graecus употребляется вмѣсто названія Рус

такъ какъ оба они являются братьями Владиміра, послѣ паденія котораго по гл. 315 Аттила передаетъ Иліасу-Ирону власть надъ Россіей. Гертнитъ 2-ой (бывшійся съ Изунгами) пересаженъ въ землю Велетабовъ произволомъ бродячихъ пѣвцовъ; „allmikil saga“ главы 355 въ неразсказанной части, очевидно, излагала исторію его сватовства. Отыскавъ *слѣды* (весьма сомнительные) саги о Гаддингахъ на сѣверѣ, Мюлленгофъ излагаетъ свое главное *предположеніе*: забытое участіе 2-го брата Гирдира, который *долженъ былъ* отмстить за Гертнита (гдѣ на сѣверѣ слѣды его смерти отъ дракона? За что же отмщать?), воскресаешь въ сагѣ южнонѣмецкой, гдѣ франкскій Вольфдитрихъ замѣнилъ мстителя. Эти 2 брата и есть древненѣмецкіе Діоскуры. Свидѣтельство гл. 167 о томъ, что Миме сковалъ для Гертнита новгородскаго „лучшее оружіе,“ какое только было на свѣтѣ, подтверждаетъ тождественность Гертнита съ Ортнитомъ. И такъ въ глазахъ Мюлленгофа все дѣло получаетъ такой видъ. Мнѣ о Діоскурахъ, мнѣ старонѣмецкій, является въ видѣ саги, отдѣльныя части которой надо собрать изъ всѣхъ нѣмецкихъ странъ; старшій изъ Діоскуровъ Гартнитъ сражается противъ великановъ зимы 12-ти Изунговъ за прекрасную божественную дѣву, которая дѣйствуетъ за жениха противъ своихъ. Вмѣстѣ съ своимъ блестящимъ вооруженіемъ въ послѣдствіи попадаетъ онъ во власть дракона, который его проглатываетъ. Младшій Гартнеръ убиваетъ дракона, надѣваетъ вооруженіе брата, садится на его коня и пріѣзжаетъ къ его женѣ, которая сперва принимаетъ его за мужа. Тотъ же мнѣ находимъ мы въ греческихъ Касторѣ и Поллуксѣ, въ арійскихъ Ашвинахъ. (Сюда же Мюлленгофъ могъ бы присоединить нѣмецкую сказку о братьяхъ охотникахъ).

Славянскія имена или славянская локалізація объясняется, какъ было сказано выше, тѣмъ, что Венды замѣнили Вандаловъ, преимущественно разработавшихъ этотъ культъ. Франкскій Вольфдитрихъ явился на смѣну младшему брату.

По видимому авторъ въ изслѣдованіи своемъ шелъ путемъ индуктивнымъ отъ факта къ теоріи, но на такой обманчивой индукціи оказываются построенными большая часть не выдерживающихъ критики теорій. Читатели видятъ, что въ данномъ случаѣ одно предположеніе цѣпляется за другое, одна догадка за другую; не одинъ разъ, а въ продолженіи всего хода изслѣдованія надо допускать справедливость

скихъ. Но Адамъ зналъ великій путь „изъ Варягъ въ Греки“ и только потому смѣшивалъ имена; въ другихъ мѣстахъ онъ ясно различаетъ ихъ, подразумѣвая Русскихъ подъ общимъ названіемъ *barbarae gentes* см. 4, 15. Другія основанія: смѣшеніе именъ въ рп. Ивейна, замѣна эпитета Иліаса, еще болѣе шатки.

догадокъ. Кажущаяся связь увлекаетъ, но только до тѣхъ поръ, пока мы читаемъ статью; излагая ее, всякій замѣтитъ множество прорѣхъ и мало вѣроятныхъ соображеній. Начнемъ съ результата. Вольфдигтрихъ и Ортнитъ связаны въ древнемъ миѣѣ; но въ лучшихъ редакціяхъ поэмы они стоятъ отдѣльно. Вѣроятно ли предположить, что позднѣйшіе поэты, заимствовавшіе отъ народа только основной сюжетъ, съ которымъ они позволяли себѣ распоряжаться довольно свободно, сохранили воспоминаніе объ этой древней миѣической связи двухъ героевъ, разобщенныхъ ихъ предшественниками? Стремленіе къ циклизаци для человѣка, знакомаго съ русскимъ и сербскимъ эпосами, есть неоспоримый фактъ. Что касается до участія славянъ вообще и русскихъ въ особенности въ этомъ миѣѣ, трудно допустить, что тѣ твердыя этнографическія понятія, которыя имѣетъ Шафарикъ или даже Мюлленгофъ о сродствѣ Русскихъ съ Вендами и Велетабами были также тверды у сѣверно-нѣмецкихъ племенъ въ X вѣкѣ. Если Мюлленгофъ допускаетъ, что южные нѣмцы замѣнили имя Новгорода, неизвѣстнаго имъ, именемъ болѣе извѣстной Гарды и локализацию изъ Россіи перенесли въ Италію, то онъ ничего не можетъ сказать противъ обратнаго предположенія: сѣверно-нѣмецкіе бродячіе пѣвцы и Скандинавъ—авторъ саги замѣнили незнакомыя имъ южныя имена болѣе знакомыми сѣверными. Составитель саги особенно легко подпадаетъ подъ подозрѣніе: онъ вставилъ имена Смоленска и Полоцка, которыя не могли, конечно, быть извѣстными бродячимъ пѣвцамъ; ему же вѣроятно надо приписать и имя Владиміра; съ этими именами онъ поступаетъ безусловно свободно, вставляетъ ихъ, гдѣ попало, и придаетъ имъ связь, какую ему угодно.

При предположеніи такого рода является затрудненіе въ видѣ Иліаса von Riuzen. Мюлленгофъ съ своей сѣверной точки зрѣнія видитъ въ немъ несомнѣнно Илью Муромца, и его связь съ Вольдемаромъ имѣетъ глубокой корень въ русскихъ былинахъ¹. Онъ знаетъ, какое соотношеніе существуетъ между былиннымъ героемъ и Ильею пророкомъ, наслѣдникомъ Перуна. Соглашаюсь, что съ точки зрѣнія Мюлленгофа объясненіе кажется болѣе вѣроятнымъ, но обращаю вниманіе читателей на одинъ любопытный фактъ. Смѣшеніе Греціи и Россіи не можетъ имѣть никакого филологическаго основанія; оно произошло просто отъ незнанія дѣла и принадлежитъ, думаю я, лично Адаму Бременскому; въ сознаніи позднѣйшихъ поэтовъ эти два имени должны были отдѣляться, и произошла странность такого рода: пѣвцы сѣверные отправляли

¹ Съ мнѣніемъ Мюлленгофа соглашается и русскій ученый Л. Майковъ. См. его изслѣдованіе „о былинахъ Владимірова цикла“ СП. 1863, стр. 30 и 31 примѣч. Совершенно ошибочно форму *Ilias von Riuzen* считаетъ онъ принадлежностью исландской саги.

Иліаса подальше отъ себя въ Грецію, а южные подальше отъ себя въ Россію.

И такъ Иліась есть заѣзжій богатырь изъ далекихъ странъ; отыскать его историческаго отечества также странно, какъ искать Дюка Степановича въ преданіяхъ или исторіи Индустана, хотя онъ и выѣхалъ „изъ тоя Индіи богатыя“¹. Фактъ заимствованія эпическаго героя у народа несоплеменнаго помимо литературнаго пути представляетъ нѣчто рѣдкое, исключительное; если же такой фактъ могъ случиться въ видѣ исключенія, то мы должны ожидать, что герой сдѣлался бы своимъ на чужой почвѣ, такъ какъ даже путемъ литературнаго заимствования переходящія имена принимаютъ мѣстный колоритъ. Кромѣ того, такой герой долженъ, конечно, остаться съ своими идеальными чертами, между тѣмъ какъ Иліась, въ противоположность не только Ортниту, но и миѣческому карлику, является страшно, безпощадно жестокимъ. Сравнить его злую иронію въ битвѣ съ язычниками съ жестокой ироніею Ильи „а и крѣпокъ татаринъ—не ломится; жиловастъ собака не изорвется,“ конечно, можно, но только съ точки зрѣнія эпическихъ типовъ. Съ нѣкоторою натяжкою, вслѣдствіе этой неукротимой ярости Иліаса можно объяснить, какъ очеловѣчившагося великана, какъ южнаго Вате въ Кудрунѣ; но у Вате есть еще имя, указывающее на его миѣческое значеніе, а Иліасу нельзя подыскать подходящаго. *Pias*, *Elias*—формы нѣмецкія, и Иліасы, приводимыя Мюленгофомъ (стр. 354), я думаю, скорѣй свидѣтельствуютъ противъ его теоріи. Съ значительной вѣроятностью локализція типа von Riuzen можетъ быть объяснена тѣмъ, что западные европейцы, особенно нѣмцы, о кротости Русскихъ имѣли не высокое понятіе и подобно тому, какъ нашъ народъ богатаго Дюка отправилъ въ Индію богатую, такъ нѣмецкій поэтъ отправилъ жестокаго героя къ Русскимъ.

Извѣстно, что изслѣдованіе, предлагающее связную теорію, хотя бы и недоказанную, правится больше того, гдѣ неизвѣстное или неясное и оставляется неяснымъ. Но цѣль науки не только создавать истину: она должна опровергать ложь.

За недостоверностью саги открывается обширное поприще для всякихъ предположеній, но если сѣвернаго Гартунга сдѣлать прототипомъ Ортнита, добывающаго себѣ невесту, то Гертнитъ изъ Бергары останется необъясненнымъ также какъ останется необъясненной или, по крайней мѣрѣ, темной его локализція въ сѣверной Италіи.

Есть одна любопытная попытка разрѣшить всѣ недоумѣнія и даже на основаніи этихъ темныхъ и мелкихъ фактовъ въ соединеніи съ нѣкоторыми другими создать цѣлую историко-политическую теорію; эта

¹ Для Иліаса такого средняго термина, какъ Галичъ для Дюка, мы отыскать не можемъ.

попытка принадлежит Іосифу Гаупту, Вѣнскому бібліотекарю, извѣстному спеціальными изслѣдованіями по средневѣковой литературѣ и изданіемъ нѣсколькихъ второстепенныхъ памятниковъ и редакцій; въ упрекъ Мюлленгофу, мнѣніе котораго мы разбирали выше, надо сказать, что онъ, а не кто другой подалъ поводъ Гаупту написать столько вздору; его курьезная брошюра вышла въ Вѣнѣ въ 1870 г. подъ названіемъ: „die dakische Königs — und Tempelburg auf der Columna Trajana.“ Тамъ высказываетъ онъ слѣдующія положенія: 1) изображеніе города Даковъ на колоннѣ Трояновой, съ человѣческими головами на зубцахъ онъ сближаетъ съ поэтическимъ изображеніемъ замка Montemûre¹. Также описанъ и замокъ въ Margali. 2) Kriechenland есть по его мнѣнію Grikkland, Grikia, Girkia что сближаетъ онъ съ славянскимъ народомъ Кривичи (нѣм. Krewinger); это названіе распространяетъ онъ на всѣхъ Славянъ, которыхъ и до сихъ поръ Литовцы и Латыши называютъ Krewu. 3) *Garten* есть *Gardarîki* или *Holmgard* = *Naugart*, столица Гартунга русскаго т. е. Новгородъ. Кромѣ этихъ крупныхъ, обязательныхъ, такъ сказать, для нашей поэмы положеній, гдѣ странно перемѣшаны предположенія лишенныя всякаго основанія съ фактами, Гауптъ, пользуясь произвольной славянской филологіей, сближаетъ Либгарду съ славянскимъ корнемъ *люб*, *Gens Spalorum*, а также и *Sranorum* съ славянскимъ корнемъ *налити*, откуда происходитъ названіе Половцевъ; Сальнеке сближаетъ съ словомъ *слънце*, считая его литовскимъ городомъ Солунговъ и т. д.

Онъ не останавливается въ своемъ великодушіи къ Славянамъ, даря имъ имена нѣмецкаго эпоса: черезъ нѣмецкій онъ даритъ намъ имена французскаго эпоса: *Coloigne* въ *chanson de Fierabras* оказывается полуостровомъ Колою на Бѣломъ морѣ; *Rouge-mer* есть *mare Rugorum* и т. д.

Вообще сближенія его отличаются поразительною смѣлостью, разрывающей, вѣроятно, по его мнѣнію глаза тупоумнымъ ученымъ; такъ Соломонъ оказывается искаженіемъ Солимана а Морольфъ — Махореля.

Читатель не вѣритъ своимъ глазамъ: тотъ ли это Іосифъ Гауптъ, мелкія изслѣдованія котораго показывали знатока своего дѣла, хотя и были далеки отъ геніальности. Дѣло объясняется просто: Іосифъ Гауптъ Австріецъ и руссофобъ; все это онъ велъ къ тому, чтобъ показать австрійскимъ Славянамъ, какъ мало у нихъ общаго съ Русскими. Все это велъ онъ къ тому, чтобъ доказать, что граница славянскаго языка „начинается отъ Карпатъ, разрѣзаетъ не далеко отъ Каменца къ сѣверу отъ Черновица Днѣстръ, обнимаетъ Волынь и Украину до

¹ Ort. I, 17.

Днѣпровскихъ пороговъ, проходить на сѣверъ отъ Кіева, идетъ вверхъ по Днѣпру; отъ его истока вдоль по Валдаю и заворачиваетъ на западъ, сѣвернѣй Ильменя и южнѣй Пейпуса къ Виндавѣ (стр. 32)“; все остальное занято инородцами разныхъ восточныхъ племенъ („еще въ XVII—XVIII в. большинство Московитовъ, говоритъ въ примѣчаніяхъ Гауптъ, говорили по-фински“). Эти инородцы были ославянены выходцами изъ Польши, подобными тѣмъ, которые основали казачество. Подъ владычествомъ Монголовъ образовалось царство Московитовъ, т. е. ославяненныхъ Туранцевъ; „они приобрѣли господство надъ двумя чисто арійскими племенами, Поляками и Литовцами и разукрасили себя краденымъ съ исторической точки зрѣнія именемъ Русскихъ“ (стр. 33). „Могущество этихъ Туранцевъ возросло съ тѣхъ поръ, какъ Польско-литовское царство было потрясено въ своихъ основахъ шведской политикой, преимущественно пустымъ Карломъ XII.“ Какже все это связать съ колонной Троянской и Вольфдитрихомъ? связь очень слабая выведена Гауптомъ такимъ путемъ: драконъ, изображенный на Трояновой колоннѣ, есть коренное божество преимущественно финско-туранскихъ племенъ, отчасти склавинскихъ съ литовскими; битва съ этими драконами есть первая задача нѣмецкихъ героевъ, такъ блистательно выразившейся въ Ортнитѣ и Вольфдитрихѣ.

Не присвоивая себѣ Гарды и Ортнита, тѣмъ болѣе что присвоеніе ихъ ведетъ за собой такую опасность—какъ разъ сдѣлаешься Туранцемъ и заговоришь по-фински—постараемся отыскать ихъ подальше отъ себя.

Garten, безъ сомнѣнія, надо искать близъ Lago-di-Garda (у Римлянъ Lacus Benacus), величайшаго и знаменитѣйшаго изъ Альпійскихъ озеръ Италіи. Свое имя получило оно отъ бухты на восточномъ берегу у устья Тессино Garda; теперь тамъ мѣстечко съ 3.000 жителей и остатки замка, принадлежащаго графамъ Альбертини Веронскимъ; замокъ этотъ въ средніе вѣка былъ сильной крѣпостью. Въ исторіи эпоса онъ играетъ роль, какъ мѣсто, близкое къ Веронѣ; вмѣстѣ съ Берномъ онъ достался по наслѣдству Дитриху; въ поэмѣ о Лауринѣ тамъ живетъ Гильдебрандтъ.

Въ этомъ замкѣ случилось происшествіе, напоминающее нѣсколько послѣдніе авантюры Ортнита, а именно судьбу его вдовы; я разумѣю приключенія Адельгейды, дочери Рудольфа, вдовы италіанскаго короля Лотаря и впоследствии супруги императора Оттона Великаго; она родилась въ 933 г.; 16-ти лѣтъ вышла замужъ за Лотаря, сына италіанскаго короля Гуго; мужъ ея умеръ очень скоро, вѣроятно отравленный Беренгаромъ II. Беренгаръ вздумалъ выдать молодую вдову силою за своего сына Адальберта; для этого онъ держалъ ее въ строгомъ заключеніи; по словамъ житія ея, составленнаго Одилономъ около 1040 г., даже билъ ее и засадилъ въ тюрьму съ одной служанкой. Монахи-

ня Росвита въ известной поэмѣ объ Оттонѣ Великомъ сообщаетъ романтическія подробности объ ея бѣгствѣ. Король Оттонъ, еще прежде оказывавшій ей любезности, послѣ смерти своей жены, которая совпала съ бѣгствомъ Адельгейды изъ Гарды, женился на ней. Сколько мнѣ известно, ни одинъ изъ изслѣдователей не упоминалъ о томъ, что судьба королевы Адельгейды отразилась въ нѣмецкихъ поэмахъ лонгобардскаго цикла; хотя Лотарь и не напоминаетъ короля Ортнита, хотя героя Сальнекскаго и нельзя поставить ни въ какую связь съ Оттономъ Великимъ, за то заключеніе королевы въ замкъ Гарды, оскорбленіе, нанесенное ей, ея жажда свободы и романтическій колоритъ втораго брака, освященный святостью ея имени, могъ имѣть вліяніе на развитіе сказанія; малоизвестное нѣмецкому народу имя Беренгарія, конечно, должно было затеряться и могло замѣниться коллективнымъ именемъ вассаловъ, принуждавшихъ ее къ браку. Не могу сказать утвердительно, что изложенные факты легли въ основу поэмы, но позволяю себѣ думать, что имя Гарды не совсѣмъ случайно попало въ поему, а происшествія съ Адельгейдой имѣли вліяніе на ходъ сказанія также, какъ и событія современной поэту исторіи.

„Поэтъ имѣетъ въ виду идеальный образъ королевства италіанскаго (лучше сказать нѣмецко-италіанской имперіи) въ томъ видѣ, какъ его пытался создать Фридрихъ II въ 20-хъ годахъ XIII вѣка¹. Въ Триентѣ находится его подеста (фр. 512.515); всѣ италіанскія земли и Сарацины сицилійскіе служатъ ему; вліяніе крестовыхъ походовъ слишкомъ ясно само по себѣ. Можно даже найти въ ряду ихъ эпизодовъ такіе, которые имѣли специальное вліяніе на развитіе поэмы, т. е. отразились въ ней съ собственными именами. Въ 1212 г. Малекъ-Адель, братъ Саладина, называвшійся на востокѣ Сайфеддиномъ, построилъ на горѣ Таборѣ крѣпкій замокъ; противъ этого замка въ 1217 г. и былъ главнымъ образомъ направленъ походъ Венгерскаго короля Андрея, который осадилъ его вмѣстѣ съ Леопольдомъ Австрійскимъ, Оттономъ Меранскимъ, многими Австрійцами, Штирійцами, Баварцами. Вылазка осажденныхъ была отражена, но 2 приступа осаждающихъ были отбиты; крестоносцы возвратились ни съ чѣмъ; вскорѣ крѣпость была срыта по приказанію султана. Хотя сближенія въ подробностяхъ могутъ быть слишкомъ искусственны, также какъ и сближенія Махореля съ старцемъ горы и Малекъ-Аделемъ, также какъ и сближеніе брака Фридриха II съ бракомъ Ортнита, нельзя не признать, что воспоминаніе объ этомъ походѣ, можетъ быть, безсознательно проявившееся только въ имени замка, повліяло на поэта. Въ 1229 г. Фридрихъ II сдѣлался королемъ Іерусалимскимъ; эти два термина 1217 и 1229 (такъ

¹ Müllenhoff въ XIII т. *Zeitschrift für Hauptstadt* стр. 186 и *Amelung* въ *Einl.* XXV Тамъ же и дальнѣйшія соображенія.

какъ трудно хотя и не невозможно предположить, что послѣ коронованія Фридриха королемъ Іерусалимскимъ все же остается въ воображеніи поэта Махорель) довольно вѣрно опредѣляютъ время созданія поэмы¹.

Бытъ и нравы, поскольку они отражаются въ поэмѣ, также входятъ въ историческій элементъ ея. Отношенія между вассалами и королемъ остаются такими же, какъ въ Ротерѣ, но вліяніе рыцарственнаго духа Франціи замѣтно несравненно болѣе; выраженіе въ родѣ *chevalier Ortnit* (304, 4) „что прикажетъ моя госпожа королева?“ (415, 3) и пр., плачь Ортнита при разставаніи съ женой (543, 4) и друг. подробности свидѣтельствуютъ объ измѣненіи нравовъ и поэтическихъ формъ. Любопытный фактъ представляетъ изслѣдователю гербъ Ортнита, который будетъ играть такую важную роль въ развитіи поэмы о Вольфдитрихѣ. Левъ очень часто встрѣчается въ гербахъ Італіи. Такъ *L'imperatore Roberto diede nel 1401 il Leon d'Oro rampante a Sforza*². Золотой левъ съ вѣтвью и съ поднятой лапой, также левъ держащій крѣпость въ лапахъ, бѣлый левъ въ красномъ полѣ встрѣчаются не одинъ разъ. Любопытно, что въ извѣстномъ предисловіи къ *Heldenbuch* *Ortnit furt ein Schwartz en adler als all romische keyser*³.

Также, какъ въ Ротерѣ, здѣсь кромѣ историческаго элемента есть и миѣическій, проявляющійся очень рѣзко и опредѣленно въ знаменитомъ карликѣ Альберихѣ. Мюлленгофъ въ выше разобранной статьѣ, а вслѣдъ за нимъ и Амелунгъ въ введеніи къ своему изданію (XX) считаютъ его позднѣйшей прибавкой, при чемъ первый опредѣлительно указываетъ на Тиролю, въ горахъ котораго сказанія о карликахъ-ковачахъ пользовались особенною популярностію; мѣстное указаніе я нахожу слишкомъ смѣлымъ: въ такомъ случаѣ къ Тиролю придется отнести слишкомъ много поэмъ или по крайней мѣрѣ ихъ значительнѣйшую часть; что же касается до поздняго вплетенія Альбериха въ нашу поэму, оно представляется и а priori весьма вѣроятнымъ, такъ какъ сказочный, фантастическій элементъ входитъ позднѣе историческаго, но главный вопросъ заключается не въ томъ, когда явился въ эту поэму Альберихъ, а откуда явился онъ и когда явился на свѣтъ божій? ни-

¹ Гриммъ въ введеніи къ *Rosengarten* (Göttingen 1836) причисляетъ *Rosengarten*, Ортнита и Вольфдитриха А къ одной эпохѣ, ко второй половинѣ XIII вѣка, такъ какъ во всѣхъ 3-хъ поэмахъ видитъ онъ переходъ отъ древнѣйшаго эпоса, исполненнаго поэтической правды и вѣры, къ новѣйшему, гдѣ дѣйствуетъ необузданная фантазія и пестрота красокъ. Всякій согласится, что въ данномъ случаѣ внѣшнія основанія важнѣе внутреннихъ, весьма спорныхъ.

² См. Litta: *Famiglie celebri di Italia*. Milano. 1819 T. 1. F. 1.

³ В. Гримм HS. 290. По старопечатному Зигеноту въ гербѣ у Дитриха и левъ, и орелъ.

кто не может сомнѣваться, что родина его народныя вѣрованія и что явился онъ во времена доисторическія.

Въ нашей поэмѣ Альберихъ не скрываетъ своего происхожденія; онъ—карликъ, по своей волѣ то видимый, то невидимый; при маломъ ростѣ обладаетъ необыкновенною силою, а красотой напоминаетъ ангела; на головѣ его корона; онъ выковываетъ прекрасное вооруженіе Ортниту и, подобно другимъ германскимъ карликамъ, попадаетъ спящимъ въ травѣ¹; онъ же даетъ Ортниту камень, съ помощію котораго можно говорить на всѣхъ языкахъ. Въ его фигурѣ, кромѣ первоначальныхъ мифическихъ основъ, видно и позднѣйшее наслоеніе; онъ дѣлается представителемъ комическаго элемента въ своихъ отношеніяхъ къ Махорелю; давая камень, онъ поясняетъ сыну, что Богъ всемогущъ и простому камню можетъ дать чудодѣйственную силу².

Еще древнеиндійская мифологія знала карликовъ подъ различными именами Риб'усовъ, Марутовъ и пр. Имя послѣднихъ производятъ отъ корня *mri* (*mor-iog*), слѣд. Маруты — души умершихъ, *pitaras* (*manes*). И въ сѣверной мифологіи ихъ называютъ *üllerken*, *ülleken*, *ölken*, *aulhen* и пр. т. е. старые, родители. Риб'усы соотвѣтствуютъ по смыслу имени (свѣтлѣющія и питающія существа) нѣмецкимъ эльфамъ. Въ связи съ единствомъ корня *дох* въ *душа* и *дыханіе* Маруты являются въ индѣйской мифологіи божествами вѣтровъ, поддерживающими Индру въ борьбѣ съ темными облаками. Въ младшей Эддѣ подъ 4-мя углами свода небеснаго боги, по убіеніи Имира, поставили: *Austri*, *Vestri*, *Nordhri*, и *Sudhri*. Дѣятельность карликовъ есть символъ дѣйствующихъ въ тиши силъ природы, въ противоположность великанамъ; потому они и дѣйствуютъ, какъ подземные ковачи³.

Въ мифологіи эльфы и карлики рѣзко отдѣлены, но въ лицѣ своихъ эпическихъ представителей они смѣшиваются; такъ въ занимающемъ насъ Альберихѣ красота, блескъ вооруженія, а въ *Heldenbuch* музыка,

¹ Ср. напр. Эггериха въ Зигенотѣ и пр.

² Разговоръ о камнѣ любопытенъ для опредѣленія личнаго элемента въ поэмѣ и времени ея созданія: въ народной поэзіи нѣтъ сомнѣній; чудесное не считается чудеснымъ, но обыкновеннымъ и естественнымъ; въ романтической поэзіи, въ романахъ Круглаго Стола и въ народныхъ поэмахъ, передѣланныхъ въ ихъ вкусѣ, чудесное, принимаемое за чудесное, считается необходимымъ аксессуаромъ, а потомъ почти сущностью поэзіи, въ противоположность жизни дѣйствительной. Здѣсь средняя ступень: авторъ хочетъ вѣрить, а наивная вѣра пропала; нужно оправданіе.

³ О нихъ см. *Myth. I. Grimm.* и *Kuhn Sprachvergleichung u. d. Urgeschichte der indogermanischen Völker* въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd. 4 Berl. 1854. Въ 1-ой книгѣ о *Wunschring*'ахъ и камняхъ.

также какъ и корень его имени¹, сближаютъ его съ эльфами. Въ предисловіи къ Heldenbuch карлики, великаны и герои поставлены въ весьма любопытныя отношенія: den gezwerger hat gott die kentniss des gesteines gegeben, dass sie hübsche hole berge bauten... die riesen aber chuf er, um die zwerge desto sicher seien. Als die riesen aber den zwergen schädlich wurden, schuf gott die helden als ein mittelvölk.

Имя Альбериха, по крайней мѣрѣ его первая часть, встрѣчается не разъ въ нѣмецкой героической поэзи; карликъ Вальдунгъ, освобожденный Дитрихомъ, происходитъ отъ Альбрехта, въ старопечатномъ „выходѣ Экке“ является карликъ *Albrianus*, отецъ котораго назывался *Albrian*². Въ извѣстной легендарной поэмѣ Орндель и Бриде карликъ *Alban* вводитъ Бриде въ замокъ Вестмаль. Изъ саги оно перешло въ жизнь, особенно въ горныхъ странахъ: въ 931 г. былъ Альберихъ графъ въ Адмонталѣ, былъ священникъ Альберихъ въ 1249 и т. д.³, 2 Альбериха, отецъ и сынъ, въ Италиі въ X в. владѣли Римомъ. Изъ карликовъ нѣмецкаго эпоса Альберихъ больше всего подходитъ къ Лаурину, блестящему царю карликовъ, вслѣдствіе чего невольно является вопросъ: не воровалъ ли и Альберихъ первоначально королевну для себя? Въ другой поэмѣ это вполне возможно, но въ Ортнитѣ его роль могучаго помощника исключаетъ это.

Есть еще въ нашей поэмѣ мифическое лицо: драконъ; о немъ см. ниже.

Время сложенія поэмы опредѣлилось выше. Изъ рима, преимущественно гласныхъ опредѣляется несомнѣнно австрійско-баварскій диалектъ⁴; на основаніи постройки строфы поэма должна занимать среднее мѣсто между древнѣйшими частями Нибелунговъ и Rosengarten; тѣ же данныя грамматическія указываютъ нашему Ортниту хронологическое мѣсто между его общимъ текстомъ (1300 г.) и Нибелунгами.

Перехожу къ вопросу объ авторѣ и историко-литературномъ положеніи поэмы: первый и самый любопытный вопросъ: кто соединилъ его съ Вольфдитрихомъ А? Мюлленгофъ и его послѣдователи съ точки зрѣнія мифологической экзегезы приписываютъ это соединеніе основной

¹ *Alp*, gen. *albes*, pl. *elbe* и *elber* (nd. der *elfe*) genius, besonders der Geist, der im Schlafe das Alpdrücken verursacht (Ziem). Ср. *albe*—berg; Viehweide im Hochgebirge. Ср. сканд. *álpt* лебедь; *álptrahamr*—Schwanenhemd. Аа-насьевъ: Поэтич. воззрѣнія II, 716.

² Goed. 453.

³ Germ. XVII, I Zur Heldensage v. Schröer p. 65.

⁴ См. статью Мюлленгофа объ Ортнитѣ въ XIII т. журн. Гаупта и предисловіе Амелунга XXI и слѣд.

сагъ', но общій законъ, какъ было сказано выше, противорѣчить этому; тѣмъ не менѣе соединеніе это нельзя приписать искусственному поэту второй половины XIII вѣка, такъ какъ во 1) въ Ортнитъ А и W слышны постоянныя намеки на это соединеніе, во 2) есть доказательства, что существовала поэма или, лучше сказать, пѣснь бродячаго пѣвца, гдѣ Альберихъ еще не принималъ участія, а Ортнитъ ужъ былъ соединенъ съ Вольфдитрихомъ. Выше было указано на поэму „о бѣгствѣ Дитриха“ рядомъ съ ея свидѣтельствомъ надо поставить пѣснь о Экке въ первой половинѣ XIII вѣка. Стр. 222 и 223:

„Sî (Seburc) sprach
Sô gib ich dir ze dirre vrist
die aller besten *brünne*
die mannes ouge ie gesach.... (5-го недостаетъ)
dem höchsten küniges künne.
Von Lamparten künec Ortnît
der nam dar in sin ende.
ein wurm slâfende in zeiner zît
Vant vor eins steines wende.
der truoc in in den holen berc
und leite in vür die jungen:
die sugen in durch daz werc

Тамъ же строфа 22. Die selben brünne lobelîch
erstreit von kriechen Woldietrich
dastwâr, ân alle schande
des lîbes hât er sich bewegen (wagen)
ze Tischen bruodert sich der degen,
ze *Burgun* in dem lande
aldar gap er die brünne guot.
sîn klôster macht er rîche
sîn sünde buozte der hôhgemout
eins nachtes sicherlîche:
st was ob allen buozen stark.

Согласно съ бѣгствомъ Дитриха и, вѣроятно, на основаніи его, Генрихъ Мюнхенскій, продолжатель міровой хроники Рудольфа Эмскаго, рассказываетъ, что Зигеръ, сынъ Дитмара, короля Меранскаго, имѣлъ

Чему, впрочемъ, странно противорѣчить самъ Мюлленгофъ въ статьѣ Zur Gesch. d. Nibel. Noth. Allgem. Monatsschr. f. Wissensch. и Lit. 1854 стр. 877 и слѣдд. предполагая, что соединеніе произошло, вѣроятно, до послѣдняго завоеванія Іерусалима Сарацинами.

сына Ортнита, „von siner manheit vil manic wunder hat (man) geseit“ и дочь Зигелинду; ея сынъ былъ Sifrit von Niderlant; Ортнитъ женился на Либгарцѣ. Ея отецъ, „Gordian, der heiden riche, sante vil heimliche 4 wilde würme in Lamparten lant.“ Ортнитъ сонный былъ унесенъ однимъ изъ нихъ. За него отмстилъ Вольфдитрихъ, имѣвшій отъ Либгарды сына Гугдитриха. И такъ въ очень распространенной пѣснѣ бродячихъ пѣвцовъ Ортнитъ получилъ широкую популярность: онъ добывалъ дочь языческаго короля, который мстилъ ему за похищеніе подосланными драконами. Альберихъ, могучій карликъ, ковачъ знаменитаго меча¹, первоначально не игралъ знаменитой роли, также какъ и Иліасъ русскій. Но въ извѣстный, и очень ранній сравнительно періодъ народнаго творчества, какъ это будетъ доказано ниже, и тотъ и другой типы должны были выступить рядомъ съ Ортнитомъ. Что касается до Вольфдитриха, то его послѣдовательное проникновеніе въ поэму объ Ортнитѣ, отъ конца къ серединѣ, показываетъ, что было время, когда оба героя, какъ герои мѣстныхъ сагъ, не имѣли ничего общаго; по закону эпического оптимизма Ортнитъ долженъ былъ самъ уничтожить козни отца невесты; но когда явилось желаніе продолжить пѣсню убійствомъ Ортнита, мѣсто его мстителя осталось вакантнымъ, и Вольфдитрихъ имѣлъ полную возможность занять его; образовалась сводная пѣсня, которую и задумалъ обработать нашъ поэтъ въ видѣ двухъ поэмъ (о близости Ортнита и Вольфдитриха А см. ниже). Народный элементъ, смѣю противорѣчить Мюлленгофу² и Амелунгу—въ поэмѣ очень силенъ: онъ принадлежитъ, конечно, во 1-хъ пѣснѣ, во 2-хъ поэту, фантазія котораго вращалась въ исконныхъ формахъ народнаго творчества³; пытаться отдѣлить одно отъ другаго невозможно. Замѣтенъ и личный элементъ въ видѣ отраженія современныхъ событій и быта, въ видѣ личныхъ разсужденій и антиэпическихъ подробно-

¹ См. Vilkinasaga с. 40 тамъ Альфрикъ выковываетъ знаменитый мечъ Екке.

² Zur Geschichte der Nibel. Noth въ Allgemeine Monatsschrift f. Wiss. u. Lit. 1854. 898. „Der Stoff des Ortnits ist nachweislich zum grössten Theile ganz frei erfunden oder doch nach Gefallen ausgeschmückt.“

³ Съ этой точки зрѣнія должно разсматривать вопросъ объ Альберихѣ, какъ отцѣ; въ поэмѣ ясно противорѣчіе: съ одной стороны Альберихъ, какъ отецъ, помогаетъ сыну добровольно; съ другой онъ вынужденъ къ тому силою, какъ обыкновенно поступаютъ всѣ карлики; я, согласно съ Амелунгомъ, считаю его, какъ отца, за выдумку поэта; но выдумка эта не произвольная: герой можетъ, а иногда даже долженъ имѣть нечеловѣческое происхожденіе, именно тогда, когда подвиги его слишкомъ велики для обыкновеннаго человека. Еслибы Альберихъ искони былъ отцемъ Ортнита, ихъ битва приняла бы иной колоритъ.

стяхъ: напр. нравственный мотивъ сватовства, слишкомъ либеральное отношеніе къ чудесамъ, насмѣшки надъ языческими богами и проч. За отдѣленіемъ этихъ прибавокъ, эпическая схема, сравнительно съ Ротеромъ, представится въ такомъ видѣ. Добываетъ невѣсту самъ герой нечеловѣческаго происхожденія, съ помощію талисмановъ и могучихъ союзниковъ, представителей силы (Иліасъ) и хитрости (Альберихъ); трудность добыванія обусловлена отцемъ невѣсты; герой не имѣетъ соперника, и ему не ставятъ задачъ; онъ только долженъ побѣдить отца невѣсты; побѣжденная сила продолжаетъ свое существованіе; примиренія не происходитъ, и врагъ героя, подобно самому герою, не надѣясь на силу, прибѣгаетъ къ хитрости и коварству; герой долженъ вынести 2-ую борьбу.

Сравненіе покажетъ намъ, что борьба эта въ періодъ первоначальный должна окончиться побѣдой героя.

Изъ эпическихъ приемовъ здѣсь встрѣчаются: совѣтъ съ дружиной, именной мечъ, *переодѣваніе* купцомъ, порча оружія Альберихомъ, смѣна утомленнаго героя другимъ, кольцо для распознаванія истины, предчувствіе смертнаго боя и пр.

По мѣрѣ приближенія къ Вольфдитриху, историко-литературный вопросъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ; теперь трудность и запутанность его переходитъ, можно сказать, всякія границы: нѣсколько редакцій, сравнительно позднихъ, вначалѣ мало похожихъ другъ на друга, предполагающихъ совершенно инныя основы, въ концѣ перепутываются; древнѣйшая рукопись сохранилась только въ отрывкахъ, не дающихъ почти ничего положительнаго для разрѣшенія вопроса, но указывающихъ однако на особую, намъ неизвѣстную редакцію.

Прежде всего надо рѣшить вопросъ о томъ, сколько поэмъ соединено подъ общимъ именемъ Вольфдитриха и какъ онѣ другъ къ другу относятся. Даже изъ бѣглаго знакомства съ содержаніемъ выдѣляются слѣдующія локализованныя темы: 1) женитьба Гугдитриха 2) дѣтство Вольфдитриха по А 3) дѣтство Вольфдитриха по В и D (вѣроятно, близкій къ нему рассказъ С) 4) Вольфдитрихъ—мужъ дикой женщины 5) Вольфдитрихъ—мститель за Ортнита и мужъ его вдовы 6) Вольфдитрихъ освободитель своихъ вассаловъ 7) Вольфдитрихъ въ монастырѣ. Эти основныя темы по извѣстнымъ намъ редакціямъ располагаются такимъ образомъ: А заключаетъ въ себѣ 2-ую, въ недоразвитомъ видѣ 4-ую, 5-ую и 6-ую; В заключаетъ въ себѣ 1-ую, 3-ью, 4-ую, 5-ую и 6-ую; D заключаетъ въ себѣ все то же, что и В, съ прибавленіемъ 7-ой темы, и многочисленныхъ распространеній. Тексты В и D сходны до такой степени, что объ отрицаніи непосредственной литературной связи не можетъ быть и рѣчи; ясно, что одна поэма

есть передѣлка другой. Здѣсь могутъ быть 2 случая: или В есть сокращеніе D, или D есть распространеніе В. Съ точки зрѣнія историко-литературныхъ законовъ оба предположенія возможны, такъ какъ обѣ редакціи дошли до насъ только въ очень позднихъ спискахъ, а извѣстно, что, по окончаніи золотого вѣка національнаго эпоса въ Германіи, какъ съ одной стороны проявлялось общее всѣмъ эпосамъ стремленіе къ циклизациі, къ соединенію нѣсколькихъ поэмъ въ одно цѣлое и къ распространенію (это стремленіе проявлялось еще и раньше; ему обязанъ своимъ существованіемъ и самъ національный эпосъ); такъ съ другой стороны нѣсколько позднѣе, вслѣдствіе порчи вкуса, вслѣдствіе желанія публики съ возможно меньшимъ трудомъ занять свое воображеніе, проявлялось стремленіе къ сокращенію, такъ сказать, конспектированію старыхъ поэмъ; доказательствъ на это стремленіе сравнительно меньше; но все же весьма достаточно; чтобы не ходить далеко, достаточно указать на товарища Каспара von der Roene, который выкидывалъ „unnütze worte“; трудно будетъ только найти доказательство на то, чтобы переписчикъ выкидывалъ unnütze avanture, такъ какъ никакой авантюръ ни поэту, ни читателю не казался лишнимъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не смутило защитника Нибелунговъ Гольцмана, единственнаго издателя Вольфдитриха D; онъ въ введеніи твердо стоитъ на томъ, что редакція В есть поздняя передѣлка большаго Вольфдитриха, а Енике¹ держится противоположнаго взгляда: по его мнѣнію, В—одна изъ основныхъ редакцій, а D сравнительно поздняя передѣлка В, въ соединеніи съ другою редакціей. Отрывки древнѣйшей рп. С (см. гл. V) должны бы имѣть въ этомъ вопросѣ рѣшающее значеніе, но отрывки ея вмѣсто разрѣшенія недоумѣнія прибавляютъ новыя. № II по Енике представляетъ совершенно особый текстъ: вездѣ отцемъ Вольфдитриха является Гугдитрихъ; здѣсь родители его называются: Трипнель и Дитлинда; по А, В и D отечество Вольфдитриха Константинополь, хотя по В онъ рождается въ Сальнеке; здѣсь его родина—Аѳины; вездѣ Берхтунгъ защитникъ и покровитель ребенка, даже противъ его отца; здѣсь онъ изгнанъ за что-то, одинъ безъ своего питомца и, какъ можно предположить, за то, что онъ по неосмотрительности былъ причиной его пропажи. Отрывки, найденные Бетманомъ, сходны по большей части дословно съ D, за исключеніемъ послѣдняго. Гольцманъ какъ-то игнорируетъ существованіе С, которая, впрочемъ, вполнѣ не была напечатана въ его время; за то для Енике она служитъ подтвержденіемъ или, лучше сказать, главнымъ основаніемъ его взгляда: Вольфдитрихъ D=В+С. Его предположенію придаетъ особую силу 12-ая строфа Бетмановскаго отрывка, гдѣ D, очевидно,

¹ Въ введеніи къ Вольфдитриху и въ вышеуказанномъ Jahresbericht.

пытается связать представлѣнія В и С—Константинополь съ Аѳинами¹. Одиннадцать товарищей, сдѣлавшіеся необходимою принадлежностью Вольфдитриха, въ D являются противорѣчіемъ 16-ти сыновьямъ Берхтунга, также какъ турниръ, на которомъ Вольфдитрихъ получаетъ вооруженіе, противорѣчитъ строфѣ 353-ей, гдѣ Вольфдитрихъ получаетъ мечъ отъ Берхтунга: всѣ эти противорѣчія D указываютъ на его сравнительную молодость; въ пользу В говоритъ выше высказанный законъ о невозможности пропусковъ авантюровъ; говоритъ и то обстоятельство, что защитникъ D долженъ почти дойти до абсурда, предполагая такую молодость В, которой противорѣчитъ и языкъ, и риѳма и даже, пожалуй, рукописи, тогда какъ тотъ, кто отвергаетъ оригинальность D, можетъ удобно отнести ее къ XIII—XIV столѣтію, гдѣ циклизированіе разыгралось вполне. Въ защиту мнѣнія Гольцмана ничего нельзя сказать, кромѣ развѣ того, что Вольфдитрихъ В, отправляясь къ Ортниту (стр. 346), объявляетъ женѣ, что когда-то Ортнитъ требовалъ съ его отца дани; но кто не знаетъ, какъ такіе намеки (позднее оправданіе авантюровъ) разрастаются потомъ въ цѣлые эпизоды? Что касается до редакціи А, которая во 2-й половинѣ имѣетъ общее съ В D содержаніе, она не можетъ служить документомъ, такъ какъ ниже будетъ доказано, что эти общія мѣста прибавлены очень поздно. Вслѣдствіе всѣхъ вышензложенныхъ обстоятельствъ, а также и того, что въ 1-ой половинѣ В отнюдь не замѣтенъ тонъ сокращенія, тогда какъ общее впечатлѣніе D есть впечатлѣніе компиляціи, хотя и очень даровитой, я признаю мнѣніе Енике справедливымъ.

И такъ, за исключеніемъ D, выдѣляются 3 различныя редакціи: А В и С. Первая и третья имѣютъ только по одной рп., вторая имѣетъ ихъ три, не считая восьми рпп. передѣлки. Оспаривать народную основу въ нашей поэмѣ никто не рѣшится; не рѣшаются даже Амелунгъ и Енике, такъ жестоко казнившіе Ортнита. Эта народная основа, приуроченная къ одному имени, не могла проявиться одновременно въ трехъ различныхъ видахъ; изъ этихъ 3-хъ редакцій, одна должна была сохранить ее въ болѣе чистомъ видѣ, 2 другія должны представлять видоизмѣненія. Возможно ли отыскать эту первичную основу или, по крайней мѣрѣ, указать редакцію, сохранившую ее въ большей чистотѣ, увидимъ ниже.

Объ составѣ С мы не можемъ судить съ достовѣрностью, пока не найдутся болѣе крупныя отрывки; А и В не представляютъ единства внутри себя. А до XII авантюра обрабатывается одинъ поэтъ, или тотъ

¹ Но съ другой стороны Константинополь являющійся въ строфѣ 17-й Бетмановскаго отрывка сбиваетъ изслѣдователя съ толку; не есть ли это ложное чтеніе или это надо приписать переписчику С, можетъ быть, слышавшему чтеніе В?

же, что обрабатывалъ Ортнита WA, или очень близкій къ нему по времени и литературнымъ приемамъ. Съ XII авантюра дѣйствуетъ другой поэтъ¹. Что касается до В, то Мюлленгофъ въ Allg. Monatschrift, за 1854 въ статьѣ zur Geschichte d. Nibelung. Noth (стр. 877) считаетъ только I, II и III произведеніемъ одного автора, сомнѣвается въ IV, а V выкидываетъ, какъ позднѣйшую вставку. Енике въ введеніи принимаетъ только I и II за произведеніе одного поэта, III, IV и VI считаетъ переработанными позднѣйшимъ пѣвцемъ, который присочинилъ и V; эти части относитъ онъ къ половинѣ XIII в.; доказательства его поставлены очень твердо на критикѣ текста.

Первымъ, такъ сказать, апріорнымъ средствомъ для опредѣленія общей основы, служить сравненіе 3-хъ редакцій; что входитъ во всѣ три редакціи, принадлежитъ основѣ, если не первоначальной, то по крайней мѣрѣ предшествующей раздѣленію на редакціи. Это общее есть во 1-хъ имя героя „Вольфдитрихъ,“ основанное, безъ сомнѣнія, на связи съ волками; бѣдствія героя въ дѣтствѣ, Берхтунгъ von Меганъ съ дѣтьми, вѣрный вассалъ, и связь съ Ортнитомъ; хотя на послѣднее обстоятельство редакція С и не представляетъ положительныхъ доказательствъ, совмѣстное существованіе обѣихъ поэмъ въ одной рп. не оставляетъ сомнѣнія. Еслибъ С сохранилась вполнѣ, мы, безъ сомнѣнія, нашли бы болѣе общаго; теперь же приходится ограничиться 2-мя редакціями; что было въ С, о томъ, по несходству сохранившагося съ А и В, судить нельзя. А и В имѣютъ слѣдующіе общіе пункты: отецъ героя называется Гугдитрихъ; герой подвергается опасности отъ волковъ и счастливо избѣгаетъ ее; герой воюетъ съ братьями, которые лишаютъ его отцовскаго наслѣдства подъ предлогомъ его незаконнаго происхожденія; участіе дикой женщины (поверхностное въ А, внутреннее въ В), путешествіе къ Ортниту (за помощью въ А, для мщенія въ В) и освобожденіе вдовы Ортнита.

Выше было сказано, что связь Ортнита съ Вольфдитрихомъ не есть явленіе первоначальное; здѣсь же во всѣхъ 3-хъ редакціяхъ обѣ поэмы

¹ Это напр. ясно изъ того, что извѣстная формула: *als ich vernomen hân* не встрѣчается до XII ав. ни разу, а съ XII въ 18 строфахъ повторяется 6 разъ! кромѣ того, поэтъ очевидно спѣшитъ къ концу, сокращая, что, какъ было указано выше, есть очень поздній признакъ. Авантюры А послѣ XII не могутъ входить въ расчетъ при изслѣдованіи, не только потому, что они позднѣе — это еще ничего не доказываетъ — но главнымъ образомъ потому, что они сочинены на основаніи текста ВD. Это доказывается тѣмъ, что въ 532 ст. Вольфдитрихъ ошибкой называется von Salneske; имя Либгарды является только здѣсь (напр. 548, I); левъ на гербѣ Вольфдитриха (601, I) противорѣчитъ стрр. 425, 426, гдѣ Вольфдитрихъ говоритъ, что ему еще не было *schildes ambet* и т. д.

оказываются связанными; слѣд. и то, что обще всѣмъ редакціямъ, не можетъ считаться первоначальной основой. Эту основу могли бы выделить 3 единственно возможные экзегезы: литературнаго заимствования, историческая и мнѳологическая. Къ несчастію въ данномъ случаѣ количество фактовъ весьма недостаточно.

1-ая теорія можетъ быть примѣнена прежде всего къ исторіи сватовства отца героя, которая, очевидно, когда-то стояла отдѣльно отъ Вольфдитриха¹. Имя Hug-dietrich представляетъ интересъ для изслѣдованія только въ 1-ой части; Фѳрстеманъ² полагаетъ что Hug стоитъ въ связи съ древнѣмецкимъ *hugu-Geist*³; „но при нѣкоторыхъ формахъ, можно сомнѣваться, говоритъ онъ, принадлежать ли онѣ сюда или къ *hoh*; *hug* духъ несомнѣнно въ словахъ Authugi, Austhugi и др.⁴. „Всякому, хотя бы въ краткомъ изложеніи познакомившемуся съ нашимъ Гугдитрихомъ, приходитъ на мысль Ахиллесъ и его переодѣванье. Былъ ли извѣстенъ этотъ рассказъ въ средніе вѣка? Achilles und Deidamia, изд. во 2-омъ т. Gesamtabenteuer Гагена (I Anhang) уничтожаетъ всякое сомнѣніе; въ этомъ рассказѣ не только сохранены всѣ извѣстныя намъ черты греческаго преданія, сходныя съ Гугдитрихомъ, но прибавлены подробности еще болѣе способствующія сближенію: Ахиллесъ получаетъ доступъ къ Дейдаміи, общаясь *выучить* ее греческому языку; не по волѣ Ѳетиды, не изъ страха, но для собственнаго удовольствія отправляется Ахиллесъ къ Дейдаміи. Рассказъ заимствованъ изъ хроники Янсена Эненкеля, жившаго въ Вѣнѣ отъ 1190—1251 г.⁵. Эненкель съ своей стороны, безъ сомнѣнія, заимствовалъ рассказъ изъ болѣе раннихъ источниковъ; это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у него классическій рассказъ является уже въ соединеніи съ извѣстной швенкой о беременномъ королѣ. Этотъ общій источникъ безъ швенки могъ переработаться въ нашего Гугдитриха, который является пришитымъ къ основному рассказу о Вольфдитрихѣ, въ качествѣ распространенія по восходящей линіи.

Теорія литературнаго заимствования сравнительно съ 2-мя другими является или наиболѣе положительной и достовѣрной или наиболѣе шаткой и предположительной; помимо указанія промежуточныхъ станцій, ея твердости способствуютъ болѣе всего собственные имена; если собственные имена, не очень обыденныя, сходны, всѣ другія объясне-

¹ О ея древности мнѣніе Я. Гримма Mith. 1215.

² Altdeutsches Wörterbuch. Nordhausen 1856 I, 750.

³ Ср. J. Grimm Gramm. II, 462.

⁴ Что *hugi* въ окончаніи относится къ корню *hugu*, нельзя сомнѣваться; но, основываясь на смыслѣ имени и на колебаніи самого Фѳрстемана, въ данномъ случаѣ я скорѣй бы отнесъ *Hug* къ *hoh*.

⁵ Gesamtab. III, 783. Grundriss 248.

нія излишни; если имена различны и сходенъ только сюжетъ, теорія заимствованія нечего дѣлать; принявшись работать въ этомъ случаѣ, она можетъ завести въ дебри нелѣпыхъ предположеній, въ родѣ извѣстной монгольской теоріи русскихъ былинъ. Возможны средніе случаи: сюжеты могутъ бродить безъ имени или собственныя имена могутъ быть сближены только путемъ законовъ сравнительнаго языкознанія; въ этихъ случаяхъ степень вѣроятности бываетъ различна; здѣсь бываютъ возможны споры и предположенія. Въ данномъ случаѣ имена есть, но имена безусловно различныя, о сближеніи которыхъ не можетъ быть и рѣчи. Заимствование съ приурочиваніемъ къ другимъ именамъ можно было бы предположить въ томъ случаѣ, еслибъ въ эпосѣ примѣры переодѣваній были слишкомъ рѣдки; но во 2-й части я укажу ихъ въ количествѣ, болѣе чѣмъ достаточномъ. Отыскивать здѣсь скрытый миѳъ при настоящихъ средствахъ науки невозможно, тѣмъ болѣе, что такое переодѣваніе—изъ мушны въ женщину не указываетъ на суровый бытъ древней эпохи; историческая основа можетъ касаться, какъ будетъ указано ниже, только имени. И такъ въ 2-хъ рассказахъ, греческомъ и нѣмецкомъ, надо предположить простую передѣлку одной эпической формулы.

Перехожу къ Вольфдитриху. Прекрасная книга проф. Веселовскаго „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“ указала источникъ разнообразныхъ эпическихъ сказаній въ апокрифахъ, совершившихъ длинный путь изъ Индіи въ Англію; въ данномъ случаѣ, въ видѣ предположенія, которое будущая наука можетъ отвергнуть или признать, смотря потому, какъ будутъ разъяснены источники апокрифовъ, можно указать на 2 поэмы: нѣмецкую (неоконченную) и латинскую, которыя коренятся на извѣстномъ Никодимовомъ Евангеліи¹; одна изъ нихъ издана Моне², другая Массманомъ³; по латинской поэмѣ отецъ Пилата называется Atus (по Вольфдитриху В отецъ Гугдитриха Antzius, Atzius и т. д.); по нѣмецкой поэмѣ его отецъ Tyrgus или Cyrgus, но дѣдъ мельникъ Atus; въ большой Passionale (1, 81) король, находясь на *охотѣ*, проспалъ одну ночь съ дочерью мельника, „in rechter zît sie gewan einen sun in der mül alda; siê was genennet Pylâ und ir vater Atus, des nante sie Pylatus.“ „Drei jahre alt war er ze hofe gesant.“ Король имѣлъ еще одного, *законнаго* сына; Пилать, оскорбленный имъ, жестоко отмстилъ ему; отецъ послалъ его заложникомъ въ Римъ. Легенда вошла во многія хроники; въ томъ числѣ и въ хронику вышеупомянутаго Эненкеля⁴; по его разсказу король Atus, по наущенію

¹ См. Massman Kaiserchr. III, 594 и слѣдд.

² Anzeiger 4.425 — 446.

³ Deutsche Gedichte des XII Jahrh. I, 145 — 152.

⁴ Massm. III, 600 ff.

звѣздочетовъ, проспалъ ночь съ дочерью мельника, которая родила ему Пилата; его ссора съ братомъ разсказана подробнѣе; одинъ старый язычникъ отговариваетъ короля убивать Пилата въ такихъ выраженіяхъ: „*wiltû Pylâten toeten, só hâstû beidenthalben vlorn*“¹; король рѣшаетъ: „*ich wil in senden bi der naht in einen wert wol getân*“; одинъ „*wildenaere*“ воспитываетъ его, какъ своего ребенка. По смерти Атуса въ землѣ его поднялся *roup unde brant*; одинъ старый язычникъ (тотъ же самый?) совѣтуетъ выбрать Пилата. По церковной исторіи Эвсебія² Пилать носилъ сорочку Христа, которая³ защищала его отъ ненависти Тиберія.

Пилать, сынъ мельника, ссорящійся при дворѣ отца по незнанію свѣтскихъ обычаевъ, рѣзко и едва ли случайно напоминаетъ извѣстный разсказъ Вейхенстефанской хроники⁴; съ другой стороны грубый, незаконнорожденный мальчикъ, 3-хъ лѣтъ присылаемый ко двору, спасшій свою жизнь только благодаря заступничеству стараго слуги своего отца, владѣлецъ чудесной рубашки, напоминаетъ во всѣхъ этихъ пунктахъ героя Константинопольскаго. При современномъ состояніи науки трудно сказать что-либо опредѣленное; можетъ быть, разсказъ изъ апокрифа вошелъ въ поэму; можетъ быть, поэма повліяла на обработывателя апокрифа; можетъ быть на легенду и на поэму одинаково вліяло сказаніе о Карлѣ Великомъ; можетъ быть, оно имѣло свой источникъ въ апокрифѣ и можетъ быть, наконецъ, этотъ сюжетъ былъ изъ числа тѣхъ бродячихъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста жительства сюжетовъ, которые были готовы пристать ко всякому имени.

Единственная попытка исторической экзегезы нашихъ поэмъ принадлежитъ тому же проф. Мюлленгофу. Въ VI т. журнала Гаупта, въ 1848 г. онъ помѣстилъ статью „*die austrasische Heldensage*“; хотя предположенія его многимъ показались очень смѣлыми, хотя даже почтительные ученики его не рѣшаются открыто повторять его выводы и только робко указываютъ на статью его; возраженій, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не встрѣчалъ онъ. Такъ какъ статья эта имѣетъ такое важное значеніе въ нашемъ вопросѣ, я изложу его основанія, дополнивъ ихъ указаніемъ на источники и въ особенности на Григорія Турскаго. Поета Сахо⁵, желая своими стихами превзойти нѣмецкія поэмы, воспѣвавшія Карла Великаго, говоритъ:

¹ Ср. въ С 8.3 *ez ist besser ein leit danne mër*.

² Massm. т. III, 606.

³ Pauli Schimpf u. Ernst 1654 Augsb. 8.8. Passional 583.

⁴ См. G. Paris, *histoire poétique de Charlemagne* II, 229.

⁵ 5, 117 у Перца 1, 268.

Est quoque jam notum: vulgaria carmina magnis
Laudibus ejus avos et proavos celebrant,
Pippinos, Carolos, Chlodovicos et *Theodricos*
Et Carlomannos Hlothariosque canunt.

Вотъ несомнѣнное свидѣтельство, что народъ нѣмецкій воспѣвалъ какихъ-то Теодриковъ=Дитриховъ; мы имѣемъ цѣлый рядъ поэмъ о 2-хъ Дитрихахъ, кромѣ извѣстнаго Бернского т. е. Теодориха Великаго; это Гуг- и Вольфдитрихъ; поставленные рядомъ съ Пипиномъ и Карломъ Мартеломъ, въ числѣ предковъ или по крайней мѣрѣ предшественниковъ, они, очевидно, должны находиться въ исторіи государства Франковъ; тамъ и отыскиваетъ ихъ референтъ. Исходнымъ пунктомъ для него служить законъ, который я считаю не безусловно вѣрнымъ, а только вѣроятнымъ: „Есть законъ въ народной поэзіи, что она обращаетъ свое вниманіе и сохраняетъ въ памяти только личности, важныя въ историческомъ отношеніи“¹.

Не говоря уже про русскій народный эпосъ, гдѣ трудно приписать какое бы то ни было историческое значеніе большей части героевъ, даже нѣмецкая поэзія, по видимому воспѣвающая только крупныя личности, какъ Аттила и Теодорихъ Великій, не всегда слѣдуютъ этому закону; какое историческое значеніе можно приписать большей части окружающихъ ихъ героевъ? и самое разрушеніе Бургундскаго царства не теряетъ ли значенія передъ Каталаунской битвой? какую важность имѣетъ извѣстный прототипъ *Reinhardi Vulpis*? Еслибъ законъ этотъ былъ вѣренъ, еслибъ дѣйствительно народъ руководствовался историческимъ, а не поэтическимъ тактомъ, то законъ обратный: важное историческое происшествіе должно отразиться въ народной поэзіи, имѣлъ бы одинакую степень достовѣрности; но едва ли кто будетъ защищать его.

Помимо этого недостовѣрнаго закона, въ исторіи королевства Франковъ мы имѣемъ право отыскивать историческіе оригиналы нашихъ Дитриховъ, и если найдемъ тамъ королей съ близкими именами, съ близкими происшествіями жизни, мы можемъ сказать: мы нашли несомнѣнную историческую основу.

Мюлленгофъ находитъ ихъ въ Теодрикѣ, старшемъ сынѣ Хлодвигъ, и его сынѣ Теодебертѣ; о первомъ изъ нихъ въ первый разъ упоминаетъ Григорій Турскій, по поводу женитьбы Хлодвигъ (II, 28) „отъ наложницы у него былъ уже прежде сынъ по имени Теодорихъ.“ Онъ былъ самый энергичный изъ дѣтей Хлодвигъ, и по смерти отца владѣлъ Австразіей. Въ союзѣ съ братомъ своимъ Лотаремъ, которому онъ обѣщалъ часть добычи, въ 524 г. воодушевивши свое войско мыслью

¹ 435 стр.

о мщеніи за убійство Франкскихъ заложниковъ и разореніи земли ихъ Тюрингами, онъ двинулся противъ Герминефреда, короля Тюринговъ. Франкскому войску была поставлена западня; въ ямы, покрытыя хворостомъ, попали многіе франкскіе всадники; но потомъ Франки стали осторожниѣе, и Тюринги были разбиты на голову; земля ихъ была покорена.

Во время этого похода Теодорихъ хотѣлъ убить своего брата Лотаря; онъ поставилъ вооруженныхъ людей за занавѣсомъ, но занавѣсъ былъ слишкомъ коротокъ, и ноги ихъ были видны; Лотарь принялъ мѣры осторожности. Тогда Теодорихъ сталъ занимать его разговоромъ, и, чтобы изгнать непріятное впечатлѣніе, онъ подарилъ брату серебряный кубокъ. Когда Лотарь ушелъ, Теодорихъ сталъ жаловаться на безцѣльную потерю кубка и послалъ своего сына къ дядѣ, чтобы просить подарокъ назадъ; Лотарь возвратилъ кубокъ. „Въ такихъ штукахъ, прибавляетъ наивный рассказчикъ, Теодорихъ былъ очень опытенъ.“ (III, 7). Въ XIV главу той же книги внесень рассказъ о Мундерихѣ, Арегизилѣ и Теодорихѣ, воспроизводящій близко знакомое русскимъ преданіе о Ярополкѣ, Блудѣ и Владимірѣ, съ присоединеніемъ смерти измѣнника.

До сихъ поръ, кромѣ 2-ой части имени и незаконности происхожденія, нѣтъ ничего, напоминающаго одного изъ нашихъ героевъ; но Григорій Турскій не чувствовалъ симпатіи къ Теодориху; въ его глазахъ самъ Теодебертъ заслонилъ отца. Еще въ 520 г. Теодебертъ по порученію отца своего начальствовалъ Франками въ походѣ противъ Датчанъ, король которыхъ Crochilaicus (Chochilaichus) былъ разбитъ имъ на голову (III, 3). Chochilaicъ есть одно и то же лице съ Hugelâc Беовульфа; битва происходила въ области Гаттуаріевъ, которымъ соотвѣствуютъ въ Беовульфѣ Гетвары. Этотъ Хигелахъ поставленъ въ соотношеніе съ Франками и Гугами; въ союзѣ съ Франками и Фризами онъ сражается противъ Гугоновъ и погибаетъ въ битвѣ. Съ этимъ непонятнымъ именемъ Гуговъ (Hûgas, gen. pl. Hûga) Франковъ сближаетъ Кведлинбургская лѣтопись: ¹ „olim omnes Franci Hugones vocabantur a suo quodam duce Hugone“ и нѣсколько выше Теодориха называетъ Hugo Theodoricus. Видукиндръ ² также имѣлъ понятіе о связи Гуговъ съ Франками; въ 9 и 10 главахъ 1-ой книги онъ излагаетъ весьма сбивчивое въ историческомъ отношеніи сказаніе: Post haec moritur Huga rex Francorum (очевидно, Хлодвигъ), nullumque alium heredem regni relinquens praeter unicum filiam nomine Amalbergam, quae nupserat Irminfrido, regi Thuringorum. Populus autem Francorum, a seniore suo humane clementerque tractatus, pro gratiarum actione rependenda, filium,

¹ Pertz 5, 31.

² Текстъ по изданію *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum*.

quem ex concubina genuit, nomine Thiadricum (нашъ Теодорихъ), ungunt sibi in regem. Теодорихъ посылаетъ къ Ирминфриду посольство съ мирными предложеніями, но, по внушенію Иринга, жена его отвергла миръ. Теодорихъ явился съ войскомъ и позвалъ на помощь Саксовъ. Испуганный Ирминфридъ посылаетъ Иринга просить мира. Ирингъ, подкупленный Теодорихомъ, убилъ Ирминфрида, потомъ, не получивъ ожидаемой имъ награды, убилъ и Теодориха. Iringis nomine lacteus coeli circulus usque in praesens (sit) notatus. Имя Гуговъ не чуждо и нѣмецкому эпосу: третьимъ товарищемъ Гельфрика въ Ekenausfahrt считается Нус von Tenemarke, который въ предисловіи къ Heldenbuch называется von Metz; самъ Гельфрикъ изъ прирейнской страны; слѣдовательно и этотъ Гугъ имѣлъ какое-то отношеніе къ мѣсту стараго населенія Франковъ.

Теодорихъ Франкскій женился въ 522 на Суавеготтѣ,¹ дочери Сигизмунда, въ первый разъ законно, какъ предполагаетъ для своей цѣли Мюлленгофъ; слѣдовательно, давно взрослый Теодебертъ былъ незаконнымъ. Сына своего еще при жизни обручилъ онъ съ *Визигардой*, дочерью короля *Ломбардскаго* Вахона;² но во время похода противъ Готовъ, въ городѣ Beziers онъ познакомился съ одной вдовой (?) Деотеріей и сталъ жить съ ней. Во время похода онъ услышалъ, что отецъ его боленъ и что дяди собираются отнять его владѣнія; онъ поспѣшилъ назадъ и, по смерти отца, muneribus placatis a leudibus suis defensatus est et in regno stabilitus (III, 23). Тогда онъ женился на Деотеріи; но она имѣла очень жестокій характеръ и изъ ревности даже убила свою дочь, и ея характеромъ и жизнью Franci valde scandalizabantur; тогда онъ отпустилъ ее отъ себя и женился на Визигардѣ. Добродѣтелямъ Теодеберта Григорій посвящаетъ цѣлую главу.

Всякій согласится, что въ этихъ заключеніяхъ есть нѣкоторая доля вѣроятности, но отъ достовѣрности изслѣдованіе очень далеко; тѣмъ менѣе можно строить на основаніи его заключеніе о первичной редакціи. 2 главные поэтическіе момента: сватовство Гутдитриха и дѣтство Вольфдитриха въ исторіи не имѣютъ ничего подходящаго; даже отрицательнаго заключенія составить нельзя, такъ какъ о рожденіи Теодеберта и первой женѣ его отца мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Незаконное происхожденіе Теодеберта фактъ, ни на чемъ не основанный. За то остаются другія подробности, не менѣе важныя: имя Гуговъ, хотя ихъ положеніе въ Беовульфѣ остается фактомъ весьма темнымъ³, несомнѣнно стоитъ въ какомъ-то отношеніи къ родоначальнику королей франкскихъ; спасеніе владѣній Теодеберта вѣрностью его вассаловъ, и если принять ред.

¹ Григорій III, 5.

² Ib. III, 20 и Павелъ Дьяконъ въ Geschichtsschr. VIII I. стр. 25.

³ Эттмюллеръ объясняетъ Nausi. Beowulf 1840.

В за основную, двойной бракъ его, звѣриный характеръ первой супруги, сходство имени 2-ой съ Либгардой, ея связь съ Лонгобардскимъ королевствомъ, и наконецъ, что всего важнѣй, слава подвиговъ обоихъ наслѣдниковъ Хлодвигъ. Еслибъ явилась возможность другаго, болѣе вѣроятнаго объясненія, безъ сомнѣнія, всѣ вышеприведенныя доказательства распались бы прахомъ; но пока это объясненіе имѣетъ право на существованіе¹. Мюлленгофъ приводитъ еще нѣсколько фактовъ, которые, не относясь къ Теодориху и Теодеберту, относятся къ ихъ современникамъ и соотечественникамъ, хотъ приблизительно, и въ болѣе широкомъ смыслѣ локализируютъ сказаніе. Такъ у Теодориха II Бургундскаго былъ маіордомъ *Berthoaldus genere Francus, moribus mensuratus, sapiens, cautus, in proelio fortis, fidem cum omnibus servans* (Fredegar 24)—можетъ быть, прототипъ нашего Берхтунга; Теодебертъ, сынъ Хильдеберта II (его сага по сходству имени могла смѣшаться съ сыномъ Теодориха) былъ обвиненъ въ незаконномъ происхожденіи, разбитъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и захваченъ въ плѣнъ (Fredegar 38).

Возможно еще другое историческое объясненіе: Гугдитриха и Вольфдитриха можно признать за позднѣйшія сравнительно видоизмѣненія кореннаго нѣмецкаго героя Дитриха Бернскаго, котораго большая часть изслѣдователей единодушно считаетъ Теодорихомъ Великимъ, королемъ Остготовъ;² всѣ признаютъ историческій фактъ, какія бы миѣическія подробности не примкнули къ нему впослѣдствіи; расходятся изслѣдователи въ степени важности, которую они придаютъ той или другой составной части. Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ самъ по себѣ, и въ нашу задачу не входитъ; для насъ важно только отношеніе Дитриха къ Вольфдитриху. Считать послѣдняго видоизмѣненіемъ перваго могутъ преимущественно скандинавоманы. Выше было сказано, какъ въ Вилькина — сагѣ Дитрихъ Бернскій убиваетъ дракона и беретъ за себя жену Ортнита. Рассманъ, разбирая эту главу,³ выражаетъ то убѣжденіе, что въ южно-нѣмецкой поэзіи Вольфдитрихъ явился на смѣну Бернскому герою; главное основаніе его — „Дитрихъ (Dhuguk) и Левъ“ стародатская пѣсня, переведенная у Гримма (стр. 13);⁴ тамъ Дирикъ

¹ 1-ая часть имени 2-го Дитриха объясняется тѣмъ, что *wolf* въ нѣмецкой сагѣ прилагалось какъ эпитетъ, къ незаконному сыну, изгнаннику или человѣку, несправедливо захватившему чужую землю. Эпитетъ не имѣлъ въ себѣ ничего обиднаго. Ср. *Deutsche Sagen* II 233 и 237.

² См. литературу этого предмета, между прочимъ, въ брошюрѣ К. Мейера. *Die Dietrichsage in ihrer geschichtlichen Entwicklung* Basel. 1868.

³ II, 666.

⁴ Вопросъ объ этихъ датскихъ пѣсняхъ, такъ оригинально, можно сказать, безпримѣрно вводящихъ циклъ сказаній одного народа въ поэтическое сознаніе другаго, желательно было бы вновь подвергнуть пересмотру и провѣркѣ.

наѣзжаетъ на бой дракона со львомъ, помогаетъ льву, такъ какъ на щитѣ его изображенъ левъ; мечъ Дирика сломался въ битвѣ, и драконъ утащилъ героя въ пещеру; тамъ нашелъ тотъ оружіе *Зигфреда*, убитаго передъ тѣмъ змѣемъ, убилъ змѣя и вышелъ на свѣтъ; левъ слѣдуетъ за нимъ всю жизнь. Разсказъ, очевидно, тотъ же, что и въ нашихъ поэмахъ, но имена неизвѣстныя замѣнены другими; Зигфридъ, совсѣмъ не относящійся къ дѣлу, замѣнилъ Ортнита или Гертнита; еще легче, еще необходимѣе, Дитрихъ замѣнилъ Вольфдитриха, имя котораго было чуждо даже составителю Вилькинасаги; послѣдній можетъ быть, умышленно замѣнилъ одного другимъ, такъ какъ онъ писалъ „Сагу о Дитрихѣ“, слѣдовательно имѣлъ цѣлю все сводить къ одному герою; обращая же съ народными пѣснями онъ крайне нецеремонно. Другое основаніе еще слабѣе: въ Вилькинасагѣ (гл. 17) гербъ Дитриха золотой левъ въ красномъ (по главв. 38, 39 и 307 въ бѣломъ) полѣ; съ чѣмъ согласны *Rosengarten*, *Eckenaufahrt*; въ Альфартѣ левъ принадлежитъ Альфарту, у Дитриха же орелъ ¹. Мы видѣли, какъ распространенъ былъ левъ въ гербѣ, и явленіе герба должны, разумѣется, признать за явленіе сравнительно позднѣйшее; кромѣ того Вольфдитрихъ предокъ Дитриха, и гербъ у нихъ долженъ быть общій ².

Кромѣ этихъ весьма слабыхъ доказательствъ, могутъ найтись другія, болѣе вѣскія, въ историческомъ Дитрихѣ и въ поэтической связи предка съ потомкомъ. При императорѣ Зенонѣ, какъ извѣстно, Готами предводительствовали 2 Дитриха, сынъ Триарѣя и сынъ Теодемира; Греки, играя роль измѣнника Сабене, возстановляли ихъ другъ противъ друга; по смерти перваго, 2-ой, т.-е. Теодорихъ Великій, получилъ власть надъ всѣми Готами. Походъ Готовъ на Италію нѣсколько напоминаетъ походъ Вольфдитриха въ ту же страну; Готы также пострадали отъ голода и были ослаблены имъ до того, что потерпѣли отъ слабѣйшихъ Генидовъ при рѣкѣ Ульбѣ; Теодориха часто побуждали Готы овладѣть Константинополемъ (*Ign.* 57), какъ вассалы побуждали Вольфдитриха разрушить тотъ же городъ. Внезапная смерть Теодориха какъ будто напоминаетъ ту битву, которую долженъ былъ выдержать Вольфдитрихъ

¹ W. Grimm HS. 142.

² Есть монументальное свидѣтельство о знакомствѣ Сѣвера съ нашимъ сюжетомъ. Въ восточной части Исландіи сохранилась церковная дверь, на которой изображенъ рыцарь, освобождающій льва изъ когтей дракона (см. *Zeitschrift f. deutsche Philologie* 1871. III, 314). Но такой безымянный освободитель льва напоминаетъ объ извѣстномъ романѣ *Crestien de Troies* (см. *Holland Tübing.* 1854, 161 слѣд.). Сѣверный ученый Бринюльфссонъ, относящій врата къ XII в., указываетъ на одну рукописную сѣверную сагу: *Vilhjálm's Saga Sjöds*, гдѣ принцъ Вильяльмъ, сынъ короля англійскаго, освобождаетъ льва отъ когтей дракона.

съ душами убитыхъ имъ. Что касается до молодости Теодориха, въ ней можно отыскать нѣкоторые пункты, сближающіе исторію особенно съ Вольфдитрихомъ А. Въ тотъ день, когда Баламиръ побѣдилъ (453—456) Гунновъ, бывшихъ подъ начальствомъ сыновей Аттилы, при Нефадѣ, Теодемиръ получилъ радостное извѣстіе, что его *наложница* Egelieva родила ему мальчика Дитриха ¹. Когда молодой Дитрихъ встрѣтился съ отцемъ, онъ пользовался уже такою популярностью между Готами, что 6000 изъ нихъ, *безъ вѣдома короля* послѣдовали за нимъ противъ Сарматскаго Бабая (Iogn. 55); въ этомъ можно видѣть намекъ на ссору съ отцемъ и на привязанность Берхтунга къ своему воспитаннику.

Если слабы основанія за франкское происхожденіе саги, то основанія за готское еще слабѣй; кромѣ того, хотя разложеніе одного героя на нѣсколькихъ, послѣ раздѣленія племени, вещь возможная, но соединеніе многихъ соименныхъ героевъ племенныхъ въ одного, вслѣдствіе развитія общаго сознанія, усиленія сношеній и попытокъ мифологіи или поэзіи внести нѣкоторый родъ системы въ разнообразіе мѣстныхъ и племенныхъ сказаній, вещь еще болѣе возможная; слѣдовательно скорѣй въ исторической части цикла Дитриха Бернскаго надо искать захватовъ изъ чужой области, чѣмъ наоборотъ. Литературныя соображенія также противорѣчатъ готской теоріи: всего больше чертъ историческихъ сходятся въ большомъ Вольфдитрихѣ, котораго надо считать позднѣйшимъ.

Эпическую первоначальную связь между Дитрихомъ Бернскимъ и Вольфдитрихомъ находятъ и знаменитый Уландъ, высказавшій очень оригинальный взглядъ на нашу поэму; ² по его мнѣнію, Вольфдитрихъ стоитъ во главѣ всего цикла Амелунговъ, и въ немъ полнѣе всего отразились тѣ мифико-символическія представленія, которыя легли въ основанія всего цикла; Дитрихъ и Ротеръ—его возрожденія (стр. 201). Уландъ имѣлъ подъ руками печатную Heldenbuch, дрезденскую рп. по изданію Гагена и Примиссера и оглавленіе А; слѣдовательно за свои ошибки онъ не принимаетъ отвѣтственности, но за то и мнѣніе его въ настоящее время не можетъ быть предметомъ серьезнаго обсужденія и важно только для литературы предмета.

Приключенія Вольфдитриха на пути онъ считаетъ первоначальными и пытается внести въ нихъ порядокъ и найти ихъ смыслъ, сличая ихъ

¹ См. Chronica Carionis у Massm. Kaiserchronik III, 941. Воспоминаніе о незаконности происхожденія Теодориха было не чуждо и поэзіи. См. Kaiserchronik 4129 Otacher gesach daz daz iz vrume niene was; er gienc uf den burcgraben, er hiez Driteriche sagen, er newaere nicht edele *geborn von einir Kebese*. Сличи ibid. 13915.

² Uhlands Schriften I, 173, и слѣд. его лекціи, читанныя въ Тюбингенскомъ Университетѣ въ 1830—31 гг.

до Шахъ-наме въ изложеніи Гёрреса (1820 г.). Между странствованіемъ Вольфдитриха и походомъ Кей—Кава въ Мазендеранъ, гдѣ дѣйствуетъ главнымъ образомъ Рустемъ Асфендіяръ, онъ находитъ поразительное сходство; для сличенія съ персидскимъ сказаніемъ онъ пользуется безразлично и лубочной книгой и дрезденскимъ сокращеніемъ, забирая изъ нихъ то, что лучше идетъ къ его теоріи; его средства для объясненія персидскаго сказанія еще болѣе ограничены; безъ сомнѣнія, много поразительно сходнаго съ востокомъ находитъ онъ въ картинахъ природы, львахъ, слонахъ и драконахъ, но сходство это объясняется совсѣмъ иначе: позднѣйшимъ вліяніемъ востока во время крестовыхъ походовъ.

Мнѣніе Уланда, вслѣдствіе его ограниченнаго знакомства съ редакціями и весьма поверхностнаго знакомства съ востокомъ, сколько мнѣ известно, не нашло себѣ послѣдователей.

Извѣстныя книжки Гёттлинга ¹ натолкнули излѣдователей искать хотя бы побочной исторической основы для нашей саги. въ извѣстной фамиліи и партіи Вельфовъ. Вахтеръ ² черезъ это сближаетъ Дитриха съ его мнимымъ предкомъ и прославляетъ ихъ предоставляетъ „welfisch gesinnten Sängern.“ Моне ³ объясняетъ политической причиной возрожденіе саги о Вольфингахъ, которая въ предѣлахъ стараго баварскаго герцогства была особенно популярна; тосканскій бракъ и отношенія съ папой дали этотъ толчекъ; Италія сдѣлалась главнымъ мѣстомъ подвиговъ нѣмецкихъ героевъ; „характеръ партіи видѣнъ въ религіозномъ направленіи нашихъ поэмъ“ (?) ⁴. Распространенность саги на сѣверѣ онъ пытается объяснить тѣмъ вельфскимъ участіемъ, какое норманны принимали въ борьбѣ папъ.

Каковы бы ни были натяжки въ этихъ сближеніяхъ, Вельфы, не какъ партія, а какъ фамилія стояли въ связи съ сагой о Вольфдитрихѣ, только связь эта едва ли можетъ считаться первоначальной; объ Вельфахъ еще Авентинъ въ своей баварской хроникѣ говоритъ, что они вели свой родъ отъ героя Вольфдитриха ⁵. Ихъ связь съ нашимъ героемъ черезъ посредство первой части его имени ведетъ насъ къ мифологической экзегезѣ.

¹ Ueber das Geschichtliche im Nibelungenliede 1814 и Nibelungen und Gibellinen 1817.

² Ersch u. Gruber I, 25, 97 и слѣд. 1834 г.

³ Untersuchungen zur Geschichte der teutschen Heldensage. Quedl. и Lpz. 1836, 19 и слѣд.

⁴ Ср. мнѣніе Розенкранца das Heldenbuch u. d. Nibelungen 1829 стр. 43 для Вольфдитриха есть offenbar nur der alte Dietrich v. Bern, christlich apotheosirt.

⁵ Изд. 1580 л. 363 сл. Br. Grimm Deutsche Sagen II 233—236.

В. Гримм¹ въ нашемъ героѣ видитъ сына волка, миѣическое значеніе котораго объясняетъ статья его. Что волкъ (сѣв. *úlfr* и *vargr*, ср. *врагъ*) животное миѣическое, представитель силы и зла, что съ точки зрѣнія силы онъ является родоначальникомъ многихъ и многихъ героевъ, что по употребленію языка онъ замѣняетъ ихъ, и герои являются въ видѣ волковъ, оборотнями; что съ точки зрѣнія зла, чернаго бога ночи, онъ является замѣною средневѣковому черту, одинаково въ германскихъ, славянскихъ и романскихъ сказаніяхъ и поэтическихъ памятникахъ, о томъ не можетъ быть никакого спора. Но я позволяю себѣ сомнѣваться, дѣйствительно ли Вольфдитрихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ ред. А (ее В. Гриммъ считаетъ за первоначальную, правильнѣй сказать, за лучшую), такъ близокъ къ миѣическому волку. По мнѣнію Гримма ночной голосъ, слышимый женою Гугдитриха, замѣнилъ древнее появленіе божественнаго волка на ложѣ ея; свѣтъ, являющійся во время крещенія, указываетъ на связь младенца съ эльфами²; волки, охраняющіе его ночью, ночные духи, которыхъ прислалъ ему его миѣическій отецъ; огненные глаза ихъ заставляютъ сблизить этихъ волковъ съ Фенриромъ. Въ послѣдующемъ развитіи характера героя В. Гриммъ также видитъ слѣды его дьявольскаго происхожденія: добро и зло смѣшаны въ немъ (стр. 209); редакция В прибавляетъ съ своей стороны новыя подробности: его крестнымъ отцемъ является графъ Wulfen (этотъ же Wulfen подозрѣвается въ D въ незаконныхъ сношеніяхъ съ его матерью, по обвиненію братьевъ), — отецъ Вольфдитриха.

Миѣы классической древности, пѣсни древней Эдды, Вѣды и пуравы сами напрашиваются на миѣологическую экзегезу; въ народныя сказанія другаго закала изслѣдователь только тогда имѣетъ право вводить ее, когда или замѣтенъ миѣическій тонъ, и другое объясненіе кажется невозможнымъ, или когда факты, даже одѣтые въ другую форму, слишкомъ громко говорятъ сами за себя, противорѣча тону. Въ данномъ случаѣ факты слишкомъ слабы: несправедливое обвиненіе въ сношеніи съ злымъ духомъ инкубусомъ такъ и считается несправедливымъ; блескъ волчьихъ глазъ — явленіе обыденное; графъ Wulfen принадлежитъ позднѣйшей редакціи и, очевидно, нелѣпая интерполяція. Точка зрѣнія — вполне христіанская; волки, божьи звѣри, должны бы разорвать сына дьявола; о службѣ ихъ не говорится ни слова; деревянный крестъ слишкомъ громко говоритъ самъ за себя. Факты индуктивнаго характера также противорѣчатъ В. Гримму: редакция А, хотя бы и была

¹ Die mythische Bedeutung des Wolfs. Haupts Zeitschr. XII, 203.

² Слѣд. и Вольфдитрихъ и Ортнитъ приблизительно одного происхожденія? Не ближе ли въ этомъ свѣтѣ видѣть христіанское чудо?

древнѣе по рпц., едва-ли вся цѣликомъ можетъ считаться ближе другихъ къ народной основѣ: личный элементъ въ ней замѣтенъ слишкомъ сильно. Зла т.-е. того, что съ точки зрѣнія самого поэта было зломъ, въ Вольфдитрихѣ видѣть нельзя: грубость есть спутникъ юной неуставшейся силы.

Преслѣдуя задачу историко-литературную, не считаю себя вправе вдаваться въ этотъ мѣстѣ въ разсужденія о миѣическомъ или бытовомъ волкѣ; для объясненія послѣдняго укажу на прекрасную статью проф. Буслаева: „сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“¹; утверждаю только, что въ данномъ случаѣ, при извѣстныхъ намъ фактахъ считать Вольфдитриха за волчьяго сына мы не имѣемъ достаточныхъ оснований.

Миѣическій матеріалъ, весьма богатый и разнообразный, въ Вольфдитрихѣ безъ сомнѣнія есть; его приключенія во время долгихъ странствованій очень часто заводятъ насъ въ область колдовства: великаны, карлики, оборотни, чудеса ихъ царства, корень, дѣлающій сильнымъ коня и человѣка, липа, исполненная чудесъ, щетка, производящая войско, источникъ, дающій красоту и пр. и пр. все это имѣетъ прямое или не прямое отношеніе къ миѣологіи. Всѣмъ извѣстно, что большая часть такихъ чудесъ явилась подъ вліяніемъ позднѣйшей литературной эпохи; ихъ изобиліе въ позднѣйшей редакціи и сравнительная бѣдность въ ранней неопровержимо доказываютъ это. Дѣло изслѣдователя отобрать изъ нихъ, которыя принадлежатъ позднѣйшему литературному вліянію, а оставшіяся послѣ того нѣмецкія раздѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ могутъ принадлежать къ основѣ поэмы; другія, хотя также народныя, могли быть присоединены впослѣдствіи. Тѣ, которыя окажутся принадлежащими къ основѣ, помогутъ отыскать начальную редакцію.

Дикая Эльза съ молодымъ источникомъ, первая жена Вольфдитриха — самое важное и рѣшающее миѣологическое явленіе. За прекращеніемъ С, для суда надъ Эльзой у насъ остается только 2 редакціи: А и В; въ первой она является безъ имени, является только на минуту, безъ всякой цѣли и смысла. Вольфдитрихъ не женится на ней, общается ей одного изъ своихъ братьевъ; объ исполненіи этого общанія въ Дрезденскомъ сокращеніи нѣтъ и помину; въ В дикая Эльза играетъ очень видную роль; Вольфдитрихъ какъ бы судьбой предназначенъ ей въ мужья: она еще не появлялась на сцену, а Берхтунгъ уже опасается ея любви къ своему воспитаннику; она могучая царица города Трои; она долго мучаетъ Вольфдитриха и почти силой заставляетъ его жениться на себѣ. Послѣ брака вся ея чудесная сила пропадаетъ; она, какъ Брунгильда, какъ Настасья Микулишна, жена Добрыни, дѣ-

¹ Русск. Вѣст. № 10 стр. 708 и предыдущія.

лается обыкновенной слабой женщиной, которыхъ „куда ведутъ, туда онѣ и идутъ.“ Авторъ В долженъ былъ предварительно уморить ее, чтобъ дать возможность Вольфдитриху совершить свой главный основной подвигъ: мщеніе за Ортнита. И такъ, въ одной редакціи эпизодъ этотъ является въ видѣ безобразнаго сокращенія; въ другой въ полномъ развитомъ видѣ самостоятельной поэмы. Возможны 2 случая: или авторъ А сократилъ эпизодъ, лишивъ его фizioноміи, собственнаго имени и цѣли, или авторъ В, по намеку ихъ общаго источника, распространилъ одно изъ побочныхъ путевыхъ приключеній въ цѣлую самостоятельную поэму. Если принять въ расчетъ, что 1) Ортнить и Вольфдитрихъ, какъ было сказано выше, первоначально существовали отдѣльно другъ отъ друга, 2) что въ А слишкомъ замѣтно личное вліяніе въ развитіи бытовыхъ сценъ, прекрасно характеризующихъ эпоху, но невозможныхъ въ поэзи народной и не имѣющихъ параллельныхъ мѣстъ ни въ нѣмецкомъ, ни въ другихъ эпосахъ; проще сказать, принимая во вниманіе оригинальность А ¹ 3) принимая во вниманіе, что редакція А сохранилась только въ одномъ спискѣ, тогда какъ В имѣетъ ихъ множество,—надо признать редакцію В болѣе близкой къ первоначальному тексту, по крайней мѣрѣ въ отношеніи дикой Эльзы ². Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и въ другихъ пунктахъ В представляла первоначальную редакцію: если личность поэта оттягивала А отъ Х (искомаго источника), то В все болѣе и болѣе удалялась отъ него, подчиняясь духу времени, многочисленнымъ интерполяціямъ и передѣлкамъ.

Даже названіе 1-й жены героя: *gohe Else* едва ли можно считать первоначальнымъ; еслибъ оно находилось въ общей основѣ, оно непременно перешло бы въ А, какъ бы ни поступилъ его поэтъ съ сюжетомъ.

¹ Извѣстно, что одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ народности есть эпическое повтореніе цѣлыхъ строфъ и рѣчей безъ малѣйшаго измѣненія; чѣмъ ближе поэма къ своему источнику, чѣмъ меньше въ ней личнаго элемента, тѣмъ вѣрнѣе повторенія. Въ А не только въ письмѣ прибавлены совершенно новыя черты, но и важныя для имени Вольфдитриха слова Берхтунга читаются съ измѣненіями; ср. стр. 113, 212 и 309.

За первоначальность В я имѣю еще одно не лишенное силы доказательство, которое вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то время, когда Вольфдитрихъ былъ женатъ только одинъ разъ, на Эльзѣ. Онъ, давно женатый на вдовѣ Ортнита, говоритъ про себя своимъ вассаламъ:

880, 1. *Ze Trojen in dem lande ist der fürste rîch.*

² Такъ какъ во всѣхъ существующихъ редакціяхъ Ортнить и Вольфдитрихъ соединены между собою, то, очевидно, что и въ Х, общемъ источникѣ редд., они уже были слиты; но, вслѣдствіе вышеуказанныхъ обстоятельствъ, въ Х должны были существовать оба брака.

жетомъ. Но *merwip*, происходящее изъ *merimanni*¹ и мѣшающееся съ *wildes wip* никакъ не позднѣе, чѣмъ *gohe Else*².

И такъ, по выдѣленіи вдовы Ортнита и вообще какихъ бы то ни было сношеній съ нимъ, остается общая тема: герой женится на женщинѣ, которая изъ безобразной, покрытой чешуею или корою, дѣлается той красавицей, что „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.“ Прежде чѣмъ, перейдемъ къ разбору поэмы въ томъ видѣ или, лучше сказать, въ тѣхъ видахъ, въ какихъ она дошла до насъ, намъ надо еще рѣшить одинъ вопросъ относительно той же общей основы. Приключенія дѣтства героя въ 3-хъ редакціяхъ передаются различно; о С трудно сказать что либо положительное по недостатку фактовъ; изъ сожалѣнія отца пропавшаго ребенка—Трипцеля видно однако же, что, значительно расходясь съ обѣими редакціями, С все же была ближе къ В, гдѣ ребенокъ пропадаетъ противъ воли отца; это заставляетъ предполагать, что въ В дѣтство героя ближе къ искомому Х; предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ В рассказъ, какъ это будетъ видно ниже, народнѣе³.

Изъ побочныхъ эпизодовъ для Х можно удержать только приключеніе въ *Falkenize*, такъ какъ въ С Берхтунгъ учитъ бросать ножъ, а В и С, очевидно, ни въ какой внѣшней связи не находились; А здѣсь въ расчетъ приниматься не можетъ, такъ какъ его окончаніе составлено по ВD.

Выдѣливъ такимъ образомъ первоначальную редакцію, изслѣдователь долженъ бы при дальнѣйшемъ разборѣ держаться исключительно В, но во 1-хъ первыя двѣ главы В заключаютъ въ себѣ не мало такого, чего не должно быть въ первоначальной редакціи, какъ это видно изъ сравненій съ А и С; во 2-хъ послѣ второй главы дѣйствуетъ другой поэтъ, котораго Енике относитъ къ второй половинѣ XIII вѣка. И такъ отдѣлить В отъ другихъ невозможно, и изслѣдованія должны по необходимости имѣть въ виду воображаемую сводную редакцію, ставя, конечно, на первый планъ то, что принадлежитъ всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, двумъ редакціямъ; это не запутаетъ дѣла, потому что поэмы А, В и С

¹ См. I. Grimm Myth. 244 и слѣдд. Ср. также въ Anhang Z. Myth. Aberglaube 198: credidisti.... quod sint agrestes faeminae, quos *silvalicas* vocant, quas dicunt esse corporeas et quando voluerint, ostendant se suis amatoribus,

Merwip принимаетъ разныя имена, изслѣдованіе смысла которыхъ не входитъ въ мою задачу, и часто является вовсе безъ имени. Бабка Виттига, спасающая внука въ *Rawennaschlacht* отъ Дитриха, называется Вагхильдой.

² См. *ibid.* 554; ср. 242 и 243.

³ Мюлленгофъ съ точки зрѣнія мифа о близнецахъ высказывается за А, гдѣ Сабене, замѣняющій, по его мнѣнію, Сибиха, необходимъ при Берхтунгѣ. См. *Haupts Zeitschr.* X, 163; XI, 242.

въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ, всѣми изслѣдователями (за исключеніемъ Гольцмана, который злобствуетъ противъ В, относятся приблизительно къ одному времени, къ первой половинѣ XIII вѣка.

Вліяніе современности замѣтно на поэмѣ прежде всего въ изображеніи руководящихъ идей времени; къ ней относится все то, что было сказано объ Ортнитѣ; только идея взаимной вассальной вѣрности проведена здѣсь рѣзче, нежели гдѣ нибудь. Поэтъ знаетъ исключительно королей и вассаловъ; до земли ему нѣтъ дѣла; очень наивно рассказываетъ онъ о томъ, какъ герой его жегъ и грабилъ свою землю¹; въ этомъ напрасно искать проявленія природной жестокости Вольфдитриха — хотя миеологи, считая героя сыномъ миеического волка, и склонны къ этому, — но просто военный обычай времени. Въ этомъ я вижу указаніе на ту эпоху средневѣковой жизни, когда, черезъ завоеваніе новыхъ земель на Востокъ, чувство національной связи съ землей затерялось окончательно. За то отношеніе къ дружинѣ изображается въ самомъ идеальномъ свѣтѣ; то обстоятельство, что Вольфдитрихъ такъ долго не освобождаетъ сыновей Берхтунга въ BD, есть слѣдствіе страсти поэта къ распространенію, а въ идеѣ всѣхъ редакцій въ одинаковой степени лежитъ вѣчное терзаніе Вольфдитриха, и единственная цѣль жизни его — освободить своихъ 11 вассаловъ².

Кромѣ того вліянія крестовыхъ походовъ вообще, которое было замѣчено и въ Ротерѣ, и въ Ортнитѣ, въ Вольфдитрихѣ, особенно въ BD, ясно спеціальное вліяніе 4-го крестоваго похода. Сальнеке есть очевидно Θεσσαλονики; близость этого царства къ Константинополю, его самостоятельность, не отрицающая однакоже уваженія со стороны короля Θεσσαλονикійскаго къ королю Константинопольскому — несомнѣнные историческіе факты; въ 1204 г. Бонифацій Монферратскій основалъ королевство Θεσσαλονикійское. Пытаются вывести изъ поэмы болѣе спеціальныя указанія на происшествія крестовыхъ походовъ; такъ Гервинусъ³ видитъ въ помощи, которую оказалъ Вольфдитрихъ D нѣмецкому ордену, происшествія 1271 г., а Гольцманъ⁴ считаетъ самымъ позднимъ срокомъ созданія поэмы сороковые года XIII вѣка, такъ какъ въ поэмѣ Іерусалимъ оказывается еще въ рукахъ христіанъ; но кто не знаетъ, какъ шатки подобныя основанія? какъ часто подобныя остроумныя догадки затемняютъ дѣло?

¹ Dô fuorens unverborgen durch daz Kriechenlant: den âbent und den morgen huop sich roup und brant.

² Примѣръ подобный вѣрности короля къ вассаламъ можно найти только въ поэмѣ Dietrich und seine Gesellen. Дитриху совѣтуютъ оставить въ плѣну семерыхъ вассаловъ, чтобъ сохранить свои земли: „Еслибъ всѣ царства были мои, я прежде покинулъ бы ихъ, чѣмъ моихъ вѣрныхъ людей.“ (3997—4010).

³ Geschich. d. d. Dichtung 2, 79.

⁴ Einl. LXXXVI.

Что касается до мелких, детальных слѣдовъ времени, Уландъ указываетъ въ нашей поэмѣ на *legitimatio per pallium*¹ и на *adoptatio per arma*².

Вольфдитрихъ пошелъ въ монастырь Titschal. Въ Eckenlied (22) упомянутъ монастырь Tischen въ Бургундіи. Либрехтъ³ видитъ въ Tischen Дижонъ (Titschal имѣетъ риему *mal*). Недалеко отъ Дижона въ 1390 г. былъ основанъ орденъ Св. Георга. Какъ ни искусительно связать Георгія, побѣдителя змѣя, черезъ *Iorgen hemde* и змѣя съ нашимъ героемъ, хронологическія данныя противорѣчатъ этому.

Перехожу къ историко-литературному положенію поэмы. Вопросъ объ отношеніи ея къ предъидущимъ и послѣдующимъ литературнымъ явленіямъ можетъ дать достаточно матеріала для цѣлой книги, такъ какъ съ одной стороны вліяніе рыцарскихъ романовъ на нашу поэмѣ требуетъ многихъ выписокъ; съ другой Вольфдитрихъ былъ такъ распространенъ, какъ немногія изъ средневѣковыхъ поэмъ. Ограничусь только важнѣйшими указаніями. Сорочка, вырастающая вмѣстѣ съ Вольфдитрихомъ и защищающая его отъ ранъ и смерти, напоминаетъ короля Оренделя; въ какихъ бы спискахъ не сохранилось эта поэма, ея основа восходитъ къ XII вѣку; еще Gottfried von Viterbo (умеръ въ 1191) упоминаетъ сагу объ одеждѣ Христа, которая выросла вмѣстѣ съ нимъ. König Orendel по объясненію Зимрока⁴ есть Örvandil и принадлежитъ къ миѳическому циклу Тора; съ другой стороны сорочка Христа заставитъ насъ обратиться къ французскому роману объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, а черезъ него къ апокрифамъ.

Вліянія рыцарскихъ романовъ; я коснусь только въ одномъ случаѣ (въ концѣ главы при опредѣленіи народнаго элемента, ихъ литературное вліяніе выдѣлится само собой), по отношенію къ рыцарю льва. Такъ какъ левъ животное на сѣверѣ чуждое, то можно было бы, повидимому, предполагать, что проникаетъ его битва съ дракономъ въ Германію и въ нашу поэмѣ черезъ *Chevalier au lion*; что такимъ же литературнымъ путемъ проникъ онъ и въ Данію и въ Исландію; но чрезвычайно важное свидѣтельство Видукинда доказываетъ, что левъ и драконъ были старосаксонскимъ гербомъ. Вотъ это свидѣтельство: *Hic (quidam de veteranis militibus) arripiens signum, quod apud eos (Saxones) habebatur sacrum, leonis atque draconis et desuper aquilae volantis insignitum effigie, quo ostentaret fortitudinis atque prudentiae et earum rerum efficaciam*⁵. Слѣдовательно, совершенно самостоятельно, на нѣмецкой

¹ 1, 37.

² 1, 95 и слѣд.

³ Archiv für Literaturgesch. von Gosche 1, 57.

⁴ Эдда 297.

⁵ SS. rerum germ. in usum scholarum I, 11.

почвѣ могъ возникнуть этотъ эпизодъ и могъ находиться даже въ пѣсняхъ чисто народныхъ и въ короткихъ незаписанныхъ поэмахъ бродячихъ пѣвцевъ ¹.

Собственные имена изъ нашей поэмы распространялись по другимъ; въ дрезденской рп. въ Лауринѣ дѣйствуетъ Вольфдитрихъ, какъ одинъ изъ товарищей Дитриха; кромѣ имени, онъ не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ; въ народной пѣснѣ о смерти Эрменриха (XVI в: Goed. MA. 516) является Вольфрамъ—Дитрихъ 2 раза: какъ 9-й 11-й товарищъ Дитриха. Изъ другихъ лицъ упоминается Берхтунгъ въ Dietrichs Flucht:

der ist Berhtung genant
sîn vater was von Kriechenlant
und was geheizen Wizlan ².

Въ Битерольфѣ является Mercian von Babilon (ст. 307), который не могъ помѣриться съ Этцелемъ.

Съ другой стороны редакция D въ генеалогіи героев остается вѣрна старымъ поэтическимъ преданіямъ; въ ней Гильдебрандтъ сынъ Гербранта, также какъ и въ старомъ отрывкѣ онъ называется Heribrantes sunu.

Память о нашемъ Вольфдитрихѣ не пропала въ народѣ; слѣды ея заходятъ въ новую исторію и даже переходятъ границу Германіи. Въ книгѣ Matthis Quaden von Kinkelbach Teutscher Nation Herligkeit ³ происхождение имени извѣстной всѣмъ, кто ѣздилъ по Рейну, скалы съ развалинами Drakenfels, объясняетъ такимъ образомъ: Es hat vor alten Zeiten ein Drach oben auff diesem Berg seine Wohnung gehabt, welcher beid Menschen und Vich gantz sehr schedtlich was, denselben ertödet ein stoltzer Ritter *burtig aus Griechenland, oder ja von sinem Griechischen vater her geboren*. Desshalben jhm seine menliche und kühne That wieder vergolten ward und man gab jhm denselben Berg, mit ein guten Theil daran delegener Landschaft, uundt verheyratete ihn an die Tochter des Veldtöversten der Quaden die sich oberwinter niedergeschlagen hatten.

¹ Слѣдуетъ еще упомянуть про сомнительную сарпанту (serpent), которая палить огнемъ героя. У Гейнриха v. Vriberg, продолжателя Готфрида Страсбургскаго, Тристанъ рассказываетъ своей женѣ, что онъ въ Ирландіи сражался съ serpent, которая едва не сожгла его своимъ огнемъ (Goed. M. A. 816). Хотя Гейнрихъ и жилъ позднѣе нашей поэмы (ок. 1300) и хотя въ старопеч. Зигенотѣ у Гильдебрандта гербъ *saro wât* (ibid. 458) я все же въ иностранномъ словѣ вижу французское вліяніе: Гейнрихъ не первый переводилъ Тристана, а Зигенотъ могъ пользоваться тѣмъ же источникомъ.

² Martins Heldenb. 1866, ст. 470.

³ Cölln a. Rh. 1609 cap. 77 S. 293. Изъ Уланда I, 125.

Въ 1564 г. одинъ французскій гугенотъ Антуанъ де Пине (Pinet), который зналъ одну рп. Вольфдитриха отъ XIV в., воспользовался ей, составляя генеалогію графамъ de Sault; главные происшествія (ребенокъ, похищенный волкомъ, король Вальдунгъ, башня, *Sidrat de Russie* и пр.) обращаетъ онъ въ историческіе факты, дѣлая при этомъ совершенно произвольныя измѣненія ¹.

Въ XVI в. Вольфдитрихъ пользовался особенною популярностью, преимущественно передъ всѣми другими. См. Grobianus verteutschet durch Casparum Scheidb von Worms 1551 Cap. 8 von sittigen Reden nach dem Abendessen: Und wie Signot den Berner truog und wie wolf Dietrich wûrm erschluog ².

Фишартъ въ Гаргантюа пишетъ: weiter lehrnet vnser Gargantuischer *Wolftditerich* von seim gimnastischen hertzog Bechtung, wie zu fusz einer zu rosz zu bestehen sei ³.

Обращаясь къ анализу поэмы; здѣсь, конечно, о каждой редакціи нужно говорить особо.

Начинаю съ А. Личный элементъ, какъ было сказано выше, здѣсь всего сильнѣе. Любопытно то обстоятельство, что онъ особенно часто проявляется въ прибавленіи религіозныхъ подробностей, хотя на основаніи той жалкой роли, которую капелланы играютъ въ судѣ надъ Берхтунгомъ, трудно предположить, чтобы авторъ принадлежалъ къ духовному сословію ⁴. Религіозная точка зрѣнія видна во 1-хъ въ томъ, что поэтъ сдѣлалъ Гугдитриха язычникомъ, а своего героя заставилъ одного креститься во всей странѣ; впрочемъ, потомъ онъ самъ забылъ объ этомъ. Голосъ ночью, свѣтъ во время крещенія, даже сорочка, думаю я, испытаніе крестомъ—вліяніе литературы легендъ. Авторъ, положительно, феодалистъ по убѣжденію; хотя главный герой его—король, но король, составляющій одно нераздѣльное цѣлое съ своими вассалами. За то отца героя онъ представляетъ въ сѣрыхъ краскахъ: это низкій, слабохарактерный человѣкъ, слушающійся всѣхъ наущниковъ и не имѣющій опредѣленныхъ желаній; на него нѣтъ другаго оружія, кромѣ страха. Сравненіе доказываетъ, что сцена въ спальнѣ, сцена суда и пр. принадлежать автору, и тутъ-то онъ показываетъ себя: идеалъ его имъ вымышленный дерзкій Бальтрамъ, презирающій короля и всѣхъ, кто ему повинуется. Отъ себя прибавляетъ авторъ другія ма-

¹ Liebrecht въ Архивъ Гоше 1870, 48 и слѣдд.

² W. Grimm HS. 311.

³ ibid. 211.

⁴ Развѣ предположить, что авторъ, монахъ независимый, ненавидѣлъ своихъ придворныхъ собратій? Феодалная тенденція противорѣчитъ этому.

лозначительныя подробности, подчищая и измѣняя болѣе народый оригиналь: письмо, которымъ авторъ слишкомъ злоупотребляетъ, впадая даже въ противорѣчія¹, деньги на поѣздку (446, 1—2), предложеніе брата морской женщины, клятва—не жить съ женщинами и пр. Хотя я полагаю, что роль Сабене отъ начала до конца сочинена авторомъ, но онъ представляетъ собою извѣстный эпическій типъ; потому и принадлежитъ къ народнымъ основамъ поэмы, также какъ и битва съ драконами.

Тема 1-ой части поэмы: несчастія героя—младшаго брата до рожденія и въ дѣтствѣ; мать не поддавшаяся безчестному предложенію, обвиняется измѣнникомъ въ измѣнѣ мужу. Ребенокъ, рожденный въ отсутствіе отца, отданъ злымъ родственникомъ (въ данномъ случаѣ отцемъ) на смерть. Слуга, которому поручено убійство, сжалился надъ младенцемъ. Съ этимъ соединена другая форма опасности: кинутый дикимъ звѣрѣмъ на съѣденіе, ребенокъ остается живъ. Онъ воспитанъ въ неизвѣстности о своемъ высокомъ родѣ; здѣсь эта формула является въ дублетѣ: wildenaere и Берхтунгъ послѣдовательно являются его воспитателями. Выросши, онъ отмщаетъ за мать, казнить убійцу и получаетъ отцовское достояніе. Внутренняя, психологическая причина такой темы: суровая школа несчастій необходима для воспитанія истиннаго героя. Тема эта, сравнительно съ добываніемъ невесты, поздняя, за то очень распространенная въ извѣстную эпоху развитія народнаго эпоса.

Изъ эпическихъ приемовъ здѣсь встрѣчаются: мѣра силы убитой собакой, божій судъ для Берхтунга, дикое проявленіе силы въ молодомъ героѣ и рѣзкое измѣненіе его характера и пр.

Перехожу къ редакціи В. Въ ней не встрѣчается такихъ крупныхъ субъективныхъ штриховъ, нѣтъ тенденцій, нѣтъ цѣлыхъ сценъ, произведенныхъ личной фантазіей, но ея литературная жизнь много продолжительнѣе, и множество переписчиковъ и передѣльвателей вносили каждый по немногу своего, то поддаваясь литературному вліянію, то страсти къ распространенію, то другимъ законамъ развитія перешедшаго въ письменность эпоса, то безграмотности, безвкусію и произволу. Таковы собственныя имена крестныхъ отцевъ Вольфдитриха, его братьевъ, сорочка, постепенное вторженіе Ортнита въ поэмѣ, измѣненія въ его исторіи, Hölle и Runze, замѣняющіе охотника (стр. 473), дублеты: левъ и сарпантъ, вторичное похищеніе жены, сорочка св. Панкратія; идеи рыцарства: понятіе о приличіи (стр. 77), склонность къ обморокамъ (стр. 297), ангелъ божій, посланный къ Эльзѣ, чудесная липа у замка Ортнита (также эпическій дублетъ), двусмысленная роль жены

¹ Ср. 477 и 486, 2.

Ортнита, помощь Ортнита въ походѣ на Дразіана, битва его съ великаномъ и закованіе его (459—461), слонъ, освобожденный отъ дракона (также дублетъ льва), Магометъ въ Falkenize, религіозный споръ¹ во время битвы и вообще вся борьба христіанства съ магометанствомъ и распространеніе перваго; сцена съ портретомъ (не дурная въ идеѣ, но дурно выполненная) и съ св. Марцеллиномъ, легендарный элементъ въ освобожденіи вассаловъ (особенно замѣтенъ стрр. 894 и слѣд.), барликъ Биллунгъ (дублетъ), чудеса его замка, казни Константинопольскихъ язычниковъ и кромѣ того многочисленныя нелѣпости, противорѣчія и густота красокъ.

За исключеніемъ всего этого остаются нѣсколько народныхъ темъ: 1) добываніе хитростію невѣсты; 2) бѣдствія ребенка въ дѣтствѣ и въ юности; 3) женитьба, по предрѣшенію судьбы, на оборотѣ; 4) добываніе похищенной жены; 5) опасное гостепріимство; 6) добываніе невѣсты подвигомъ. 1-ая тема развивается въ такихъ формулахъ: невѣста сидитъ въ башнѣ; женихъ хитростію, переодѣтый женщиною, проникаетъ туда. 2-я тема: ребенокъ похищенъ дикимъ звѣремъ, изгнанъ братьями. 3-ья тема является въ спутанномъ, затемненномъ личнымъ вліяніемъ видѣ. 4-ая известна намъ изъ Ротера; дѣло кончается поединкомъ, и герой не подвергается опасности. 5-ая тема встрѣчается нами въ первый разъ, потому что принадлежитъ къ наименѣе распространеннымъ; въ ней соединены 2 формулы: опасность отъ богатыря, и опасность отъ прекрасной хозяйки, сожительство съ которою ведетъ къ гибели (въ нашей поэмѣ, подъ вліяніемъ личнымъ къ гибели душевной). 6-ая тема является въ такихъ формулахъ: герой долженъ исполнить трудную задачу, освободить царство отъ дракона, чтобы получить себѣ невѣсту; онъ исполнилъ задачу, но другой воспользовался его трудомъ. Онъ является въ рѣшительную минуту и неопровержимымъ доказательствомъ (здѣсь языками и кольцомъ) подтверждаетъ свое право; соперникъ подвергается заслуженному позору.

Эти формулы имѣютъ при себѣ многочисленныя эпическіе приемы; нѣкоторые изъ нихъ явно мифологическаго происхожденія: источникъ, придающій красоту, взаимная любезность соперниковъ, скрывать имени, мечъ между мушиной и женщиной; удвоеніе нездѣшнихъ враговъ, стальная гора, горящій лѣсъ, вѣрное животное, языки змѣй, кольцо Ортнита, рогъ для призванія друзей, ящикъ съ войскомъ.

Согласно мнѣнію учениковъ Мюлленгофа, ред. D, сравнительно съ B, признана за позднѣйшую, производную; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы во всѣхъ частяхъ D была хуже и дальше отъ первоначальнаго текста

¹ Разница рш. показываетъ, какъ всякій переписчикъ XV в. изощрялъ надъ этимъ свое остроуміе.

BD, чѣмъ В въ томъ видѣ, въ какомъ лежитъ она передъ нами теперь. Компиляторъ-авторъ D съ ред. С соединилъ не ту В, какую имѣемъ мы, сочиненную нѣсколькими, испорченную, испещренную интерполяціями и къ концу замѣтно сокращенную, а В XIII в., вѣроятно первой половины, чистую и полную. Поэтому, разбирая D, я раздѣляю всѣ прибавки (кромѣ тѣхъ, которыя одинаковы съ В) на 3 группы: 1) прибавки въ духѣ народнаго эпоса—предположительно принадлежавшія С¹; 2) эпизоды, сокращенные въ D, и 3) эпизоды, распространенные или прибавленные въ D. Къ первымъ принадлежатъ: Олфанъ Вавилонскій, 12 великановъ Белаmunта, освобожденіе Іерусалима, Ортнитъ, какъ старшій богатырь (пріемъ: тяжесть его вооруженія), и Вольфдитрихъ въ монастырѣ. Ко 2-ой группѣ принадлежатъ: эпизодъ о Тресіанѣ, о Марпали, мотивъ медленности Вольфдитриха передъ его прибытіемъ во дворецъ и многіе отдѣльныя строфы. Къ 3-ей группѣ принадлежатъ: подозрѣніе вѣрности королевы, сестра Тресіана, пребываніе у герцога Эрнста, мальчикъ, ведущій корабль, 500 сарацинъ, стукъ копытъ, Бальямиръ, Марсильянъ, лѣсная женщина, приключеніе въ Терфисѣ, длинныя рѣчи изъ св. писанія (см. 1688 и слѣд.), циклизированіе въ срединѣ², сцена съ Либгардою, битва подъ Константинополемъ въ другомъ видѣ, циклическое окончаніе.

Изъ всего предъидущаго, можетъ быть, слишкомъ мелочнаго изслѣдованія позволяю себѣ вывести слѣдующія, болѣе или менѣе достовѣрныя заключенія относительно исторіи нашихъ поэмъ.

Ротари, 17-й король Лонгобардовъ, былъ героемъ саги о добываніи невѣсты; изъ саги образовалась впослѣдствіи эпическая пѣсня — былина; въ устахъ бродячихъ пѣвцовъ эта пѣсня долго гуляла во всей Германіи, измѣняя и форму и содержаніе; на ней наслаивались современныя событія; имена выпускались и замѣнялись новыми; самая основа измѣнялась: въ нѣкоторыхъ редакціяхъ она удваивалась, и герой терялъ невѣсту, чтобы снова возвратить ее. Въ то время, когда пѣснь на югѣ Герма-

¹ Я говорю: *предположительно*, такъ какъ С показываетъ большой произволъ автора и такъ какъ большая часть такихъ прибавокъ могла быть сдѣлана позже или раньше съ одинаковымъ удобствомъ. Изъ того немногаго, что даетъ намъ С исключительно, не стоитъ дѣлать отдѣльной группы; нѣсколько собственныхъ именъ ясны сами собою. То, что мы считаемъ принадлежностью D, весьма легко могло находиться и въ С, и большая часть, вѣроятно, находилась, но доказать этого невозможно.

² Змѣенишь, оставленный для Дитриха.

ніи получила твердыя опредѣленныя формы, съ большимъ трудомъ поддававшіяся измѣненіямъ, когда два великана сдѣлались неизмѣнными спутниками Ротера, она попала на сѣверъ, гдѣ незнакомое имя Лонгобардскаго короля было замѣнено другимъ: Озерихомъ. Въ Баваріи и мѣстностяхъ, лежащихъ близъ нея, въ пѣсню вошло новое лице, въ качествѣ помощника Ротера—Берхтеръ, герцогъ Меранскій. Въ началѣ XII вѣка, когда пѣсни стали входить въ составъ литературнаго эпоса, какой-то поэтъ изъ прирейнской страны обработалъ пѣсню въ поэму; нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, другой его соотечественникъ, отнюдь не изъ числа бродячихъ пѣвцевъ, а скорѣе враждебно относящійся къ нимъ, можетъ быть полуученый клерикъ, въ Баваріи переработалъ ее еще разъ и привелъ въ тотъ видъ, въ какомъ приблизительно мы находимъ ее въ единственной рукописи (Н); переписчики измѣняли ее, списывая, но измѣненія ихъ не пошли далеко, такъ какъ популярность поэмы была кратковременна.

Про короля Ортнита, который взялъ съ бою жену и потомъ бился съ дракономъ, присланнымъ отцемъ ея, ходила въ устахъ нѣмецкаго народа старая пѣсня; во время ея постепеннаго развитія, на помощь Ортниту явились: карликъ Альберихъ, снабдившій его чуднымъ вооруженіемъ, и дружинники, помогавшіе при добываніи невѣсты. Оторванная отъ своего, къ несчастію, неизвѣстнаго намъ корня, она носилась по воздуху, подобно многимъ потерявшимъ почву сказаніямъ, пока не прицѣпилась къ Гардѣ, вѣроятно, по воспоминанію объ Адельгейдѣ; когда Ортнитъ оказался побѣжденнымъ, по закону эпического оптимизма, ему понадобился мститель.

Между тѣмъ одновременно съ пѣснью объ Ортнитѣ, пѣлись пѣсни о 2-хъ Дитрихахъ: Гугѣ и Вольфѣ; 1-й являлся героемъ пѣсни о добываніи невѣсты хитростію—переодѣваньемъ; 2-й испытывалъ въ дѣтствѣ бѣдствія и гоненія, но вѣрные вассалы стояли за него до послѣдней капли крови; по волѣ судьбы женился онъ на извѣстномъ сказочномъ оборотнѣ, на безобразной красавицѣ. Историческое основаніе для этихъ пѣсенъ найти почти также трудно, какъ и для Ортнита. Пѣсни эти и до литературнаго закрѣпленія временами сливались въ одну двойную. Герой второй изъ нихъ былъ выбранъ, чтобъ отмстить за Ортнита, вслѣдствіе чего въ эпоху письменнаго закрѣпленія Ортнитъ и Вольфдитрихъ оказались героями 2-хъ неслитыхъ, но

связанных пѣсенъ. Въ первой половинѣ XIII вѣка какой-то южно-германскій поэтъ задумалъ передѣлать эту двойную пѣсню въ поэму; онъ успѣлъ отдѣлать Ортнита и началъ Вольфдитриха (А), но почему то бросилъ, не кончивъ дѣла; обрабатывая Ортнита, онъ держался ближе общаго преданія, можетъ быть, потому, что имѣлъ подъ руками письменный источникъ; но и здѣсь, конечно, подвергся сильно вліянію современности и часто давалъ мѣсто произволу: карликъ Альберихъ изъ помощника превратился въ отца героя. Обрабатывая Вольфдитриха, онъ допустилъ произволъ еще болѣе. Въ томъ же XIII в., послѣ 4-го крестоваго похода, Вольфдитрихъ, приуроченный къ Греціи, обрабатывался еще нѣсколько разъ; въ соединеніи съ переработанной пѣснью о сватовствѣ Гугдитриха, оставшись сравнительно вѣрнымъ своему источнику, онъ обратился въ такъ называемаго Вольфдитриха В и въ этомъ видѣ получилъ большую популярность; также вмѣстѣ съ Ортнитомъ, онъ былъ произвольно переработанъ въ Вольфдитриха Аѳинскаго (С). Въ то время, когда въ моду вошли длинныя циклическія поэмы, приспособленныя для чтенія, когда романы французскаго происхожденія радикально измѣнили вкусъ нѣмецкой публики, какой-то, сравнительно весьма искусный авторъ слилъ воедино Вольфдитриха Сальнекскаго, самаго популярнаго, съ Вольфдитрихомъ Аѳинскимъ, въ видѣ вступленія сократилъ Ортнита, устранилъ кое какъ противорѣчія и пополнилъ его многими выдуманными эпизодами во вкусъ времени. Такъ образовался большой Вольфдитрихъ.

Въ XV вѣкѣ неизвѣстный переписчикъ (товарищъ Каспара v. d. Коеп), имѣвшій подъ руками нѣсколько текстовъ, выбралъ изъ нихъ уже законченный другимъ текстъ полнаго Ортнита съ Вольфдитрихомъ А и рѣшился сократить его, такъ какъ испорченный вкусъ современниковъ стремился, при маломъ количествѣ страницъ, многимъ занять свою праздную фантазію; при сокращеніи онъ измѣнялъ текстъ, сообразно духу времени и необходимости; его рукопись дошла до насъ, и мы находимъ, что географическія указанія и собственные имена подверглись порчѣ; въ эпизодахъ, которые нравились автору по элементу чудеснаго или по пошлomu моральному смыслу, краски значительно гуще; число чудесъ увеличено; дѣйствующія лица вступаютъ въ болѣе тѣсную генеалогическую связь; внесены нѣкоторыя внѣш-

ніа исправленія; смягчены нѣкоторыя суровыя черты первоначальной эпохи: нѣтъ драки съ отцемъ, нѣтъ грубостей матери, нѣтъ позорнаго поведенія капеллановъ; но самыя рѣзкія нелѣпости, какъ напр. *curriculum vitae*, носимое Вольфдитрихомъ, язычество отца его и пр. остались незамѣченными; лучшія по внутреннему достоинству мѣста (напр. развитіе характера Вольфдитриха) не поняты и опущены; прибавлены совершенно не нужныя разглагольствованія и описанія.

Въ тоже время и, слѣдовательно, отчасти въ томъ же духѣ былъ переработанъ большой Вольфдитрихъ вмѣстѣ съ Ортнитомъ для печатнаго изданія «книги о герояхъ»; элементы религіозный и чудесный развиты сильнѣе; на деликатныхъ рыцарскихъ чувствахъ, на описаніяхъ свадебъ и пировъ авторъ останавливается съ особенной любовью; онъ присочиняетъ сравнительно длинныя вступленія и заключенія.

Въ XVII вѣкѣ, когда благодаря печатной книгѣ и многочисленнымъ рукописямъ, наши сюжеты все еще пользовались большой популярностью, нюрнбергскій поэтъ, Яковъ Айреръ, чувствовалъ недостатокъ въ матеріалѣ для своихъ многочисленныхъ драматическихъ произведеній, воспользовался, по неизвѣстнымъ намъ рукописямъ, Ортнитомъ и Вольфдитрихомъ; онъ свободно измѣняетъ сюжетъ по личному вкусу, принаравливая его къ драматической формѣ, вноситъ сатирическій элементъ, измѣняетъ собственныя имена, вставляетъ новыя и вноситъ моральный смыслъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Методъ сравнительнаго изслѣдованія ¹.

Въ вѣкъ младенчества нашей науки выраженіе «народная поэма» не имѣло смысла; изслѣдовали біографію Гомера и судили великаго *творца* Иліады съ точки зрѣнія эстетической; открыли Нибелунги, и для нихъ пытались отыскать такого же творца. Еслибъ тогда нашли въ 10 разъ больше такихъ поэмъ всѣ ихъ приписали бы генію и произволу отдѣльно стоящихъ поэтовъ. Prolegomena Вольфа возбудили сомнѣніе и положили начало уничтоженію этого произвола. За отсутствіемъ матеріала, къ которому не съ достаточной энергіей стремился теоретической вѣкъ просвѣщенія, сомнѣніе въ началѣ не могло даже и вывести на настоящую дорогу.

По мѣрѣ накопленія матеріала, особенно нѣмецкаго, иначе сказать, по мѣрѣ открытія новыхъ средневѣковыхъ поэмъ, стало ясно, даже для самыхъ противниковъ теоріи Вольфа, что поэмы, въ которыхъ, какъ на стеклѣ фотографа, воспроизведены энергичныя черты цѣлаго народа, независимо отъ того, кто сочинилъ ихъ, должны имѣть основу въ дѣйствительной жизни. Какая же это основа? Внѣшняя жизнь народа — исторія, отвѣчали одни; внутренняя его жизнь — мифъ, отвѣчали другіе; явились 2 школы: историческая и мифологическая; одни въ Нибелунгахъ видѣли Гибеллиновъ, другіе — боговъ. Школа историческая не могла получить широкаго развитія, такъ какъ во 1-хъ, она не представляла ничего новаго — и въ средніе вѣка боговъ считали за обоготворенныхъ героевъ, а во 2-хъ, она не

¹ Въ мою задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе всѣхъ научныхъ методовъ; цѣль моя — обобщить для ясности тѣ факты, съ которыми мы имѣли дѣло въ первыхъ 7-ми главахъ и составить предисловіе къ 9-й главѣ.

оказывала достаточнаго почтенія къ современному принципу — народности. Между тѣмъ кругозоръ расширился: масса сказокъ, пѣсенъ, загадокъ и пр. и пр. примкнула къ поэмамъ. Между эпосами, эпическими сказаніями и сказками разныхъ народовъ было замѣчено поразительное сходство. Какъ объяснить его? Историческая школа была ни при чемъ: кромѣ устарѣлаго слова *случай*, она не могла сказать ничего; напротивъ, всякій сходный пунктъ еще подрывалъ ея кредитъ. Сходство можно было объяснить или миѳомъ, вынесеннымъ изъ арійской прародины, или литературнымъ заимствованіемъ.

Такимъ образомъ, явились для объясненія сходныхъ явленій 2 школы: миѳическая ¹ и литературная; для объясненія явленій особенныхъ остается еще теорія историческая, которая, само собою разумѣется, часто можетъ подать руку литературной. Всѣ 3 теоріи въ разныхъ случаяхъ дѣйствуютъ еѣ достаточной достовѣрностью; но разграничить ихъ области очень трудно; къ тому же матеріалъ, указанный легкомысленными: *сличи*, такъ обширенъ, такъ безпримѣрно увеличивается съ каждымъ днемъ, а законовъ выработано такъ мало, что крайности, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, не могутъ никого удивить; тѣмъ не менѣе онѣ вредятъ дѣлу и подрываютъ кредитъ теорій. Трудно представить себѣ, до какого комизма доводятъ одностороннія увлеченія! Трудно представить себѣ до какой схоластической тонкости доходятъ самые почтенные ученые въ своихъ сближеніяхъ! Приведу на выдержку нѣсколько примѣровъ. Шахъ Кавусъ и его войско наказаны *слѣпотою* въ странѣ чудесъ Мазендеранѣ; ночь окружаетъ витязей, пока спаситель Рустмъ кровью дива не возвратилъ имъ зрѣнія. Слѣды этого видитъ Уландъ ² въ томъ, что Вольфдитрихъ *ночью* приходитъ спасать своихъ вассаловъ!

Ожье французскаго эпоса въ глазахъ Менцеля ³ — перерожденный Гельги, такъ какъ при рожденіи обоихъ являются миѳическія существа (феи при Ожье и норны при Гельги).

Историческая Свангильда (у Іордана Sanielh) обратилась въ

¹ О достоинствахъ и недостаткахъ ея новѣйшихъ представителей — вѣдистовъ см. вышеупомянутую статью проф. Буслаева Русс. Вѣст. 1872 № 10.

² I, 181.

³ Odin 306 и слѣдд.

вечернюю зарю ¹. Гдѣ же основаніе для подобныхъ объясненій?

Вотъ какъ высказывается на этотъ счетъ по поводу сказки о царевичѣ (или царевнѣ)—лягушкѣ остроумнѣйшій изъ мифологовъ Максъ Мюллеръ. «Какъ вообще могли *выдумать* подобную исторію? Человѣческій умъ, смѣемъ думать, всегда былъ настолько развитъ, чтобъ понимать невозможность (абсурдъ) брачнаго союза между лягушкой и королевской дочерью.»—Ясно, что *лягушка* когда-то было имя солнца ².

Въ подобныя крайности вдается (а еще больше того вдавалась при слабости филологическихъ началъ) мифологическая теорія; не вполне свободна отъ нихъ литературная, отличающаяся, естественно, большею точностью; не свободна даже особенно интересная по отношенію къ нашимъ поэмамъ—историческая. Какъ далеко могутъ завести насъ изслѣдователи, если они, подобно Гизебрехту ³, будутъ сближать Клотильду, жену Хлодвига, съ Кримгильдой Небелунговъ? Или подобно Моне, видѣть въ Зигфридѣ то Арминія, то Цивилиса? Или подобно Концу ⁴, въ заключеніи Ротеровыхъ пословъ Константиномъ будутъ видѣть позорное обращеніе императора Исаака съ послами Фридриха I (событіе это относится къ 1189 г., а Ротеръ написанъ много раньше)? Какъ ни тверды сами по себѣ лингвистическія данныя, но собственные имена эпоса, на которыхъ часто основываются и мифическія и историческія толкованія, представляютъ донельзя зыбкую почву. Обратимся къ русскимъ несомнѣнно историческимъ пѣснямъ, основаніе которыхъ для насъ вполне ясно; какихъ странныхъ смѣшеній и замѣнъ мы не найдемъ тамъ? Никита Романовичъ обращается въ разбойничьяго атамана ⁵; онъ же замѣненъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Пожарскимъ ⁶; Ермакъ обратился въ *Ермила* ⁷; въ Никитиной былинь является Алеша Малютинъ ⁸. Но народъ въ этомъ отношеніи все же по-

¹ *ibid* 301. Зимрокъ въ *Myth.* 30.

² *Essays* въ нѣмецкомъ переводѣ II, 220.

³ *N. Jahrbuch d. Berlin. Gesellsch. f. deutsche Sprache* II, 210 слѣд.

⁴ *Kl. pros. Schriften* III, 276, Not. 8. Ulm. 1825.

⁵ *Kup.* VI, 31.

⁶ *ibid.* 77.

⁷ *ibid* 36.

⁸ *ibid* 95.

слѣдовательнѣе, нежели средневѣковые западные грамотѣи; тамъ—обширное поле произволу личному, и остроуміе ученыхъ можетъ дойти до большаго абсурда, чѣмъ бракъ царевны съ лягушкой. Въ извѣстной Императорской Хроникѣ ¹ роль Сцеволы исполняетъ *Odnatus*: какъ ухитриться отыскать его происхожденіе?

Еще въ 1842 г. Грессе ², приведенному въ ужасъ разнообразными (особенно историческими) натяжками, показалось «почти бесполезнымъ съ такимъ усердіемъ выслѣживать основы,» и онъ предложилъ заняться литературной исторіей нѣмецкихъ поэмъ. Съ 42 года прошло 30 л., въ продолженіи которыхъ число фактовъ возросло неимоверно, а съ нимъ вмѣстѣ и число натяжекъ; свобода сличенія или, лучше сказать, произволъ, повидимому, долженъ бы ограничиться; на дѣлѣ онъ возрастаетъ, такъ какъ промежуточные станціи даютъ возможность соединять такія вещи которыя прежде казались положительно различными.

Тѣмъ не менѣе прогрессъ въ сличеніяхъ замѣтенъ; если законы и не опредѣлились съ достаточною достовѣрностью, если и не выработалось ничего похожаго на *compendium*, тѣмъ не менѣе нѣкоторые пункты выяснились; выяснилось напр. понятіе о такъ называемыхъ *эпическихъ приемахъ*.

Если мы находимъ въ русскомъ эпосѣ представленіе о бѣломъ свѣтѣ, котораго нельзя видѣть «отъ того-ль отъ пару отъ конинаго» лошадей татарскихъ и у Арабовъ—о свѣтѣ дня, который затмился отъ пыли, поднятой войскомъ христіанъ ³, никому не придетъ фантазія отыскивать въ этомъ заимствованіе или мифическую основу; если сыновья Кудруны, убивши брата, сожальютъ о немъ, увидавъ, какъ рука помогаетъ ногѣ, или если ошипаный соколъ напоминаетъ Эрманрику о положеніи старика безъ дѣтей, а Муйо ⁴, убившій брата, встрѣчаетъ ворона безъ «десного крила», и птица заставляетъ его сожальтъ о совершенномъ злодѣянніи, изслѣдователь чувствуетъ себя въ силахъ сблизить эти факты, объединивъ ихъ именемъ эпическаго приема. Во всѣхъ эпосахъ усмотрѣли общія черты, которыя сдѣ-

¹ Massmann III, 730.

² Lehrbuch. allg. Literaturg. II, III Abth. стр. 37.

³ Joncbloet II, 45.

⁴ Пѣсни Вука II, 50.

лались достояніемъ учебниковъ и гимназій, и какъ готовая, прочная рамка готовы налечь на всякій вновь открытый памятникъ. Объясненія этихъ приемовъ нельзя искать ни въ исторіи, ни миѣ, ни въ литературномъ заимствованіи. Единство человѣческаго духа, единство быта — вотъ исходный пунктъ изслѣдованія.

Каждая изъ вышеприведенныхъ экзегезъ имѣетъ давно уже намѣченную область; изъ 3-хъ видовъ народнаго эпоса сказка должна поддаваться преимущественно миѣическому объясненію, анекдотъ — теоріи литературнаго заимствованія, историческій эпосъ — исторіи. Но по мѣрѣ увеличенія матеріала увеличивается число такихъ случаевъ, гдѣ каждая изъ экзегезъ, по неясности границъ, грозитъ завладѣть чужой областью. Въ сказкахъ сходство всего поразительнѣе, и въ объясненіи ихъ отношенія къ другимъ родамъ теоріи сбиваются всего болѣе; особенно часто миѣическая школа заявляетъ претензію на всеобщность. По миѣнію Гримма¹, миѣе есть единственное содержаніе древнѣйшей поэзіи; по теоріи Гана², изъ стремленія сдѣлать сказаніе понятнѣе, народъ обращаетъ своихъ боговъ въ героевъ, а когда послѣдніе теряютъ имя, они превращаются въ героевъ сказокъ. «Прародители не истощили миѣическаго запаса въ сагахъ о богахъ и герояхъ, и остатками его мы до сихъ поръ пользуемся въ видѣ сказокъ³.» Шоттъ⁴ смѣло говоритъ, что первоначально сказка и сага о герояхъ одно и то же.

И такъ, по опредѣленію миѣологовъ, первоначальное содержаніе всякой эпической пѣсни и саги — миѣе; сходство ея съ пѣснью, сагой или поэмой другаго народа можетъ быть объяснено только путемъ арійской прародины.

Но объясняя сходство сказокъ у разныхъ народовъ, Гриммъ⁵, глава миѣологической школы, говоритъ: «есть положенія, столь простыя и естественныя, что они должны встрѣчаться повсемѣстно, подобно мыслямъ, возникающимъ самостоятельно; поэтому въ разныхъ земляхъ могутъ встрѣчаться совершенно оди-

¹ *ibid.*

² *Grich. u. alban. Märchen. Einl. стр. 5 и слѣд.*

³ *ibid* 24.

⁴ *Walachische Märch., стр. 345.*

⁵ *Vorrede къ Kinder u. Hausmärch. 6 Aufl. 1850. LVXII.*

наковыя сказки; ихъ можно сравнивать съ отдѣльными словами, которыя, исходя изъ подражанія извѣстному звуку въ природѣ, даже въ языкахъ, отнюдь несродственныхъ, встрѣчаются въ слабо отклоненной или въ тождественной формѣ.»

И такъ, ограничивая предыдущее заключеніе, даже горячіе сторонники теоріи поставлены въ необходимость приписать часть сходства единству человѣческой природы; насколько обширна эта часть? возможно ли ее привести въ опредѣленную систему? это до нихъ не можетъ касаться.

Самымъ привлекательнымъ матеріаломъ въ области сравнительнаго изученія народности, по справедливости, считается такъ называемый историческій эпосъ. На него особенно зарится каждая изъ теорій, и каждая въ правѣ забрать изъ него извѣстную часть. Даже теорія заимствованія, по видимому менѣе всего могущая расчитывать въ этомъ случаѣ на успѣхъ и способная дойти до геркулесовскихъ столповъ нелѣпости въ рукахъ г. Стасова, можетъ забрать въ свою область Соломона и Соломонію. Мифологи даже по отдѣленіи изъ этой области пѣсенъ миѣическихъ, находятъ здѣсь обширную пищу; кто можетъ (кромѣ г. Стасова) сомнѣваться въ значеніи морскаго царя въ Садкѣ? Кто не узнаетъ въ помощникѣ Вользунговъ Одина ¹? Многіе герои несомнѣнно божественнаго происхожденія; если высшіе боги были слишкомъ могущественны для того, чтобъ спуститься на землю ², племенные божества имѣли много общаго съ героями.

Историческая школа, не смотря на моду, улыбнувшуюся мифологамъ, въ этомъ эпосѣ должна играть первую роль. Обратимся на родину разбираемыхъ нами поэмъ ломбардскаго цикла.

«Разрушеніе римской имперіи, великая война, въ которой всѣ нѣмецкія племена принимаютъ участіе, есть главный сюжетъ всей средневѣковой поэзіи» ³. Главный герой ея—Дитрихъ Бернскій—несомнѣнно историческій Теодорихъ Великій: Іоганнъ Мюллеръ, Цейне, Гөттлингъ, Шрейберъ, Карлъ Мейеръ, и проч., люди, различные по времени и школамъ, одинаково согласны въ этомъ. Его характеръ взятъ изъ исторіи; онъ воюетъ съ Бур-

¹ Но Гильдебрандтъ, какъ замѣна Одину, есть, по моему мнѣнію, захватъ. К. Мейеръ: Dietrichsage стр. 24.

² Ср. Beovulf, v. L. Ettmüller 1840. Zürich.

³ Giesebrecht: Gesch. d. deutsch. Kaiserz. 1860, I, 65.

гундами; въ рядахъ Аттилы войска его соотечественниковъ занимаютъ первое мѣсто ¹. Отношенія Валемира къ Аттилѣ дали поводъ къ преданію о службѣ Теодориха королю Гунновъ. Одоакръ сдѣлался нападающимъ, чтобы оправдать захватъ Италіи ²; Виттихъ явился замѣною историческаго Туфы, начальника конницы ³. Прологъ къ законамъ Ротариса знаетъ Одоакра (Audoaschari) по народнымъ преданіямъ. На его мѣсто въ сагу впоследствии является съ востока трагическій герой Эрманрихъ; король Ругіевъ называется Фридрихъ, также какъ и сынъ древняго короля Остготовъ.

Мифологи, поставленные въ необходимость признать Теодориха и Одоакра историческими лицами, пытаются отыгаться отъ факта.

В. Гриммъ ⁴ доказываетъ, что между пѣвцами и монахами были сношенія, что явствуетъ изъ латинскаго Вальтарія; пѣвцы могли узнать объ историческомъ Теодорихѣ съ Одоакромъ отъ монаховъ и могли связать полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія съ народнымъ Дитрихомъ, который, можетъ быть, имѣлъ первоначально мифическое значеніе. По мнѣнію Лахмана ⁵ собственное содержаніе саги о Дитрихѣ такъ ничтожно (!), что онъ допускаетъ въ его личности жалкій остатокъ историческаго факта, а привязанныя къ нему саги имѣютъ совсѣмъ иную основу. Ту же самую роль во французскомъ эпосѣ играетъ Карлъ Великій. Съ послѣднимъ нельзя не согласиться.

Прекрасно удавшійся опытъ Йонкблѣта, конечно, не замедлитъ найти себѣ подражателей. Его Вильгельмъ Оранскій, несомнѣнно, историческое лице; но содержаніе всѣхъ его браншей отнюдь не истекаетъ изъ дѣятельности одного историческаго героя; его предки, потомки, его соименники и соплеменники, герои другаго имени, дѣятельность которыхъ сходна съ дѣятельностью кореннаго, такъ сказать, Вильгельма, всѣ внесли свой

¹ Inter quos Ostrogothorum praeminebat exercitus. Iorn. 38.

² Cp. Anzeig. f. Kunde d. deutsch. Vorzeit VII, 355. Theodoricus cum Herolis plurima bella gessit. Nam quadam die apud Odoagrum (cp. нѣмецкую форму Otachre) regem et Herolis proelium concitasset, ipse *fugiens* cum suis Ravennam ingressus est ibique matrem suam Liliam obviam invenit.

³ Zeitschr. f. d. Myth. Вольфа I, 229.

⁴ Abhandl. d. Ac. zu Berlin 1833. Philol. hist. Cl. 159.

⁵ ibid 160 и слѣдд.

вкладъ въ поэтическую сокровищницу, и все это великій художникъ—народъ переработалъ въ своей божественной мастерской.

На сагу, въ основѣ которой лежитъ историческій фактъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе всякое новое поколѣніе; его интересы, его вѣрованія, его нравы, событія, подѣйствовавшія на его воображеніе, все входитъ въ старые, но не разрываемыя мѣхи¹. Къ тому же всякій фактъ, какъ основной, такъ и позднѣйшій преобразуется согласно простѣйшимъ нравственнымъ мотивамъ².

Каково современному изслѣдователю послѣ столькихъ вѣковъ распутывать этотъ узелъ?

По недостаточности подготовительныхъ работъ, въ настоящее время трудно принимать на себя всестороннее объясненіе дѣла даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Но возможно намѣтить главные пункты развитія историческаго эпоса и съ одной определенной стороны разработать его часть, безъ болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній, съ помощію современнаго анатомическаго ножа сравненія.

Крупное событіе въ жизни человѣческой взволновало легко доступныя возбужденію души взрослыхъ дѣтей; ихъ чувство вырывается наружу пѣснью простой, но въ тоже время и сложной; мнѣ и поэзія сразу примѣшиваются къ дѣйствительности. Первоначальная пѣсня, почти современная событію, дышитъ любовью и ненавистью; ея родъ лирика. На этой ступени развитія нынѣ живущій эпосъ мы не знаемъ; теперь есть пѣсни, современные событію, но народъ давно пережилъ свой героическій періодъ. Проходятъ вѣка; событіе все сохраняется въ памяти, благодаря поэтической лѣтописи; но самая лѣтопись давно измѣнила свой характеръ. Нѣтъ ни любви, ни ненависти; есть только спокойная гордость за давно умершихъ героевъ племени; пѣсня стала эпической, самое событіе преобразилось по простѣйшимъ нравственнымъ и бытовымъ мотивамъ. Но она коротка все также и все также принадлежитъ всему народу; это первоначальный видъ эпоса; такія пѣсни французы называютъ

¹ Если нельзя признать за достовѣрное, то можно допустить какъ вѣроятное предположеніе Рассмана (HS. I, 209) о томъ, что убійство рипуарскаго короля Сигберта, о которомъ рассказываетъ Григорій Турскій во II, 40, при сходствѣ подробностей повліяло на смерть Зигфрида въ Нибелунгахъ.

² Ср. Müllenhoff Zeitschr. VI, 443.

кантиленами, мы былинами. На этой ступени эпосъ (прежде онъ не могъ носить этого многозначительнаго названія) всего интереснѣе, и счастье намъ, что въ то время, какъ наши западные сосѣди должны путемъ остроумной, хотя не всегда достовѣрной критики добиваться до нихъ приблизительно ¹, весь огромный запасъ нашего эпоса сохранился именно въ этомъ видѣ. Всѣ «крестьяне» когда то воспѣвали Дитриха Бернскаго ², и всѣ части саги обрабатывали независимо другъ отъ друга ³. Очень скоро изъ массы выдѣляются люди, болѣе другихъ способные къ пѣснямъ, выдѣляются свои Демодоки, большею частію слѣпцы; они и помнятъ больше пѣсенъ, и передаютъ ихъ лучше. Лишенные свѣта внѣшняго, тѣмъ легче они обращаются къ міру, отдаленному отъ дѣйствительности ⁴. Когда народъ вступаетъ въ новый періодъ развитія—дружинный, роль старыхъ сказителей слѣпцевъ начинаютъ играть дружинники — музыканты; въ ихъ поэзіи есть 2 элемента: лирическій—искусственный и эпическій—естественный; современные событія воспѣваютъ они, какъ пѣвецъ Слова о Полку; старинныя,—какъ пѣвцы народные. Отъ особенностей внутренней исторіи народа зависитъ продолжительность и степень развитія такой дружинной поэзіи (форма ея, конечно, чисто народная); всего болѣе она была развита на сѣверѣ Европы. Въ это время пѣвцы и ихъ музыка и пѣсни играютъ важную роль въ народѣ, уже вступившемъ на сцену исторіи. Пѣвцами не стыдятся быть и первые между дружинниками, и даже сами государи; Ротерь, Горантъ и Фолькеръ ³

¹ Такъ Гастонъ Парисъ въ смерти Ауды (*Chanson de Roland*) находитъ такую кантилену. Такую же былинку видитъ Лахманъ въ *Hildebrandslied*.

² *Chron. Quedlinburg* XI въ *W. Gr. HS.* 33, 4. *Et iste fuit Thideric de Berne, de quo cantabant rustici olim.*

³ *Wislicenus Das Nibelungenlied* и пр. *Zürich* 1867 стр. 90 и 91.

⁴ Ср. *Altfridi* (849) *Vita St. Liudegeri*. *Pertz Mon.* II, 412: *oblatus est cecus vocabulo Berulef, qui a vicinis suis valde diligebatur, quod esset affabilis et antiquorum actus regumque certamina bene noverat psallendo promere* (*Uhl.* I, 351). Артуръ Кёлеръ (*Germ.* XV. 28 и слѣд.) видитъ 3 ступени въ развитіи народной поэзіи 1) безусловно народную (о характеристическихъ особенностяхъ которой см *Lachm. Abhandl. d. Berl. Ac.* 1833, стр. 124 и слѣд.) 2) искусственную въ старо-эпической формѣ 3) эпопею того времени, когда интересъ содержанія не удовлетворяетъ публику. Подобно тому 3 періода въ исторіи пѣвцевъ: 1) пѣвцы изъ дворянства. 2) пѣвцы изъ народа, но при дворахъ. 3) бенкельзенгеры.

героя музыканта. Припомнимъ просьбу плѣннаго Гилимера объ арфѣ ¹, съ помощью которой онъ хотѣлъ воспѣть свои несчастья. Еслибъ народъ относился безучастно къ сагѣ, еслибъ онъ, довѣривъ дружинникамъ, пересталъ разрабатывать ее, музыка могла бы задавить поэзію. Но народъ непрерывно творилъ, и пѣвцы поддавались его давленію. Они пользовались старыми пѣснями и для украшенія новыхъ и даже для практическихъ цѣлей. Саксонъ Грамматикъ ² рассказываетъ объ одномъ саксонскомъ пѣвцѣ, который пытался предупредить датскаго герцога Канута, приглашеннаго шведскимъ королемъ Магнусомъ, посредствомъ извѣстной пѣсни объ обманѣ Кримгильды.

Въ собственной Германіи дружина не получила такого обширнаго развитія, и эпосъ долѣе оставался въ рукахъ народа и его пѣвцевъ; онъ также, какъ и на сѣверѣ, имѣлъ форму короткой пѣсни ³; тоже было и въ землѣ Франковъ.

Мало по малу пѣвцы образуютъ особое сословіе, и пѣсня, сопровождаемая музыкой, дѣлается монополіей людей, которые этимъ *ремесломъ* добываютъ себѣ хлѣбъ; во Франціи такіе пѣвцы (имъ обязанъ своею жизнію обширный французскій эпосъ) назывались жонглерами и менестрелями ⁴. Прихотливая муза бѣжитъ отъ ремесленниковъ, и устное творчество переходитъ въ письменность, тѣмъ болѣе, что публика входитъ во вкусъ длинныхъ поэмъ, слитыхъ пѣсенъ. Теперь грамотники (клерики) начинаютъ *писать* поэмы; въ началѣ они, конечно, близко держатся пѣсни, и ихъ рукописи даже предназначаются для жонглеровъ, которые распѣваютъ по нимъ; мало по малу пѣніе уступаетъ мѣсто чтенію ⁵; слово *пѣть* остается только, какъ эпическая формула; характеръ поэмъ замѣтно измѣняется; всякій новый переписчикъ вноситъ отъ себя элементъ книжности;

¹ Procop. hist. misc. I, II c. 6 (Uhland I, 274).

² Uhland I, 403.

³ „Die geordnete Erzählung, die planmässige Entwickelung einer Folge der Begebenheiten, scheint bis in das XII Jahrhundert auch in Deutschland, wie in Norden, niemals die Aufgabe des epischen Dichters gewesen zu seyn.“ Lachmann Abhandl. Berl. Ac. 1833 124.

⁴ Прекрасно подобранный матеріалъ для ихъ характеристики въ *Epopée française par Leon Gautier* I, 7.

⁵ Сообразно этому измѣняется и размѣръ стиха, и ассонансъ уступаетъ мѣсто рѣмѣ. См. *Ioncbl.* II, 197 и слѣд. *Hist. Lit.* XXII, 263 *Fauriel Lit. Prov.* II, 290 и проч.

тогда то въ этотъ эпосъ, который по основному содержанію все еще остается народнымъ, входитъ многообразное вліяніе личности: пѣвецъ, хотя бы и цеховой, на площади подчиняется вкусу народа; поэтъ писатель, имѣющій въ виду кружекъ дворянскій, дѣйствуетъ много свободнѣй. Между тѣмъ менестрели все еще продолжаютъ существовать, даже плотнѣе соединяются въ цехъ, даже выбираютъ своего короля, но нѣтъ уже къ нимъ прежняго всеобщаго уваженія; поэты, обязанные имъ всѣмъ, унижаютъ ихъ на каждомъ шагу¹. Жизнь цеховыхъ пѣвцевъ и постепенный переходъ поэмы съ площади въ замокъ удобнѣе всего прослѣдить во Франціи, но для искусственныхъ отмѣнъ и нѣмецкая поэзія, и разбираемая нами поэмы представляютъ обильный матеріалъ.

Эстетическое достоинство поэмъ, по мѣрѣ ихъ закрѣпленія въ письменности, вообще понижается; сколько нелѣпостей, неумѣстныхъ распространеній, неуклюжихъ вставокъ замѣтно во всякой писанной поэмѣ! Эпическія формулы обращаются въ стереотипныя фразы, которыя противорѣчатъ самымъ общимъ началамъ разума. Начинаетъ напр. поэтъ поэму, конечно, съ стереотипной фразы, называя героя королемъ могущественнымъ и храбрымъ, а черезъ строчку оказывается, что ему было 3 года; надо ему, чтобъ герой, сидящій въ башнѣ съ невѣстой вышелъ на стѣну, чтобъ оттуда увидать приближеніе своихъ вассаловъ; королева просится погулять по стѣнѣ, *чтобъ найти на луку-какой-нибудь авантюръ*. Хочетъ онъ очернить неправящагося ему короля, онъ дѣлаетъ его и весь народъ язычниками, а при дворѣ оказываются капелланы, и язычники ходятъ къ обѣднѣ. Мысли поэту иногда приходятъ прекрасныя: хочетъ онъ напр. изобразить отчаянное горе вдовы; вдова приказываетъ принести свой портретъ, гдѣ она изображена вмѣстѣ съ мужемъ, чтобы воспоминаніемъ о прошедшей радости заглушить настоящее горе, но расчетъ ея невѣренъ; страшная ярость овладѣваетъ ей при видѣ портрета; она рветъ и бросаетъ его. Но мысль не поддается слову, и поэтъ запутывается. При этихъ невыгодныхъ сторонахъ есть, конечно, и свои выгодныя: больше разнообразія, больше развитія, больше тонкости чувства входитъ въ эпосъ, и

¹ Cil bastart juleor qі vont par cex vilax и т. д. См. Ioncbl. II, 198.

его постепенный ростъ (отъ слияній), столь медленный въ рукахъ народа, на бумагѣ ускоряется поразительно ¹. Страсть къ циклизациі все болѣе и болѣе увеличивается; для соединенія отдѣльных пѣсенъ, поэтъ уже не руководствуется единствомъ героя; новые герои, какъ предки или потомки его, входятъ въ ту же поэму; одна и та же тема повторяется 2—3 раза съ небольшими отмѣнами ²; являются предсказанія (часто изъ предчувствій см. Volsungasaga с. 25); распространяются саги внизъ, доводя жизнь героя до глубокой старости, распространяются вверхъ, подыскивая основанія къ фактамъ понятнымъ и безъ этого ³ и т. д. Поэма наконецъ вырастаетъ до такой степени, что одинъ поэтъ при своей жизни не въ силахъ кончить ее, и передаетъ, какъ наслѣдство, другому ⁴.

Въ особенности сильныя искаженія терпятъ драгоцѣнныя остатки отъ литературнаго вліянія модныхъ произведеній. Такъ на нѣмецкій эпосъ имѣли вліяніе романы о рыцаряхъ круглаго стола, и чѣмъ дальше, тѣмъ вліяніе это усиливалось. Чудесное усиливается и само по себѣ, вслѣдствіе уменьшенія интереса ⁵, а вслѣдствіе романовъ оно дошло до ужасной крайности. Дѣло было не далеко до полной безхарактерности итальян-

¹ Извѣстно, что нашъ эпосъ въ продолженіи столѣтій вѣковъ оставался въ видѣ отдѣльных разобщенныхъ пѣсенъ; въ XVIII в. былины начинаютъ записывать (къ несчастію, у насъ чрезвычайно мало такихъ сборниковъ), и стремленіе къ циклизациі сейчасъ же становится замѣтно. Почтенный собиратель „Причитаній Сѣвернаго края“ Е. В. Барсовъ недавно сообщилъ мнѣ тетрадку, писанную 2-мя почерками XVIII в., найденную имъ на сѣверѣ, но списанную, судя по малороссійскимъ формамъ: *буль, що* и пр. съ южнаго оригинала; середина тетрадки вырвана; въ началѣ идетъ былина о 1-ой поѣздкѣ Ильи, въ концѣ—объ идолищѣ. Рп. любопытна по слѣдамъ литературнаго вліянія.

² См. большого Вольфдитриха и г. Веселовскаго „о Соломонѣ и пр.“ стр. 293.

³ *Keux* (*princeps coquorum—grand queux*)—типъ негодяя изъ своихъ. Впослѣдствіи оказывается что *Anthor* отдалъ Артура на воспитаніе своей женѣ, а *Ke* отдалъ простой кормилицѣ. *Si Keux est félon et dénaturé, souffrez en un petit, car pour vous nourrir il est tout dénaturé*, ср. *Rom. de la Rose* 69 прим. Мишеля.

⁴ См. между прочимъ *Aye d'Avignon* par Guessard et P. Meyer 1861. Издатели доказали неопровержимо, что поэма составлена 2-мя лицами.

⁵ Ср. G. Paris *Histoire poétique de Charl.* 15.

янскихъ рыцарственныхъ героевъ; самъ Дитрихъ обратился въ защитника дамъ (въ ред. Каспара); насколько изуродовались герои ломбардскаго цикла, мы могли видѣть по памятникамъ.

Когда въ XIV и XV вв. въ городахъ пробудилась жажда къ чтенію, а рыцарство стало грубѣть и дичать, поэмы перекочевали изъ замковъ въ дома бюргеровъ; болѣе самостоятельные французскіе горожане ввели свою тенденцію ¹, а нѣмецкіе, рабски слѣдовавшіе за рыцарствомъ, ограничились только измѣненіемъ формы: среди мелкихъ хлопотъ они не находили досуга на чтеніе или слушаніе гигантскихъ поэмъ, и ихъ переписчики принялись сокращать поэмы, оставляя однакоже качество авантюровъ такимъ же ². Отсюда получались безобразныя произведенія товарища Каспарова.

Въ печатномъ изданіи или на сценѣ эпосъ переставалъ быть эпосомъ.

Уяснивъ, сообразно съ существующими средствами первоначальную основу нашихъ поэмъ и выдѣливъ, насколько возможно, всѣ позднѣйшіе личные наросы, мы получили изъ нашихъ поэмъ нѣсколько основныхъ темъ, для которыхъ нѣтъ необходимости подыскивать какія бы то ни было основанія, внѣ быта народнаго и коренныхъ свойствъ души человѣческой; эти темы въ нашихъ поэмахъ развиваются въ опредѣленныхъ формулахъ, имѣющихъ тоже начало. За тѣмъ мы нашли многочисленныя эпическіе приемы—удобнѣйшую форму для выраженія идеи, которая не можетъ въ поэзіи появиться безъ этой одежды; что же можетъ доказать справедливость нашихъ выводовъ? Одно сравненіе.

Такъ какъ русскій эпосъ существуетъ доселѣ въ томъ видѣ, къ которому желательно бы привести, посредствомъ ученыхъ изысканій, и германскій и французскій, естественно, при сравненіи онъ будетъ занимать первое мѣсто.

Такъ какъ эпическіе типы проявляются только въ извѣстныхъ темахъ, темы же выражаются только въ извѣстныхъ формулахъ и приемахъ, во избѣжаніе повтореній и постояннаго возвраще-

¹ См. романъ *Hugues Carpe* въ собраніи Гессара.

² См. Гервинусъ: *Gesch. d. d. Dicht.* 5ое изд. 256, 7 и слѣдд.

щенія къ сказанному, мы въ сравненіи, сочли удобнѣе держать-
ся системы хронологической, слѣдуя за содержаніемъ нашихъ
поэмъ. Читатели, послѣ сдѣланнаго выше краткаго анализа
каждой поэмы, не могутъ сомнѣваться, что считаемъ мы темой,
что формулой и что приемомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сравнительный анализъ поэмъ.

Въ королѣ Ротерѣ мы видѣли 2 коренныя темы, которыя въ другихъ поэмахъ повторяются не одинъ разъ. 1ая тема, *сватовство*, повторяется во всѣхъ другихъ поэмахъ, только въ другихъ формулахъ; ея распространенность, особенно при коренной въ Европѣ моногаміи, не можетъ вызвать никакихъ недоразумѣній. Первобытная культура стоитъ за предѣлами нашей задачи; потому мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ до сихъ поръ во всѣхъ свадебныхъ обрядахъ остались слѣды той трудности, съ какой добывалась, умыкивалась, завоевывалась невѣста изъ чужаго племени; само собою явствуется, что этотъ актъ въ жизни человѣческой долженъ былъ чаще всѣхъ другихъ дѣлаться предметомъ поэзіи; большая часть мифовъ (начиная съ Урана и Геи и кончая сватовствомъ Скирнира или добываніемъ молота), большая часть поэмъ народныхъ и искусственныхъ, всѣ современные романы, наконецъ даже лѣтописная исторія сводятся къ этому акту. Въ королѣ Ротерѣ эта тема проявляется въ такихъ формулахъ: герой посылаетъ пословъ, ихъ заключаетъ въ тюрьму, отецъ невѣсты; герой является самъ съ могучими помощниками подъ чужимъ именемъ, совершаетъ за невѣсту подвигъ и хитростью увозитъ ее.

Поэма начинается съ эпического приема: Ротеръ совѣтуется съ дружиной, гдѣ бы добыть ему невѣсту. Съ такимъ же запросомъ обращаются Ортнитъ и Гугдитрихъ къ своимъ вассаламъ. Съ такимъ же вопросомъ обращается къ дружинникамъ и князь Владиміръ:

Знаете-ль вы про меня княгиню супротивную,
 Чтобы ростомъ была высокая,
 Станомъ она становитая,
 И на лице она красовитая,
 Походка у ней часта и рѣчь баска.
 И было бы мнѣ князю, съ кѣмъ жить да быть,
 Думу думати, долгіе вѣки коротати,
 И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
 Всѣмъ могучимъ богатырямъ
 И всему красному городу Кіеву
 Было бы кому поклоняться ¹.

Послѣ такого запроса, какъ нѣмецкіе, такъ и русскіе дружинники туляются или призадумываются, пока не выищется герой, который и находитъ невѣсту и берется добыть ее. При поразительномъ сходствѣ, есть и замѣтная разница: у нѣмцевъ на первомъ планѣ *родъ*, между тѣмъ, какъ Владиміръ отнюдь не интересуется этимъ вопросомъ, и пѣвецъ произвольно дѣлаетъ его невѣсту то купеческой, то королевской дочерью; у нѣмцевъ не только низкое происхожденіе дѣлаетъ бракъ неравнымъ, но даже вассальныя отношенія родственниковъ невѣсты къ герою служатъ ему препятствіемъ; до поразительной тонкости доходить въ этомъ отношеніи *Nebensonne* Нибелунговъ—Кудруна ². Происходитъ такое различіе отъ племеннаго характера (припомнимъ крестьянку Ольгу и чешскаго Премысла), а еще болѣе того отъ различія публики: нѣмецкій поэтъ писалъ для рыцарей и ихъ женъ, а нашъ пѣлъ для мужиковъ. Этотъ эпическій бытовой приѣмъ не прекращаетъ своего существованія вмѣстѣ съ былинами и поэмами XIII вѣка; въ одномъ изъ самыхъ позднихъ искусственныхъ произведеній «бѣгство Дитриха» король Дитвартъ собираетъ своихъ вассаловъ и проситъ ихъ добраго совѣта, откуда взять ему жену ³. Въ народныхъ сказкахъ, даже болѣе отдаленныхъ, безъ элемента родовой гордости,

¹ Рыбн. I, № 30. Ср. съ болѣе подробнымъ описаніемъ красоты невѣсты *ibid.* № 31. также II, № 12. Ср. Кир. III стр. 52 и слѣд.

² См. стр. 610 по изд. Барча.

³ См. ср. 795 въ *Deutsches Heldenbuch* 1866; онъ проситъ „*guoten rat umbe ein wîp.*“

встрѣчается тоже самое; такъ въ одной сицилійской сказкѣ¹ король спрашиваетъ своего вѣрнаго служителя, гдѣ бы ему достать достойную супругу прекраснѣй, чѣмъ солнце. И въ письменности пріемъ не исчезаетъ; имъ украшены даже апокрифы; «и сотвори (Поръ) пиръ великъ зѣло на бояръ своихъ: милые мои князе и бояре! изыщите мнѣ невѣсту красну и добру, яко же азъ красный наличный царь. Они же молчаша, ничтоже царю отвѣщаша; токмо единъ другъ царевъ глагола: о царю! кто можетъ изыскать тебѣ жену такову красну, яко же ты красный наличный царь! И выступи нѣкій гость именемъ Паша»... Въ этомъ случаѣ царю даютъ дурной совѣтъ: отнять жену у живаго мужа, и не герой—помощникъ, а наемный злодѣй вызывается на такое предпріятіе. Тоже, какъ извѣстно, случается и съ нашимъ княземъ Владиміромъ въ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ³, гдѣ пріемъ также измѣняется сообразно съ формулой.

Если самъ герой—государь не ѣдетъ добывать себѣ невѣсты, его дружинники выступаютъ на первый планъ; силою или хитростію они побѣждаютъ опасности. Но поэтъ Ротера связалъ² формулы, и 1-хъ пословъ долженъ былъ посадить въ темницу. Темница или казнь должна угрожать посламъ. Будущій тестъ Владиміра отвѣчаетъ Дунаю:

Ай же ты Дунаюшка Ивановичь!

Ты бился за безумье за великое.

Какъ вашъ тотъ князь не великъ собою,

И ваши то царищи уродливые:

Возьму то я тебя за желты кудри.

Посажу я тебя во глубокъ погребъ.

Пусть ко Дунай въ горобры погостятъ;

Тошто Дунай обьумѣется.

Но съ Дунаемъ не справится Литовцамъ, и угроза остается пустымъ словомъ: также напрасны и угрозы Махореля Альбериху: невидимый врагъ безопасенъ. Также поступилъ бы, еслибъ догадался, и дикій Гагенъ въ Кудрунѣ съ сватами Гильды;

¹ Sic. Märch. von L. Gonzenbach № 73.

² Памятн. Отреч. Лит. Тихонравова I, 147—8.

³ См. Кир. III, 28, *ibid.* 32.

но вездѣ, во всѣхъ случаяхъ послы выходятъ невредимыми ¹. Формула добыванія черезъ пословъ указываетъ на затемнѣніе личности главнаго героя; обратимся къ основной формулѣ.

Герой самъ является добывать невѣсту; ему не хотятъ отдать ее (иначе развитіе поэмы было бы немислимо); древнѣйшій поводъ къ отказу—боязнь потерять работницу и товаръ—давно забылся. Фантазія рыщетъ во всѣ стороны, отыскивая мотивы для отказа; въ сказкахъ—безотчетно злобный характеръ злыхъ полубоговъ: Баба-Яги и Кощея ²; во многихъ сицилійскихъ сказкахъ чрезвычайно оригинально трудное добываніе невѣсты мотивируется проклятіемъ безвинно обиженной старухи ³; въ позднихъ средневѣковыхъ романахъ—близко къ современной намъ дѣйствительности: такъ Гуго Капетъ, герой оригинальнаго романа того же имени ⁴, долженъ употребить особенныя усилія, такъ какъ онъ бѣденъ, и невѣста его богатая принцесса. Въ древнихъ поэмахъ часто отецъ невѣсты не хочетъ отдать ее за человѣка, который былъ бы слабѣе его; такъ Гагенъ въ Кудрунѣ побѣждаетъ и убиваетъ всѣхъ жениховъ Гильды; тоже состязаніе въ силѣ предлагаетъ и Брунгильда, и выдерживаетъ Никита Колтома въ извѣстной сказкѣ Аванасьева. Низкій родъ жениха служитъ препятствіемъ не только у Нѣмцевъ, но даже и въ русскихъ былинахъ. Мать Хотена получаетъ гордый отвѣтъ:

¹ Примѣръ неудачи свата см. въ Кипрскихъ пѣсняхъ (Arch. f. Liter. v. Gosche, за 1871 г., статья Либрехта), № 27: Дигенисъ посылаетъ Хиліонаппа свататься за него; посланникъ возвращается ни съ чѣмъ; тогда Дигенисъ отправляется самъ и убиваетъ отца. Изъ случаевъ удачной борьбы пословъ съ отцемъ укажу: какъ особенно характеристичные, 2 во французскомъ эпосѣ: послы Аймери Нарбонскаго хвастаются богатствомъ передъ королемъ Ломбардіи; тотъ напрасно стремится лишить ихъ съѣстныхъ припасовъ (Guill. d'Or. par Joncbloet T. II стр. 13). Доонъ Майнцскій, оскорбленный Карломъ, требуетъ, чтобъ тотъ добылъ для него городъ Воклеръ и красавицу Фландрину. Карлъ собираетъ своихъ вассаловъ и переодѣтый старикомъ отправляется къ язычнику Обигану, какъ Ротеръ поддерживаетъ Обигана противъ Датчанъ и достигаетъ своей цѣли, благодаря тому, что невѣста и мать ея за Доона (Doon de Mayence въ les poetes anc. d. l. France стр. 183—2559).

² Ср. Wolfs Hausmärch. стр. 292.

³ Sic. Märch. №№ 29 и мн. др.

⁴ изд. Ла Гранжемъ въ собраніи Гессара. Paris. 1864.

Нельзя мнѣ за твоего сына дочь отдать:
Мы есть роду богатаго, именитаго,
Именитаго роду, княженецкаго;
Вы есть роду нищатаго, кошельчата ¹.

Разница между русскимъ и нѣмецкимъ эпосомъ состоитъ въ томъ, что первый приписываетъ такую гордость сторонѣ, которой не сочувствуетъ поэтъ.

Между различными мотивами отказа интереснѣй другихъ тотъ, который мы находимъ въ Ортнитѣ: отецъ самъ желаетъ жениться на своей дочери. Онъ очень распространенъ въ нѣмецкихъ и французскихъ поэмахъ: такъ англійскій король Освальдъ ², сватовство котораго поразительно сходно съ тою-же частью Ортнита, женится, по указанію пилигрима Вармунта, на дочери короля Аарона, которую отецъ предназначалъ себѣ. По хроникѣ Янсена ³ король русскій (von Reussen), хочетъ жениться на своей прекрасной дочери. Германъ Фритцларскій рассказываетъ о св. Варварѣ тоже самое ⁴. Доонъ Майнцкій убилъ одного рыцаря *по имени* Géant, который 7 лѣтъ жилъ съ своей дочерью ⁵ и т. д. Такое нечестивое желаніе приписывается главнымъ образомъ языческимъ королямъ; здѣсь очевидно вліяніе духовенства и духовной литературы. Встрѣчаются такіе мотивы и въ сказкахъ, но обстановка ихъ совсѣмъ иная: судьба или то, что человекъ въ своей ограниченности принимаетъ за судьбу, принуждаетъ отца совершить этотъ грѣхъ; дочь скрывается изъ дому родительскаго и пускается въ странствія; сказка занимается только ея приключеніями. Въ одной сицилійской сказкѣ ⁶ дьяволъ помогаетъ отцу, выполняя по видимому неисполнимыя задачи дочери.

Если родители невѣсты противъ героя, то сама невѣста должна быть за него; иначе борьба представлялась бы нелѣпой.

¹ Рыбн. IV, 43.

² König Oswalt, изд. Эттмюллеромъ. Zürich. 1835; героическая сага съ сильной примѣсью духовнаго элемента.

³ Gesammtabent. Гагена II, Anhang 7.

⁴ Dise jungfrowe war sô schône, daz ir eigin vater begerte si zu nemene zu einer êhêlichen vrawen. Massm. Kaiserchr. III, 911.

⁵ Въ собраніи Гессара Доонъ стр. 98.

⁶ Sic. Märch, № 38.

Судьба устраиваетъ такъ, что даже не выдавъ своего суженаго, невѣста чувствуетъ къ нему особенную симпатію; низкій родъ, на основаніи котораго отказываютъ родители, ее не удерживаетъ.

Три года я Господу молилася.

Чтобъ попасть мнѣ замужъ за Хотинушка ¹.

Говоритъ дочь Часовой вдовы. О томъ же молилася и Апракса королевична въ былинахъ, на которыя было указано выше.

Такимъ же образомъ Флёрдепинъ изъ любви къ Берарту, котораго она еще не видала въ глаза, заботится о его соотечественникахъ и потомъ о немъ самомъ, еще не узнавая его. Если сталкиваются интересы религіозные, какъ въ западныхъ эпосахъ случается на каждомъ шагу, невѣста всегда измѣняетъ вѣру въ угоду жениху, иногда даже безъ всякаго вызова съ его стороны; такъ невѣста Гильома (язычника Тибо въ одно и тоже время) посылаетъ сказать ему, что она сейчасъ же приметъ христіанство, если онъ только овладѣетъ ею особой ². Такова золотая середина; по крайнѣму, въ духовныхъ поэмахъ невѣста и жениха любитъ потому, что онъ христіанинъ; въ слишкомъ свѣтскихъ позднѣйшихъ *chansons de geste*, на оборотъ невѣста, не раздумывая и не спрашивая, проситъ только поспѣшить исполненіемъ обряда, чтобы имѣть возможность скорѣй удовлетворить своей страсти ³.

Возбуждается любовь невѣсты разнообразными мотивами, между которыми красота героя играетъ роль незначительную, особенно въ лучшихъ и древнѣйшихъ эпическихъ произведеніяхъ слава героя одна—изъ самыхъ побудительныхъ причинъ, особенно въ такъ называемомъ историческомъ эпосѣ. Если герой присылаетъ сватовъ, его слава вмѣстѣ съ искусствомъ или силой дружинниковъ играетъ первую роль; такъ Гильда, мать Ку-

¹ Рыбн. I, 251 и слѣд. IV, 40.

² Joncbloet. Guillaume d'Orange T. II, 17.

³ Готовность невѣсты проявляется въ такихъ случаяхъ слишкомъ рѣзко; во французскомъ эпосѣ ея навязчивость не отвращаетъ отъ нея сердца жениха. Любопытно сличить это съ былинами о Словѣ Буди́мировичѣ, который отказывается отъ слишкомъ навязчивой невѣсты, но такой конецъ, какъ *варяжню*, я считаю позднѣйшимъ; остались еще былинныя съ счастливымъ окончаніемъ ср. Рыбн. II, 193; IV, 56.

друны, соглашается, чтобъ ее похитили, главнымъ образомъ потому, что ей понравилось пѣнье одного изъ сватовъ Горанта (Аван. VII). Если герой является самъ, его храбрость и сила въ битвѣ помогаетъ ему завоевать сердце красавицы; такъ Кудруна полюбила ГERVIGA въ то время, какъ онъ сражался передъ ея крѣпостью (Авант. XII). Къ такимъ мотивамъ нерѣдко присоединяются и болѣе идеальные: невѣста Ротера рѣшилась выдти за него потому, что онъ и его вассалы пострадали за нее; жалость къ невинно страдающему руководить королевной и у Рыбн. I, 227 и 235¹.

Когда герою приходится добывать невѣсту съ бою противъ ея отца, самъ собою завязывается трагическій узелъ: борьба 2-хъ противоположныхъ чувствъ, любви къ отцу и къ жениху; узелъ особенно запутанъ тогда, когда отецъ погибаетъ отъ руки героя-жениха. Если послѣдній не пользуется любовью дѣвушки и не есть главный герой поэмы, само собою разумѣется, ненависть дѣвушки будетъ слѣдствіемъ убійства: такъ Кудруна именно на этомъ основаніи на отрѣзъ отказывается быть женою Гартмута; въ древнѣйшій періодъ на женщинѣ даже лежала обязанность кровавой мести, и на этомъ основано убійство Атли въ пѣсняхъ о Нифлунгахъ. Если же убійца главный герой и любимъ невѣстой, узелъ распутывается разнообразными способами; всего чище, естественнѣй и поэтичнѣй эта борьба разрѣшается въ старой Эддѣ, въ пѣсни о Гельги, гдѣ самъ герой горюетъ о тяжелой необходимости и оправдываетъ горькое чувство невѣсты; по большей части, чѣмъ древнѣе средневѣковая поэма, чѣмъ вѣрнѣе начальнымъ преданіямъ, тѣмъ замѣтнѣе борьба; чѣмъ позднѣе она, тѣмъ рѣзче невѣста становится на сторонѣ жениха — интересъ психологическій уступаетъ мѣсто авантюрному; — Гильда во время битвы боится болѣе за отца, чѣмъ за жениха; невѣста Ортнита не хочетъ цѣловать его, пока не узнаетъ о судьбѣ отца; Доонъ Майнцкій² еще долженъ обманывать невинную дѣвочку Николетту; но въ тѣхъ же поэмахъ встрѣчается и крайне циническое отношеніе къ вопросу: такъ Флорипасъ, сестра Фьерабраса, говоритъ, обращаясь къ

¹ Любопытно сходство вымышленнаго сна съ Ротеромъ: „Мнѣ почесъ не спалось, во снѣхъ видѣлось: какъ бы мнѣ богатырскаго коня поводить“.

² Doon d. Maupense въ собр. Гессара стр. 110 и слѣд.

Карлу. о своемъ отцѣ; «Карль, чего вы ждете? это живой дьяволъ; отчего вы не убьете его? Пусть онъ умретъ, только бы Гюи достался мнѣ»¹. Также рѣшительно въ сказкахъ дочь становится на сторону жениха, хотя и не изъ тѣхъ побужденій². Для сватовства³, также какъ и для всякаго другаго подвига, герою нужны помощники; въ нашихъ поэмахъ они не переходятъ за предѣлы своей роли и не затемняютъ личности главнаго героя. Въ Ротерѣ, кромѣ безцвѣтныхъ баварцевъ (безцвѣтныхъ, не смотря на всѣ старанія поэта) являются такими помощниками: старый совѣтникъ Берхтеръ съ своими страдающими сыновьями и великаны; Берхтеръ представляетъ силу умственную, Асприанъ и Видольтъ — физическую; въ Ортнитѣ первую представляетъ Альберихъ, чистый типъ хитрости; 2-ую же Иліасъ; Вольфдитрихъ при своей страшной силѣ, также какъ и Зигфридъ, также какъ и Дитрихъ Бернскій, не нуждается въ помощникахъ, представляющихъ физическую силу; за то у него, какъ и у Дитриха, есть старый совѣтникъ и учитель Берхтунгъ; сыновья послѣдняго — только слуги Вольфдитриха, имѣющіе одно достоинство — вѣрность; въ позднѣйшей редакціи — большомъ Вольфдитрихѣ, число преданныхъ слугъ увеличено; но при сватовствѣ они не играютъ никакой роли:

И такъ въ подлежащихъ нашему разбору поэмахъ встрѣчаются слѣдующія эпическіе типы помощниковъ: великаны (Асприанъ и Витольдъ), карликъ-хитрецъ (Альберихъ), старый учитель (Берхтунгъ и Берхтеръ), вѣрные слуги (Арнольдъ и дѣти Берхтунга) и собирательное лице — дружина.

Въ помощникахъ великанахъ не нуждаются, при своей страшной физической силѣ, герои русскихъ былинъ; если и встрѣчаются имъ люди, у которыхъ силы противу нихъ въ семеро, то смѣлости у такихъ лицъ не бываетъ и на седьмую часть; за исключеніемъ Святогора, всѣ нечеловѣчески-сильныя существа

¹ Fierabras ibid. стр. 180. Karles, que demourés? Ce est I. vis diables; pour coï no l'ociés? Moi ne caut se il muert, mais que Gui me donnés. Ср. Рыбн. III, 141.

² См. напр. Ае. VII, № 24.

³ До чего можетъ видоизмѣняться вышеизложенная тема, показываетъ напр. рассказъ: *diu heidinne*, въ Hag. Gesammtabent. I, XVIII, гдѣ она является въ курьезной и неприличной формулѣ.

оказываются на сторонѣ враговъ и гибнуть отъ богатырей¹. Зато въ западныхъ эпосахъ при ихъ аристократизмѣ и новизнѣ, великаны помощники дѣйствуютъ почти повсемѣстно. Справедливо видятъ переродившагося великана въ Вате Кудруны; его ненависть къ торговлѣ (Авант. V), страшная сила, неудержимая въ битвѣ свирѣпость (стр. 343, 1343, 1500 и др.) сближаютъ его Витольдомъ и Асприаномъ; таковъ же монахъ Ильзанъ въ Розовомъ саду; еще болѣе родственъ съ Витольдомъ Шрутанъ², который, обнаживъ однажды свой мечъ, теряетъ рассудокъ и готовъ уничтожить цѣлое войско. Въ карловингскомъ эпосѣ въ Германіи съ такими особенностями являются Ренневартъ, Гаймонъ и его сынъ Рено. Даже въ легендахъ о святыхъ отразился этотъ типъ: св. Христофоръ—великанъ по происхожденію³.

Въ Доонѣ Майнцкомъ⁴ дѣйствуетъ Робастръ, который, подобно Видольту, не можетъ удерживать себя во время боя; происхожденіе его демоническое. Онъ же дѣйствуетъ и въ Гофреѣ⁵, гдѣ типъ его значительно смягченъ и гдѣ онъ дѣлается королемъ Венгріи. Въ Гайдонѣ⁶ дѣйствуетъ Готье, гигантъ по росту; онъ сражается молоткомъ и возбуждаетъ смѣхъ всѣхъ бароновъ. Варохеръ въ романѣ Макеръ⁷, добродушный помощникъ королевы, своей суковатой палкой и манерами также напоминаетъ великановъ Ротера; воспоминаніе о томъ же типѣ видно и въ вышеупомянутомъ позднемъ романѣ Гугъ Капетъ, 10-й сынъ котораго силачъ Ришье, оставшись въ гостинницѣ, чтобы докончить вино, вдругъ схватываетъ свой огромный молотокъ и выручаетъ братьевъ изъ опасности⁸. Въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ, заимствующихъ изъ *chansons* свои сюжеты

¹ Въ сказкахъ помощникъ великанъ уступилъ мѣсто помощникамъ чародѣямъ, существамъ необыкновеннымъ; всѣ опивалы, объѣдалы и пр. родственны великанамъ, но не тождественны. Являются великаны и въ чистомъ видѣ, но рѣдко. См. сказку о добромъ великанѣ и о хмѣлѣ Аѳ. VII, № 23.

² Rosengart. II, 126.

³ См. Goedeke MA стр. 225.

⁴ стр. 249, 256 и др.

⁵ par Guessard et Chabaille. Paris 1859.

⁶ par Guessard et Luce. Paris 1862, стр. 192 и др.

⁷ par Guessard, Paris 1866.

⁸ стр. 108.

типъ этотъ, понятно почему, получилъ специально-комическій характеръ и всего полнѣе выразился въ извѣстныхъ Morgante Maggiore и Моргутѣ. Въ помощникѣ Ортнита—Альберихѣ слилось нѣсколько разно-характерныхъ элементовъ: онъ карликъ—силачъ и хитрецъ, властитель подземнаго золота, онъ помощникъ изъ подъ неволи, побѣжденный, и онъ отецъ, состояющійся съ сыномъ въ силѣ; онъ даетъ Ортниту чудесный камень, и онъ же даритъ ему имянной мечъ.

Объ имени, миѣическомъ значеніи и связи Альбериха съ Лауриномъ было говорено выше; относительно боя отца съ сыномъ, темы, которая въ нашей поэмѣ является въ слишкомъ искаженномъ и затемненномъ видѣ, обильный матеріалъ собранъ въ прекрасной книгѣ О. О. Миллера¹. Карликъ, помогающій герою изъ принужденія, извѣстенъ и изъ роговаго Зигфрида и изъ цикла Дитриха Бернскаго; злой карликъ силачъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ сказкахъ²; побѣжденный Альберихъ обѣщаетъ награду Ортниту также, какъ баба Горынинка отдаетъ Ильѣ свое «злато-серебро»³. Руодлибъ⁴ находитъ связаннаго карлика, который обѣщаетъ ему свою помощь и побѣду. Карлики обладаютъ разнообразными талисманами и дорогими для героя вещами; такъ въ Зигенотѣ карликъ Вальдунгъ даетъ Дитриху камень⁵, который дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ голоду и жадѣ и подкрѣпляетъ силы; кольцомъ, дающимъ силу, владѣютъ карлики въ эстонскихъ сказкахъ⁶; карлики же,

¹ Ильа Муромецъ, стр. 1—62. Я съ своей стороны рѣшаюсь прибавить только указанія на 3 любопытныя формулы той же темы во французскомъ эпосѣ: въ *Gui de Bourgogne* (Guessard 1856) дѣти Франціи, подъ начальствомъ избраннаго ими короля, отправляются въ Испанію, и отцы, не узнавъ ихъ, готовятся къ бою; сынъ говоритъ про себя: *s'il vos puet en champ véoir et enconter: Il vous fera la teste du bu deserver* (стр. 27); борьба Гайдона противъ Карла есть война сыновей съ дѣтьми; сыновья остались побѣдителями. Въ романѣ: *Parise la duchesse* съ 63 стр. (Guessard et Larchey 1860) отецъ осаждаетъ своего сына, не зная его, но чувствуетъ какую-то особенную нѣжность; сынъ остался побѣдителемъ. Первые 2 случая любопытны, какъ коллективныя; послѣдній, какъ измѣненіе боя въ осаду.

² Напр. Grimm № 166.

³ Кир. I, 14.

⁴ Lat. Gedichte d. X u. XI J. Grimm u. Schmeller. 1838.

⁵ О чудесныхъ самоцвѣтныхъ камняхъ см. О. О. Миллера стр. 506 и др.

⁶ Ehstn. Märchen v. Löwe. Halle. 1869. № 8 Schlaunkopf.

а равно и другія мифическія существа одного съ ними характера снабжаютъ героевъ оружіемъ: Регинъ выковываетъ мечъ для Зигурда; Гайдонъ¹ получаетъ отъ фей, съ острова шлемъ, не пробиваемый никакимъ оружіемъ. Имянной мечъ есть общеизвѣстный на западѣ эпическій приѣмъ, обошедшій эпосъ русскій; Роландовъ Дюрандаль выкованъ Галаномъ (вѣщимъ кузнецомъ Виландомъ); у Ожье короткій мечъ Courtain, у Оливье Hauteclair, у Карла Joyeuse, у Доона Майнцака Merveilleuse, у Балигана Precieuse; въ Германіи всего извѣстнѣе Eckesachs² и т. д. Въ сказкахъ, конечно, встрѣчается чудодѣйственное оружіе³.

Альберихъ помогаетъ Ортниту при сватовствѣ своими хитрыми совѣтами, подобно тому, какъ въ русскихъ сказкахъ благодѣтельный старикъ помогаетъ герою достать коня (Аѳ. VIII, № 9 и др. ср. Wolfs Hausmärch. №№ 56, 61, 91, 301 и др.), какъ добыть невѣсту (Аѳ. VI, № 27; VII, № 6 и др.). Онъ выражаетъ презрѣніе къ языческимъ богамъ приѣмомъ сбрасыванія ихъ въ ровъ, подобно тому, какъ Оливье отказывается вѣрить въ боговъ Фіерабраса, «которыхъ можно сбросить въ ровъ, какъ убитую собаку»⁴.

Въ нашей поэмѣ Альберихъ есть отецъ Ортнита; выше было приведено мнѣніе изслѣдователей о томъ, что такое родство не есть принадлежность саги и народной пѣсни, а выдумка поэта. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что нечеловѣческое происхожденіе героя есть черта исконная: необыкновенный человѣкъ долженъ и родиться необыкновеннымъ образомъ; извѣстно, что всѣ древніе героическіе роды выводили себя отъ боговъ, полубоговъ и чудовищъ; извѣстно преданіе о происхожденіи Мервинговъ. Въ чисто исторической пѣснѣ, гдѣ

¹ Собрание Гессара стр. 40.

² Ср. въ Энеидѣ Вельдеке: do zu sante er ime ouch ein swert, daz scharf und herte was, daz ture Eckesahs, oder der mere Mynnemyng noch turer Nagelrynk. Untersuchungen v. Mone. 1836.

³ См. напр. мечъ, дѣлающій непобѣдимымъ, въ Wolfs Deutsche Hausmärchen стр. 393 и др.

⁴ Autresi les puet on ruer par ces fossés.

Comme on feroit l kien, se il estoit tués.

Fierabras стр. 41.

поэзія ближе къ дѣйствительности, эта черта невозможная; но Волхъ Всеславичъ — сынъ змѣя (по Киршѣ Данилову); родъ Вульфинговъ въ Volsungasaga связанъ съ волками оборотнями. Въ сказкѣ, при болѣе свободномъ развитіи фантазіи, чудесное происхожденіе есть явленіе весьма часто встрѣчающееся¹; въ этихъ звѣряхъ необходимо должно видѣть миѣическое начало. Посредствующую ступень между человѣческимъ и миѣическимъ происхожденіемъ героя составляетъ участіе миѣического лица, бога или полубога при рожденіи героя. Мать его долго страдаетъ отъ неплодія, на томъ же основаніи, на какомъ народъ заставляетъ перваго силача быть слабѣе всякаго ребенка, перваго богача быть первоначально бѣднѣе всѣхъ въ цѣломъ городѣ. Противуположность между крайней слабостью и страшной силой, между гусяромъ и первымъ богачемъ, между отсутствіемъ всякаго наслѣдника и наслѣдникомъ героемъ эффектна, проще сказать, поэтична. Неплодіе матери героя разрѣшаетъ миѣическое существо, дающее яблоко (Volsungasaga), рыбу или просто совѣтъ, когда мужъ и жена должны провести ночь вмѣстѣ. Такъ матерая бабища даетъ такой совѣтъ Буслаю и оттого рождается Василій Буслаевичъ²; такъ въ эстонской сказкѣ карликъ является къ плачущей о своемъ неплодіи женщинѣ и даетъ ей такой же совѣтъ³; чудесныя старухи и старики замѣняютъ карлика въ русскихъ сказкахъ. Ослабленіе такой формулы представляютъ тѣ саги, гдѣ вмѣсто совѣта есть только одно предсказаніе⁴.

Существа, способствовавшія такимъ образомъ рожденію героя, вполнѣ естественно заботятся потомъ о его судьбѣ, снабжаютъ его чудеснымъ оружіемъ съ талисманами и т. д.; такъ въ выше упомянутой эстонской сказкѣ карликъ даетъ тремъ сыновьямъ женщины чудесныя повязки. При постепенномъ проникновеніи эпического матеріала христіанствомъ роль такихъ миѣическихъ помощниковъ начинаютъ играть крестные отцы, и чудесныя подарки отъ нихъ, являясь въ полной гармоніи съ бы-

¹ См. Аѳ. VI № 11; *ibid.* № 53; VIII, № 6; VII, № 3 и т. д.

² Рыбн. I, стр. 335.

³ Ehstn. Märchen № 3.

⁴ См. Wolfs Hausmärch. стр. 335.

томъ, получаютъ особенное развитіе. Въ сказкахъ такими крестными отцами бываютъ богъ и его святые, смерть и пр.

Такъ какъ въ *Ортнитѣ* слишкомъ силенъ элементъ дѣйствительности, такъ какъ поэтъ приближаетъ его, насколько возможно къ читателямъ, Альберихъ, какъ отецъ, слабо вяжется со всей поэмой; мы позволяемъ себѣ видѣть въ немъ того карлика, *graues Männchen* или бабищу, которые совѣтомъ способствуютъ рожденію и потомъ снабжаютъ героя чудеснымъ оружіемъ ¹.

Въ *Вольфдитрихѣ* мы видимъ слѣды такого же божественнаго помощника въ *Св. Іоргенѣ*, который въ одной редакціи, какъ простой графъ, воспринимаетъ его отъ купели, а въ другой, исчезнувъ самъ, оставляетъ послѣ себя чудесную рубашку, защищающую тѣло героя отъ ударовъ; въ третьей редакціи рубашку *Св. Іоргена* замѣняетъ рубашка съ мощами *Св. Панкратія*.

Чудесное оборонительное оружіе нечуждо и русскимъ сказкамъ: рубашка, подаренная тремя вѣщими побратимами Ивану Купеческому сыну, дѣлаетъ его невредимымъ ². Въ нашей поэмѣ патронъ, чудесный помощникъ, скрывается, оставляя послѣ себя едва замѣтные слѣды; въ другихъ случаяхъ, очевидно, великановъ и карликовъ замѣнили лица съ христіанскаго Олимпа; святые не только снабжаютъ героя оружіемъ, силою и пр., но и помогаютъ ему при сватовствѣ; такъ въ сицилійской сказкѣ ³ *св. Іосифъ* добываетъ королевскую дочь своему любимцу.

Между не миѳическими помощниками первую роль часто играетъ воспитатель или учитель; въ поэмахъ о *Вольфдитрихѣ* такимъ является *Берхтунгъ*; въ *Кудрунѣ—Вате*; въ поэмахъ цикла *Дитриха Бернскаго* — знаменитый *Гильдебрандтъ*; въ извѣстномъ рыцарскомъ романѣ о *Тристанѣ Рауль* ⁴; его роль играетъ *Вильгельмъ Оранскій* въ *«Li sagonemens Loys»* ⁵, который, какъ *Берхтунгъ*, защищаетъ своего молодаго воспитанника; съ моло-

¹ Въ сказкѣ у Вольфа (стр. 252) такой крестный отецъ учитъ своего воспитанника стрѣлать.

² Аѳ. VII, № 26.

³ II, 101, № 74.

⁴ На могилѣ котораго убивается Тристанъ, какъ *Вольфдитрихъ* на могилѣ *Берхтунга*. MA. Goedeke 783.

⁵ Ionsbloet I, 1—71.

дыми королями за своего воспитанника ссорится Старкадъ у Саксона грамматика¹; вѣрный Экартъ, внукъ Берхтунга, является учителемъ Трителя и Имбрека; несчастнѣйшій изъ такихъ педагоговъ былъ, безъ сомнѣнія, Ильзанъ, которому Дитрихъ поручилъ своего брата и 2-хъ сыновей гуннского короля; въ сказкахъ учитель, по большей части, является миѳическимъ помощникомъ; всего ближе къ типу Берхтунга изъ сказочныхъ лицъ «вѣрный Иванъ» въ Гриммовской сказкѣ², котораго Плѣніесь притянулъ въ своемъ изданіи Кудруны къ миѳической пѣснѣ Эдды: Путь Скирнира. Ему, какъ Берхтунгу, умирающій отецъ поручаетъ своего сына; какъ Берхтунгъ Гугдитриху, хотя и противъ воли, указываетъ онъ невѣсту молодому принцу; какъ Вате и Морольфъ, въ видѣ купца похищаетъ онъ невѣсту; какъ Берхтунгъ, страдаетъ за своего господина и, какъ сыновья Берхтунга, освобожденъ съ большимъ пожертвованіемъ³. Въ русскихъ сказкахъ вѣрные (въ противоположность многочисленнымъ измѣнникамъ) дядьки не рѣдкость: въ лѣтописныхъ преданіяхъ такую же роль играетъ Добрыня, дядя Владиміра; въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ ихъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ; причина понятна: русскій эпосъ слишкомъ ветхъ и демократиченъ для этого; его герои не князья, а дружинники; кто старше и сильнѣй, тотъ не дядькой будетъ, а старшимъ надъ всѣми, атаманомъ. Въ исторической пѣснѣ мы позволяемъ себѣ видѣть типъ Берхтунга въ лицѣ спасителя (съ самопожертвованіемъ) царевича Θεодора — Никитѣ Романовичѣ; тамъ, конечно, нѣтъ сватовства; обстановка совершенно иная; но преданность старика «даже до смерти» вѣрность при всеобщей измѣнѣ остались тѣже.

При всякомъ героѣ король необходимо есть дружина; добываніе невѣсты Ортнитомъ и Ротеромъ совершается только благодаря ея помощи; съ ней же Ротеръ избавляется отъ висѣлицы и добываетъ похищенную жену; если старшіе богатыри дѣйствуютъ въ одиночку, то богатыри кіевскіе группируются массою и заставѣ, и за столомъ Владиміра; въ кіевскихъ былинахъ началь-

¹ Uhland VII, 257—261.

² № 6.

³ Последняя часть (не вся сказка) стоитъ безъ сомнѣнія въ связи съ извѣстной сагой объ Ами и Амели.

никъ еще не заслоняетъ дружинниковъ, а въ новгородскомъ циклѣ мы едва узнаемъ имена у послѣднихъ; и въ Кіевѣ есть помощники, играющіе второстепенныя роли при увозѣ невѣсты; таковъ Екимъ Ивановичъ, таковъ Никита Полица¹; въ былинной сказкѣ² Алешѣ помогаетъ Марышка Парамоновъ; въ другой сказкѣ дѣйствуетъ Булатъ—молодецъ³; такихъ же дружинниковъ помощниковъ, по крайней мѣрѣ, косвенное отраженіе того же типа мы позволяемъ себѣ видѣть въ 2-хъ удалыхъ Андряхъ Андреевичахъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы для борьбы съ Кастрюкомъ.

Въ отношеніи состава дружинной массы, между русскими былинами и нѣмецкими поэмами, вполне естественно, существуетъ рѣзкое различіе: дружинники Ротера, Ортнита и пр. могучіе графы и герцоги; чѣмъ честнѣй родъ дружинника, чѣмъ больше у него земли и людей, тѣмъ выше стоитъ онъ въ рядахъ дружины; русскую дружину собираютъ такимъ воззваніемъ:

Тати, воры, разбойники! ко мнѣ на дворъ!

Плуть, мошенникъ! къ моему двору!

Не работы робить деревенскія,

Пить зелена вина безденежно⁴.

Образованіе такого убѣжища, повидимому, указываетъ исключительно на недостатокъ гражданскаго развитія, тѣмъ болѣе, что наши былевья пѣсни, какъ извѣстно, легко переходятъ въ разбойничьи; но и въ западномъ эпосѣ встрѣчаются подобныя же явленія; такъ Ротеръ въ Константинополѣ собираетъ къ своему столу всѣхъ нищихъ витязей, которые, не имѣя платья, не смѣютъ явиться ко двору Константина; одинъ изъ такихъ дружинниковъ черезъ благодѣяніе, въ минуту опасности, спасаетъ Ротера. Такимъ же образомъ Гюонъ де Бордо въ непріятельской землѣ, гдѣ управляетъ его дядя ренегатъ собираетъ къ своему столу до 400 мотовъ и мошенниковъ⁵.

¹ Рыбн. II, 134.

² Ае. VII, № 59.

³ Ае. VIII, № 5.

⁴ Рыбн. II, 203.

⁵ Huon de Bordeaux стр. 121.

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, мы позволяемъ себѣ сблизить графа Арнольда и подобныхъ ему съ тѣми сказочными животными, которыя, будучи облагодѣтельствованы героемъ, «къ нужному времени» являются ему на помощь: нравственный мотивъ одинъ и тотъ же. Облагодѣтельствованныя животныя въ сказкахъ являются въ разнообразныхъ формахъ; особенно употребительны двѣ изъ нихъ: герой (иногда героиня) съ большимъ самопожертвованіемъ спасаютъ животное отъ вѣрной смерти ¹; или герой, истомленный голодомъ, отказывается отъ возможности утолить его, убивъ беззащитнаго звѣря; очень часто встрѣчается 3-я формула: герой находитъ звѣря въ борьбѣ съ другимъ болѣе сильнымъ и, рискуя жизнью, спасаетъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ трехъ случаяхъ обѣ экзегезы, съ точки зрѣнія которыхъ мы не рассматриваемъ нашихъ поэмъ: мифологическая и литературнаго заимствованія, могутъ найти себѣ пищу, такъ какъ извѣстная щука, покровительствующая Ивану дураку, или золотая рыбка стоятъ несомнѣнно въ связи съ водяными божествами; съ другой стороны многочисленные львы, освобожденные рыцарями изъ когтей драконовъ, даже въ народной сказкѣ заставляютъ подозрѣвать вліяніе Рыцаря льва ², но въ основѣ мифологическаго представленія въ такой формѣ и въ основѣ самаго кореннаго литературнаго явленія лежитъ психологическая тема. Любопытно прослѣдить развитіе той же темы въ другихъ формулахъ. Несомнѣнно напрашиваются на мифическую экзегезу тѣ звѣри, подъ шерстью которыхъ бьется человѣческое сердце, оборотни; такъ въ сказкѣ Гримма левъ, заклятой царевичъ, бьется съ дракономъ, красавица помогаетъ льву ³. Въ сицилійской сказкѣ ⁴, герой, скинувшись львомъ, бьется съ дракономъ, при чемъ ему помогаетъ пастухъ; во многихъ русскихъ сказкахъ ученикъ принимаетъ звѣриный образъ для битвы съ злымъ учителемъ, и невѣста

¹ Напр. Ае. VII, № 38. Schwedische Volkssag. v. Oberleitner № XIII и др.

² Wolfs Hausmärch. 40: спаситель 3-хъ дѣвъ видитъ отвратительнаго дракона, который обвиняетъ своимъ длиннымъ хвостомъ льва; онъ освобождаетъ льва, который слѣдуетъ за нимъ и впоследствии времени помогаетъ ему противъ великана.

³ № 88. Ср. стр. 88 въ Wolfs Hausmärch.

⁴ № 6.

помогаетъ ученику. Многочисленны въ европейскихъ сказкахъ формулы звѣриной дружины, напр. изъ двухъ зайцевъ, двухъ медвѣдей, двухъ волковъ, двухъ львовъ и т. д.¹; эта *охота* то хитростью, то силою спасаетъ героя въ самый рѣшительный моментъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ рыцарскаго запада животное, изображенное на гербѣ, пользуется спеціальнымъ покровительствомъ героя, какъ это мы видѣли въ Ортнитѣ и Вольфдитрихѣ; между такими животными, конечно, главную роль играетъ левъ, символъ храбрости и великодушія; въ романѣ Гюи де Нантель Эглантина очень любопытно объясняетъ связь между львомъ на знамени и дѣятельностью своего возлюбленнаго: «этому льву давайте пить, а онъ пьетъ только кровь»². Другое благородное животное, орелъ сопровождаетъ Вигамура, который помогъ ему убить коршуна, напавшаго на его гнѣздо³. Въ числѣ звѣрныхъ животныхъ конь, конечно, играетъ очень видную роль: онъ помогаетъ герою (какъ напр. Тидреку въ сѣверной сагѣ); если врагъ очень силенъ, то конь, подобно коню Вольфдитриха и Ортнита, будитъ своего господина⁴. Конь, прибѣгающій домой безъ сѣдока, есть обыкновенный эпическій способъ извѣщать близкихъ героя о смерти; ту же роль играетъ другое звѣрное животное — собака, та самая «вгаске», которая извѣщаетъ Либгарду и поданныхъ о смерти короля Лампартскаго. «Егда де я отъ татаръ убіенъ буду или инымъ нѣкимъ случаемъ придетъ мнѣ безвѣстная (смерть), сказано въ Новгородской летописи, или на бою въ трупѣхъ сыскати не возмогутъ и не познають отъ множества мертвыхъ, пошли на взысканіе мое дворянъ своихъ съ тѣмъ моимъ псомъ и вели имъ пустить его предъ собою проста»⁵.

Дружина особенно необходима Ротеру на войнѣ съ королемъ Имелотомъ. Эта война въ нашей поэмѣ почти не имѣетъ смысла: отецъ невѣсты не изъявляетъ намѣренія наградить Ротера за подвигъ; но въ ней очевидны слѣды старой общеизвѣстной формулы: добыванія невѣсты посредствомъ исполненія трудной

¹ Напр. Grimm № 60.

² Gui de Nanteuil въ собр. Гессара стр. 37:
Cel lion doinst à boire, il ne boi se sanc non.

³ Goedeke MA. 780.

⁴ Ср. Рекша, коня Рустекова Uhland I, 188.

⁵ Рыбн. IV. 158.

задачи; отчего происходит ея затемнѣніе? оттого ли, что формула слишкомъ поздно повліяла на сюжетъ и не могла передѣлать его окрѣпшихъ частей? оттого ли, что поэту жалко было заканчивать миролюбивымъ бракомъ свою пѣсню? сказать трудно. И въ жизни, и въ романахъ отъ мущины прежде всего требуется сила, способность бороться съ препятствіями и защитить слабую женщину; защитникъ въ награду за подвигъ получаетъ ея любовь; оттого въ огромной массѣ сказокъ герой, освобождающій царевну и ея родныхъ отъ страшнаго врага, дѣлается ея мужемъ; но трудная задача для добыванія невѣсты бываетъ поставлена и другимъ образомъ: невѣстѣ не угрожаетъ опасность, но она или ея родные — послѣдніе наблюдаютъ часто при этомъ свою выгоду, желаютъ испытать силу, храбрость и искусство героя и ставятъ ему искусственные задачи.

Если исполненіе задачъ требуетъ какихъ либо необыкновенныхъ способностей, безъ которыхъ даже герой можетъ обойтись, исполнителями ихъ являются дружинники; такъ Милошъ Войновичъ ¹, родственникъ дружинникъ, подъ чужимъ именемъ сопровождаетъ Душана, перескакиваетъ черезъ трехъ коней, побѣждаетъ латинскаго поединщика, стрѣляетъ въ цѣль и узнаетъ невѣсту. Въ сказкахъ особенно разнообразны эти задачи: свободно гуляетъ фантазія, отыскивая самыя затруднительныя и невѣроятныя; одна сказочная задача очень любопытна по отношенію къ нашей поэмѣ: Елена прекрасная приказываетъ жениху, которому помогаютъ 12 Ивановъ, найти пару къ ея башмаку ²; не есть ли это первообразъ того безсмысленнаго или, по крайней мѣрѣ, запутаннаго эпизода о разныхъ башмакахъ, который находимъ мы и въ нашей поэмѣ, и въ ея сѣверной передѣлкѣ?

Любопытно то обстоятельство, что задачи самыя трудныя не всегда имѣютъ необходимымъ условіемъ сопротивленіе невѣсты или ея родныхъ ³; несравненно чаще однакоже задачи ставятся, какъ непобѣдимое, повидимому, препятствіе ⁴.

Ротеръ увозитъ невѣсту обманомъ на корабль, отдѣливъ ее

¹ Вукъ II, 132 и слѣд.

² Ае. VII, № 40.

³ Задачи при расположеніи невѣсты и родныхъ: Ehstnisch. Märchen № 3.

⁴ См. напр. Grimm № 134 и др.; Lappländische Märch. XV, 185.

ото всѣхъ спутницъ, и на корабль онъ заманиваетъ ее хитростью. Корабль играетъ такую роль очень часто; жену Ротера впоследствии также заманиваютъ на корабль; также добываютъ невесту для короля Гетеля въ Гудрунѣ. Еще чаще это дѣлается въ сказкахъ: и семь Симеоновъ, и Никита Колтома ¹, всѣ дѣйствуютъ такимъ же стереотипнымъ образомъ; корабль чередуется въ этихъ случаяхъ съ конемъ, иногда съ конемъ волшебнымъ, съ котораго невеста не можетъ сойти ²; на кораблѣ совершаютъ похищеніе иногда и не для брака ³.

Жена Ротера похищена жонглеромъ, который переодѣлся купцемъ; Ротеръ отправляется переодѣтый пилигримомъ для обратнаго добыванія жены, попадаетъ въ самый моментъ ея 2-го брака, кольцомъ даетъ знать о себѣ; его ведутъ на висѣлицу, но онъ спасается въ самый рѣшительный моментъ, давъ знать дружинникамъ о себѣ посредствомъ рога.—Это 2-ая тема поэмы: *обратное добываніе похищенной жены*. При первобытныхъ нравахъ нечего въ этомъ случаѣ доискиваться ни миѣической, ни исторической основы; дѣло объясняется очень просто: такіе случаи совершались ежедневно, и при такой то крупной бѣдѣ герою всего удобнѣе могъ показать свою силу и хитрость. Въ нашихъ поэмахъ эта тема повторяется два раза (похищеніе жены Вольфдитриха Дразіаномъ является въ нѣкоторыхъ редакціяхъ, даже въ дублетѣ); вся Иліада, также какъ и вторая половина Рамаины, основаны на той же темѣ!

Въ русскихъ былинахъ тема эта встрѣчается не одинъ разъ, но въ отклоненномъ отъ Ротера видѣ; ближе всего къ ней подходит былина о неудачной женитьбѣ Алеши Поповича ⁴; похищенія здѣсь, правда, нѣтъ, но Добрыня оказывается точно въ такомъ же положеніи, какъ и Ротеръ: онъ является въ видѣ странника въ самый моментъ сватъбы на пиръ и даетъ о себѣ знать посредствомъ кольца; между многочисленными редакціями быliny есть и такія (смѣемъ думать, первоначальныя), гдѣ юмористическое окончаніе замѣнено смертнымъ боемъ ⁵.

¹ Ае. VII, № 23.

² Sicil. Märchen № 30.

³ Ае. VII, № 13.

⁴ См. Рыбн: I, 129; 139; 146; II, 19. 32. Кир. II, 14; 16; 38 и др.

⁵ Кир. II, 17 и др.

Древность начальной основы Иліады, пожалуй, может доказать то обстоятельство, что ея основа грубѣй въ нравственномъ отношеніи, нежели формулы той же темы въ пѣсняхъ другихъ народовъ: Менелай нисколько не смущается тѣмъ, что Елена ушла отъ него по своей волѣ и возвращается къ нему, не сохранивъ своей вѣрности. Нравственный кодексъ русскихъ былинъ развитѣй, строже: Иванъ Годиновичъ считаетъ нужнымъ сдѣлать женѣ маленькое поученьице: обрубить ей руки, ноги, губы и голову ¹; онъ возвращается въ Кіевъ такимъ же бобылемъ, какъ и поѣхалъ оттуда, горюетъ, но не раскаивается. Въ нѣмецкихъ и вообще въ западныхъ поэмахъ жена возвращается въ руки мужа непорочною; несчастные случаи очень рѣдки: мѣсто естественнаго трагизма замѣняетъ стремленіе къ успокоительному, счастливому концу.

Въ русскомъ эпосѣ такое дѣло, какъ похищеніе жены у мужа, представляется естественно въ самыхъ темныхъ краскахъ; такое намѣреніе приписывается всѣмъ заклятымъ врагамъ; нападеніе Татаръ (Калина и сорока царевичей) мотивируются такимъ же образомъ ².

Нѣтъ надобности прибѣгать къ натяжкамъ, чтобъ объяснить сходство этихъ формулъ съ рассказомъ о томъ, какъ жена хана Гессера похищена великаномъ и посажена въ башню безъ дверей, какъ Гессеръ является туда подъ видомъ нищаго и съ помощію хитрости жены побѣждаетъ великана ³.

Французскій эпосъ, отъ раннихъ *chansons de geste* до романа о Гуго Капетѣ получившій сильнѣйшую историческую окраску, развиваетъ ту же тему въ простѣйшихъ формулахъ. Беранже похитилъ жену Гарнье ⁴; мужъ, съ помощію Карла Великаго, ведетъ войну съ похитителемъ; когда война не удалась, и жена его попала въ руки Ганора, короля Маіорки, мужъ въ видѣ простаго рыцаря является служить послѣднему. Федри ⁵ овла-

¹ Рыб. I, 198: 202; II, 54 и пр. Ивана замѣняетъ Василій Бусланеевичъ II, 57.

² Рыбн: I, 98. I, 37. Ср. похищеніе жены князя Романа Кир. V, 92 и слѣдд.; похищенію предшествуетъ вѣщій сонъ.

³ Berl. Acad. 1852; 263—293.

⁴ Aye d'Avignon въ собр. Гессара 40 и слѣдд. 57 и слѣдд.

⁵ Hugues Carpe 200 и слѣдд. 228 и слѣдд.

дѣлъ женою Гуго Капета и празднуетъ съ ней свою свадьбу; Гуго является въ самый моментъ брака, освобождаетъ жену и, подобно Добрынѣ, смѣется надъ своимъ врагомъ ¹.

Въ литературныхъ произведеніяхъ, болѣе искусственныхъ, тема распространена въ такой же степени; прекрасная Дульци-Флуръ, невѣста Вигамура, похищена Линпоидриганомъ и освобождена Вигамуромъ ². Всего ближе къ нашей поэмѣ, какъ это было указано выше, многочисленныя редакціи апокрифа о похищеніи жены Соломоновой; Соломонъ въ видѣ захожаго старца отправляется къ Пору; такъ же какъ Ротеръ, попадаетъ въ руки враговъ, также выбираетъ себѣ смерть *царскую*, торжественную и также троекратнымъ звукомъ трубы собираетъ свою дружину ³. Эпическіе приемы поразительно сходны, но формула иная: жена измѣнила мужу добровольно.

Въ сказкахъ тема эта является во многихъ формулахъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень близки къ нашей, другія далеки; отецъ похищаетъ отъ мужа свою дочь, и мужъ освобождаетъ ее, являясь въ видѣ музыканта ⁴; но чаще похищеніе совершается посторонней личностью, всегда злой, иногда съ миѣическимъ отѣнкомъ, въ русскихъ сказкахъ обыкновенно Кощеемъ Безсмертнымъ ⁵ или змѣемъ. Изъ отдаленныхъ формулъ любопытна та, гдѣ наша тема похищенія жены отъ мужа приближается къ другой болѣе миѣической—невѣстѣ оборотню; такая невѣста исчезаетъ сама какъ бы по своей волѣ, по впослѣдствіи герой находитъ ее во власти злаго полубога ⁶. Любопытно отклоненіе отъ этой темы въ одной эстонской сказкѣ: невѣста, по чародѣйству своей воспитательницы, отъ которой ее похитилъ герой, попадаетъ въ рѣку и дѣлается цвѣткомъ. Выучившись птичьему языку, герой превращается въ рака и освобождаетъ

¹ Par lui puet on prover.

ci endroit clerement,

Que telz espeuse au prime,

qui an vespre s'en rapent.

² Goed. MA. 779.

³ Пр. Тихонравова, Памятники Отреч: Лит. III, 59—61 Ср. Рыбн. II, 278, 290; По, 296 и др.

⁴ Ае. VII, № 13

⁵ Напр. Ае. VII, № 6.

⁶ ibid № 17.

ее ¹. Какъ ни странно кажется сближеніе этой чисто-миѳической сказки съ голой дѣйствительностью французскаго эпоса, въ основѣ ихъ лежитъ одна и та же тема. Черезъ посредство Добрыни, гдѣ нѣтъ похищенія въ собственномъ смыслѣ и гдѣ жена считаетъ его убитымъ, наша тема сближается съ Генрихомъ Львомъ, рыцаремъ Понтусомъ и разсказомъ *La Spagna*; народная пѣсня о благородномъ Мѣрингенѣ разсказываетъ, какъ онъ возвратился съ помощью ангела въ тотъ самый моментъ, когда жена его готова выйти за мужъ за Неуфеа, подъ покровительствомъ котораго оставилъ ее мужъ ².

Король Ротеръ даетъ о себѣ знать посредствомъ кольца; эпическій приѣмъ подавать вѣсть посредствомъ этого символа чаще всего встрѣчается въ нашей темѣ: въ *Рамаянѣ* Видушака, найдя жену, кидаетъ ей кольцо ³. Въ Ротерѣ приѣмъ нѣсколько испорченъ; въ русской былинѣ онъ является въ наиболѣе чистомъ видѣ: мужъ кидаетъ кольцо на дно сосуда. Воду и русское вино въ сказкахъ замѣняетъ иногда молоко ⁴. Часто кольцо остается на рукѣ или передается изъ рукъ въ руки ⁵; кольцо въ эстонскихъ сказкахъ замѣняетъ русскую звѣзду, налѣпляемую Ивану дураку во время его скачка на 12 вѣнцевъ ⁶; посредствомъ кольца узнаетъ невеста своего освободителя въ замкѣ великана ⁷. Кольцо часто разламывается пополамъ, и его половинки имѣютъ миѳическую силу: онѣ срастаются въ рукахъ настоящей невесты ⁸. Рыцарь Гергардъ, по разсказу Цезарія приѣхавшій на чѣртѣ въ критическій моментъ брака своей жены, бросаетъ въ кубокъ половину кольца ⁹. Въ *Ортнитѣ*, соединенномъ съ *Вольфдитрихомъ*, кольцо дважды даетъ возможность узнавать истину: Ортнить посредствомъ него можетъ найти своего отца, а жена узнаетъ настоящаго мстителя; безъ кольца она не должна вѣрить.

¹ *Ehstn March.* № 1.

² *Uhland I*, 298. См. объ этомъ въ диссертациі пр. Миллера стрр. 524, 529 и др. *Ср. Hagens Gesammtabent. III*, CLXIII и *Goed. MA.* 577.

³ О. Миллеръ 545.

⁴ *Ае. VIII.* № 5.

⁵ *Wolfs Hausmarch.* 195. *Ае. VIII.* № 11 и пр.

⁶ *Ehstn. Märch.* № 13.

⁷ *Schwedesch. Volksag. v. Oberl.* 189.

⁸ *Ehstn. Märch.* № 22.

⁹ *Caesarii Heisterbachensis Dial. Mirac.* 8, 59.

Такимъ же образомъ Карлъ Великій, отправляясь въ Венгрію, приказываетъ женѣ своей вѣрить только тому, кто принесетъ ей кольца ¹. Кольцо имѣетъ силу не только, какъ символъ, но и по камнямъ, которые вдѣланы въ него. Айе Авиньонская, видя подъ стѣнами башни своего мужа, бидаетъ ему обручальное кольцо; въ немъ три камня, описанные подробно въ поэмѣ; одинъ изъ нихъ имѣетъ такую силу, что владѣющая имъ женщина противъ воли не потеряетъ своей тѣлесной чистоты ². На кольцѣ, также какъ на ножѣ, также какъ на тарелкѣ съ кровью, отражается несчастіе владѣтеля. Бѣлое кольцо въ одной сициліанской сказкѣ дѣлается чернымъ при смерти героя ³. Кольцо имѣетъ, кромѣ этой силы—указывать правду, много другихъ: въ сказочномъ замкѣ лежитъ бѣлая рубашка и золотое кольцо съ такой надписью: кто надѣнетъ рубашку, тотъ можетъ владѣть богатырскимъ мечемъ; кто возьметъ въ ротъ кольцо, тотъ будетъ понимать языкъ птицъ ⁴; посредствомъ кольца Ортнитъ видитъ невидимаго для другихъ карлика; посредствомъ кольца можно перемѣнять мѣсто, ⁵ вызывать карликовъ на помощь ⁶, возбуждать любовь; извѣстна мѣстная легенда о странной любви Карла Великаго къ трупу любовницы (*muliercula*), священнику и болоту, которая поддерживалась кольцомъ съ драгоценнымъ камнемъ ⁷. Эпосъ такъ любитъ кольца, въ особенности кольцо, дающее возможность узнать человека, что они являются иногда безъ всякой нужды. Гильдебрандтъ въ народной пѣснѣ, послѣ того какъ сынъ уже разсказалъ матери, кто такой ихъ гость, бросаетъ кольцо въ кубокъ своей женѣ ⁸.

Король Ротеръ, попавъ въ руки враговъ, въ самый критическій моментъ трубитъ въ свой рогъ, и дружина по третьему

¹ Gesammtabent. II, Anhang 8; изъ хроники Янсена.

² Aye d'Avignon 62 и 63.

³ Sicil. Märch. № 5.

⁴ Wolfs Hausm. 148. Cp. 159.

⁵ Grimms Märch. № 92.

⁶ ibid. № 166.

⁷ Massm. Keiserchr. III, 1019 Cp. Petrarca: epist. familiar. I, 35.

⁸ Was het er in seinem munde?

von gold ein ringelein,

das lies er in den becher sincken der liebsten frawen sein. Goedek.

разу является ему на помощь. Изъ русскаго эпоса къ такому пересказу всѣхъ ближе былины о Соломонѣ и Соломоніи; но намъ любопытнѣй отклоненныя формулы. Къ нимъ принадлежитъ напр. пѣсня о Романѣ Митріевичѣ¹; герой обращается горностаемъ и портитъ оружіе въ станѣ Ливиковъ; когда его поймали, онъ скинулся ворономъ; по его *третьему* крику является его дружина. И такъ здѣсь рогъ, призывающій помощь въ самый эффектный моментъ, замѣненъ вороновымъ крикомъ; въ эпосѣ это встрѣчается не часто; за рогомъ преимущественно удерживается такое значеніе. Вате троекратнымъ звукомъ его будить дружину², по заранѣ сдѣланному условію; Гильдебрандтъ въ Альфартѣ, спѣша на помощь Дитриху, оставляетъ свое войско въ засадѣ; когда воины услышатъ звукъ его рога, они должны ѣхать къ нему; Вильгельмъ Оранскій, окруженный язычниками, тѣмъ же способомъ вызываетъ своихъ бароновъ, скрытыхъ въ бочкѣ³. При отсутствіи рога, помощь все же приходитъ въ самый рѣшительный моментъ: мать Доолина Майнцаго спасена Бидуномъ и его людьми, которые были спрятаны, въ лѣсу въ самый моментъ исполненія казни⁴; то же случилось и во 2ой разъ: она освобождена сыномъ⁵; Ферро съ веревкой на шеѣ спасенъ Гайдономъ⁶, а измѣнникъ Герто, собиравшійся его повѣсить, повѣшенъ на его мѣсто; любопытно, что въ чеченскихъ сказаніяхъ рогъ замѣненъ болѣе употребительнымъ въ странѣ инструментомъ — зурною⁷. Въ сказкахъ бытовой рогъ дѣлается, вслѣдствіе склонности сказкъ къ фантастическому и чудесному, волшебнымъ рогомъ (Wunschhorn), который не *созываетъ* помощниковъ, но производитъ ихъ; такимъ образомъ Ротеровъ рогъ сближается съ сказочной сумой, ящикомъ Вольфдитриха и т. д. Въ одной сицилійской сказкѣ⁸ процессъ очудотворенія бытоваго предмета совершается во-

¹ Рыбн. I, 426 и слѣд. Ср. 435 и 442.

² Kudr. 1350.

³ Li charois de Nyme (Joncbl. I съ 73) 1378. Li cuens Guillaumes mist à sa bouche un cor, *Trois fois* le sone et en grelle eten gros.

⁴ Doon de Maience par Pey 1859. p. 28.

⁵ ibid. 142.

⁶ Gaydon 142. Ср. ibid 247.

⁷ См. статью Буслаева Русскій Вѣст. 1872 № 10.

⁸ № 30.

очію: простому рогу, который достался въ наслѣдство скромному младшему сыну, фея даетъ такую силу, что если владѣлецъ затрубить въ его узкій конецъ, все море покроется кораблями ¹.

Воинственный инструментъ эпоса въ сказкахъ часто замѣняется дудочкой. Король Эльфовъ даетъ мальчику—пастуху костаную дудку; «если ты будешь въ нуждѣ, затруби въ нее, и къ тебѣ явится помощь; если ты будешь находиться въ большой опасности, сломай ее, и я самъ явлюсь къ тебѣ ²».

На звукъ инструмента являются и вѣрные звѣри; волшебная собака даетъ портному рожекъ ³: «когда ты будешь въ нуждѣ затруби въ него, и мы (она и 2 другія собаки) явимся къ тебѣ на помощь». Собаки, сопутствующія молодому герою, слышатъ звукъ его дудки, когда онъ попалъ во власть великана, и спѣшатъ къ нему на помощь ⁴; такой же дудкой герой литовской сказки собираетъ своихъ служилыхъ звѣрей ⁵, подъ висѣлицей трубить въ рогъ герой извѣстной сказки Гримма вѣрный Иванъ; подъ висѣлицей трубить Робинъ Гудъ, герой англійскихъ балладъ ⁶. Балдакъ Борисьевичъ, составившійся, можетъ быть подъ литературнымъ вліяніемъ апокрифа о Соломонѣ, звукомъ рога собираетъ свою дружину ⁷ и т. д.

Музыкальный инструментъ, спасающій героя въ крайней моментъ опасности, сближаетъ Ротеровъ рогъ съ знаменитой *волшебной флейтой*, которая также даетъ возможность герою освободиться отъ смерти ⁸; если онъ употребляетъ ее для своей потѣхи, сходство очень отдаленно, если подъ висѣлицей—сходство очень близко; гусли самогуды и трубочка, дымъ которой вызываетъ духовъ—помощниковъ, относится туда же ⁹.

Искусственные средства замѣняются иногда естественными:

¹ Schwedische Volkssagen v. Oberleitner. Wien. 1848. стр. 130.

² Ср. Ае. VIII, № 26 Grimm № 54 и примѣч. III, 90.

³ Wolfs Hausmärch. № 2.

⁴ Schwedisch. Volkssagen 251.

⁵ Litauische Märch. von Schleicher. стр. 57.

⁶ Ritson: Robin Hood, a collection of poems. стр. 111.

⁷ Ае. VI, № 62.

⁸ Wolfs Hausmärch. 226 Grimm Märch. № 110. Ае. VII, 14.

⁹ Grimm № 116.

героиня одной сицилійской сказки ¹, для которой злая свекровь приготовила котель, три раза громко вскрикиваетъ, и по третьему ея крику является мужъ; злая свекровь сама умираетъ приготовленной для неvěстки смертію.

Ротеръ родился естественнымъ путемъ и въ дѣтствѣ не испыталь никакихъ несчастій; его карьера начинается прямо съ середины жизни. Ортнитъ, а особенно Вольфдитрихъ—герои уже по самому рожденію; о происхожденіи Ортнита, болѣе чѣмъ сомнительномъ, мы говорили выше; теперь обращаемся къ приключеніямъ дѣтства Вольфдитриха, столь разнообразнымъ по редакціямъ.

Почему герой долженъ страдать, почему бѣдствія считаются необходимой школой жизни, объ этомъ говорить мы считаемъ излишнимъ; обращаемся къ разбору видовъ этихъ бѣдствій. Герой въ лицѣ своей матери можетъ страдать, такъ сказать, до рожденія; герой при необыкновенной обстановкѣ, крайне опасной, проводитъ свое младенчество, и наконецъ герой свою сознательную жизнь начинаетъ съ изгнанія и бѣдствія. Всѣ эти 3 момента встрѣчаются въ Вольфдитрихѣ: въ редакціи А злой Сабене клевететь на его мать, которая отказалась отдаться его гнусной любви; въ редакціи В онъ попадаетъ въ волчью пещеру, и во всѣхъ редакціяхъ несправедливо изгнанъ своими братьями. Вѣрная жена—страдающая героиня сказокъ, сагъ, поэмъ и легендъ, можетъ терпѣть горе, т. е. быть оклеветанной въ прелюбодѣянніи и изгнанной вмѣстѣ съ сыномъ, только что родившимся или не рожденнымъ, во первыхъ отъ свекрови, которая досадуетъ на потерю любви сына; во вторыхъ отъ негодяя, который напрасно домогался ея любви; бываютъ и другіе случаи: сестры жены завидуютъ ея счастію; нянька ея, желающая подмѣнить ее своею дочерью, клевететь на царицу и т. д. У жены Гугдитриха нѣтъ свекрови; ея любви домогается невѣрный Сабене; отвергнутый, онъ обвиняетъ королеву въ сношеніи съ злымъ духомъ; читатель, знакомый хотя бы сколько нибудь съ литературой сказокъ и средне-вѣковыхъ повѣстей, ждетъ извѣстнаго рѣшенія: «и царицу, и приплодъ тот-

¹ Sicil. March. №№ 3 и 4. № 9, гдѣ героиня жжетъ свиную щетину передъ угрожающею опасностью.

часть бросить въ бездну водъ»; его нѣтъ, потому что обвине-
ніе недосказано и въ поэмѣ много произволу; тѣмъ не менѣе
тема ясна, и она даетъ возможность сблизить поэму съ боль-
шимъ числомъ памятниковъ.

Сабене—эпическій типъ клеветника и негодяя, какіе суще-
ствуютъ во всякомъ эпосѣ; любопытна въ его изображеніи одна
черта: онъ красавецъ собой. Женщины, дѣйствующія въ эпосѣ,
героини душевной красоты, всегда отличаются красотой физи-
ческой, но мужчинъ красота неприлична, и Сабене, Чурила, на-
конецъ Парисъ являются трусами, прелюбодѣями, способными
на страшную низость. Въ извѣстной легендѣ о двухъ Дитри-
хахъ, клеветникъ является съ эпитетомъ красавца ¹. Нѣтъ
возможности перебрать многочисленные памятники, гдѣ съ бо-
лѣе или менѣе замѣтными отклоненіями повторяется исторія
оклеветанной королевы; мы ограничимся только указаніемъ на
нѣсколько группъ ихъ. Въ русскихъ сказкахъ встрѣчаются, ме-
жду прочимъ, такія отклоненія: дядя, которому не удались его
замыслы, клеветаетъ на свою племянницу ²; царь обвиняетъ
жену въ сношеніи съ злыми духами ³ и пр. Въ сѣверной сагѣ
о Дитрихѣ ⁴, графъ Артвинъ, въ отсутствіи Сигмунда, стара-
ется склонить на любовь жену его Сисибе; та отказывается отъ
его предложенія, и онъ мститъ ей клеветой; тогда король при-
казываетъ вырѣзать ей языкъ, но вѣрный Германъ спасаетъ ее.
Въ Императорской хроникѣ ⁵ есть длинный и интересный раз-
сказъ о двухъ Дитрихахъ. Братъ Ираклія Нарциссъ долго былъ
бездѣтенъ; наконецъ его жена, Елизавета родила ему двухъ
сыновей, которыхъ по «языческому обычаю ⁶» называли обоихъ
однимъ именемъ — Дитрихами; отличали ихъ эпитетами: одинъ
былъ красавецъ Дитрихъ, другой былъ некрасивый. Черезъ два
года умерли императоръ и императрица; народъ рѣшилъ, что
царствовать долженъ тотъ изъ Дитриховъ, кто женится; прекрас-

¹ Измѣнникъ Грифонъ въ *chanson „Gaufrey“* *moult fu bel de visage et tai-
llé gentement... Ches damez l'esgardoient de lor solier plus grant* (стр. 148).

² Ае. VII № 2 в.

³ id. VIII, № 7.

⁴ *Didrik af Berns Saga* cap. 157. По изд. Унгера стр. 160 и слѣд.

⁵ По изд. Массмана стр. 11368.

⁶ *Nach heidenisker plaht man namete sie geliche beide Dietriche.*

ная Кресценція, отъ которой зависѣлъ выборъ, вышла за мужъ за некрасиваго. Когда мужъ ея ушелъ на войну, поручивъ царство и жену своему брату, тотъ сталъ домогаться ея любви и грозилъ ей насиліемъ; обманомъ Кресценція засадила его въ башню и выпустила, только узнавъ о приближеніи короля; красавецъ Дитрихъ оклеветалъ ее; она была изгнана изъ царства; и за тѣмъ эпическая тема переходитъ въ религіозную легенду. Другую семью пересказовъ той же темы представляетъ королева Сибилла «прославленная пѣвцами галльскими»¹; ея обвинитель Макаріусъ далъ свое имя большей *chanson de geste* *Masaire*, которая сохранилась въ венеціанской рукописи на итало-французскомъ языкѣ и издана Гессаромъ въ 1866 г. Сюда же относится исторія объ императорѣ Октавіатѣ, жена котораго вѣрная Дузолина была оклеветана свекровью; изгнана изъ царства, и въ пустынь родила двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ воспитанъ медвѣдемъ, а другой львомъ. Литературная жизнь послѣдняго пересказа очень обширна; онъ проникаетъ и въ русскую письменность, при чемъ на промежуточныхъ станціяхъ собственные имена замѣняются другими или даже теряются вовсе; всего чаще рассказъ этотъ встрѣчается въ рукописяхъ безъ собственныхъ именъ, подъ именемъ повѣсти о царицѣ и львицѣ².

Въ большей части пересказовъ въ противовѣсъ невѣрному клеветнику дѣйствуетъ старый слуга, какъ Берхтунгъ противъ Сабене; такъ Клерамбо въ герцогинѣ Паризѣ³ даетъ несправедливо обвиненной своихъ 10 сыновей и потомъ помогаетъ ей оправдаться отъ всѣхъ обвиненій. Берхтунгъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель тѣхъ жалостныхъ убійцъ, стариннымъ прототипомъ которыхъ можно считать геродотовскаго Гарпага⁴.

¹ Alberik de Trois Fontaines:..... a`cantoribus gallicis pulcherrima contexta est fabula. О ней см. F. Wolf: *Niederl. Volksbücher*. Wien. 1857.

² Напечатана у Рыбн. въ приложеніи къ IV, 7. Въ рпц. въ Румянц. Музеѣ: рп. конца XVII в. Ундольск. № 914, подъ заглавіемъ „выписано изъ древнихъ лѣтописцовъ и римскихъ хроникъ.“ Въ сборн. XVII в. подъ № 1102 озаглавлена повѣсть „изъ зеркала.“ Лучшій текстъ въ сборникѣ XVIII в. того же Ундольскаго № 650.

³ Въ собр. Гессара 1860.

⁴ Ср. Сид. сказки №№ 3 и 4. Аэ. VIII, № 26; *ibid*, № 29 и т. д.

Любопытно отклоненную формулу представляет Доонъ Майнцкій. Гюи, убившій нечаянно пустынноика, остается на его мѣстѣ, чтобъ замаливать свой грѣхъ; между тѣмъ его сенешаль Гершамбо домогается любви герцогини и, не получивъ удовлетворенія, обвиняетъ ее передъ судомъ; ея три сына отданы учителю Соломону, съ тѣмъ, чтобъ онъ убилъ ихъ, но подлое дѣло не удалось учителю. Доонъ остался живъ и потомъ отмстилъ Гершамбо ¹. Въ этомъ пересказѣ личность Сабене разбилась на двѣ.

Въ нашихъ поэмахъ Вольфдитрихъ проводитъ только одну ночь съ волками, но все же и эта одна ночь ставитъ его въ одинъ рядъ съ эпическими героями, которые воспитаны звѣрями. Мы видѣли въ пересказахъ исторіи о Сибиллѣ, какъ звѣри воспитатели часто связываются съ вышеразобранной темой; это бываетъ часто, но не всегда: герой, главною добродѣтелью котораго должна быть храбрость, можетъ питаться львинымъ молокомъ или еще въ пеленкахъ видѣть надъ собою звѣриную пасть помимо клеветы, взведенной на мать его. Вольфдитрихъ Вдалекъ отъ формулы Сибиллы, а все же онъ получаетъ имя волчьяго Дитриха; этотъ эпическій приѣмъ встрѣчается очень часто: Шалу, оставленный въ волчьей пещерѣ, вскормленъ волками ²; Ліонъ Бургскій вскормленъ львицей ³; Гагенъ, одинъ изъ героевъ Кудруны, унесенъ грифомъ на пустынный островъ; Брунсвигъ въ «умилительной повѣсти» унесенъ такимъ же образомъ, какъ Гагенъ, птицею Ногомъ и т. д. Волчица, вскормившая Ромула в Рема, не всегда бываетъ настоящей волчицей; иногда она мать, осужденная злой колдуньей носить этотъ образъ ⁴.

Помимо волчьей пещеры Вольфдитрихъ долженъ въ молодости своей испытать много несчастій, много гоненій судьбы, подобно *большей части* эпическихъ героевъ. Перечислить всѣхъ невозможно; достаточно указать нѣкоторые случаи, любопытные въ томъ или другомъ отношеніи. Ламиссіо, по разсказу Павла Діа-

¹ Собр. Гессара 1859.

² См. Арджи-Бурджи, 16 въ книгѣ пр. Веселовскаго.

³ См. Graesse Lehrbuch II, 3, 381. Тоже въ Simrocks Volksbücher (XI, 213).

⁴ Ehstn. Märch. № 15.

кона ¹, брошенъ матерью въ прудъ и спасенъ королемъ Агельмундомъ; побѣдивъ въ послѣдствіи въ поединкѣ амазонку, онъ сдѣлался королемъ Лонгобардовъ. Сага заставила императора Генриха III играть роль наслѣдника Марка богатаго ²: будущій императоръ рожденъ въ лѣсу, гдѣ его отецъ, графъ Леопольдъ скрывается вмѣстѣ съ женою отъ гнѣва императора. Извѣщенный божественнымъ голосомъ о будущей судьбѣ ребенка, императоръ приказываетъ двумъ слугамъ убить его; ребенокъ попадаетъ къ герцогу Швабскому, священникъ чудодѣйственнымъ образомъ перемѣняетъ въ рукахъ его роковое письмо и т. д.

Сравненіе Зигурда въ Эддѣ съ Зигурдомъ въ Вользунгасагѣ и съ роговымъ Зигфридомъ доказываетъ намъ, что воспитаніе внѣ дома, черта сравнительно поздняя, есть, такъ сказать, усложненіе первоначальной простѣйшей основы. Зигурдъ Эдды воспитанъ дома, Зигурдъ саги въ домѣ короля Гіальпрека; Зигфридъ Нибелунговъ воспитанъ дома, роговой Зигфридъ воспитанъ у кузнеца; этотъ единичный фактъ подтверждается множествомъ другихъ не настолько ясныхъ: Аслögъ, дочь Зигурда ³, какъ позднѣйшее генеалогическое явленіе, воспитана внѣ дома, среди страшный бѣдствій; герои позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ всѣ почти воспитаны внѣ дома: Ланцелотъ Вивіаной, Вигамуръ унесенъ водяной женщиной Леспіей, Карлъ Великій по Вейхенстефановской хроникѣ рожденъ и воспитанъ на мельницѣ; Тристанъ, сынъ Гюи Нантельскаго, унесенъ волнами моря ⁴; Флеовандъ, сынъ Кловиса ⁵, изгнанъ изъ дома родительскаго за то, что обрѣзалъ бороду своему учителю, при чемъ поэтъ объясняетъ, какъ необходимо было для будущаго короля испытать бѣдствія въ дѣтствѣ ⁶; испанская хроника ⁷ рассказываетъ о томъ, какъ Карлъ Великій, поссорившись съ Пипиномъ, отпра-

¹ I, 15—17.

² Deutsch. Sagen II, 177. Ср. Massem. I. c. III, 1095.

³ Volsungasag. 43.

⁴ Jahrb. d. rom. u. engl. Lit. 1869, 8.

⁵ изд. Гессаромъ и Мишеланомъ 1859.

⁶ въ концѣ:

Et Floovanz fut rois de France lou regné.

Assez avoit apris gran maus an anduré.

⁷ Cronica general de España (Gaston Paris: Hist. poetique de Charlemagne 233 и слѣд.).

вляется служить къ королю Галафру; въ *Reali di Francia* ¹ Карлъ выгнанъ двумя братьями и т. д. а между тѣмъ въ древнѣйшихъ поэмахъ, гдѣ фигурируетъ большая часть этихъ героевъ, о бѣдствіяхъ ихъ дѣтства не говорится ни слова. Изобиліе разныхъ формулъ этой темы въ эпическихъ произведеніяхъ позднѣйшихъ, сравнительная рѣдкость ихъ въ раннихъ, и для насъ особенно ихъ *отсутствіе въ былинахъ* доказываетъ, что бѣдствія въ дѣтствѣ есть тема вторичной формаціи.

Сказки, несмотря на то, что имъ въ послѣднее время приписываютъ огромное миѣическое значеніе, новѣ эпоса героическаго, по крайней мѣрѣ въ своемъ формальномъ выраженіи. Ихъ миѣическіе аксессуары могутъ восходить къ арійской прародинѣ, но ихъ распушенная форма, при легкомысленномъ, нѣсколько презрительномъ отношеніи народа къ ихъ содержанію, давала легкій доступъ всѣмъ новымъ нравственнымъ мотивамъ, также какъ и бытовымъ подробностямъ. Оттого въ нихъ эта тема развита особенно подробно и разнообразно. Почтенный собиратель албанскихъ и греческихъ сказокъ Ганъ, имѣя въ виду преимущественно эту форму народнаго преданія, изъ нашей темы составилъ 11-ю формулу своего предисловія; онъ говоритъ, что изгнаніе законнаго ребенка производится или: а) изъ страха исполненія ужаснаго предсказанія; б) изъ бѣдности. Въ этомъ случаѣ очевидны недостатки его оригинальной теоріи: во множествѣ вышеуказанныхъ случаевъ ни одна изъ этихъ причинъ не имѣла вліянія на судьбу героя; вторая причина—бѣдность и не можетъ имѣть значенія въ героическомъ эпосѣ: это одна изъ самыхъ позднихъ формулъ, явившаяся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ бытовыхъ условій. Но и для самыхъ сказокъ формула Гана слишкомъ узка; въ сказкахъ встрѣчается несравненно больше разнообразія.

Изъ многочисленныхъ сказочныхъ формулъ при разборѣ поэмы о Вольфдитрихѣ, любопытна одна: младшій братъ (или сестра) изгоняется двумя старшими; Вольфдитрихъ, по редакціи А также младшій братъ; по другой редакціи, онъ старшій, но очевидно, что только поэтическая логика заставила автора измѣнить дѣло такимъ образомъ. Почему страдаетъ младшій братъ, говорить считаемъ излишнимъ; въ сказкахъ формула встрѣчает-

¹ *ibid.* 240.

ся такъ часто, что приводить примѣра нѣтъ необходимости; любопытны только отклоненія, но и они слишкомъ многочисленны; обращаю вниманіе на одно, имѣющее спеціальное отношеніе къ поэмѣ; вмѣсто двухъ братьевъ, являются два товарища, принцы; ихъ третій товарищъ крестьянскій сынъ; онъ дѣлается жертвою измѣны; онъ же и получаетъ самую завидную участь ¹.

Изъ другихъ сказочныхъ формулъ той же темы укажу на весьма немногія: чудесный даръ (находить 2 золотыя монеты подъ подушкой) служить причиной изгнанія и бѣдствій ²; ребенокъ случайно попадаетъ въ пещеру къ разбойникамъ; съ этого начинаются его бѣды, а въ то же время и нить къ счастливому окончанію ³. Царскій сынъ, заблудившійся въ лѣсу въ эстонской сказкѣ ⁴, которая безъ сомнѣнія возникла подъ литературнымъ вліяніемъ, воспитанъ простыми людьми. Любопытна сказка въ Пентамеронѣ ⁵ (Lo Dragone) по своей поразительной близости къ нѣмецкой пѣснѣ о роговомъ Зигфридѣ.

Вольфдитрихъ, особенно въ 1-ой редакціи, представляетъ собою эпическій типъ грубой физической силы, которая, долго не находя себѣ разумнаго исхода, прорывается наружу въ дикихъ выходкахъ, которыя возбуждаютъ или ужасъ, или смѣхъ въ публикѣ.

Идея о томъ, что съ страшной физической силой соединена и грубость, не чужда ни одному народному эпосу. Но въ тотъ періодъ, когда выше силы человѣкъ не знаетъ ничего, когда происходитъ такъ называемое броженіе, эта грубость никого не поражаетъ; она не считается грубостью, но необходимымъ условіемъ расходившагося плеча богатырскаго; она никогда не проявляется въ комичномъ видѣ, не проявляется въ ребенкѣ и способна возбудить только большее уваженіе къ герою.

Вотъ почему въ кievскомъ эпосѣ, не говоря уже про циклъ старшихъ богатырей, типъ «dummer Jungen» не можетъ встрѣтаться. Но вотъ обстоятельства измѣняются: броженіе кончилось; появилась идея, что надо жить «какъ люди живутъ», и эта

¹ Напр. Schwedesch. Volkssag. 253.

² Grimm № 60.

³ ibid. № 166.

⁴ № 22.

⁵ IV, 5.

страшная сила, не направленная ни къ какой разумной цѣли, не можетъ возбудить уваженія. Непристойныя шуточки Васьки Буслаева, безцѣльное уродованіе людей объясняется тѣмъ, что онъ еще «молодешенекъ и глупешенекъ». Сильный ребенокъ, или не обтесавшійся юноша дѣлаются мало по малу комичными типами; чѣмъ позднѣе эпическое произведеніе, тѣмъ сильнѣе комизмъ въ такихъ типахъ. Самое полное литературное выраженіе находятъ они въ рыцарскомъ романѣ о Парцивалѣ; глупыя выходки будущаго героя каждый поэтъ обрабатывалъ съ особенною любовью, тѣмъ болѣе, что въ рыцарской жизни было очень и очень много условныхъ приличій. Потомки миѳическихъ великановъ остаются такими грубіянами во всю жизнь; но за то они и не дѣлаются идеалами; дѣйствительный герой въ началѣ своей карьеры, когда его сила не нашла разумнаго исхода, можетъ безобразничать; но вотъ въ жизни его совершился крутой поворотъ: судьба указала ему цѣль, и герой перерождается: онъ не бьетъ направо и налево; напротивъ, онъ можетъ сдѣлаться очень кроткимъ къ тѣмъ людямъ, которые желаютъ ему добра; чѣмъ уродливѣе проявлялась эта сила прежде, тѣмъ сильнѣе поражаетъ контрастъ его настоящей гуманности и мягкости. Психологическая метаморфоза прекрасно разработана авторомъ Вольфдитриха А.

Въ рыцарскихъ романахъ и вообще въ искусственныхъ произведеніяхъ эта черта принимаетъ очень часто такого рода форму: будущей герой воспитывается вдали отъ свѣта; его первые шаги въ немъ, конечно, смѣшны. Въ романѣ *Blancardin et Orgueilleuse* ¹ отецъ героя, подобно матери Парцивала, удаляетъ отъ сына всѣми мѣрами всякую идею о рыцарско-военной жизни.

Насколько черта эта поздняя, видно изъ того, что идеально прекрасный герой Зигфридъ дѣлается такимъ же дурачкомъ, изгоняется изъ дому и попадаетъ къ кузнецу, у котораго портитъ всѣ инструменты, по неумѣнію обуздать свою страшную силу. Тѣмъ не менѣе черта эта встрѣчается и въ персидскомъ эпосѣ; Гуштазъ является служить кузнецу и такимъ же образомъ портитъ у него молотокъ и наковальню ². Герой Калевалы

¹ par Michelant. Paris. 1867. Нѣмецк. передѣлку въ отрывкахъ см. Germ. XIV, 69.

² Uhland. I, 191. Ср. Гриммовскую сказку подъ № 30.

Кулерво есть представитель того же типа въ траги-комическомъ видѣ.

Въ сказкахъ, вслѣдствіе ихъ сравнительной молодости, типъ этотъ встрѣчается чаще, нежели въ былинахъ; любопытно то обстоятельство, что сильнѣйшая цивилизація нѣмцевъ, сравнительно съ русскими, дѣлаетъ типъ этотъ въ нѣмецкихъ сказкахъ очень обыденнымъ; нашъ народъ грубая сила или вовсе не поражаетъ или не поражаетъ съ комической стороны. Воспитанники великановъ, полумедвѣди—все принадлежитъ сюда же; особенно любопытенъ типъ безстрашнаго юноши, который имѣетъ смѣшное желаніе во что бы то ни стало испытать страхъ и трепетъ¹.

Сватовство Ротера и Ортнита совершается самымъ стереотипнымъ для героическаго эпоса путемъ: они завоевываютъ себѣ невѣсты; отецъ Вольфдитриха открываетъ рядъ оригинальныхъ браковъ; онъ въ женскомъ платьѣ является къ Сальнеке, гдѣ въ башнѣ стерегутъ королевскую дочь, и заставляетъ ее отдаться ему. Выше была доказана невозможность литературнаго заимствованія; существуютъ сходныя эпическія явленія.— По разсказу Саксона грамматика Одинъ сходится съ Риндой, явившись къ ней въ видѣ женщины; Муйо пробирается въ женскомъ платьѣ въ жилище Фаты, въ рукѣ которой ему было прежде отказано и т. д.

Башня, въ которой сидитъ Гильдебурга, имѣетъ двойной смыслъ: бытовой и нравственный. Сестра братьевъ Сбродовичей сидитъ за семью замками: ни солнце ея не огрѣветъ, ни вѣтры не обвѣютъ²; такое назначеніе—сохранять красоту—башня имѣетъ и во множествѣ сказокъ; въ противоположность крестьянской дѣвушкѣ, подверженной всевозможнымъ переменамъ погоды, идеаль красавицы—царская дочь, защищенная онъ вѣтра и солнца и сидящая, сложа руки. Нравственный смыслъ всѣхъ сходныхъ эпическихъ преданій тотъ, что никакая бдительность, никакія насильственные средства не въ силахъ предохранить женщины отъ любви; башня есть эпическій пріемъ, внѣшнее выраженіе бдительности и физическихъ затрудненій. Это даетъ намъ возможность сблизить короля Вальгунта со множествомъ

¹ Grimm № 4 и др. Wolf стр. 328.

² Еир. II, 67 слѣд.

ревнивыхъ мужей въ средневѣковыхъ смѣхотворныхъ повѣстяхъ и пр.; переодѣванье Гугдитриха заключаетъ въ себѣ, какъ въ конспектѣ, всѣ хитрости влюбленныхъ, въ родѣ подземныхъ ходовъ и пр., и наша поэма разрабатываетъ такимъ образомъ одну и ту же тему съ крайне искусственнымъ провансальскимъ романомъ *Фламенкой* ¹, главное содержаніе котораго состоитъ въ томъ, что ревнивый Аршамбо запираетъ свою жену въ башню, но влюбленный Гильомъ то посредствомъ костюма монаха, то посредствомъ подземнаго хода всегда достигаетъ своей цѣли. Въ сказкахъ эпическій приѣмъ заключенія дѣвушки въ башню разнообразится до безконечности; запираютъ ее, чтобъ предохранить отъ исполненія проклятія добрые родители, ² запираютъ ее злые, чтобъ предохранить отъ любви и, конечно всегда напрасно: то солнце проникаетъ въ башню и дѣлаетъ беременной дѣвушку ³, то принцесса съѣдаетъ яблоко, и слѣдствія оказываются тѣже самыя ⁴; злая вѣдьма запираетъ съ той же предохранительной цѣлью красавицу Рапунцель ⁵, а принцъ проникаетъ въ башню, взбираясь по ея косѣ, и рождаетъ отъ нея двухъ близнецовъ и т. д. Башню по бытовому ея смыслу въ сицилійскихъ сказкахъ очень оригинально замѣняютъ семь покрывалъ на лицѣ ⁶. Хитрости влюбленныхъ, которымъ трудно проникнуть до предмета своей страсти, также разнообразны: простой человѣкъ, полюбившій королевскую дочь и не имѣющій доступа къ ней во дворецъ, проникаетъ туда въ искусно сдѣланномъ оленѣ ⁷ или въ видѣ птицы ⁸ и т. д. Результатомъ всегда бываетъ незаконный ребенокъ, а потомъ бракъ ⁹; герои сказокъ въ (противуположность дѣйствительности) всегда бы-

¹ Le roman de Flamenca, publie d'après le Ms. unique de Carcassone, traduit et accompagné d'un glossaire par Paul Mayer. Paris. 1865.

² Нанр. Sicil Märch. № 27.

³ ibid. № 28.

⁴ Schwed. Volkssagen стр. 19

⁵ Grimm № 12. Cp. Volksmärch. der Böhmen, bearbeitet v. W. A. Gerle 2 Bd. Prag. 1819. № VI,

⁶ См. №№ 13, 26 и др.

⁷ Wolf стр. 78.

⁸ ibid. 84.

⁹ Тоже встрѣчается и безъ башни; принцъ въ лапландской сказкѣ выписываетъ свою любовницу съ ребенкомъ. Germ. XV, 168.

вають вѣрны красавицамъ, которыя безъ брака отдали имъ свою любовь.

Переодѣванье есть одинъ изъ самыхъ распространенныхъ эпическихъ приемовъ; мы встрѣчались съ нимъ уже не разъ; Ортнить подъ видомъ купца является къ королю Мархорелю; посланные Гетеля съ той же цѣлью не только объявляютъ себя купцами, но даже раскладываютъ свои товары; жонглеръ, ворующій жену у Ротера, также переодѣвается купцемъ; Ротеръ переодѣвается пилигримомъ и т. д. Переодѣванье есть прежде всего самая употребительная военная хитрость, имѣющая также свое поэтическое основаніе; Илья Муромецъ подъ видомъ калики перехожаго является въ Кіевъ къ идолищу ¹, не только потому, что ему удобнѣе побѣдить неприготовленнаго врага, но и потому, что сцена битвы въ этомъ видѣ гораздо эффектиѣе. Потокъ вмѣсто жены, въ женскомъ платьѣ выѣзжаетъ къ сорока царевичамъ, осаждающимъ Кіевъ, съ тою же цѣлью эффекта ²; въ другихъ случаяхъ бываютъ и другія цѣли. Илья Заморянинъ, въ видѣ купца является подъ Азовъ ³, самъ Петръ употребляетъ эту хитрость ⁴. Герцогъ Эрнстъ, возвращаясь въ свое отечество, оставляетъ войско въ лѣсу, а самъ идетъ въ одеждѣ пилигрима въ городъ, гдѣ прежде всего видится съ своею матерью ⁵. Принцъ англійскій является въ видѣ жанглера, чтобы добыть себѣ невѣсту, французскую принцессу ⁶; Ришаръ, посланный осажденными перами за помощью, переходитъ мостъ, переодѣтый купцемъ; его товарищи скрыли оружіе подъ платьемъ ⁷; Гуго Капетъ, желая убѣдиться въ вѣрности своего конетабля, является къ нему переодѣтый пилигримомъ ⁸. Въ сказкахъ мотивы для переодѣванья еще разнообразнѣе: напр. отецъ переодѣвается купцемъ, чтобъ разрушить счастье своей замужней дочери ⁹, дѣвушка является въ мужскомъ костюмѣ къ своему жениху ¹⁰ и т. д.

¹ Рыбн. I, 86 и др.

² id. I, 221; II. 64.

³ Кир. VIII. 53.

⁴ ibld. 55.

⁵ Uhland. I, 481.

⁶ Hagens Gesammtabent. I, XVI.

⁷ Fierabras 141. Сличи сказаніе объ Олегѣ у Нестора.

⁸ Hugues Capet. 215 и слѣд.

⁹ Straparola v. Fr. Schmidt Berl. 1817; стр. 126.

¹⁰ Grimm № 67.

Съ переодѣваньемъ въ тѣсной связи стоитъ перемѣна имени; въ нашихъ поэмахъ мы встрѣчали ее не одинъ разъ. Ротеръ называетъ себя Дитрихомъ, Вольфдитрихъ—королемъ Пильгериномъ и т. д. Слуга Василья Окульевича проситъ: «наложитко ты мнѣ имячко другое: Ивашко Таракашко, гость заморскій ¹».

Инкогнито для героя почти всегда бываетъ удачно; онъ скрывается до тѣхъ поръ, пока самъ пожелаетъ открыться; инкогнито врага или открывается ² или онъ не достигаетъ своей цѣли ³.

Вольфдитрихъ въ 1ой редакціи добываетъ себѣ жену, освобождая ее отъ змѣя. Формула эта, даже по выдѣленіи всѣхъ другихъ сходныхъ, до того обща, что чуть ли не цѣлая треть серьезныхъ сказокъ разрабатываетъ ее; всѣ относящіяся сюда эпическія преданія можно раздѣлить на 2 группы: въ однихъ, какъ въ знаменитомъ греческомъ мифѣ о Персеѣ, дѣвушка обречена на жертву змѣю; или змѣй опустошаетъ ея землю, и рука красавицы обѣщана тому, кто исполнитъ задачу—убьетъ змѣя. Если красавица похищена змѣемъ, и герой освобождаетъ ее, наша формула приближается къ разобранной выше формулѣ освобожденія жены или невѣсты; если герой не зналъ до подвига красавицы, освобожденіе переходитъ въ формулу Вольфдитриха.

Въ русскихъ былинахъ эта формула, какъ принадлежащая почти исключительно сказкамъ, встрѣчается очень рѣдко, и нигдѣ не является въ чистомъ видѣ формулы Андромеды. Добрыня дерется съ змѣемъ и освобождаетъ свою любимую тетушку Марью Дивовну; тетушка, въ другихъ вариантахъ замѣняется королевичной, княженицей племянницей ⁴ и т. д.

Добрыня сближается съ Вольфдитрихомъ особенно потому, что онъ не только убиваетъ змѣя, но и «молодъ началъ ѣздить во чисто поле, топтать то *молодыхъ змѣенышей*». Змѣй грозитъ Добрынь взять его «въ хоботы»; змѣй Вольфдитриха исполняетъ

¹ Рыбн. II, 290. Ср. Кир. IV, 47, гдѣ Илья называетъ себя Никитой Заолѣшаниномъ.

² Карлъ Великій въ одеждѣ пилигрима проникаетъ въ замокъ своего смертельного врага Гайдона и попадаетъ въ его руки. Gaudon, 295 и слѣд.

³ См. 11-й авантюръ Кудруны.

⁴ Рыбн. I, стр. 120 и слѣд; II, 16 62; III, № 15. Кир. II, 27-й и др.

надъ нимъ эту угрозу. Подобно Вольфдитриху, Добрыня убиваетъ змѣя съ двухъ приемовъ; въ одномъ изъ вариантовъ битва съ змѣемъ соединена съ женитьбою; убить змѣя еще въ колыбели предназначенъ сынъ Горыныча; онъ говоритъ своей матери ¹;

«Не дамъ я тебя змѣю въ обиду:

«Когда я буду на возрастѣ,

«На возрастѣ, пятнадцати лѣтъ,

«Ужъ ты скуй мнѣ палицу боевую.

Извѣстна также формула въ знаменитомъ рыцарскомъ романѣ о «Тристанѣ и Изольдѣ», хотя въ изуродованномъ и искаженномъ видѣ; извѣстно она въ «роговомъ Зигфридѣ» и т. д. Въ другихъ рыцарскихъ романахъ, болѣе близкихъ въ дѣйствительности, змѣя замѣняетъ языческій король, осаждающій замокъ или городъ красавицы. Такъ Лоэнгринъ женится на освобожденной имъ дѣвушкѣ ²; Гамуретъ освобождаетъ Белагану ³ и т. д.

Мифическое значеніе дракона не входитъ въ нашу задачу; не признать его изслѣдователь не можетъ, хотя бы по одному тому, что и въ устныхъ и въ письменныхъ памятникахъ онъ и чортъ замѣняютъ одинъ другаго ⁴. Въ сказкахъ укажемъ только на отклоненіе. Битва съ дракономъ иногда стоитъ въ очень отдаленной связи съ освобожденіемъ дѣвушки ⁵; вмѣсто одной красавицы часто является 3; младшая, самая красивая, дѣлается невѣстой героя. Въ сказкахъ сравнительно чаще тѣ случаи, когда дѣвушка лично подвергается опасности, чаще тѣ случаи, когда другой недостойный человѣкъ, убившій или отстранившій героя дѣлается ея женихомъ; впрочемъ число исключеній очень велико ⁶.

Вольфдитрихъ, убивъ дракона, не непосредственно дѣлается

¹ Рыбн. I, 12.

² Goed. MA. 774.

³ *ibid.* 735.

⁴ Гриммъ № 29. Когда папою былъ Сильвестръ (Kaiserchr. Massm. 10527), передъ городомъ явился драконъ; Сильвестръ заключилъ его въ пещеру. По хроникѣ Репкау (*ibid.* III, 860) Сильвестръ „wante it were ên dûvel unde ên afgot.“

⁵ Sic. Märch. № 16.

⁶ Ehstn. Märch. № 18. Wolf 372. Schwed. Volkss. 61 и т. д.

женихомъ и мужемъ Либгарды: трусливый графъ, имя котораго измѣняется по редакціямъ, находитъ головы убитыхъ драконовъ и, представляя ихъ Либгардѣ, требуетъ, чтобы она вышла за него замужъ. Либгарда обязана сдѣлать это, во исполненіе своего слова. Въ самый моментъ свадьбы является Вольфдитрихъ и заявляетъ свои права; въ его рукахъ неопровержимое доказательство: языки, вырѣзанные имъ предварительно изъ змѣиныхъ головъ. Эта формула поразительно распространена въ сказкахъ всѣхъ народовъ; видоизмѣняется только способъ доказательства, да и то немного. Въ половинѣ случаевъ, языки играютъ ту же роль; въ другихъ являются другіе способа доказательства: обманщикъ не можетъ отвалить камень, подъ которымъ скрыты героемъ змѣиныя головы, или являются для доказательства животныя, помогавшія герою при его подвигѣ и т. д. Единственное основаніе, какое мы можемъ найти для этой формулы, психологическое: часто недостойные люди пользуются трудами другихъ; въ жизни они дѣлаютъ это безнаказанно; въ поэзіи правда должно восторжествовать.

Роль графа, присвоивающаго подвигъ Вольфдитриха, въ сказкахъ усиливается: онъ хитростію губитъ героя; такъ въ литовской сказкѣ замѣнившій его кучеръ закапываетъ героя живымъ въ землю ¹; 3 собаки откапываютъ своего господина; въ другой, изгнанный королевскій сынъ, съ помощію животныхъ, убиваетъ дракона, вырѣзаетъ ему языки и получаетъ въ подарокъ кольцо отъ освобожденной имъ принцессы; главный изъ слугъ убиваетъ его, чтобы воспользоваться подвигомъ ² Иванъ убиваетъ 3-хъ змѣевъ, водовозъ присвоиваетъ себѣ его подвигъ ³; въ другой сказкѣ вмѣсто водовоза является «какой то поддеггайко ⁴»; примѣтой для узнаванія истиннаго спасителя здѣсь служить маленькій рубецъ на щекѣ; въ третьей сказкѣ героя губитъ «баловня—дѣтина ⁵»; герой въ видѣ пѣвца является на свадьбу; въ Сахаровскомъ Акундиѣ, въ Голѣ Воянскомъ ⁶ разрабаты-

¹ Litauisch. Märch. v. Schleicher. Weimar. 1857 стр. 4 и слѣд.

² ibid. 59.

³ Ае. VII, № 39.

⁴ Ае. II, № 21.

⁵ ibid. № 27.

⁶ См. Примѣч. Ае. къ т. VII.

вается таже формула; въ норвежской сказкѣ встрѣчается любопытный вариантъ: ложный герой вырѣзаетъ языки, и на свадьбѣ истинный подвергается отъ него поруганью. Въ шведской сказкѣ ¹ герой чудовищнаго происхожденія тремя поединками освобождаетъ трехъ принцессъ; ученикъ портнаго присвоиваетъ себѣ его подвигъ; три золотыя нити, вплетенныя въ волосы героя, даютъ возможность узнать его впоследствии; въ другой сказкѣ ² вмѣсто портнаго дѣйствуетъ придворный, и вмѣсто нитей служить золотое кольцо.

Въ сицилійской сказкѣ ³ роль самозванца играетъ рабъ; невеста семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ ждетъ своего истиннаго освободителя. Въ Гримовской сказкѣ «о двухъ братьяхъ» ⁴ охотникъ съ помощью своихъ звѣрей убиваетъ дракона; *маршаль* присвоиваетъ себѣ его подвигъ. Выше было сказано, что настоящая невеста Вольфдитриха, не соединеннаго съ Орнитомъ, была вѣроятно дикая Эльза; рассказъ о ней затемненъ во всѣхъ редакціяхъ; сквозь фантастическія прикрасы и недомолвки поэтовъ можно видѣть, думаемъ мы, слѣдующую формулу: герою предназначено въ жены существо необыкновенное, до брака являющееся только въ чудовищномъ видѣ; герой, повинуясь указанію судьбы, не пугается этаго кажущагося безобразія и женится на ней; судьба награждаетъ послушнаго: безобразнѣйшая женщина превращается въ первую красавицу. Въ основѣ лежитъ психологическая тема: не слѣдуетъ довѣрять внѣшнему виду; какъ подъ красотой можетъ скрываться безобразіе, такъ и наоборотъ, подъ безобразіемъ можемъ скрывать красоту; поэтическое выраженіе этой темы облегчаетъ вѣра въ оборотней, въ валкирій, которыя съ лебедиными крылами носились по воздуху и т. д. Невѣста Михаила Потока Авдотья Лебедь Бѣлая ⁵ принадлежитъ къ такимъ валкиріямъ, Брингильда въ кульчугѣ напоминаетъ тоже; поморская невеста Святогора, покрытая гнойною корою ⁶, ближе всѣхъ ихъ къ дикой Эльзѣ;

¹ Schwedische Volkss. 77.

² *ibid.* 82. Вмѣсто Троля-драконъ 110.

³ № 40 стр. 44.

⁴ № 60.

⁵ Кир. IV, 153.

⁶ Рыбн. I, 40.

сюда же принадлежатъ всѣ феи позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ ¹, влюбляющіяся въ героевъ. Ганъ предполагаетъ, что прототипомъ ихъ можетъ служить Мелюзина, но въ своей формулѣ, онъ обращаетъ вниманіе только на заключеніе: за проступокъ мужа исчезаетъ его полубожественная жена или навсегда, или чтобъ быть найденной послѣ многихъ и многихъ затрудненій. Формула въ этомъ видѣ слишкомъ узка и нова; первый сюжетъ есть приобрѣтеніе такой божественной невѣсты; ея потеря, какъ распространеніе темы, можетъ быть и не быть. Въ сказкахъ эта формула, наиболѣе миѳическая, распространена больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Нѣтъ возможности не только перечислить сказки, относящіяся къ нашей темѣ, но даже формулы, виды, подъ которыми являются скрытая красота и достоинства. Надо замѣтить, что всѣ формулы раздѣляются на 2 крупныхъ отдѣла: мужскія и женскія т. е. или женихъ прекрасный, сильный и блестящій скрываетъ свои достоинства подъ формой сопливаго козла ², змѣя ³, осла, свиньи ⁴, лягушки или подъ сажей запечной, подъ пузыремъ, подъ дурацкимъ колпакомъ, покрывающими кажущаяся Ивана дурачка; или красавица, благородная рожденіемъ или характеромъ, скрываетъ свою красоту, царское происхожденіе, а иногда и блестящее платье подъ свинымъ чехломъ ⁵, шкурой змѣи ⁶, лягушки ⁷, подъ лохмотьями «Gänsehirtin» ⁸, подъ мѣховой безобразной одеждой ⁹ и наконецъ просто подъ сажей «Замарашки».

Въ современныхъ намъ сказкахъ нравственный мотивъ выступаетъ на первый планъ; по этому по большей части герой или героиня добровольно принимаютъ безобразящую форму; дѣвушка часто надѣваетъ свой чехоль для того, чтобы скрыть

¹ Haup. Partonopeus de Blois. Hist. litt. d. l. France т. XIX.

² Ае. VI, № 50.

³ id. VII, № 15.

⁴ Sicilian. Märch. №№ 42 и 43. Ср. Grimm № 144 „Das Eselein.“ См. примѣч. къ этому №.

⁵ Ае. VI, 28.

⁶ Pentamer. I. № 15.

⁷ Ае. II, № 23; VII, № 17 и др. Ср. Schwed. Volkss. № XV.

⁸ Grimm № 179.

⁹ ibid. № 65 „Allerleirauh.“ Ср. Wolf 210.

свою красоту, которая ставила ее въ затруднительное положеніе, возбуждая похотливыя желанія отца или окружающихъ. Если безобразящая форма принята добровольно, добровольно во всякую минуту герой или героиня могутъ сбросить ее, чтобъ явиться на время, или послѣ испытанія навсегда, въ своемъ первоначальномъ видѣ; такія внезапныя превращенія, переходы изъ одной крайности въ другую поражаютъ воображеніе. Но часто форма принята недобровольно; царевичъ или царевна вслѣдствіе заклятія обращены въ звѣря; «дикая Эльза» позднѣйшей редакціи обращена въ этотъ видъ заклятіемъ; любовь лучшаго героя на свѣтѣ можетъ спасти ее; въ русской сказкѣ царевичъ обращенъ въ безобразнаго змѣя, и поцѣлуй красавицы, которая не испугается его безобразія, возвратитъ ему его прежній видъ; любовь можетъ освободить змѣя, стерегущаго Кримгильду въ роговомъ Зигфридѣ. Ясно, что народъ безсознательно во всѣхъ подобныхъ сказаніяхъ выражаетъ глубокую вѣру въ чудотворную силу любви, которая только одна можетъ сдѣлать черное бѣлымъ.

Болѣе миѣическаго въ той отдаленнѣйшей формулѣ, гдѣ вѣщая невѣста или женихъ по своей волѣ принимаютъ звѣринныя иногда отнюдь не безобразныя формы, такъ, сказать для собственнаго удобства; такова въ нашихъ сказкахъ Василиса Премудрая, таковъ Финистъ, ясенъ соколъ; въ этомъ случаѣ полумиѣическій женихъ или невѣста подвергаются несчастію вслѣдствіе неумышленнаго оскорбленія принятой формы, и формула приближается такимъ образомъ къ предыдущимъ.

Всего древнѣе, всего миѣичнѣе бракъ простаго человѣка съ полубогомъ или полубогиней: бракъ Психеи съ Амуромъ, бракъ съ лѣсной жеищиной, бракъ съ морской женщиной¹ и т. д.; здѣсь нѣтъ нравственнаго мотива. Дикая Эльза первоначально имѣла, вѣроятно, такое же значеніе.

Невѣста Вольфдитриха также, какъ и самъ герой, получаетъ красоту свою, искупавшись въ чудесномъ источникѣ; молодящій источникъ (juncbrunne) встрѣчается не во всѣхъ сказкахъ; онъ замѣняется яблоками, молокомъ, масломъ и т. д. Онъ сходится

¹ Ehstn. Märch. № 16.

съ живою водою ¹, которая съ своей стороны замѣняется змѣи-
ной травой; въ какой связи стоитъ эта чудотворная вода съ
облакомъ, это до насъ не касается.

Эпизодъ о томъ, какъ Вольфдитрихъ на пути попадаетъ къ
язычнику великану, отцу красавицы, представляетъ пересказъ
темы, до сихъ поръ намъ не встрѣчавшейся: опаснаго ночлега.
Тема въ данномъ случаѣ является въ весьма полномъ видѣ:
герой подвергается двойной опасности, отъ силы хозяина и
отъ красоты хозяйки. Тема имѣетъ бытовое и нравственное
основаніе: если уединенные замки и дома и спасали жизнь пу-
тешественнику, осужденному на долгое странствованіе
по землямъ, рѣдко населеннымъ, то съ другой стороны тамъ за-
частую и погибалъ человѣкъ, который въ открытомъ полѣ не
боялся враговъ. Красота, губительная для тѣла или души того,
кто польстится на нее, есть нравственная тема многихъ и
многихъ сказаній. При полнотѣ обработки, тема въ нашей по-
эмѣ не отличается ясностію и простотою; запутанность ея и
происходитъ отчасти отъ полноты: въ особенности сбивчиво по-
ложеніе дочери; она въ началѣ играетъ совсѣмъ иную роль,
чѣмъ та, которую ей приходится играть въ концѣ; она не только
не изъявляетъ намѣренія погубить Вольфдитриха, а напротивъ,
употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ спасти его, и черезъ то стано-
вится въ рядъ тѣхъ дочерей, которыя соединяются съ жени-
хами противъ отцевъ. Безъ этой путаницы 2-хъ формулъ, дочь
должна бы сразу съ помощію красоты, колдовства и коварства
попытаться погубить героя. Въ такомъ чистомъ видѣ ей въ
русскомъ эпосѣ будетъ прежде всего соотвѣствовать русская
Цирдеа «прекрасная королевична», къ которой попадаетъ на
пути своемъ Илья Муромецъ ²; ея эпитетъ иногда дѣлается
собственнымъ именемъ, и она называется «Прекрасна короле-
вична»; иногда она называется просто дѣвицей; Илья съ помо-
щію хитрости и силы также счастливо выходитъ изъ опасности.
Одинъ съ ней типъ представляетъ Марина ³, чародѣйка и ерет-

¹ См. *Sptraparola v. dr. Fr. Schmidt. Berl. 1817 г. № 1.* См. примѣч. стр.
276 и слѣд. У Альбрехта *v. Kemenaten* встрѣчается источникъ, „do was
an seyte kalde.“

² См. Рыбн. I, 64, II, 320; IV, 19; Кир. I, 88 и др.

³ Рыбн. I, № 28; II, № 4. Кир. I, 44 и др.

ница, подобно красавицѣ нѣмецкой. Даже внѣшній видъ дома Марины тотъ-же, что и дома въ Фалькенлизе:

Загороженъ дворъ все желѣзнымъ тыномъ;
На всякой тыниночкѣ по маковкѣ,
По той-ли молодецкой по головукѣ.

Добрыня не такъ счастливъ, какъ Илья и Вольфдитрихъ: онъ много лѣтъ пробѣгалъ гнѣдымъ туромъ «золотыя рога». Въ былинѣ о немъ есть новый противъ Вольфдитриха элементъ: у Марины есть «милъ — сердечный другъ», за оскорбленіе котораго мститъ Марина; впрочемъ этому другу отчасти противорѣчить являющееся довольно часто у Марины желаніе сдѣлаться женою Добрыни.

Любопытно, что въ то время, какъ русскій эпосъ разработалъ преимущественно женскую формулу нашей темы, западный, болѣе искусственный и рыцарственный, обратилъ главное вниманіе на мужскую; красавица дочь помогаетъ герою; вотъ чѣмъ объясняется и эта запутанность въ Вольфдитрихѣ; будучи по основѣ народнымъ и древнимъ поэтическимъ фактомъ, по формѣ онъ сдѣлался рыцарственно искусственнымъ произведеніемъ; изъ нѣмецкихъ сказаній ближе всѣхъ къ нашей формулѣ, сколько мнѣ извѣстно, эпизодъ о Титлейфѣ и старомъ Зигурдѣ; дочь Зигурда вынимаетъ у отца изъ кармана камень, дающій побѣду, и, являясь ночью къ Титлейфу, ложится къ нему на постель.

Къ тому же типу дочери язычника подходитъ Флорипасъ въ Фьерабрасѣ¹; хотя безусловно преданная христіанскимъ героямъ, она также волшебница и умѣетъ заговаривать огонь. Невѣста Вильгельма Оранскаго, Орабль волшебными хитростями противится своему жениху язычнику². Дочь злодѣя хозяина иногда замѣняетъ жена; жена измѣнника Герто³ принимаетъ сторону героя; мужъ бьетъ ее по лицу съ такой силой, что она обливается кровью.

Любовь служитъ губительной приманкой и въ сказкахъ⁴. Въ нашей формулѣ прибавлено нѣсколько общее распространен-

¹ 115 и слѣд.

² Joncbloet. II. 19.

³ Gaydon стр. 129.

⁴ Grimm № 122.

ныхъ эпическихъ приемовъ: таковъ обнаженный мечъ, какъ средство противустоять искушеніямъ плоти; любопытенъ приемъ Вольфдитриха, притворно высказывающаго неумѣнье сражаться; такимъ же простякомъ прикидывается Вате у дикаго Гагена въ Кудрунѣ и Доонѣ Майнцскій ¹. Желаніемъ играть для большаго эффекта такую роль можно объяснить (и не только въ этомъ случаѣ) стараніе скрыть свое имя.

Изъ 3-хъ героевъ нашихъ поэмъ двое, Ротеръ и Вольфдитрихъ, кончаютъ свою жизнь въ монастырѣ; эпизодъ о монастырской жизни Ротера, очевидно, приставленный позднѣе, остался въ недоразвитомъ видѣ; Вольфдитрихъ, особенно въ позднѣйшей редакціи, въ монастырѣ какъ бы начинаетъ новую жизнь и новый рядъ подвиговъ. Здѣсь надо различать 2 момента: герой подъ старость идетъ въ монастырь, и герой изъ монастыря выходитъ на время для совершенія подвига. Основа 1-го момента исключительно бытовая; нѣтъ надобности приискивать историческія доказательства для этого; гдѣ могъ приличнѣй и полезнѣй для души закончить свою жизнь старый боецъ, которого пощадила судьба въ тысячѣ битвъ, когда пришло время уступить свое мѣсто молодому поколѣнію и удалиться на покой? Нетолько простые бойцы, но и короли искали тамъ убѣжища; вестготскій король Вамба и лонгобардскій Ратхисъ удаляются въ монастырь ². Тотъ принципъ, что «съ молоду было много бито граблено; надо подъ старость душу спасти» одинаково тяготѣлъ и надъ востокомъ и западомъ. Но у насъ сравнительно рѣже лица духовнаго сословія принимались за оружіе свѣтское; еще св. Θεодосій упрекаетъ латинское духовенство за склонность къ мечу; въ исторіи запада нѣтъ недостатка въ воинственныхъ епископахъ и монахахъ; аквитанскій герцогъ Гунольдъ въ VIII в., послѣ 25 лѣтней монастырской жизни снова взялъ въ руки мечъ ³; по хроникѣ Новалезской ⁴ Вальтеръ въ

¹ Doon de Maience p. 281.

Do, savés vous luitier, ne me chelés ja.

Sire, se Dex m'ait qui le monde fourma,

Onques jour ne l'apris n'on ne le monstra.

² Uhland, I. 280.

³ Masc. II, 312, изъ Uhl. I, 279.

⁴ Muratori Script. rer. it. II, III ibid.

старости, будучи монахомъ, защищалъ свой монастырь противъ враговъ. Такое крупное бытовое явленіе должно было отразиться въ эпосѣ, тѣмъ болѣе что противоположность между посохомъ и мечемъ, рясой и кольчугой возбуждала воображеніе, давая, по временамъ пищу и юмору. Надо принять въ расчетъ и то обстоятельство, что эпосъ не могъ рѣшиться убить своихъ любимыхъ героевъ рукою человѣческой; какъ Ильѣ «смерть на бою не писана», такъ и Марко долженъ умереть «ја од Бога, од старогъ крвника»¹.

Ближе всѣхъ къ типу монаха воина въ русскомъ эпосѣ, конечно, Данило Игнатьевичъ; онъ имѣетъ специальное сходство съ Вольфдитрихомъ, оставляя защитникомъ Кіеву своего 12 лѣтняго сына²; онъ для помощи сыну покидаетъ на время монастырскія стѣны и потомъ снова возвращается въ нихъ³. О монастырѣ Ильи свидѣлствуетъ его гробъ. Любопытно, что даже Соловей по прозаическому пересказу⁴ пошелъ въ монастырь, но не *строителемъ* былъ онъ тамъ, а *разрушителемъ*⁵.

Съ Соловья нечего другаго и спрашивать; но и западные бароны не всегда могли переродиться, входя въ стѣны монастырскія; они приносили съ собой свои привычки, и съ хорошей, и съ дурной стороны чуждыя жизни монаховъ; коализія представляла обильный матеріалъ для юмористическихъ картинъ и сравненій. Монахъ Ильзанъ связываетъ монаховъ за бороды, колотитъ ихъ чуть не до смерти и т. д. Въ Альфартѣ тотъ же Ильзанъ съ 1100 монаховъ дерется противъ Эрманриха; «они поютъ злые каноны», говоритъ про нихъ императоръ. Геймиръ въ Вилькинасагѣ⁶ раскаялся въ своихъ грѣхахъ и рѣшился идти въ монастырь; онъ не сказалъ своего настоящаго имени. Сосѣдъ монастыря, великанъ Аспиліанъ⁷ захватилъ

¹ Вукъ II, 440.

² Кир, III, 43 и др.

³ *ibid.* 41

⁴ Рыбн. I, 54, въ былинѣ *ibid.* II. 344 онъ высказываетъ только намѣренія.

⁵ Любопытно отразилась тема въ чудной сказкѣ „о мужикѣ воинѣ.“ Рыбн. IV, 203.

⁶ Главы 429 и слѣдд. По гл. 18 и слѣдд. онъ—сынъ Студы, стоитъ въ связи съ воспитателемъ Брингильды, соотвѣтствуетъ Гейме нѣмецкихъ сказаній, который дѣйствуетъ въ Альфартѣ, какъ вассаль Эрманриха, но вспоминаетъ о своихъ отношеніяхъ къ Дитриху.

⁷ Стереотипное имя!

дворъ у монаховъ и несоглашается его отдать иначе, какъ въ томъ случаѣ, если кто нибудь побѣдитъ его въ единоборствѣ. Геймиръ предлагаетъ свои услуги; узнавъ, что оружіе его испорчено и что его кобыла, употреблявшаяся въ послѣднее время для перевозки камней, околѣла, онъ кинулся на аббата и чуть не убилъ его; укротившись, онъ пробуетъ себѣ коня; ни одинъ не выдерживаетъ его пробы; наконецъ онъ отыскалъ свою старую лошадь и побѣдилъ Аспиліана. Геймиръ не остался въ монастырѣ: его увезъ съ собою Тидрекъ (сар. 434); когда монахи впоследствии отказали ему въ деньгахъ, онъ перебилъ ихъ и сжегъ монастырь.

Съ неподражаемымъ искусствомъ тотъ же типъ обработанъ въ цѣлой *chanson de geste* о монашествѣ Вильгельма ¹. Любопытно сличить житіе Вильгельма съ этой поэмой; въ 1-мъ онъ является терпѣливымъ и благочестивымъ; во второй комизмъ доведенъ до высшей степени; въ противоположность житію онъ является гордымъ и надменнымъ, обжорливымъ и буйнымъ во хмѣлю; въ исторіи съ разбойниками герой переходитъ почти въ эйленшпигелевскій типъ; во второй части поэмы его вызываетъ король Людвигъ для защиты противъ Сарациновъ, и онъ въ единоборствѣ убиваетъ Изоре; возвращаясь въ монастырь, съ помощью той же физической силы онъ ведетъ борьбу съ злымъ духомъ и отражаетъ его нападенія, подобно Вольфдитриху, который сражается съ душами.

И другіе герои французскаго эпоса при всемъ своемъ презрѣніи къ монахамъ, удаляются въ пустыню, въ монастырь или предпринимаютъ трудъ для Бога. Доонъ «въ одномъ лѣсу устроилъ себѣ пустынно жительство, и тамъ сдѣлался отшельникомъ на всю свою жизнь; а по смерти душа его пошла въ царство небесное ²»; Могисъ идетъ въ пустыню, Рено—таскать камни въ Кельнъ и т. д. Иногда подробно изъясняется причина удаленія отъ міра: такъ Гайдонъ былъ до того огорченъ смертью жены, что не могъ утѣшиться и пошелъ въ пустыню; жены вообще играютъ при этомъ роль; въ упомянутомъ разсказѣ о

¹ Joncbloet II, 126 и слѣд. *Moniage de Guillaume*.

² En 1. bois se bouta en une hermiterie,

Jleuques fu hermite tous les jors de sa vie.

Après son temps fu s'ame en paradis ravie.

2-хъ Дитрихахъ, некрасивый Дитрихъ, подобно Ротеру, отправляется въ монастырь по уговору жены. Юмористическое сопоставленіе оружія духовнаго съ свѣтскимъ встрѣчается и въ другихъ случаяхъ: архіепископъ Турпинъ не разъ острить надъ своимъ саномъ; «я прочту имъ, говоритъ онъ про Сарацинъ, печальный псаломъ; не всякій же день читать¹». Подобныя остро- ты являются въ Нибелунгахъ (1943) при сопоставленіи Фоль- керовъ искусства музыки съ его разрушительными подвигами.

Въ монастыряхъ поэтъ и его слушатели видѣли или подозрѣ- вали несправедливости; тамъ бѣдные обдѣлялись въ пользу бо- гатыхъ даже за трапезой; это возмущаетъ поэта, также какъ возмущало Грознаго, и онъ заставляетъ своего героя восстано- влять поправленную справедливость силою; для поэта черта эта слишкомъ возмутительна; онъ приписываетъ ее измѣнникамъ. Такъ Ганелонъ въ Гюи Бургонскомъ² требуетъ, чтобы свѣст- ные припасы были раздѣлены только между принцами, герцогами и графами. Наимъ, также идеальный герой, требуетъ равенства и справедливости.

Мы прослѣдили судьбу нашихъ героевъ отъ рожденія до смерти, но только въ главныхъ чертахъ; много пунктовъ, особенно эпиче- скихъ приѣмовъ, мы оставили безъ сличеній и объясненій, такъ какъ по поводу 4-хъ малоизвѣстныхъ поэмъ сказаннаго счи- таемъ достаточнымъ. Рѣшивъ не выходить за предѣлы, указан- ные намъ этими поэмами, мы не можемъ представить полной таблицы видоизмѣненій темъ.

¹ Je leur iroi ja lire moul doulereus sautier,

Tus jor ne peut on pas lire ne versiller.

Gautrey 196,

² стр. 34.

и

14 Bg.

Цена 2 руб.

Государств.	Центральная	Бюро
	БЮРО	
	МЕЖДУНАРОДНОГО	
	К. ИГОБМЕНА.	
ПАЛАТА.		Бюро

Kirpičnikov, Aleksandr Ivanovič,

Poëmy lombardskago cikla

Moskva 1873

40.4052

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10931325-4